

П. В.Турчин, С. А. Нефедов

ВЕКОВЫЕ ЦИКЛЫ

Перевод с английского С. А. Нефедова

**Оригинальное издание:
Oxford and Princeton: Princeton University Press, 2009.**

Оглавление

Глава 1. Введение: теоретические истоки	4
1.1. Развитие представлений о демографических циклах	4
1.2. Синтетическая теория вековых циклов	9
1.3. Возможные вариации	26
1.4. Эмпирические подходы	35
Глава 2. Средневековая Англия: Цикл Плантагенетов (1150-1485 гг.)	42
2.1. Обзор цикла	42
2.2. Фаза расширения (1160-1260 гг.)	55
2.3. Фаза стагфляции (1260-1315 гг.)	56
2.4. Фаза кризиса (1315-1400 гг.)	66
2.5. Фаза депрессии (1400-1485 гг.)	77
2.6. Заключение	85
Глава 3. Англия раннего Нового времени: цикл Тюдоров-Стюартов (1485-1730 гг.)	88
3.1. Обзор цикла	88
3.2. Фаза расширения: 1485-1580 гг.	95
3.3. Стагфляция: 1580-1640 гг.	98
3.4. Кризис: 1640-1660 гг.	106
3.5. Депрессия: 1660-1730 гг.	109
3.6. Заключение	115
Приложение к главе 3: удаление тренда из данных о численности населения	117
Глава 4. Средневековая Франция: цикл Капетингов (1150-1450 гг.)	119
4.1. Краткий обзор цикла	119
4.2. Фаза расширения: 1150-1250 гг.	123
4.3. Фаза стагфляции: 1250-1315 гг.	125
4.4. Фаза кризиса: 1315-1365 гг.	130
4.5. Депрессия: 1365 – 1450 гг.	137
4.6. Заключение: «Почти идеальный многовековой цикл»	149
Глава 5. Франция в начале Нового времени: цикл Валуа (1450-1660 гг.)	151
5.1. Краткий обзор цикла	151
5.2. Фаза расширения: 1450-1520 гг.	155
5.3. Фаза стагфляции: 1520-1570 гг.	157
5.4. Кризис: 1570-1600 гг.	162
5.5. Фаза депрессии: 1600-1660 гг.	165
5.6. Заключение	169

Глава 6. Рим: Республиканский цикл (350-30 до н.э.)	171
6.1. Обзор цикла	171
6.2. Необычайно долгая фаза расширения (350-180 гг. до н.э.)	182
6.3. Стагфляция (180-130 гг. до н.э.)	184
6.4. Кризис поздней республики (130-30 до н.э.)	196
6.5. Конец дезинтегративной тенденции	200
6.6. Заключение	203
Глава 7. Рим: цикл принципата (30 г. до н.э. - 285 н.э.)	206
7.1. Краткий обзор цикла	206
7.2. Фаза расширения (27 г. до н.э. – 96 н.э.)	220
7.3. Стагфляция (96-165 н.э.)	224
7.4. Кризис (165 -197 гг.)	229
7.5. Депрессия (197-285 н.э.)	232
7.6. Заключение	233
Глава 8. Россия: Московский цикл (1460-1620 гг.)	235
8.1. Кризис XV века	235
8.2. Фаза расширения (1460-1530 гг.)	236
8.3. Стагфляция (1530-1565 гг.)	238
8.4. Кризис (1565-1615 гг.)	245
8.5. Заключение	252
Глава 9. Россия: цикл Романовых (1620-1922 гг.)	254
9.1. Фаза расширения (1620-1800 гг)	254
9.2. Период стагфляции (1800-1905 гг.)	267
9.3. Фаза кризиса (1905-1922 гг.)	279
Глава 10. Общие выводы	297
10.1. Численность населения	297
10.2. Динамика элиты	299
10.3. Динамика государства	300
10.4. Социополитическая нестабильность	301
10.5. Существуют ли общие закономерности исторической динамики?	306
Литература	310

Глава 1. Введение: теоретические истоки

1.1. Развитие представлений о демографических циклах

Современная демографическая наука начинается с опубликования в 1798 г. Томасом Мальтусом «Опыта о законе народонаселения». Мальтус указал на то обстоятельство, что если население увеличивается сверх средств существования, то это вызывает рост цен на продовольствие, снижение реальной заработной платы и уменьшение душевого потребления – особенно среди бедняков. Экономические бедствия, часто сопровождаемые голодом, чумой и войнами, приводят к уменьшению рождаемости и увеличению смертности, к замедлению роста населения (или даже к его уменьшению), что позволяет средствам существования «догнать» население. После этого ограничения на воспроизводство ослабевают, и возобновившийся рост населения приводит в конечном счете к следующему продовольственному кризису. Таким образом, конфликт между естественным ростом населения и ограничениями, налагаемыми наличием пищи, приводит к колебаниям численности населения. Идеи Мальтуса были в дальнейшем развиты Давидом Рикардо в его теории ренты и убывающей заработной платы (Ricardo 1817).

Согласно мальтузианской аргументации колебания численности населения должны сопровождаться колебаниями некоторых экономических переменных, в особенности, цен на продовольствие. К счастью, исторические источники изобилуют данными о ценах, и имеется возможность построить временные ряды, документально подтверждающие наличие долговременных ценовых колебаний. Компиляции ценовых тенденций появились уже в XVI в. Например, Риджерио Романо (Ruggiero Romano 1967) сообщает, что временной ряд цен на зерно в 1500-1593 гг. имелся в приложении к трактату Джакопо Стайнеро «La Patria del Friuli Restaurata», изданном в 1595 г. в Венеции. Данные о ценах в Англии в период Средневековья и раннего Нового времени были опубликованы Торольдом Роджерсом (Rogers 1862). К 1930-м гг. накопление эмпирического материала сделало вполне очевидным, что европейские цены прошли через несколько медленных колебаний между 1200 и 1900 гг. (Simiand 1932, Griziotti-Kretschmann 1935, Abel 1980).

Самый важный вклад был сделан работой Вильгельма Абеля «Agrarkrisen und Agrarkonjunktur», первое немецкое издание которой появилось в

1935 г. Абель собрал многочисленные данные о ценах, заработной плате, арендных платах и демографической динамике в Западной и Центральной Европе в XIII-XX вв., и эмпирическая важность его работы останется высокой по сей день. Самым замечательным достижением Абеля было выявление волнообразного движения цен на зерно (которые были выражены в граммах серебра). Имели место три волны или «вековые тенденции» (Abel 1980:1):

1. Восходящее движение цен в XIII-начале XIV в., сменившееся снижением в позднем средневековье.

2. Второе повышение цен, в XVI в., сменившееся снижением или равновесием (в зависимости от страны) в течение XVII в.

3. Третье повышение цен в течение XVIII в., сменившееся нерегулярными колебаниями в течение XIX в. и, в конечном счете, падением цен до минимума в начале XX в.

XX в. стал свидетелем следующего (четвертого за тысячелетие) периода ценовой инфляции (Fischer 1996).

На основе этих наблюдений Абель доказал, что долгосрочные тенденции в зерновых ценах не могли объясняться колебаниями денежного обращения. Напротив, население возрастало или убывало, в общем, в том же направлении, что и продовольственные цены, и в обратном направлении по отношению к заработной плате (Abel 1980:292-293). Абель заключил, что мальтузианско-рикардианская теория обеспечивала лучшее объяснение наблюдаемых данных, нежели валютная теория. Кроме того, мальтузианско-рикардианская теория предсказывала, что рост населения приведет к определенным последствиям. Сначала должны были повышаться арендные платы, затем, с некоторым отставанием – цены на зерно, потом – также с отставанием – цены на промышленные товары; заработная плата рабочих при этом оставалась позади. Свидетельства исторических источников показали, что это было точно то, что происходило в действительности – пока вся система не подверглась решительным переменам в XIX столетии.

Выводы Абеля получили поддержку в работах других историков, причем самый значительный вклад в их дальнейшее развитие был сделан Майклом Поганом в Англии и Эммануэлем Ле Руа Ладури во Франции. В докладе, сделанном в 1950 г., Поган опровергал валютное объяснение долгосрочных ценовых движений в период средневековья, и доказывал приоритет демографического фактора (Hilton 1985). Ле Руа Ладури был еще более последовательным мальтузианцем. В работе «Крестьяне Лангедока», изданной на французском языке в 1966 г., он утверждал, что южная Франция прошла большой аграрный цикл, длившийся от конца XV до начала XVIII в. (Le Roy Ladurie 1974:289). Хотя Ле Руа Ладури не игнорировал полностью социальные и политические аспекты, его объяснение причин, лежащих в основе цикла, было твердо мальтузианским. В 1973 г. он утверждал, что «мы должны искать движущую силу истории не в классо-

вой борьбе, а в экономике, в социальных отношениях и, еще более существенно, в биологических фактах» (цит. по: Hilton 1985:4).

Столь радикальная мальтузианская позиция не могла не вызвать реакцию ученых, работавших в рамках марксистской традиции. Хотя некоторые марксистские историки сомневались в самом факте значительного и длительного демографического снижения в 1350-1450 гг. (Kosminsky 1956), другие признали этот факт, но предпочли объяснить его как «кризис феодализма». В книге, изданной в 1946 г., Морис Добб утверждал, что причиной кризиса была неэффективность феодализма как системы производства в сочетании с возрастающими потребностями правящего класса (Dobb 1963:42-47). «Феодальная жажда к увеличению доходов» была результатом двух процессов: роста численности паразитического класса феодалов и увеличивающейся расточительности «благородных». Эти две тенденции, работавшие синергетически, привели к увеличению феодального давления на крестьянство, к гибели курицы, которая несла золотые яйца. Теория Добба вызвала широкую дискуссию (Sweezy et al. 1976). Интересным вкладом в теорию был вывод Пола Суизи о том, что растущая расточительность феодального правящего класса была результатом быстрого расширения торговли с XI в., которое принесло постоянно увеличивавшееся разнообразие товаров (Sweezy et al. 1976:38-39). Таким образом, Суизи видел первопричину кризиса XIV в. во внешнем воздействии торговли на феодальные структуры (Sweezy et al. 1976:106).

Критический анализ Роберта Бреннера теорий Поста и Ле Руа Ладурри может рассматриваться как продолжение дебатов Добба и Суизи (см.: Aston and Philpin 1985, Hilton 1985). Бреннер не отрицал, что у мальтузианской модели была определенная неотразимая логика (Brenner 1985a:14). Однако, по мнению Бреннера, мальтузианская попытка объяснить долговременные тенденции в экономическом росте и распределении доходов была изначально обречена, так как она игнорировала социальную структуру, – и, что более важно, отношения извлечения прибавочного продукта между правящим классом и прямыми производителями (Brenner 1985a:10-11).

Одно из критических замечаний Бреннера касалось того обстоятельства, что различные европейские общества, начиная свое развитие после Черной Смерти в сходных демографических и экономических условиях, впоследствии двигались по расходящимся траекториям. Например, крепостничество полностью исчезло в Англии и Франции, но возродилось в Центральной Европе, в Польше и Пруссии. Таким образом, различия в структуре собственности (системе землевладения) и в балансе сил (социальной солидарности и организации правящего класса) могли определить различные пути общественного развития после демографической катастрофы.

Второй, и еще более разрушительный, аргумент Бреннера против мальтузианской модели – это продолжительная стагнация большинства

традиционных европейских экономических систем в позднесредневековый период (Brenner 1985a:18). Например, Черная Смерть унесла приблизительно одну треть английского населения в середине XIV в., а к концу столетия население уменьшилось до половины от максимума 1300 г. Согласно мальтузианской логике, столь резкое уменьшение численности населения должно было привести к более высокой аграрной производительности, к низким ценам на продовольствие, к высокой реальной заработной плате и к возобновлению энергичного прироста населения. Действительно, динамика цен и заработной платы в значительной степени соответствовали мальтузианским предсказаниям. И все же население стагнировало больше столетия, а рост возобновился только в конце XV в. Бреннер утверждал, что такие эпизоды долгосрочной стагнации могли быть поняты лишь как результат установившихся классовых отношений (Brenner 1985a:18). Уменьшение численности прямых производителей уменьшало доход лордов. Чтобы поддержать свой доход, лорды пытались извлечь большую ренту с каждого крестьянина, а так же старались лишиться собственности друг друга (через бандитизм и внутреннюю войну). Результатом было разрушение производства, приводящее к дальнейшему демографическому упадку, а не возвращению к равновесию, как предсказывает мальтузианская модель (Brenner 1985b:224).

Отвечая на критику Бреннера, Постан и Ле Руа Ладуре оказались не в состоянии объяснить длительную фазу депрессии после Черной Смерти в рамках мальтузианской теории. Постан и Хэтчер признали эту проблему: «Действительно, причина, почему восстановление было столь запоздалым и медленным, все еще является одной из не полностью разрешенных трудностей, свойственной гипотезе объяснения средневековья, с которой Бреннер не соглашается» (Postan and Hatcher 1985:69). С другой стороны, крайняя версия марксистского тезиса (возможно, представленная в самой чистой форме у Суизи), придавая классовым отношениям детерминирующую роль в экономическом развитии средневековой Европы, также была не в состоянии объяснить эмпирические факты. Например, теория, основанная лишь на классовой борьбе, была неспособна объяснить вековые циклы в движении населения, цен и заработной платы – и не могла объяснить, почему степень эксплуатации крестьян также циклически колебалась.

В конечном счете, критика Бреннера и некоторых других специалистов, в особенности, Ги Буа (Guy Bois, 1984), сыграла конструктивную роль, показывая, что мальтузианская модель пренебрегает важной объяснительной переменной. Нам нужна синтетическая теория, которая охватывает как демографический механизм (с его экономическими последствиями), так и отношения власти (механизмы извлечения ренты). Заметим, что в динамической структурированной системе не имеет смысла говорить о каком-то факторе, как о первичном. Два параметра взаимодействуют ди-

намически и влияют друг на друга, находясь под воздействием друг друга. Мы продолжим обсуждение этой идеи в следующей секции.

Любопытно, что обе стороны в ходе дискуссии почти полностью игнорировали роль государства. Это упущение понятно. Марксисты имеют тенденцию рассматривать государство всего лишь как механизм для реализации интересов правящего класса, в то время как центр внимания мальтузианцев был сосредоточен на экономических параметрах. Однако среди исторических социологов существует значительное движение, имеющее целью «возвратить государство» в социологию (Skocpol 1979). Государства не просто создаются и управляются правящими классами; они – субъекты исторического процесса, обладающие собственными правами, и они могут конкурировать с элитой в присвоении экономических ресурсов.

Историки признавали, что в европейской истории имели место повторяющиеся волны политических кризисов и государственного распада («брейкдауна»): «бедственное» XIV столетие (Tuchman 1978), «железный век» 1550-1660 гг. (Kamen 1971) и «эпоха революций» 1789-1849 гг. (Hobsbawm 1962). Каждому из этих брейкдаунов предшествовал период длительного и значительного прироста населения. В новаторской книге Джека Голдстоуна (Goldstone 1991) утверждается, что существует причинная связь между приростом населения и брейкдауном. Основы этой теории уже содержались в работе Мальтуса. Голдстоун, однако, не утверждает, что прирост населения – прямая причина брейкдауна (в действительности, он тщательно дистанцируется от строгой мальтузианской доктрины). Он полагает, что рост населения вызывает социальный кризис *косвенно*, воздействуя на социальные учреждения, которые обеспечивают социополитическую стабильность. Поэтому Голдстоун рассматривает свою теорию как демографически-структурную: *демографическую*, потому что основная движущая сила – рост населения; *структурную*, потому что брейкдаун вызывается демографическим ростом не непосредственно, но через его воздействие на экономические, политические, и социальные структуры (Goldstone 1991: xxvi). Мы обсудим эту теорию более подробно в следующей секции, но необходимо отметить, что отзывы исторических социологов на работу Голдстоуна были в высшей степени благоприятными (см., например: Collins 1993; Wickham-Crowley 1997; Li 2002).

В итоге, специалистам из различных областей – от демографов до экономических и социальных историков – становится все более ясным, что европейские общества в течение II тысячелетия развивались в ритме повторяющихся долгосрочных колебаний (Braudel 1988; Cameron 1989; Fischer 1996). Кроме того, необходимо признать, что концепция колебаний в экономической, социальной и политической динамике не является европейским открытием нового времени. Платон, Аристотель и Хань Фэй-цзы связывали перенаселение с недостатком земли, нехваткой продовольствия, бедностью, голодом и крестьянскими восстаниями (Parsons 2005). К при-

меру, китайцы традиционно интерпретировали свою историю как ряд династических циклов (Reischauer 1960; Meskill 1965; Usher 1989; Chu and Lee 1994). Арабский социолог XIV в. Ибн Халдун создал оригинальную теорию политических циклов, объясняющих историю Магриба (Inayatullah 1997). Связаны ли эти, на первый взгляд, очень разнообразные явления? В этой книге мы рассмотрим гипотезу о том, что вековые циклы демографических, социальных и политических колебаний длительного (более столетия) периода являются правилом, а не исключением, в больших аграрных государствах и империях.

1.2. Синтетическая теория вековых циклов

Краткий обзор предыдущей секции сосредоточился, главным образом, на дискуссиях между последователями идей о доминирующем влиянии тех или иных процессов. В высокой температуре дебатов, однако, противостоящие стороны имели тенденцию упрощать и высмеивать представления друг друга. К примеру, очевидно, что ни чисто демографическое, ни чисто классовое объяснение вековых циклов не работают достаточно хорошо, когда сталкиваются с историческими данными. С другой стороны, синтетическая теория, которая включает оба эти (и некоторые другие) процессы, в состоянии предоставить нам жизнеспособную гипотезу, которая может быть сопоставлена с данными. Идея заключается в том, что вековые циклы могут быть поняты лишь как результат взаимодействия между несколькими связанными экономическими переменными включая демографию, социальную структуру (особенно, взаимодействие элиты с населением и государством) и политическую составляющую (степень государственной стабильности). В следующих параграфах мы нарисуем схему такого синтетического объяснения. Наше обсуждение будет сфокусировано на аграрных обществах, то есть обществах, в которых более половины населения (и типично выше 80-90%) вовлечены в сельское хозяйство.

Демографический компонент

Демографический компонент теории базируется, главным образом, на удивительной проницательности Мальтуса и Рикардо, в дальнейшей воспринятой неомальтузианцами, такими, как Ле Руа Ладури и Постан. Ключевая переменная – отношение плотности населения к экологической емкости данного района. Понятие экологической емкости было развито экологами в контексте логистической модели, созданной Полом Ферхюльстом и популяризированной Раймондом Перлом (Pearl 1920). Экологическая емкость определяется как максимальная плотность населения, которую ресурсы среды обитания могут поддерживать относительно долгое время (превосходное обсуждение экологической емкости человеческого общест-

ва с точки зрения эколога см.: Cohen 1995). Под *ресурсами* обычно подразумевается продовольствие, хотя в некоторых местностях ограничивающим ресурсом может быть вода или топливо. Экологическая емкость, таким образом, является верхним пределом для растущего населения. С экономической точки зрения этот предел возникает потому, что затраты труда на производстве страдают от снижения предельной отдачи.

Очевидно, что экологическая емкость конкретного региона зависит от его физико-географических особенностей (от наличия пригодных для сельского хозяйства земель, от водоснабжения, характеристики почвы, длины вегетационного периода и т.д.). Она зависит также от годовых колебаний температуры и осадков, а также от постепенного изменения климата. Иными словами, экологическая емкость – это переменная, которая изменяется в пространстве и во времени. И наконец, самое главное, экологическая емкость зависит от существующего уровня сельскохозяйственной технологии и от того, как эта технология используется. Эстер Босеруп (Boserup 1966, 1981) эффектно продемонстрировала, что рост населения может оказать положительное влияние на экономические инновации.

Хотя работа Босеруп обычно рассматривается в качестве анти-мальтузианский, ее интерпретацию можно объединить с мальтузианской в общей теоретической базе (Lee 1986; Wood 1998). Таким образом, негативные последствия роста населения на уровень жизни могут обеспечить сильные стимулы для внедрения новых средств производства. Тем не менее, в аграрных обществах экономические изменения могут дать лишь временную передышку от обнищания (Wood 1998; Clark 2007a). Например, общество, которое приближается к текущему пределу роста населения, может инвестировать средства в лесные расчистки, осушение болот, орошение и в борьбу с наводнениями. Все эти меры приведут к увеличению экологической емкости. Тем не менее, в какой-то момент больше не станет лесов, чтобы их расчищать, или болот, чтобы их осушить, и если население продолжит расти, то в конечном итоге оно будет снова давить на мальтузианский предел.

Когда плотность населения приближается к экологической емкости, это порождает многие изменения в обществе. Появляется избыток рабочей силы, а затем – нехватка земли и пищи. В результате растут цены на продукты питания, снижаются реальная заработная плата и душевое потребление – особенно среди бедных слоев населения. Экономические бедствия приводят к снижению рождаемости и к росту смертности, к более медленному росту населения. Если плотность населения достигает экологической емкости, то пищи остается лишь столько, чтобы обеспечить одного новорожденного, который заменяет одного умершего; рождаемость и смертность становятся одинаковыми, и плотность населения стабилизируется. По крайней мере, это – то, что предсказывает простая логистическая модель. Но в действительности другие факторы, не учитываемые простой

моделью, нарушили бы устойчивое равновесие – мы обсудим этот случай впоследствии.

То обстоятельство, что рост населения превышает рост производительности земли, имеет фундаментальное влияние на структуры общества. Типичными переменными, сопровождающими рост населения, являются повышение арендных ставок и цен на землю, увеличение фрагментации крестьянских хозяйств и/или рост числа безземельных крестьян и увеличение миграции безземельных крестьян в города. Возрастает урбанизация (которая измеряется долей населения, проживающего в городах и поселках). Удешевление рабочей силы приводит к расцвету промыслов и ремесел. Спрос на мануфактурные изделия растет, поэтому элита получает прибыль от более низких затрат на труд и высоких земельных рент. Рост урбанизации и элитного потребления поощряет региональную и международную торговлю. Пропасть между богатыми и бедными растет. В сельских районах перенаселение означает, что на случай неурожая не остается никаких запасов пищи. Соответственно, годы неурожая, которые были бы едва замечены в лучшие времена, теперь приводят к значительной смертности и в худшем случае – к катастрофическому голоду. Хронически недостаточное питание создает условия, способствующие распространению эпидемий.

Города накапливают безземельных крестьян и безработных ремесленников, которые присоединяются к растущим рядам нищих и бродяг. Учащаются голодные бунты и протесты против низкой заработной платы. В конечном счете, нарастание экономических бедствий приводит к крестьянским и городским восстаниям. Однако, пока элиты едины, а государство поддерживает контроль над вооружёнными силами, у таких народных восстаний мало шансов на успех. Этот принципиальный момент был недавно вновь подтвержден исследованиями Джека Голдстоуна: «Это – глубокое и неоднократно повторяющееся заключение, что сами по себе проявления бедности и неравенства или даже рост этих проявлений, *не* приводят к политическому или этническому насилию (Gurr 1980; Goldstone 1998, 2002b). Для того, чтобы народное недовольство или бедствие вылились в крупномасштабный конфликт, должно присутствовать какое-то руководство со стороны элиты, которое мобилизует народные группы и создает связи между ними. Должна присутствовать также некоторая уязвимость государства в форме внутренних разногласий и экономических или политических неудач. В противном случае недовольство населения останется безгласным, а народная оппозиция будет просто подавлена» (Goldstone 2002a).

Социальная структура: простой народ, элиты и социальная мобильность

Одно важное следствие закона убывающего плодородия заключается в том, что объем прибавочного продукта, произведенного земледельцами, является нелинейным, связанным с количеством земледельцев. Прибавоч-

ный продукт – это разница между производством и тем, что необходимо для пропитания (то есть минимальным количеством ресурсов, необходимых для поддержания и воспроизводства каждого крестьянского хозяйства, умноженным на число хозяйств). Объем ресурсов, необходимых для существования, возрастает с населением линейно, в то время как совокупный продукт вследствие закона убывающего плодородия растет медленнее (см. рис 1.1a). В результате при некоторой критической плотности населения, которое мы выше определили как экологическую емкость, две кривые пересекаются. Это та точка, где прибавочный продукт становится равным нулю (и если население возрастает свыше экологической емкости, то прибавочный продукт становится отрицательным, в результате чего крестьянские хозяйства не получают достаточного для воспроизводства количества ресурсов, и плотность населения должна уменьшиться).

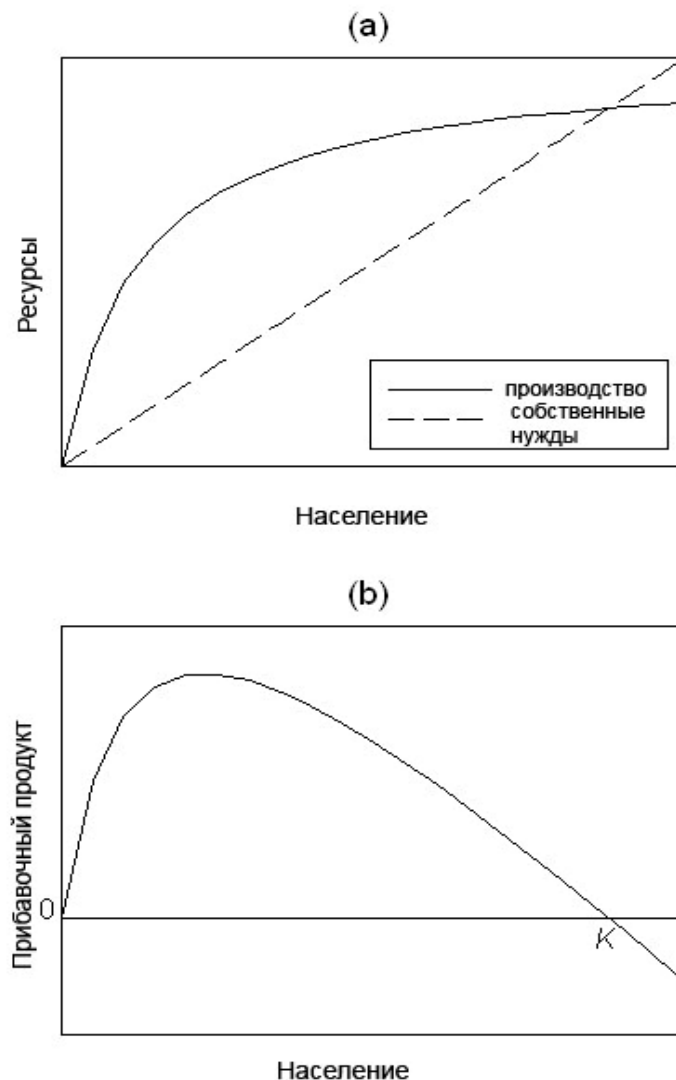

Рисунок 1.1. Влияние роста населения на общий объем производства, объем собственных нужд и объем прибавочного продукта. **K** – экологическая емкость.

Кривая, показывающая объем прибавочного продукта в зависимости от плотности населения, пересекает ноль там, где плотность населения равняется нулю и там, где она равняется экологической емкости, образуя горб между этими двумя критическими точками (рис. 1.1b). Таким образом, когда население растет с низкого уровня, первоначально растет и прибавочный продукт (больше крестьян означает больше прибавочного продукта). В какой-то промежуточной точке, тем не менее, профицит достигает максимума: именно здесь эффект убывающей отдачи от затрат труда в сельском хозяйстве начинают давать о себе знать. После этого момента, прибавочный продукт начинает снижаться.

Прибавочный продукт крестьян не доступен для элиты (и государства) автоматически, само собой. Если бы крестьян оставили в покое, они с радостью потребляли бы сами (или просто работали бы меньше, то есть потребляли бы дополнительное время отдыха). Количество продукта, попадающего в руки элиты, зависит от многих экономических и политических факторов. Одним из важных динамических факторов является то обстоятельство, что элита, как правило, в состоянии извлечь большее количество прибавочного продукта на поздних стадиях роста численности населения. Конкретные механизмы зависят от системы землевладения. Например, избыток сельского труда повышает арендную плату и, следовательно, увеличивает прибыль землевладельца. При крепостном праве помещик может установить практически сколь угодно высокий уровень отчуждения, потому что угнетенным крепостным некуда бежать, и единственной альтернативой для крепостного является жизнь бродяги или разбойника, которая всегда была жестокой и короткой. Таким образом, большинство крепостных было обречено оставаться в покорности и терпеть.

Перспективы были столь же мрачными для свободных, но безземельных рабочих, которые должны искать работу, чтобы поддерживать себя и свои семьи. Избыток рабочей силы приводит к застою заработной платы, к хронической безработице и к неполной занятости для значительной части населения. С другой стороны, сельские и городские работодатели получают прибыль от этой экономической ситуации.

Эти соображения позволяют предположить, что на поздних стадиях роста численности населения, когда простолюдины страдают от экономических трудностей, элиты переживают «золотой век». Воспроизводство существующих элит и вербовка новых элит из простолюдинов будут наиболее быстрыми, когда количество извлекаемого прибавочного продукта будет наибольшим. Расширение элиты должно происходить во время «фазы стагфляции» (см. ниже определение фаз векового цикла), когда быстро возрастающие цены и арендные платы предлагают большие возможности для быстрого накопления богатства, и когда финансовые проблемы часто принуждают правителей увеличивать продажу привилегий и титулов – оба эти фактора ускоряют переход в ряды элиты. В результате максимум чис-

ленности элиты часто отстает от максимума численности всего населения (важное исключение для обществ с широко распространенным многоженством будет рассмотрено в п. 1.3).

Такое счастливое (для элиты) течение событий не может продолжаться долго. Во-первых, расширение элиты означает, что объем ресурсов на душу населения в элите начинает снижаться. Этот процесс будет происходить, даже если общий объем прибавочного продукта остается постоянным. Во-вторых, так как население возрастает и приближается к экологической емкости, то прибавочный продукт постепенно снижается. Сочетание этих двух тенденций приводит к ускоренному падению среднего дохода представителей элиты.

Описанные выше динамические процессы имеют социально-психологический аспект. В хорошие времена элита привыкает к высокому уровню потребления (это – «растущая расточительность благородных семей» у Добра и Суизи). Дополнительным фактором, как указал Суизи, является все возрастающее количество и разнообразие товаров, доступных для элиты, – ситуация, которая возникает в результате урбанизации, роста ремесел, расширения торговли (вследствие роста численности населения, о чем говорилось выше). Современные исследования потребительских ожиданий показывают, что люди, как правило, ориентируются на уровень потребления их родителей – и если возможно, на более высокий уровень (Easterlin 1980, 1996). Таким образом, важен не абсолютный уровень потребления, но уровень по отношению к предыдущему поколению. Другими словами, ожидаемый «жизненный уровень» является *инерционной* переменной (инерционной, потому что он меняется медленно, по шкале времени поколения). Если мы можем экстраполировать результаты, полученные при изучении современных потребителей на доиндустриальные элиты (по крайней мере, это может быть разумной рабочей гипотезой), то мы предсказали бы, что в течение хороших времен элиты легко привыкают к высокому уровню потребления – и это расширение потребностей дает повод для небольшого социального комментария. С другой стороны, если их уровень потребления снижается по отношению к предыдущему поколению, элиты должны будут решительно реагировать на такое развитие. Этот аргумент предполагает, что нет никакого противоречия между горькой критикой современными социальными комментаторами роскошного и расточительного образа жизни элит, в то время как сами элиты могут одинаково горько жаловаться на бедность и задолженность.

Ухудшающиеся экономические условия в конце фазы стагфляции векового цикла не затрагивают всех аристократов одинаково. В то время как большинство из них теряет почву под ногами, некоторые семьи, напротив, могут увеличить свое богатство. Растущее экономическое неравенство следует из того, что некоторые социологи называют «принципом апостола Матвея» (Merton 1968). Бедные дворянские роды, как правило, беднеют,

потому что они пытаются сохранить свое положение на неадекватной экономической основе. Это вовлекает их в растущую задолженность, которая, в конечном счете, приводит к продаже их активов (например, земли). Богатые роды, напротив, могут поддерживать уровень потребления, необходимый для сохранения элитного статуса, и иметь в запасе некоторые ресурсы, чтобы приобрести землю обедневших соседей. В результате бедные становятся более бедными, в то время как богатые становятся более богатыми. Такая же динамика воздействует и на крестьян во время фазы стагфляции. Во время экономических трудностей бедные крестьяне должны продавать землю или голодать. В результате в то время как большинство из них сползает к абсолютной нищете, маленький процент бережливых, трудолюбивых или просто удачливых крестьян в состоянии сконцентрировать увеличивающееся количество земли в своих руках. В какой-то момент такие успешные крестьяне обычно пытаются перевести свое богатство в более высокий социальный статус. Эта потребность в восходящей социальной мобильности является важным фактором, способствующим перепроизводству элиты, которое развивается в конце длительного периода демографического расширения.

Во время фазы стагфляции, таким образом, увеличивается экономическое неравенство внутри каждого социального слоя, крестьян, мелких и средних дворян, и магнатов. Растущее неравенство усиливает социальную мобильность как вверх, так и вниз. Повышение социальной мобильности порождает трения и дестабилизирует общество. Растущий разрыв между бедными и богатыми создает почву для массовых движений, поддерживающих радикальные идеологии социальной справедливости и экономического перераспределения.

Динамика избыточного извлечения

Снижение доходов большинства аристократов имеет два важных последствия: усиление притеснения крестьян элитой и повышение внутри-элитной конкуренции за скудные ресурсы. Элита пытается увеличить долю ресурсов, извлекаемых из производителей любыми доступными средствами, как экономическими, так и внеэкономическими (принудительными). Ее успех будет зависеть от структурных характеристик общества: от военной мощи элиты по отношению к производителям и к государству, от правовых и культурных ограничений на изъятие прибавочного продукта и т.д. В случае успеха элита может не только лишиться простолудинов прибавочного продукта, но также и урезать необходимые для жизни ресурсы, что приводит к уменьшению численности населения. «Таким образом, избыточное извлечение лорда (рента) отнимало не только доход крестьянина сверх прожиточного минимума (и возможно, даже более того), но в то же время ставило под угрозу средства, необходимые для поддержания крестьян-

янского хозяйства и предотвращения длительного снижения его производительности» (Brenner 1985a:31). Похоже, что эта стадия в вековом цикле может быть тем, что известно среди специалистов как «точка бифуркации», в которой система может следовать по одной из нескольких альтернативных траекторий. Классический пример таких расходящихся траекторий – исчезновение крепостничества в постсредневековой Англии и Франции и, в то же самое время, становление нового крепостного права в Пруссии и Польше. То, по какой из альтернативных траекторий следует система, может зависеть от ее структурных особенностей, или быть результатом случая. Мы по существу перефразируем в терминах динамических систем замечание, сделанное Бреннером в его критическом анализе мальтузианской теории.

Этот тезис может быть проиллюстрирован недавним исследованием Стюарта Борча (Borsch 2005), который сравнил последствия Черной Смерти в Англии и в Египте. В Англии после Черной Смерти повысилась заработная плата, арендные платы и цены на зерно понизились, безработица уменьшилась, и доходы на душу населения возросли. Несмотря на то, что экономический подъем в Англии произошел позже, чем можно было бы ожидать по мальтузианской модели, в 1500 г. он был в полном разгаре. Последствия депопуляции в Египте были совсем иными. Заработная плата понизилась, арендная плата за землю и цены на зерно повысились, а уровень безработицы увеличился. К 1500 г. признаки восстановления экономики не просматривались; сельскохозяйственная продукция уменьшилась в 1350-1500 гг. на 68%. Борч убедительно доказывает, что длительная стагнация Египта после Черной Смерти объясняется структурными факторами. После 1250 г. Египтом управляла сплоченная и боеспособная элита: воины-рабы, известные как мамлюки; их военные возможности засвидетельствованы успешным отражением монгольских вторжений во второй половине XIII в. Английские крестьяне могли сопротивляться элите, скрываясь на холмах и в лесах, которых было много в обезлюдившей Англии. Кроме того, большой лук нивелировал военное преимущество, которым обычно обладает элита. С другой стороны, в Египте узкая полоса пахотной земли среди пустыни не оставляла места для уклончивой тактики. После Черной Смерти мамлюки смогли использовать их огромную принудительную власть, чтобы поддержать уровень извлечения ресурсов из значительно уменьшившегося сельского населения. Чрезвычайно высокий уровень эксплуатации крестьян исключал любое демографическое возрождение. Система, таким образом, попала в «порочное равновесие», которое было устойчиво по отношению к внутренним возмущениям; это равновесие было нарушено лишь османским завоеванием в 1517 г.

Вторым следствием падения доходов элиты является увеличение внутриэлитной конкуренции. Формы, которые принимает эта конкуренция, зависят от структурных особенностей общества. Вероятно, наиболее важ-

ным фактором является способность государства подавить открытое насилие. Здесь мы рассмотрим формы внутриэлитной конкуренции в присутствии государства, когда внутренний порядок сохраняется, в то время как ситуация, когда государство разрушается или серьезно ослаблено, будет рассмотрена ниже.

Одним из возможных выходов для элиты перед лицом снижения доходов от сельского хозяйства был поиск работы в государственной или церковной бюрократии. Так как обучение увеличивало шансы найти такую работу, то любопытным побочным эффектом усиления конкуренции был «кризис аттестатов» (Collins, 1979), быстрый рост числа учащихся в образовательных учреждениях (по крайней мере, в тех обществах, которые предлагают формальное обучение претендентов из элиты). Таким образом, мы можем использовать тенденции в высшем образовании как индекс внутриэлитного соревнования (Goldstone 1991:123). Другой полезный индекс внутриэлитного конфликта – количество гражданских тяжб (Goldstone 1991:120).

В другом варианте обедневшие элиты могли увеличить свои доходы, вступая в свиты сильных магнатов. В Англии XV в. эта тенденция привела к тому, что известно как «поддельный феодализм» (Dyer 1989:35). Большая свита была необходима, чтобы обеспечить интересы лорда в правительстве, судебной тяжбе и даже в гражданской войне. Однако ограничения в земельных владениях, гражданской и духовной службе, в королевском патронаже приводят ко все более и более ожесточенным фракционным столкновениям между патроно-клиентскими группами за остатки ресурсов (Goldstone 1991:119). В результате, элита, как правило, теряет свое единство и раскалывается по многочисленным линиям разделения: новая элита против старой, одна религиозная фракция против другой, региональные элиты против центра и так далее. Поскольку ресурсов для всех недостаточно, то определенные сегменты элиты или группы, стремящиеся к элитному статусу, неизбежно оказываются в числе проигравших. Мы будем называть их «контрэлиты», или «диссидентские элиты». Как правило, контрэлиты не являются реальными социальными группами, потому что мало что объединяет их, кроме ненависти к существующему режиму и жгучего желания свергнуть его. Кстати, мы не подразумеваем здесь, что мотивы борьбы контрэлит являются чисто экономическими. Поздняя фаза стагфляции, как отмечалось выше, характеризуется суровым гнетом производительных слоев общества и крайним социальным неравенством, предлагая вполне достаточное идеологическое оправдание для революционного действия.

Распад государства (брейкдаун)

Социальные тенденции, являющиеся результатом демографического роста, – уменьшение прибавочного продукта, обнищание простонародья, внутриэлитная конкуренция и т. д. – оказывают глубокое влияние на спо-

способность государства поддерживать внутренний порядок, или даже на его способность к выживанию (Goldstone 1991). Прирост населения приводит к расширению армии и бюрократии, к возрастающим государственным расходам. Рост числа претендентов на элитные позиции еще более увеличивает финансовую нагрузку на государство. Таким образом, у государства нет выбора, кроме как стремиться увеличить налогообложение, несмотря на сопротивление элиты и народных масс. Тем не менее, объем прибавочного продукта снижается (как описано в предыдущем пункте), и государство должно конкурировать за этот прибавочный продукт со все более и более дерзкими фракциями элиты. В результате, попытки увеличить доходы не могут возместить растущие государственные расходы, и даже при том, что государство поднимает налоги, оно остается в состоянии финансового кризиса. Отметим, что снижение реальных доходов может быть замаскировано постоянным ростом цен, поэтому важно выразить все финансовые потоки в реальном исчислении.

Как отмечалось выше, рост населения приводит к обнищанию крестьян, миграции в города, падению реальной заработной платы, к голодным бунтам и протестам против низкой заработной платы. После некоторой задержки негативные последствия роста населения начинают влиять на элиту, которая теряет единство в результате увеличения конкуренции и фракционирования.

Другое последствие быстрого прироста населения – расширение молодежных когорт. На этот сегмент населения особенно воздействует нехватка возможностей в области трудоустройства. Наконец, растущее экономическое неравенство, внутриэлитная конкуренция и народное недовольство становятся топливом для идеологических конфликтов. Например, в Европе раннего Нового времени, диссидентские элиты и недовольные ремесленники широко вовлекаются в неортодоксальные религиозные течения.

Поскольку все эти тенденции усиливаются, то конечным результатом является банкротство государства с последующей потерей военного контроля, начинаются элитные возмущения регионального и национального масштаба, и в конечном счете, сочетание элитных возмущений и народных восстаний приводит к брейкдауну (Goldstone 1991:25). Внутренняя война между политическими фракциями – это только один аспект роста межличностного насилия. Разрушение общественного порядка сопровождается ростом бандитизма, убийствами и другими видами тяжких преступлений. На идеологическом уровне распространяется чувство социального пессимизма, и легитимность государственной власти находится в самой низкой точке. Общество приближается к условиям, которое можно назвать «гоббсовскими» (Гоббс жил как раз в такое время). Мы будем называть эти условия высокой социополитической нестабильностью.

Влияние социополитической нестабильности на демографическую динамику

В предыдущих секциях мы рассмотрели последствия роста численности населения для различных структур общества, включая то, что мы называем социополитической нестабильностью. Здесь мы рассмотрим эффект обратной связи: как нестабильность влияет на демографическую динамику? Мы можем представить себе два основных (и взаимосвязанных) способа: влияние на демографию и на производительную способность общества (Turchin 2003b:120-121).

Совершенно очевидно, что когда государство слабо или вовсе отсутствует, население будет страдать от повышенной смертности в связи с ростом преступности, бандитизма и в связи с внутренними (гражданскими) войнами. Внешняя война также может сыграть свою роль. Хотя внешние межгосударственные войны были постоянной чертой аграрных государств, их влияние на демографию меняется с фазой векового цикла. Когда государство сильно, война направлена наружу, и от нее больше всего страдают пограничные области, а также чужие земли. Крах государства и последующие гражданские войны уменьшают сопротивление общества к внешнему вторжению. В результате внутренние войны и внешние вторжения становятся трудноотделимыми (это, например, случилось во время Столетней войны во Франции). Война имеет также косвенное влияние на смертность, потому что движение повстанцев или вторжения армии способствуют распространению эпидемий.

Тяжелые времена вызывают увеличение миграции: беженцы бегут из пострадавших от войны районов или из областей, производительный потенциал которых был разрушен. Миграция имеет несколько последствий. Во-первых, она может привести к эмиграции (и мы можем просто добавить ее к смертности). Во-вторых, беженцы не могут позволить себе иметь детей. Таким образом, рождаемость снизится. В-третьих, миграции приводят к эпидемиям. Возросшее бродяжничество распространяет болезни, соединяя области, которые остались бы изолированными в течение лучших времен. Например, в Ирландии в 1810-1844 гг. (в период накануне Великого голода), было 15 неурожайных лет из 35. Эти неурожаи не приводили к голоду, но они сопровождались вспышками сыпного тифа, дизентерии, цинги, холеры, которые распространялись по всему острову нищими и бродягами, ищущими милостыню и работу (Grigg 1980:138).

Дополнительными факторами, облегчающими распространение эпидемий, являются передвижения армий и расширение международной торговли. Последний фактор должен оцениваться исходя из того, что международная торговля расширяется в предкризисный период (в фазе стагфляции) и затем постепенно уменьшается после того, как общество погрузилось в анархию. Таким образом, возникновение эпидемий и пандемий наиболее вероятно в конце фазы стагфляции. Фактически, появление панде-

мии является одним из обычных спусковых механизмов демографически-структурного коллапса.

В более локальном масштабе бродяги и нищие собираются в городах, увеличивая их население. Это может увеличить локальную плотность населения выше эпидемиологического порога (критической плотности, выше которой болезнь распространяется и ниже которой она гаснет).

Наконец, политическая нестабильность приводит к снижению рождаемости в результате падения личного потребления вследствие снижения производства. Отсутствие организованных способов хранения излишков не позволяет крестьянам пережить краткосрочный кризис существования. То, что накоплено отдельными хозяйствами, является легкой добычей мародеров и других хищников. Кроме того, во времена неопределенности люди предпочитают вступать в брак позже и имеют меньше детей. Кстати, представления людей о желательных размерах семьи могут выражаться не только в коэффициентах рождаемости, но также и в нормах детоубийства. Таким образом, семейные методы ограничения рождаемости могут быть замаскированы как увеличение младенческой смертности.

Второй, и возможно, еще более важный эффект воздействия социополитической нестабильности – это ее воздействие на производственный потенциал общества (экологическую емкость). Энергичные государства часто вкладывают капитал в увеличение сельскохозяйственной производительности, строя оросительные каналы и дороги, осуществляя меры по борьбе с наводнениями, очищая землю от лесов, организовывая колонизацию малонаселенных областей и т.д. Исход этих мер – главным образом увеличение посевных площадей, хотя некоторые меры также увеличивают производительность земли.

Другой общий механизм – это то, что государство предлагает защиту. В не имеющем гражданства обществе люди могут жить только в естественных цитаделях или в местах, которые могут быть сделаны защищенными, как окруженные стенами города. Например, в период расцвета Римской империи подавляющее большинство итальянского населения селилось в низинах, где были сосредоточены наиболее плодородные земли. После распада Римской империи поселения были перенесены на вершины холмов (Wickham 1981). Еще более яркое свидетельство исходит из крепости племени ванка в долине Монтаро в Перу (Earle 1997). До того, как инки умиротворили этот регион, ванка жили в переполненной крепости на холме. После завоевания население переместилось в долину, где находились лучшие пахотные земли. В результате диета, как элиты, так и простолюдинов, значительно улучшилась, а продолжительность жизни возросла (Johnson and Earle 2000:327).

Третий пример взят из «Истории Карла VII» норманнского епископа Томаса Базина, который описал северо-западную Францию в 1420-х гг., после особенно интенсивной вспышки Столетней войны: «...Состояние

опустошения было таково, что от Луары до Сены, а оттуда к Сомме крестьяне были убиты или бежали; почти все области остались на несколько лет не только необработанными, но без людей... Все, что могло быть выращено тогда в той области, было только вокруг городов или замков, достаточно близко, чтобы с вершины сторожевой башни или пожарной вышки наблюдатель мог видеть нападающих бандитов. Тогда звуком колокольчика или рожком, или каким-либо другим инструментом он давал сигнал уйти к укрепленному месту всем, кто работал в поле или на виноградниках» (Dupâquier et al. 1988a:368). Другими словами, отсутствие эффективного подавления внутренних беспорядков государством навязывает «пейзаж страха», в котором остается без обработки большая часть земель, потому что они слишком далеки от безопасного места. Напротив, сильное государство защищает производительное население от внешних и внутренних (бандитизм, гражданская война) угроз и, таким образом, позволяет обрабатывать все пригодные земли.

Динамика элиты во время фазы депрессии

Социополитическая нестабильность влияет на элиту таким же образом, что и на простых людей, хотя относительная важность определенных механизмов может быть весьма различной. В частности, элита может быть лишь в малой степени затронута кризисами пропитания. Ей также легче избежать влияния эпидемий. Отчасти это объясняется ее более качественным питанием и возможностью получить лучшую помощь во время болезни, но еще более важным является более высокая мобильность. Городская элита могла перебраться в сельскую местность при первом признаке начинающейся эпидемии (как в «Декамероне» Бокаччо). Высшее дворянство, имея поместья в нескольких провинциях, также могло избежать эпидемии, поразившей конкретный регион.

С другой стороны, в силу их более активного участия в политической жизни представители элиты подвергались гораздо более высокому риску насильственной смерти. Число погибших представителей знати в некоторых конфликтах было необычайно большим. Например, Дюпакье (Dupâquier and al. 1988a: 342) цитирует Филиппа Коммина, который утверждал, что около 40% французской знати погибло в битве при Пуатье (1356) и столько же при Азенкуре (1415). Во время религиозных войн конца XVI в. 20 тыс. гугенотов были убиты за один день резни святого Варфоломея (Kamen 1971:39).

Потеря жизни или элитного статуса могла быть также следствием государственных репрессий. Например, первый император китайской династии Мин произвел чистку 100 тыс. чиновников (Tignor et al. 2002:62). Проскрипции Суллы устранили одну треть римского правящего класса, се-

наторов, и другая треть была устранена проскрипциями после смерти Цезаря (см. гл. 6).

Гораздо менее впечатляющим, но, возможно, более важным был процесс сокращения численности элиты путем нисходящей мобильности. Падение доходов элиты, которое начинается в докризисный период и в значительной степени усугубляется общей убылью населения, наиболее сильно влияет на состояние самой низкой благородной страты. Кристофер Дайер дает конкретный пример для Англии в конце средних веков. У эсквайров или господ, живущих на 10-20 фунтов в год, которые нанимали только трех слуг и жили в одном доме, чья пища была лишена роскоши в отношении вина и специй, было мало возможностей для маневра, когда их доходы сократились на 50% в середине XV в. «Они должны были сократить или даже полностью прекратить свои случайные пирушки и по мере возможности избегать путешествовать, но слишком много экономии такого рода могло заставить их покинуть среду аристократии и принять йоменский статус» (Dyer 1989:108).

Таким образом, существует целый ряд социальных механизмов, посредством которых может быть устранено перепроизводство элиты: (1) гибель людей в результате гражданской войны, (2) преднамеренные чистки элиты новыми правителями, (3) ограничения, налагаемые на наследников (безбрачие, первородство), (4) нисходящая социальная мобильность, добровольная или под воздействием государства, (5) увеличение прибавочного продукта в результате завоевания или улучшения продуктивности сельского хозяйства и (6) создание нового политического порядка, который направляет большую часть ресурсов элитам. Такие механизмы обычно работают в комбинации; конкретный набор зависит от культурных особенностей общества и от исторических случайностей.

Окончание периода социополитической нестабильности и начало нового цикла

Поскольку три главных фактора, обуславливающие повышение социополитической нестабильности – это общее перенаселение, перепроизводство элиты и государственная несостоятельность, то все эти тенденции должны измениться прежде, чем может закончиться период дезинтеграции. Такой поворот тенденций может произойти различными способами, в зависимости от характеристик общества, его геополитического окружения и других внешних факторов. В результате, последние стадии векового цикла особенно изобилуют точками бифуркации, и социополитическая траектория может вести себя очень недетерминированным образом.

Проблема перенаселения, как правило, «рассматривается» природой и обществом во время кризисной фазы. Один из самых распространенных способов ее решения – пандемия, но не во всех случаях уменьшение чис-

ленности населения было следствием катастрофических эпидемий. Длительная гражданская война также может вызвать резкое падение численности населения, хотя обычно для этого требуется больше времени. Наконец, внешнее завоевание разъединенного общества во многих случаях приводило к демографической катастрофе.

Альтернативой демографической катастрофе является увеличение экологической емкости: ведь перенаселение происходит не от слишком больших абсолютных чисел, а от слишком высокой плотности населения по отношению к экологической емкости. Экологическая емкость может увеличиться в результате технического прогресса. Вероятно, это произошло в Англии в начале Нового времени. Во время кризиса в XVII в. численность английского населения вряд ли снизилась, в то время как средняя урожайность зерна с акра возросла, вероятно, вдвое. Итогом было двукратное снижение демографического давления на ресурсы.

Экологическая емкость может увеличиться также в результате завоевания новых малонаселенных территорий. Например, завоевание Казанского и Астраханского ханств Московским государством в XVI в. открыло обширные области для российской колонизации в течение последующих столетий. Теоретически экологическая емкость может возрасти в результате существенного улучшения климата, хотя на данный момент мы не можем указать на убедительные примеры действия этого механизма.

Процессы, приводящие к сокращению численности и appetitов элиты, были рассмотрены в предыдущей секции. Способ уменьшения элитного перепроизводства во многом зависит от военной мощи аристократии. Немилитаризованный правящий класс может быть в массе лишен своего имущества военными, повстанческими командирами или даже крестьянами-разбойниками. В этом случае быстрая и всесторонняя элитная реорганизация заканчивается в относительно короткий период социополитической нестабильности, который следует за брейкдауном государства. Это, очевидно, случалось несколько раз на протяжении китайского имперского периода, когда правящий класс состоял из административной, а не из военной элиты. Быстрая элитная реорганизация может произойти также в том случае, когда есть готовый внешний источник потенциальных элит, например, тот, который имел место в Магрибе, описанном Ибн Халдуном (мы обсудим циклы Ибн Халдуна в следующем пункте).

Правящий класс, который обладает военным превосходством и над внутренними, и над внешними конкурентами, может быть уменьшен в численности только междоусобной борьбой между различными элитными фракциями. Это может привести к очень большой длительности периода социополитической нестабильности, или «фазы депрессии» в нашей терминологии.

Таким образом, для начала нового векового цикла необходимо, чтобы давление населения на ресурсы и давление элиты на простоллюдинов были

существенно снижены относительно своих докризисных уровней. Есть также третье условие. Не все общества способны к сотрудничеству широкого масштаба, которое требуется для построения эффективного государства, и некоторые общества с предыдущей имперской историей могут также со временем потерять эту способность (Turchin 2003b, 2006). Таким образом, возможно, что гражданская война постепенно стихает, но централизация не в состоянии утвердиться. В этом случае, рассматриваемая область может оставаться неопределенное время (или пока она не будет завоевана извне) во фрагментированном состоянии как совокупность небольших государств. Потенциальные объяснения этой неспособности построить эффективную государственность выходят за рамки нашей книги. Но мы должны отметить, что это – еще одна возможная точка бифуркации.

Фазы векового цикла

Динамика вековых циклов не вписывается в дискретные фазы с четко обозначенными контрольными точками, но при анализе конкретных циклов удобно делить их на несколько характерных этапов. Наша классификационная схема приводится здесь с пониманием того, что переходы между фазами редко бывают резкими, так что любой конкретный год, который мы обозначаем как конец одного этапа и начало другого, в некоторой степени условен (по этой причине, мы обычно выбираем круглые даты в ближайшее десятилетие).

В наиболее общем смысле цикл может быть разделен на два противоположных периода-тенденции. В литературе эти тенденции иногда называют положительной «А-тенденцией» и негативной «В-тенденцией», но мы предпочитаем более описательные термины: *интегративная* и *дезинтегративная* тенденции. Политически интегративный период характеризуется тенденцией централизации, сплоченностью элиты и сильным государством, которое поддерживает порядок и внутреннюю стабильность. Внутренняя сплоченность часто приводит к энергичному ведению внешних завоевательных войн, которые могут привести к расширению территории государства (при условии, что имеются более слабые соседи, за счет которых государство может расширяться). Дезинтегративный период, напротив, характеризуется тенденцией к децентрализации, разделенной элитой и слабым государством, внутренней нестабильностью и политическим беспорядком, которые периодически приводят к гражданской войне. Внешние завоевания являются намного более трудными во время дезинтегративного периода. Если они случаются, то обычно имеют место во время интервалов между гражданскими войнами и за счет слабых противников. Чаще внешние враги наживаются на внутренней слабости государства и общества, что приводит к увеличению частоты набегов, вторжений и к территориальным потерям.

Население имеет тенденцию к увеличению в интегративном периоде и тенденцию к стагнации или уменьшению в дезинтегративном периоде. В интегративном периоде климатические колебания, эпидемии или нашествия внешних врагов могут вызвать краткосрочные (даже если очень значительные) демографические потери. Однако энергичный рост населения возобновляется, как только такие внешние силы прекращают действовать. Во время дезинтегративного периода, напротив, демографические потери из-за эпидемий, голода или войн не компенсируются длительным приростом населения. Даже когда непосредственно мальтузианские факторы (эпидемии, голод и войны) не действуют, население часто не увеличивается, несмотря на то, что его плотность может быть ниже экологической емкости.

Полезно далее разделить широкие интегративную и дезинтегративную тенденции на фазы. Прирост населения особенно энергичен во время первой *фазы расширения* интегративной тенденции. Это – время относительно устойчивых цен и скромного снижения реальной заработной платы (если оно имеет место). Однако когда плотность населения начинает приближаться к пределам, установленным экологической емкостью, процесс повышения цен и снижения заработной платы ускоряется – это и есть «застой» или «сжатие», или еще более описательно, *фаза стагфляции* (стагнация + инфляция). Хотя для большинства простых людей во время фазы стагфляции экономические трудности возрастают, элита наслаждается «золотым веком», и ее численность и аппетиты продолжают расти.

Фаза стагфляции (и общая интегративная тенденция) сменяется *фазой кризиса*. В то время как фаза расширения плавно переходит в стагфляцию, переход между стагфляцией и кризисом часто (но не всегда) является резким. Конкретными событиями, сигнализирующими о приходе кризиса, могут быть пандемии, экстремальные эпизоды голода, брейкдаун государства, сопровождаемый гражданской войной (или любые события такого рода в различных комбинациях). Фаза кризиса в нашей терминологии – это не дискретное, краткое событие (которое является одним из значений слова кризис), но длительный период, который может длиться в течение одного или нескольких человеческих поколений. Снижение численности населения в фазе кризиса приводит к ситуации, когда ресурсов на душу населения становится достаточно. Однако это не обязательно завершает дезинтегративную тенденцию, потому что численность элиты обычно остается слишком большой. Внутриэлитный конфликт продолжает воспроизводить внутреннюю нестабильность. Таким образом, кризис плавно переходит в фазу депрессии, которая характеризуется эндемичными гражданскими войнами. Население может вырасти в промежутках между вспышками гражданской войны, но такое увеличение обычно не длительно, и затем численность населения снижается (хотя и не столь катастрофически, как характерно для фазы кризиса). Фаза депрессии заканчивается, когда численность элиты сокращается внутренним конфликтом до точки, где дезинтегра-

тивная тенденция затухает и начинается новый вековой цикл. В другом случае, если эффективно функционирующее государство не может быть восстановлено, фаза депрессии переходит в интерцикл неопределенной длительности.

Мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что приведенная выше классификационная схема является схемой «идеального типа». Она полезна в случае, если нужно охарактеризовать общее состояние динамической системы одним термином. Однако есть много вариантов в траекториях, по которым развиваются конкретные общества. Таким образом, границы между различными фазами не следует воспринимать как жесткие – скорее они являются нечеткими. Рецензент ранней версии этой книги даже предложил, чтобы вместо фиксации границы фаз в тех обществах, которые мы изучаем более детально, мы могли бы позволить фазам накладываться. Есть определенный смысл в таком предложении, потому что в различных фазах преобладают различные социальные процессы, и эти процессы часто накладываются во времени. Например, начало политического кризиса не всегда совпадает с переходом от роста численности населения к его сокращению, и поэтому датировка перехода от стагнации к кризису может быть проблематичной. В конце концов, мы решили остаться с непересекающимися фазами, потому что, поступив иначе, мы могли бы запутать наших читателей. Но мы не будем налагать эти дискретные фазы на каждое социологическое исследование в прокрустовой манере.

1.3. Возможные вариации

Факторы, влияющие на продолжительность вековых циклов

Наши иллюстрации общей теории вековых циклов в пункте 1.2 были западноевропейски ориентированными, но, в принципе, теория должна быть применимой к любому аграрному обществу. В этой секции мы обсудим, как определенные структурные и культурные особенности общества должны влиять на демографически-структурную динамику, с упором на одну из самых важных характеристик колебательной динамики, средний период цикла.

Вековые циклы не являются периодическими в строго математическом смысле, когда каждый последующий цикл в точности повторяет предыдущий. Хотя вековые тенденции генерируются эндогенно в результате взаимодействия между различными компонентами (подсистемами) аграрного государства, макросоциальная динамика аграрных государств не может быть строго периодической. Есть, по крайней мере, три причины для этого. Во-первых, нелинейные динамические обратные связи могут в теории производить не только строго периодическую динамику, но также и аperiodическое поведение. Чем сложнее система, чем больше компонен-

тов она имеет и чем более нелинейными являются взаимодействия между компонентами (например, наличие порога реакции), тем выше вероятность того, что динамика системы будет характеризоваться чувствительностью к случайным воздействиям. Социальные системы сложны и обратные связи являются нелинейными, поэтому возможность хаотической динамики нельзя сбрасывать со счетов (Turchin 2003b).

Во-вторых, динамика аграрных государств зависит не только от их внутреннего функционирования, но и от внешних сил, таких, как изменения в геополитической и экологической обстановке. Внешние факторы, в отличие от эндогенных, не являются частью петли обратной связи (Turchin 2003a): они влияют на динамику социальных процессов, но сами по себе не зависят от социальной динамики.

Наконец, люди обладают свободой воли и могут действовать непредсказуемо. В принципе, даже действия одного человека, происходящие «в нужном месте в нужное время» могут влиять на траекторию всего общества. За неимением лучших теоретических подходов, мы можем моделировать действия людей на микроуровне как стохастический процесс, своего рода броуновское движение, которое также приводит к неустойчивым и непредсказуемым изменениям в макросоциальной траектории.

По всем этим причинам мы не ожидаем строгой периодичности в динамике векового цикла. Вместо этого у динамики должен быть средний период, характерные временные рамки с существенной степенью изменения вокруг этого среднего. Средний период векового цикла определяется характерной длительностью его фаз, которые в свою очередь зависят от различных социальных, экономических, и политических параметров. Таким образом, типичная длина фазы расширения определяется в первую очередь (1) темпами роста населения и (2) плотностью населения по отношению к экологической емкости в начале цикла. Например, если население растет со скоростью 1% в год, то требуется 70 лет для того, чтобы оно возросло в два раза. Это, собственно, неплохая оценка типичной длины фазы расширения.

Длительность фазы расширения зависит также от геополитической обстановки. Государства имеют наибольшую способность к мобилизации общества для внешних завоеваний в средней части интегративной тенденции. Аномально длительные фазы расширения являются результатом успешного территориального завоевания, особенно когда оно сопровождается колонизацией завоеванных территорий, которая уменьшает демографическое давление в метрополии. Длина кризисной фазы гораздо менее предсказуема, потому что в то время как существует биологический предел для темпов роста населения, нет никаких ограничений для темпов его уменьшения. Таким образом, в зависимости от факторов изменений, население может уменьшаться очень быстро, как в случае пандемии, или более медленно в связи с непрерывными гражданскими войнами. Кроме того, возбу-

дители болезней варьировалась в их летальности. Относительно умеренный болезнетворный микроорганизм мог медленно уменьшать население (возможно в результате периодических эпидемий), приводя к длительной кризисной фазе. С другой стороны, тяжелая эпидемия может обусловить очень короткий период резкого сокращения численности населения – а также привести к более глубокой социальной дезинтеграции и длительной фазе депрессии (как это было в Европе после Черной Смерти).

Характерные длины фаз стагнации и депрессии больше зависят от государства, и особенно, от элитной динамики, чем от того, что делает простой народ. В частности, военная мощь элиты имеет большое влияние на продолжительность фазы депрессии, или даже на само присутствие этой фазы, как упоминалось выше. Модели, созданные с учетом характеристик западноевропейского общества (в основном моногамные элиты пользуются превосходством военной мощи над своими внутренними и внешними врагами) показывают, что типичная длительность вековых циклов в этих обществах должна лежать в пределах двух-трех веков (Turchin 2003b:138).

Циклы Ибн Халдуна

Совсем другая ситуация имеет место в некоторых исламских странах. Парадигматический пример социально-политической динамики в средневековом Магрибе блестяще описал Ибн Халдун (Ibn Khaldun 1958). С точки зрения демографически-структурной теории государства Магриба отличались от западноевропейских в двух важных отношениях: (1) эти исламские общества разрешали полигамию и (2) поблизости имелся готовый источник сильных в военном отношении контрэлит.

Полигамия важна, потому что число жен – самый существенный показатель мужского репродуктивного успеха (Betzig 1986). Поскольку аристократы могли позволить себе содержать несколько жен и наложниц, темпы роста элиты в исламских обществах, были (и остаются по сей день) гораздо большими, чем для элиты в христианских обществах. Это правда, что элитная полигамия в некоторой степени практиковалась и в Западной Европе, где аристократы часто увеличивали свой биологический фитнес, имея несколько любовниц, а затем признавая своих бастардов. Однако в любом случае биологическая норма воспроизводства исламских элит была в несколько раз выше, чем у христианских элит.

Вторым важным фактором является расположение Магриба в довольно узкой полосе пахотной земли, зажатой между Средиземным морем и пустыней. Пустыню (или, скорее, полупустынную зону между аграрными обществами средиземноморского побережья и центральными областями Сахары) занимают кочевые скотоводы, в основном берберы. Эти племена пустыни не были существенной военной угрозой, пока аграрные государства поддержали свою внутреннюю сплоченность. Но когда общество

Магриба испытывало государственный брейкдаун, оно становилось чрезвычайно уязвимым для вторжения из пустыни.

Когда демографически-структурные модели корректируют с учетом этих двух факторов, то они показывают совсем другую, отличную от западноевропейской, динамику (Turchin 2003b). Высокий уровень репродуктивности элит означает, что они растут намного быстрее, чем население в целом. Численность элиты увеличивается настолько быстро, что общая перенаселенность играет намного меньшую роль, или не играет никакой роли в государственном брейкдауне. В результате, интегративная тенденция векового цикла заканчивается гораздо быстрее, чем в стандартной модели, разработанной для западноевропейской ситуации. После распада государства в этом случае, как правило, нет длительной фазы депрессии: чтобы организовать коалицию племен пустыни, подобрать обломки распавшегося государства и установить новую династию, не требуется много времени.

В результате сокращенной интегративной тенденции и отсутствия фазы депрессии модели предсказывают намного более быстрый вековой цикл для обществ магрибинского типа, длительностью порядка одного века (а не два-три века, как в Западной Европе). Этот прогноз согласуется с наблюдением Ибн Халдуна о том, что династические циклы в странах Магриба продолжались, в среднем, около четырех поколений (обычная длительность поколения – 20-30 лет). Отметим, что это – истинное теоретическое предсказание: модели не были специально созданы для магрибинского случая. Меньшая длительность цикла следует непосредственно из структурных предположений модели, из высокой репродуктивной скорости элиты и из быстрого оборота элиты после крушения государства.

В соответствии с предсказанием, не все исламские государства демонстрируют циклы Ибн Халдуна. Основным параметром, согласно теории, является темп роста элиты. Исламские общества, которые в той или иной форме контролировали элитные темпы роста, по прогнозам, демонстрируют более медленные циклы с периодами, аналогичными тем, которые наблюдаются в Западной Европе. Например, в Османской империи султаны имели по существу неограниченное количество жен и наложниц. Однако когда старый правитель умирал, только одному сыну разрешали заменить его; всех других убивали. Кроме того, высшие уровни гражданской и военной администрации пополнялись не потомками знати, а посредством девширме. Другими словами, государство, а не биология, контролировало численность высшей элиты. Только низшему разряду поместной элиты разрешали увеличиваться «биологически», но не будучи достаточно богатыми, османские помещики не могли позволить себе слишком много жен. В результате мы можем предсказать, что вековые циклы в Османском государстве должны быть намного более длинными, чем в Магрибе.

Еще более крайний случай демонстрирует государство мамлюков в средневековом Египте. Его правящий класс «принимался на работу» ис-

ключительно на невольничьих рынках. Дети мамлюков не могли быть мамлюками, и таким образом автоматически выпадали из правящего класса. В принципе, это правило должно было остановить динамику «халдуновских» циклов и привести к устойчивому равновесию (за возможным исключением экзогенных возмущений).

Рекурсивная природа исторической динамики

В целом, различные социальные процессы работают в различных временных масштабах. Наиболее короткий масштаб – это ежедневные, еженедельные, ежемесячные и ежегодные циклы. Помимо того у нас есть человеческие поколения, процессы, происходящие на временной шкале веков (в том числе вековые циклы), и долгосрочные явления, такие как социально-биологическая эволюция. В качестве примера, рассмотрим процессы на фондовом рынке, если судить по индексу Доу-Джонса (DJIA). DJIA колеблется в разных масштабах: в дневном (потому что биржа закрывается на ночь), еженедельном (нет деятельности по выходным), годовом (финансовый отчетный год влияет на поведение трейдера), многолетним (бизнесциклы), и в масштабе нескольких десятилетий (цикл Кондратьева, хотя и не все экономисты принимают существование таких длинных циклов). Траектория DJIA выглядит «рекурсивной», потому что количество колебаний зависит от шкалы времени, в которой рассматривается траектория.

Если мы интересуемся пониманием влияния экономического цикла на цены акций, то мы не заботимся о краткосрочных колебаниях. Мы, конечно, должны проигнорировать ценовые движения в течение одного дня, и вероятно, даже в течение недели. Таким образом, временной ряд, с которым мы хотели бы исследовать многолетние колебания, будет использовать значения индекса Доу-Джонса, усредненного в течение каждой недели. Усреднение – это самый простой вид сглаживания, так что мы по существу сглаживаем все «неинтересные», с точки зрения основного вопроса, краткосрочные колебания. С другой стороны, если мы хотим знать, как праздничные периоды затрагивают движение курса акций, то необходимо сохранить колебания в течение недели, и, возможно, рассмотреть почасовые движения (чтобы проанализировать, как курсы ведут себя течение короткого предпраздничного дня). Теперь изменения на протяжении бизнесцикла становятся помехой, и может быть оказаться полезным устранить эффект многолетних и долгосрочных колебаний, удалить тренд. Дело в том, что различные вопросы требуют приближенного анализа в различных масштабах времени.

Переходя к динамике населения, заметим, что демографические изменения также происходят в разных масштабах: ежемесячно (женские периоды менструации), ежегодно (сельскохозяйственные и эпидемические циклы), в течение поколений (где-то от двух до трех десятилетий), и в течение

веков (один, два или три столетия, в соответствии с теорией вековых циклов). Если мы интересуемся динамикой детских болезней, то масштаб подходящего времени был бы недели или месяцы, чтобы захватить течение каждой эпидемии (заболеваемость корью, например, начинает расти после того, как дети начали учебный год, и постепенно растет к пику зимой).

С другой стороны, если мы хотим понять, как разворачиваются вековые циклы, то нам, конечно, не нужно знать, как смертность колеблется в еженедельных или ежемесячных временных рамках. Нам не нужно знать, что может быть дефицит рождений через девять месяцев после Великого поста, в результате того, что набожные христиане избегают половых сношений. Все такие колебания в течение года или даже от года к году не имеют отношения к целям нашего исследования. Соответствующим шагом по времени является одно человеческое поколение, и мы должны усреднять более мелкие колебания. Мы также должны сделать кое-что с очень длинными тенденциями, которые обусловлены социальной эволюцией. Для этого требуется удаление тысячелетней тенденции (Turchin 2005:153), например, как это было сделано для английского населения в период раннего Нового времени (см. приложение к гл. 3). Сглаживанием колебания в пределах десятилетия и удаление тысячелетних тенденций мы сохраняем два интересующих нас временных масштаба. Более длинный – средний период светского цикла – это то, что требуется объяснить. Более короткий – человеческое поколение – является временным шагом динамического процесса, который, как предполагается, служит объяснительным механизмом вековых циклов.

Важно помнить, что численность населения – это динамическая переменная, которая обладает большой инерцией во временных масштабах более коротких, чем человеческое поколение. Это особенно верно в отношении прироста населения, который может происходить только медленно, поскольку младенцы воспитываются, прежде чем стать взрослыми. Даже при идеальных условиях человеческой популяции необходимо, по крайней мере, одно поколение, чтобы удвоиться. С другой стороны демографического баланса, смертность теоретически может свести население к очень низкому уровню в очень короткое время. Тем не менее, ежегодные изменения смертности, например, в связи с неурожаем, хотя и могут быть весьма существенными, но в значительной степени сглаживаются «буфером» общей численности населения.

Эта амортизирующая способность общей численности населения играет важную роль в понимании того, как изменчивость климата влияет на демографическую динамику. Ежегодные изменения, даже чрезвычайные, могут оказать лишь небольшое влияние на изменение численности населения. Если население значительно ниже экологической емкости, у крестьян могут быть достаточные запасы, чтобы выдержать год или два года неурожая без существенного демографического эффекта. Напротив, долгосроч-

ное охлаждение, даже менее чем на один градус по Цельсию, может иметь гораздо более существенное влияние на динамику численности населения за счет снижения экологической емкости. (Этот аргумент – лишь иллюстрация важности временного масштаба; в реальном мире эффект изменения климата будет зависеть от фазы цикла, альтернативных зерновых культур, на которые крестьяне могут переключиться, и от многих других факторов).

Циклы поколений

Предыдущее обсуждение должно прояснить, что мы далеки от принятия монопричинного взгляда на человеческую историю. Основная гипотеза этой книги заключается в том, что демографически-структурные процессы играют важную роль в исторической динамике, но мы не утверждаем, что они являются единственным действующим фактором. Однако, это не лучшая стратегия исследования – включать в модель все, что можно придумать. История науки показывает снова и снова, что попытка включить слишком много объяснительных факторов в теорию является пагубной. Как Альберт Эйнштейн сказал однажды, теория должна быть как можно более простой, но не проще.

Один конкретный процесс, который не является частью демографически-структурной теории, но должен быть принят во внимание при изучении вековых циклов – это динамика «отцов и сыновей» (Turchin 2003b, 2006). Этот механизм работает во время длительных дезинтегративных тенденций, которые характерны для вековых циклов в Европе. Эмпирическое наблюдение состоит в том, что дезинтегративные тенденции не являются периодами непрерывной гражданской войны; на самом деле, периоды, когда социально-политической нестабильность особенно высока, перемежаются с периодами относительного умиротворения.

Чтобы проиллюстрировать эту динамику, отметим, что во время дезинтегративной тенденции в позднесредневековой Франции (в период Столетней войны), хорошие времена чередовались с плохими. Царствование Иоанна II (1350-1364) было периодом социального разложения и распада государства, в то время как правление его сына Карла V (1364-1380) было временем национальной консолидации и территориальных завоеваний. Следующее царствование Карла VI (1380-1422) было еще одним периодом социальной дезинтеграции и распада. За ним последовал период внутренней консолидации и национального возрождения при Карле VII (1422-1461), который, наконец, поднял Францию из депрессии позднего средневековья. Эта общая динамическая картина чередования очень бурных и относительно мирных периодов снова и снова наблюдается во время вековых дезинтегративных фаз. Одно из возможных объяснений таких колебаний в коллективном настроении заключается в социальной психологии.

Эпизоды внутренней войны часто развиваются подобно эпидемиям или лесным пожарам. В начале конфликта каждый акт насилия вызывает цепочки мести и противомести. Со временем участники теряют всякую сдержанность, зверства становятся обычным явлением, и конфликт разрастается в ускоряющемся, взрывчатом темпе. После первого взрыва, тем не менее, насилие тянется дальше и дальше в течение многих лет, а иногда даже на протяжении десятилетий. Рано или поздно большинство людей начинают тосковать по возвращению к стабильности и думать о прекращении боевых действий. Большинство психопатических и жестоких лидеров погибает или теряет своих сторонников; насилие, как эпидемия или лесной пожар, «выгорает». Несмотря на то, что вызвавшие конфликт фундаментальные причины продолжают действовать, преобладающие социальные настроения складываются в пользу прекращения конфликта любой ценой, и постепенно утверждается шаткое перемирие. Эти люди, как поколение Карла Мудрого, непосредственно пережившее гражданскую войну, стали «иммунизированными» против нее, и, пока они находятся у власти, они сохраняют стабильность. Мирный период длится в течение человеческого поколения, от двадцати до тридцати лет. В конце концов, однако, травмированное конфликтом поколение вымирает, и приходит новая когорта — люди, которые не испытали ужасов гражданской войны и не иммунизированы против нее. Если долгосрочные социальные силы, которые привели к первой вспышке внутренних войн, все еще работают, то общество скатится во вторую гражданскую войну. В результате вспышки интенсивных конфликтов, как правило, повторяются с периодом примерно в два поколения (40-60 лет).

Эти колебания в общественном настроении можно назвать «циклами поколений», потому что они вовлекают чередующиеся поколения, которые либо склонны к конфликтам, либо не склонны к ним. Другой пример такой социальной динамики настроения был отмечен, например, Артуром М. Шлезингером-младшим (Schlesinger 1986). Кроме того, циклы поколений продолжают неожиданно возникать в других контекстах. Уровень рождаемости в XX в. в Америке колебался с периодом около 50 лет (Easterlin 1980; Macunovich 2002). Многие экономические показатели колеблются примерно с тем же периодом, это явление известно как цикл Кондратьева (Kondratieff 1984). Циклы Кондратьева и Шлезингера могут быть связаны друг с другом, или, по крайней мере, они часто колеблются синхронно (Berry 1991; Alexander 2002). Волна Кондратьева может также быть коррелирована с военным циклом (Goldstein 1988). Наше понимание циклов Истерлина, Шлезингера и Кондратьева является очень несовершенным, и многие исследователи сомневаются в реальности этой динамики. Здесь не место разбираться в этой огромной и запутанной теме, и в остальной части книги мы остановимся только на динамике социополитической нестабильности. Это вызвано необходимостью понять, почему дезинтегративные

тенденции в определенных типах общества, как правило, имеют несколько пиков социополитической нестабильности.

Экзогенные силы

«Стандартная» демографически-структурная модель пункта 1.2 сфокусирована на эндогенных силах, представляющих внутренние обратные связи между такими структурными переменными как население, социальная структура и нестабильность. На реальные социальные системы влияют и многие внешние факторы, которые не являются явными частями модели. Мы уже упоминали о некоторых из них в этой секции, здесь мы обратимся к более систематическому обсуждению важнейших внешних сил (см. также: Turchin и Hall 2003).

- Окружающая геополитическая среда. Сильные и агрессивные соседи могут воспользоваться внутренней слабостью государства во время дезинтегративного периода цикла. Такие нападения могут углубить степень брейкдауна. В худшем случае государство может быть завоевано и присоединено к соседней империи (очень сильная экспансионистская империя, такая как империя Чингиз-хана, может просто уничтожить государство и устранить его эндогенную динамику). Напротив, наличие слабых соседей может способствовать внешним завоеваниям, которые могли бы уменьшить демографическое давление в метрополии и предоставить выход избыточным элитам, таким образом продлевая интегративную тенденцию.

- Окружающая эпидемическая среда. Некоторые пандемии, такие как Черная Смерть, зарождаются в отдаленных частях Евразии и распространяются по всему континенту (Turchin 2008). Влияние эпидемий будет зависеть от фазы векового цикла. В фазе расширения приход эпидемии может означать незначительное прерывание демографического роста. С другой стороны, в фазе стагнации высокая плотность населения делает его уязвимым к пандемии, и резкое падение численности населения может привести к длинной и глубокой дезинтегративной тенденции.

- Техническая эволюция. Большое значение имеет прогресс в сельскохозяйственной технике, которая влияет на экологическую емкость окружающей среды. Значительный рост урожайности, увеличивая экологическую емкость, будет иметь такое же влияние на продовольственные цены и уровень потребления, как значительное сокращение населения.

- Глобальный климат. Его действие аналогично пункту выше, так как долгосрочные колебания температуры и осадков влияют на продуктивность сельскохозяйственных культур и экологическую емкость. Общество, население которого оказывает большое давление на ресурсы, может быть ввергнуто в кризис значительным ухудшением климата.

- В дополнение к периодически действующим экзогенным факторам, рассмотренным выше, мы должны принимать во внимание единичные со-

бытия или исторические случайности, которые могут иметь важные долгосрочные последствия. Хорошим примером такого особого события является открытие и колонизация Америки, в результате чего, начиная с XVI в., в Европу стал поступать поток драгоценных металлов. Американское серебро выступало в качестве усилителя, создавшего мощную инфляцию в вековом цикле XVI-начала XVII вв. Другими словами, у «революции цен» XVI в. было две причины, денежно-кредитная и демографическая (Fischer 1996:74).

1.4. Эмпирические подходы

Основная цель этой книги состоит в том, чтобы определить, насколько хорошо предсказания демографически-структурной теории соответствуют эмпирически наблюдаемым процессам в исследуемых исторических обществах. Синтетическая теория, описанная в пункте 1.2, имеет четыре основные переменные: численность населения (относительно экологической емкости), социальная структура (в частности, численность и уровень потребления элиты), государственная мощь (как правило, она оценивается по состоянию финансов), а также социополитическая нестабильность. Эти переменные являются фундаментальными в том смысле, что именно взаимодействие между ними генерирует вековые циклы (в терминологии теории динамических систем это – эндогенные переменные). В каждом эмпирическом социологическом исследовании наша цель состоит в сборе данных, описывающих поведение этих переменных.

В идеале, мы желаем иметь временные ряды данных о конкретной переменной, собранные через регулярные интервалы времени (идеальный шаг времени – десятилетие или человеческое поколение в 20-30 лет). К этому идеалу в исторических исследованиях редко удается приблизиться. Во-первых, обычно имеется существенная погрешность измерения. Это не фатальная проблема, потому что мы можем использовать статистические методы, чтобы оценить, как много полезной информации содержится в данных. Даже в худшем случае, когда у нас нет количественных данных и все, что мы можем сказать: переменная увеличивается, уменьшается или остается примерно постоянной, это может быть весьма полезным как тест для теоретических предсказаний.

Во-вторых, мы можем иметь приемлемые количественные показатели, но для беспорядочно расположенных моментов времени. Опять же, эти данные могут быть очень информативными, особенно, если они дополняются качественными указаниями о динамике изменений между «опорными точками». Реконструкция, выполненная специалистами-историками, может быть удивительно точной, как это имело место в случае оценки демографической динамики в Англии раннего Нового времени. Эта оценка позднее была подтверждена формальными методами реконструкции населения.

Заметим, что существуют статистические методы для анализа временных рядов, которые могут помочь использовать данные, даже если они расположены неравномерно (хотя мы не будем применять их в этой книге).

Очень полезным источником информации являются археологические данные (e.g. Morris 2005). Некоторые виды археологических данных, такие, как количество жилья в разные периоды, могут давать хорошие оценки динамики численности населения. Динамика населения Новгорода была выявлена через плотность остатков кожаной обуви в культурных слоях (Nefedov 2002). Заметим, что такие археологические данные часто не могут сказать нам, каков был абсолютный уровень населения (чел. на км²). Но количественные данные об относительных колебаниях так же пригодны для проверки теории. В самом деле, гораздо лучше иметь временной ряд относительных колебаний, чем различные, но единовременные оценки абсолютной величины населения. Демографически-структурная теория имеет дело с динамикой, то есть с изменениями во времени, но невозможно измерить изменение, имея данные лишь для одного момента времени.

Имеется достаточно много количественных источников данных для проверки теории об исторической динамике, и некоторые из них систематически эксплуатируются. Например, интенсивность строительства общественных зданий (в первую очередь, церквей), показывает удивительные колебания во времени. Этот показатель может отражать объем ресурсов, имеющихся в распоряжении государства или элиты, в зависимости от конкретных условий данного общества.

Другим важным количественным показателем является временное распределение находок монетных кладов. В 1969 г. Майкл Кроуфорд предположил, что существует тесная взаимосвязь между концентрацией монет в кладах и периодами внутренней войны в Римской республике (Crawford 1993:162). Другое исследование показало аналогичную картину в конце периода Каролингов (Armstrong, 1998).

Замещающие переменные (такие, как количество зданий или кладов) должны использоваться осторожно, потому что они могут быть не вполне коррелированы с главной переменной. Например, число людей, проживающих в здании или в комнате, может меняться со временем. В результате, для того, чтобы оценить общее население в пределах определенной области, нужно умножить количество комнат, полученное археологическими методами, на среднее количество человек в каждой комнате, которое, как правило, неизвестно. Кроме того, количество монетных кладов за десятилетие зависит не только от нестабильности, но и от степени монетизации экономики, а также от того, сколько времени прошло с тех пор, как клад был закопан (чем дальше в прошлое, тем больше шансов, что клад будет найден до наших дней).

Несмотря на то, что с замещающими переменными (прокси-переменными) необходимо обращаться осторожно, было бы неразумно

полностью игнорировать их, потому что они зачастую дают лучшую количественную информацию из того, что у нас имеется. Одним из способов разобраться с прокси-переменными является построение модели различных факторов, которые могут повлиять на них, оценка параметров этой модели, и затем определение значения главной переменной в зависимости от значения прокси-переменной. Для этих целей были разработаны статистические методы, которые применяются при решении многих научных проблем. В конце концов, даже в физике мы обычно не можем непосредственно измерить температуру: мы должны сделать вывод о температуре через прокси-переменную, через величину расширения ртути в стеклянной трубке. В комплексе геофизических приложений, таких, как размещение месторождений нефти, ничто не может быть измерено непосредственно, но все оценки делаются путем создания комплексной модели подземных геологических слоев. Мы не будем делать подобные попытки в этой книге, но это, безусловно, то, что может быть опробовано в будущем.

Имеется много других эндогенных переменных в дополнение к основным переменным и их «заместителям». Эндогенные переменные – это те переменные, которые участвуют в постулируемых теорией обратных связях. Их динамика в значительной степени определяется другими эндогенными переменными (но также и случайными возмущениями), а они, в свою очередь, влияют на другие меняющиеся со временем эндогенные переменные. Напротив, экзогенные переменные – это переменные, которые влияют на состояние динамической системы, но состояние системы не оказывает на них никакого влияния. Примером эндогенной переменной является реальная заработная плата. По теории Мальтуса-Рикардо, заработная плата в первую очередь определяется численностью населения по отношению к экологической емкости, но на нее могут действовать и другие факторы. Например, интенсивная междоусобная война может нарушить производство зерна, вызвать рост цен на продовольствие и оказать негативное воздействие на реальную заработную плату. Реальная заработная плата, в свою очередь, влияет на другие переменные, например, на демографические показатели, которые затем влияют на динамику численности населения. Дело в том, что набор эндогенных переменных описывает различные петли обратной связи, которые определяют сложную динамику социальной системы. Эти переменные и прогнозы демографически-структурной теории о том, как они должны меняться в различных фазах цикла, приведены в табл. 1.1. В последующих главах нашей целью является документирование динамики как можно большего числа этих переменных.

Таблица 1.1. Эмпирические предсказания демографически-структурной теории

	<i>Интегративная тенденция</i>		<i>Дезинтегративная тенденция</i>	
	<i>Расширение (рост)</i>	<i>Стагфляция (сжатие)</i>	<i>Кризис (брейкдаун)</i>	<i>Депрессия (интерцикл)</i>
<i>Основные переменные</i>				
Демографическая динамика	Население увеличивается с низкой точки. Темп роста ускоряется	Население велико и продолжает увеличиваться, но темп роста замедляется	Население уменьшается от максимума; темп снижения ускоряется	Население на низком уровне; оно либо медленно уменьшается, либо стагнирует; возможны периоды увеличения населения, но они не приводят к систематическому росту
Динамика элиты	Низкая или умеренная численность; низкое отношение численности элита/простой народ; скромный уровень потребления	«Золотой Век» элиты, рост численности. Возрастающая внутриэлитная конкуренция; распространение престижного потребления; появление контр-элит	Высокая численность; фракционность и конфликты; высокая коррупция; высокое неравенство в доходах; обнищание служилой элиты	Сокращение численности элиты в результате гражданской войны и нисходящей модальности; падение элитного уровня потребления
Государственная мощь и коллективная солидарность	Увеличивающаяся; социальное единство среди элиты, которое может простираться на простой народ	Высокая, но снижающаяся	Брейкдаун, социальная дезинтеграция	Периодические попытки восстановления государства сменяются повторными брейкдаунами
Социополитическая нестабильность	Убывает к минимуму	Низкая, но растет	Возрастает до максимума	Высокая, но снижается
<i>Другие эндогенные переменные</i>				

Число сельских поселений	Возрастает	Медленно возрастает или стагнирует	Убывает, поселения забрасываются	Отсутствие роста
Пахотная земля	Увеличивается	Медленно увеличивается или стагнирует	Убывает	Колеблется около минимума
Свободная земля	В начале изобилует, потом убывает	В малом количестве	Увеличивается	Изобилует
Обеспеченность крестьян землей	Высокая, но убывает	Низкая	Низкая, но увеличивается	Высокая
Цены на землю	Низкие, но возрастают	Высокие	Падают	Низкие
Цены на зерно	Низкие	Возрастающие	Высокие, но колеблются	Убывают, но колеблются
Реальная заработная плата	Высокая	Убывает к минимуму	Возрастает, но колеблется	Высокая, но колеблется
Арендная плата	Низкая	Высокая	Падает, но с флуктуациями	Низкая, но зависит от обстоятельств
Душевое потребление	Высокое, неурожайные годы редки	Низкое: бедность, бродажничество	Кризис потребления, голод	Нестабильное, зависит от ситуации
Запасы зерна	Высокие	Убывающие	Отсутствуют	Колеблющиеся, в зависимости от обстоятельств
Урбанизация	Низкая	Возрастает, рост городов	Высокая	Высокая, но убывает
Уровень развития ремесел	Низкий	Возрастает, безземельные крестьяне становятся ремесленниками	Высокий	Понижается
Уровень развития торговли	Низкий, местная торговля	Увеличивается в объеме и ассортименте товаров	Упадок	Местная торговля
Ростовщичество	Отсутствует	Возрастающая крестьянская задолженность	Высокий уровень развития	Убывает
Крупное землевладение	Отсутствует, низкое	Возрастает	Высокий уровень, концентрация зе-	Убывает

	или среднее		мель в руках крупных владельцев	
Уровень экономического неравенства	Низкий	Возрастающий	Высокий	Высокий, но убывающий
Интенсивность эпидемий	Низкая	Возрастает, восстановление после эпидемий замедляется	Часто катастрофическая, приводящая к уменьшению населения	Высокая, но убывающая
Внутренний мир и порядок	Возрастает, «золотой век»	Высокий, но постепенно положение ухудшается, растет сопротивление налогообложению	Кризис: крестьянские восстания, городские восстания, внутриэлитные конфликты, региональные и националистические восстания	Рецидивирующая гражданская война, политическое раздробление, вторжения извне
Количество монетных кладов (индикатор социополитической нестабильности)	Убывает к минимуму, за исключением случаев внешних вторжений	Низкое, за исключением случаев внешних вторжений	Быстро увеличивается к максимуму во время брейкдауна и гражданской войны	Достигает максимума в периоды обострения гражданских войн
Государственные финансы	Доходы растут, расходы стабильны, бюджетный профицит	Реальные доходы падают, расходы возрастают вследствие роста армии и бюрократического аппарата	Государственное банкротство, потеря контроля над армией и бюрократией	Государство бедно в финансовом отношении, но имеется высокая переменчивость в зависимости от ситуации
Налогообложение	Возрастает	Стагнирует или даже уменьшается в реальном исчислении; тяжелые налоги на крестьянство	Кризис налоговой системы	Ситуация переменчива, периоды высокого налогообложения сменяются периодами коллапса налоговой системы
Идеология	Господствует позитивная, оптимистическая	Рост социального пессимизма, критики властей, идеологиче-	Народные движения за социальную справедливость, отмену долгов и передел	Пессимистическая идеология, культ смерти

	идеология	ские и социальные конфликты	земли	
Государственная политика	Невмешательство во внутренние дела, направленность на внешние завоевания	Интенсифицируются попытки социальных реформ, строительство ирригационных сооружений и объектов инфраструктуры, колонизация окраин, внешняя агрессия для приобретения новых территорий	Социальные реформы, иногда приводящие к социальной революции	Пассивная; слабость государства – часто как результат внешних вторжений

Глава 2. Средневековая Англия: Цикл Плантагенетов (1150-1485 гг.)

2.1. Обзор цикла

Мы ограничиваем вековой цикл средневековой Англии двумя периодами интенсивных и длительных внутренних конфликтов: анархией во времена правления Стефана (1138-1153) и войнами Алой и Белой розы (1455-1485). Поскольку этот период, примерно 1150-1485 гг., был временем правления династии Плантагенетов (включая ее ветви Ланкастеров и Йорков), мы будем называть его циклом Плантагенетов. Определение конца цикла примерно 1485 г., вероятно, не вызовет споров, так как большинство специалистов считают, что демографическая динамика в Англии изменилась от стагнации к росту в конце XV в. Что касается начальной точки цикла, то устойчивый рост численности населения в Англии, видимо, начался только в конце XII в. Это более спорный момент, и эмпирические данные, подтверждающие это обстоятельство, будут обсуждаться позднее в этом пункте.

При обсуждении каждого примера мы будем использовать следующую схему. Во-первых, мы приводим данные о динамике основных переменных, которые лежат в основе демографически-структурного объяснения вековых циклов. Мы начинаем с демографических и экономических переменных, чтобы затем перейти к социальной структуре и элитной динамике, и наконец, к политическим аспектам. Когда установлена общая схема цикла, мы переносим акцент на изучение того, как эти переменные взаимодействовали друг с другом в каждой из фаз цикла (расширение, стагфляция, кризис, депрессия).

Тенденции в населении и экономике

Основные особенности динамики населения в этот период не вызывает сомнений (Hatcher 1977; Hallam 1988b; Hatcher и Bailey 2001; Dyer 2002). Имелся период общего роста численности населения до конца XIII в., максимум около 1300 г., медленное снижение в начале XIV в., демографическая катастрофа, связанная с Черной Смертью 1348 г. и повторными эпидемиями, и затем – фаза депрессии в течение большей части XV в. (рис. 2.1). Первые признаки восстановления населения заявили о себе около

1480 г., и в течение XVI в. (который принадлежит уже к следующему циклу) наблюдался устойчивый демографический рост. Однако, хотя очертания демографического цикла ясны, мы имеем сравнительно мало количественных данных, например, о точной величине максимума в 1300 г., и, что более важно, о том, когда именно начался период устойчивого роста.

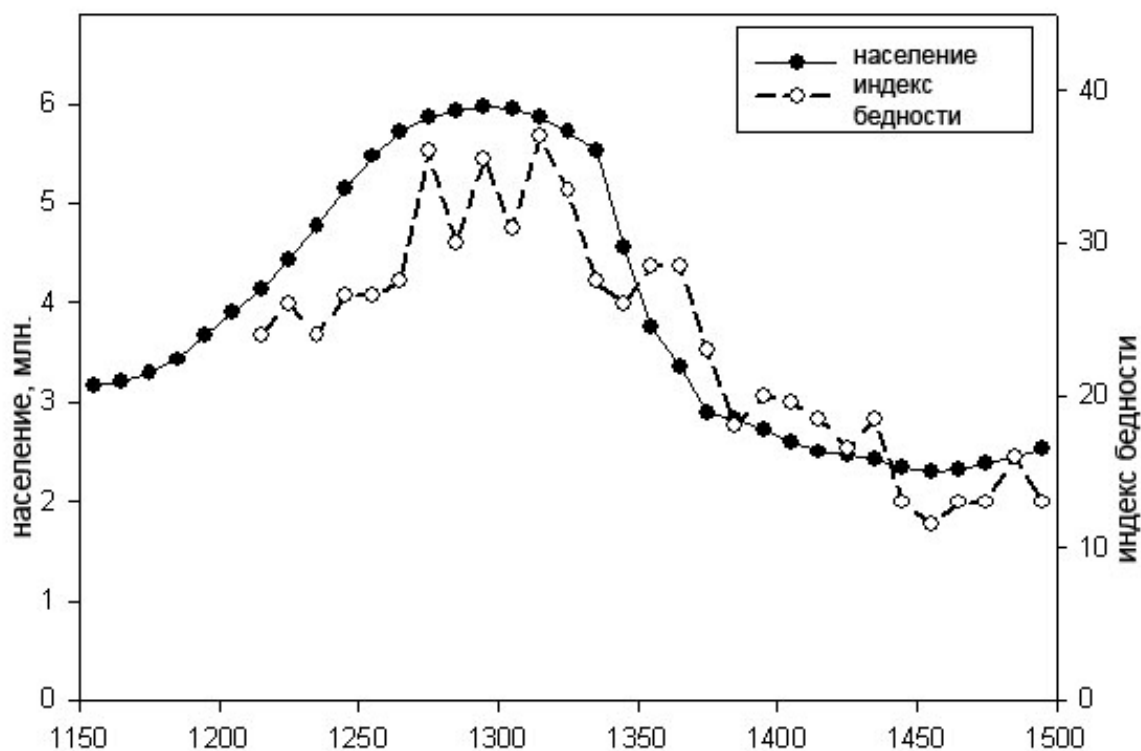

Рисунок 2.1. Численность населения и «индекс бедности» в Англии в 1150-1500 гг. Данные о населении (Hatcher 1977; Hatcher и Bailey 2001), модифицированы, чтобы, согласно Халлему (Hallam 1988b:537) показать замедление темпов роста в течение XII в. Индекс бедности – величина, обратная к реальной заработной плате; она определяется как число дней работы, необходимое, чтобы купить стандартную корзину предметов потребления (по данным ANEW II:778 и ANEW III:491).

Первой опорной точкой для восстановления динамики английского населения является Книга страшного суда 1086 года. По данным этой переписи имелось 275 тыс. человек (Hatcher 1977:68), которые были либо мужчинами трудоспособного возраста, либо главами домашних хозяйств (Harvey 1988). Это число должно быть преобразовано в общую численность населения. Кроме того, необходимо учитывать, что четыре северные области и два крупнейших города были исключены из подсчетов, и вероятно, не были учтены субарендаторы и безземельные мужчины (Hatcher 1977:68). Один из основных источников неопределенности – это множитель, который должен использоваться, чтобы преобразовать число домаш-

них хозяйств в общую численность населения. Рассел, используя множитель 3.5, оценил население Англии в 1086 г. как 1.1 млн. (Russell 1948). С другой стороны, Постан приводил доводы в пользу числа 2.5 млн. (Postan 1966). В настоящее время, оценка множителя в пределах 4.5-5 кажется более вероятной (Harvey 1988:48), и наиболее часто цитируемая оценка для населения Англии в 1086 г., лежит в диапазоне 1.75-2.25 млн. (Hatcher 1977:68).

Вторая точка опоры – это подушный налог 1377 г., который указывает, что в то время в Англии было от 2.5 до 3 млн. человек (Hatcher 1977:68). Между 1348 и 1377 гг. население, вероятно, уменьшилось на 40-50 %. Кроме того, имелось некоторое снижение от 1300 до 1348 года. Исходя из этих соображений, Хэтчер оценил максимальное население в 1300 г. как 4.5-6 млн. «с балансом возможностей, указывающих на более высокие пределы этого диапазона» (Hatcher 1977:68).

Примерно такова же была оценка Халлама, считавшего вперед от переписи 1086 г. (Hallam 1988b). Используя информацию о числе держателей, зарегистрированных в различных поместьях между 1086 и 1350 гг., и предполагая, что размер домохозяйства составлял 4.7 человека, а население в 1086 г. – 2 млн., Халлам (Hallam 1988b:537) получил следующие оценки:

Таблица 2.1. Население Англии и Уэльса по оценке Халлама (Hallam 1988b:537).

<i>Год</i>	<i>Население, млн.</i>	<i>Среднегодовой темп роста, %</i>
1086	2.00	–
1149	3.42	0.85
1230	4.96	0.46
1262	6.20	0.70
1292	6.52	0.17
1317	6.30	–0.14

Эти цифры показывают, что население неравномерно увеличивалось в период 1086-1300 гг. Ранее (в 1956 г.) Майкл Постан предположил, что демографическое расширение было самым быстрым до 1130 г., в то время как между 1130 г. и заключительной четвертью столетия население стагнировало (Postan 1973:276). Совсем недавно к этому же выводу пришли Лэнгдон и Масчали (Langdon и Masschaele 2006:63).

На самом деле даже этот вывод может оказаться слишком оптимистичным. Некоторые данные, правда фрагментарные, показывают, что население, возможно, сократилось в середине XII в. в результате гражданской войны между сторонниками Стефана и Матильды. Таким образом, «Gesta Stephani» говорит, что деревни «стоят одиноко и почти пусты», что

поля неубраны, потому что крестьяне погибли или бежали (Миллер и Hatcher 1978: x). Кроме того, сумма налогов, собранных в первые годы правления Генриха II, уменьшилась на 25% по сравнению с 1130 г. Это снижение было связано не только с нарушением сбора доходов в результате гражданской войны. Должностные лица сообщали, что многие ранее продуктивные земли в настоящее время «пустынны». Кроме того, финансовый механизм английского государства был полностью восстановлен к 1165 г., но доходы восстановились до уровня времен Генриха I только в самом конце правления Генриха II (1154-1189). Таким образом, весьма вероятно, что в период правления Стефана население сократилось. Быстрый рост населения возобновился в конце XII в. и продолжался в течение большей части XIII в. Внезапное появление инфляции в 1180-1220 гг. (Harvey, 1973), является косвенным свидетельством изменения демографического режима.

Хэтчер и Халлам оценивают максимум населения в районе 6 млн. человек, и эти оценки находят свое отражение в кривой на рис. 2.1. Случай более низкого максимума в 4.25 млн. продолжает рассматривать Кэмпбелл (Campbell 2005). Мы склоняемся принять более высокую оценку, но какая бы точка зрения не возобладала в итоге, это не важно для нашей основной аргументации, потому что она опирается на относительные изменения населения, которые бесспорны.

Последней опорной точкой являются налоговые декларации 1520-х гг., которые показывают, что население Англии в 1522-1525 гг. было в диапазоне 2.25-2.75 млн. (Hatcher 1977:69). Существуют веские основания полагать, что к этому времени население оправилась от самого низкого падения в середине XV в. Хэтчер предполагает, что в точке демографического минимума население Англия составляло от 2 до 2.5 млн. Таким образом, английское население увеличилось втрое с 1086 до 1300 г. и к 1450 г. снизилась до уровня едва ли более высокого, чем в 1086 г. (Hatcher 1977: рис. 1).

Движение цен отражало популяционную динамику (рис. 2.2). Цены повысились с низкого уровня 1.5 шиллинга за четвер пшеницы (11 г серебра за квинтал, 1 квинтал =100 кг) в середине XII в. к более чем 6 шиллингам (44 г серебра за квинтал) в начале XIV в. В целом между 1180 и 1330 гг. имело место четырех-пятикратное повышение цен (Farmer 1988:718). После 1350 г. цена четвера пшеницы продолжала колебаться вокруг уровня в 6 шиллингов. Однако, при выражении в серебре цены на пшеницу снизились более чем вдвое (до 20-25 г серебра за квинтал).

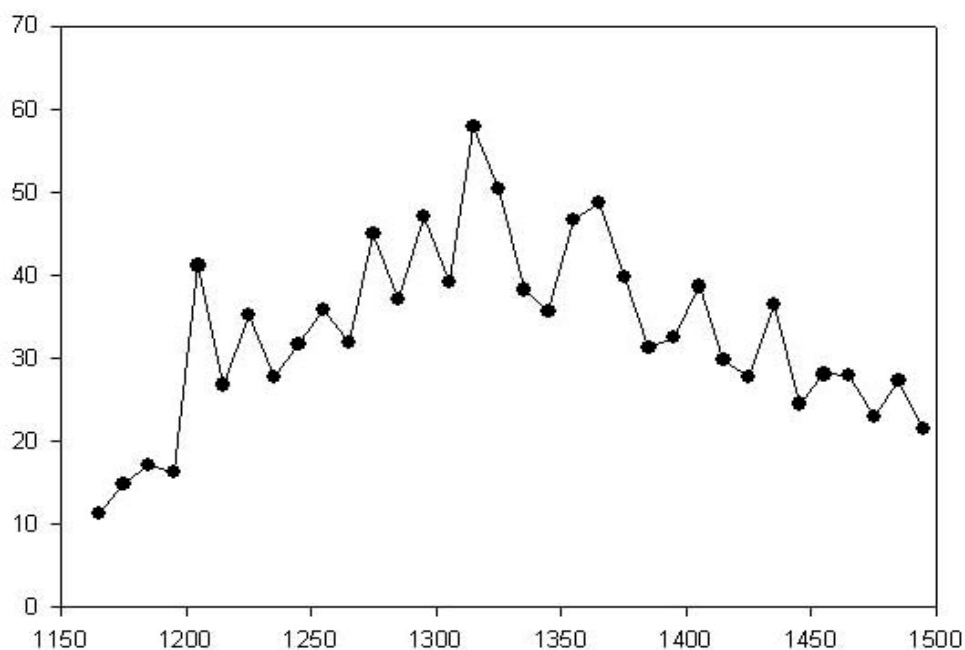

Рисунок 2.2. Цена центнера (100 кг) пшеницы в граммах серебра (данные АНЕС II: табл. 7.1 и АНЕС III: табл. 5.1).

Номинальная заработная плата не демонстрировала цикличности, но росла довольно монотонно. Таким образом, заработная плата строительного мастера увеличилась с 3 пенсов в день в конце XIII в. до 6 пенсов в начале XVI в. (Phelps-Brown and Hopkins 1955). Реальная заработная плата, напротив, показывала колебания, обусловленные циклическим движением цен (рис. 2.3). «Сельская заработная плата» на рис. 3 является заработной платой сельскохозяйственного рабочего, недавно собранной Кларком (Clark 2007b). «Городская заработная плата» является средней реальной заработной платой чернорабочих и мастеров в Лондоне и Оксфорде (Allen, 2001). Обе кривые показывают аналогичную динамику. Реальная заработная плата снизилась в XIII в., достигнув абсолютного минимума во втором десятилетии XIV в. После этого она росла непрерывно, за исключением краткосрочных колебаний, до 1430-х гг. Далее в XV в. она оставалась на примерно постоянном высоком уровне. Интересное различие между городом и деревней заключается в общей величине увеличения заработной платы: только двойное в городе, но тройное в деревне. (Возможное объяснение состоит в том, что относительная депопуляция была более выражена в сельской местности, см. ниже о динамике урбанизации).

Крестьянское потребление также зависело от движения населения. Во второй половине XIII в. в крестьянской диете преобладал хлеб, и крестьяне ели очень мало мяса (табл. 2.2). Удельный вес хлеба в рационе питания начал снижаться после 1300 г. и сократился до менее 20% после чумы. Потребление мяса увеличилось с 4% в 1250-60-х гг. до 30% в конце XIV в.

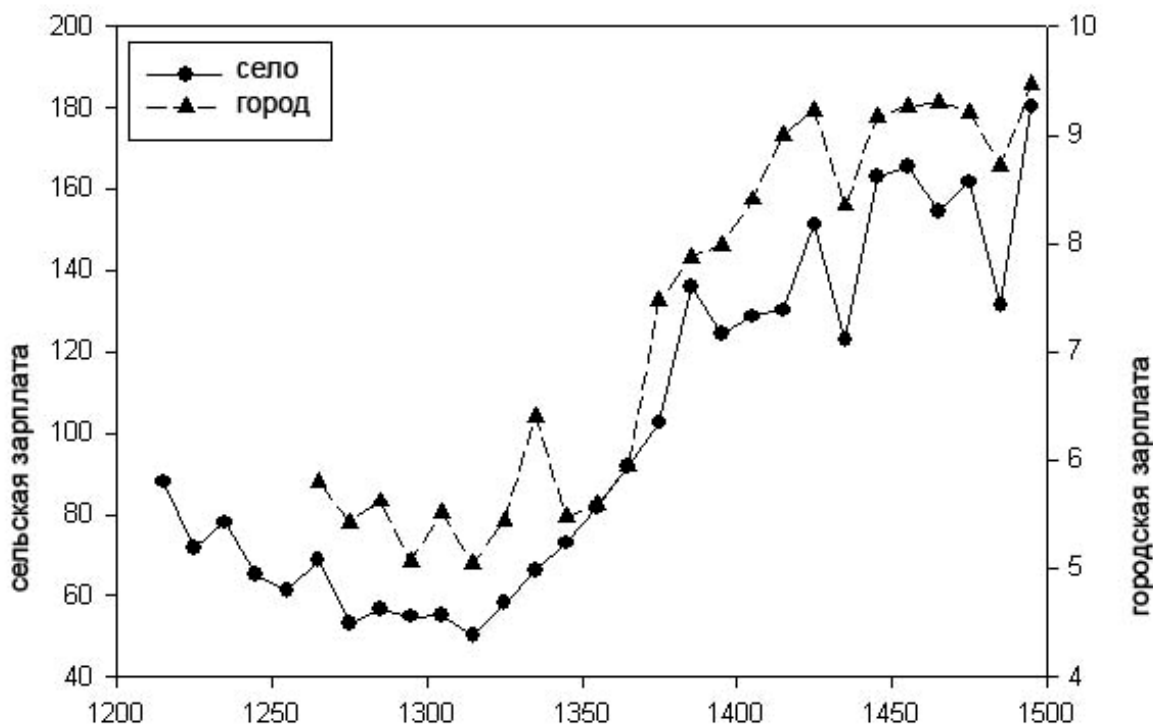

Рисунок 2.3. Реальная заработная плата: сельская (Clark 2007b) и городская (Allen, 2001). Единицы условные.

Таблица 2.2. Потребление продуктов питания (в стоимостном выражении, в процентах) работниками на уборке урожая в Седжфорде, Норфолк (Dyer 2000:82).

Год	Хлеб	Мясо	Год	Хлеб	Мясо
1256	41	4	1353	31	15
1264	48	4	1368	19	25
1274	49	7	1378	15	24
1286	47	14	1387	14	30
1294	48	8	1407	17	28
1310	43	8	1413	20	--
1326	39	11	1424	15	28
1341	34	9			

Социальная структура и динамика элиты

Обращаясь к анализу социального состава населения и его изменений в течение цикла, рассмотрим сначала положение магнатов (верхнего слоя элиты). В 1166 г. в Англии насчитывалось 133 баронства, определяемых как владение, выставяющее пять или более рыцарей (Painter 1943:26). К 1200 г. это число возросло до 160 (Painter 1943:170). В 1300 г. в

число баронов могут быть включены более 300 семей. По словам Мэтью Парижского, Генрих III (ум. 1272) мог вспомнить имена 250 английских баронств, а фактически «баронов» было даже больше из-за разделения среди наследниц, так как владелец части вотчины все еще рассматривается как барон (Pugh 1972:117). Однако, не всех «баронов» можно рассматривать как магнатов. Вопрос о том, кого включать в верхушку английского общества усложняется изменением определений, так как десятилетия около 1300 г. были периодом перехода от владения недвижимостью к парламентскому титулу барона (Painter 1943:173). Можно предположить, что около 1300 г. в Англии имелось 200-220 магнатских семей (Painter 1943, 1987). Р. Уэллс (цит. по: Given-Wilson 1987:188) идентифицировал 217 семей, принадлежащих к большим баронам в 1300 г. Эта цифра не сильно отличается от 196 глав дворянских семей, вызванных в парламент в период 1295-1325 гг. (McFarlane 1973: appendix B). В итоге, количество магнатов увеличилось между 1166 и 1300 гг., но этот рост, вероятно, не соответствует общему росту численности населения (табл. 2.3).

Таблица 2.3. Численность и доходы английских магнатов (Painter 1943; Given-Wilson 1987).

<i>Год</i>	<i>Число магнатов</i>	<i>Средний доход, фунтов</i>
1086	170 баронов	200
1166	133 баронов	200
1200	160 баронов	200
1300	220 больших баронов (196 пэров)	668
1436	73 пэров	881

Динамику магнатского слоя после 1300 г. можно проследить на основе данных, представленных К. Макфарлейном (табл. 2.4). До 1350 г. численность дворянства увеличивалась или оставалась примерно постоянной (в зависимости от того, рассматриваем ли мы цифры в начале периода или общее количество). Размер страты начал уменьшаться после 1350 г. резко упал в первой половине XV в., а затем стабилизировался к концу века. Число семей пэров все еще было около 60 в 1540 г. и в следующем вековом цикле (см. следующую главу).

Темпы вымирания, подсчитанные Макфарлейном дают подобную динамику: общее увеличение до 1400-1425 гг. и дальнейший спад. Однако еще более важным фактором является резкое падение числа новых семей, вызванных в парламент. Таким образом, сокращение числа пэров около 1400 г. было достигнуто, как путем увеличения темпов вымирания, так и снижением вертикальной мобильности, а равновесие после 1450 г. являет-

ся результатом продолжающейся низкой вертикальной мобильности и снижения скорости вымирания.

Таблица 2.4. Количество благородных семей в Англии в XIV и XV вв. (определяемых семьи, главы которых получили после 1295 г. вызов в парламент) (McFarlane 1973: appendix B).

<i>Период</i>	<i>Число фамилий в начале периода</i>	<i>Новые фамилии, вызванные в течение периода</i>	<i>Общее число фамилий</i>	<i>Вымирание в течение периода</i>	<i>Вымирание за 25 лет, %</i>
1300-1325	136	60	196	51	26.0
1325-1350	145	47	192	45	23.4
1350-1375	147	29	176	50	28.4
1375-1400	126	17	143	41	28.7
1400-1425	102	11	113	40	35.4
1425-1450	73	25	98	25	25.5
1450-1475	73	22	95	24	25.2
1475-1500	71	10	81	20	24.7
1500	61				

Мы должны также прокомментировать довольно высокую среднюю скорость вымирания, которая колебалась между 25 и 35% в четверть столетия. Средняя норма 28% подразумевает, что более 70% семей вымирают каждое столетие. Отчасти этот результат обусловлен используемым Макфарлейном техническим определением вымирания, которое несколько преувеличивает реальную норму. Но заключение все еще неизбежно: для английского дворянства позднего средневековья был характерен низкий показатель замещения. Для сравнения, мы можем использовать статистические данные, собранные Р. Уэллсом (цит. по: Given-Wilson 1987:188). Согласно Уэллсу, из известных в 1216 г. 206 баронских семей, 77 (37%) вымерли или пришли в упадок до 1300 г. Эти числа подразумевают 13%-ую норму выбытия за 25 лет в течение XIII в.; норма, которая является половиной от нормы следующих двух столетий. Это различие настолько велико, что качественное заключение должно остаться неизменным, даже если мы принимаем во внимание различные определения выбытия, используемые в этих двух исследованиях.

Чтобы получить некоторое представление о численной динамике широких слоев элиты мы обратимся к замечательным данным посмертных расследований, проанализированных Дж. Расселом (Russell 1948) и переосмысленных Т. Холлингсворт (Hollingsworth 1969). Данные касаются примерно восьми тысяч главных арендаторов, то есть лиц, которые держа-

ли землю непосредственно от короля. Эта категория включает в себя как магнатов, так и некоторых лиц, имеющих незначительное количество земли, но преобладают землевладельцы среднего звена, поэтому она должна дать нам хорошее представление о том, что происходило с элитой в целом. Коэффициент замещения (после пересчета Холлингсвортом данных Рассела) приведен на рисунке 2.4. Это показывает, что численность элит продолжала расширяться вплоть до Черной Смерти (коэффициент замещения выше 1). В течение следующего столетия коэффициент показывает почти равномерное снижение, с худшим периодом около 1400 г. Только после 1450 г. кривая прорывается выше нормы замены, в то время как «здоровые» нормы увеличения XIII столетия достигаются только в самом конце XV в.

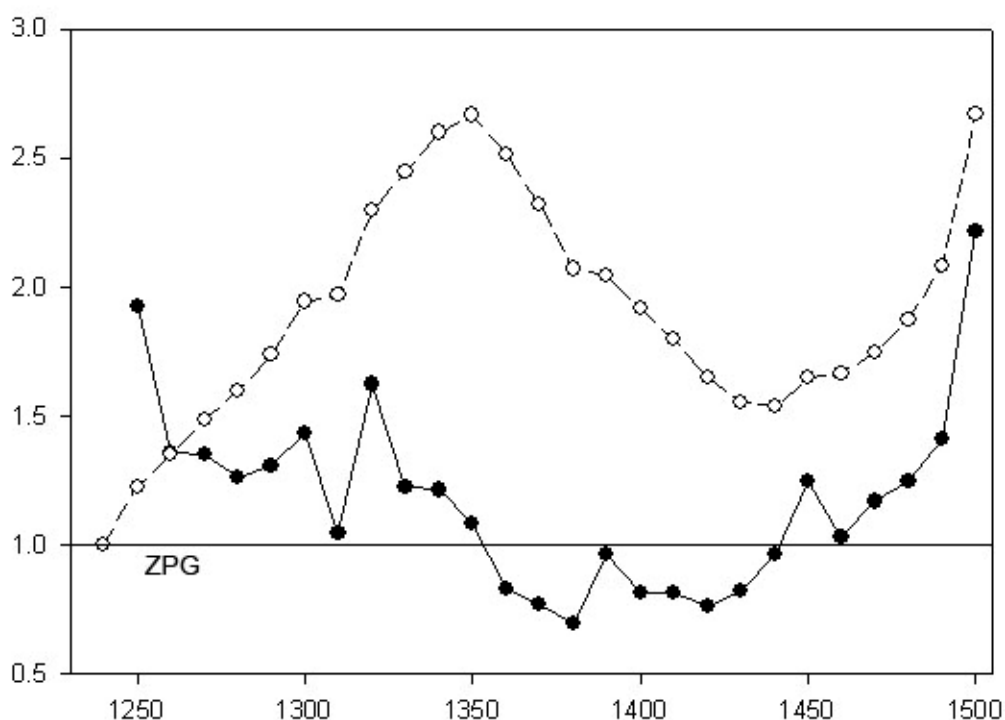

Рисунок 2.4. Численная динамика земельной элиты. Сплошная линия: коэффициент замещения рассчитывается по данным посмертных расследований. Пунктирная линия: относительная численная динамика рассчитывается через коэффициент замещения, предполагая, что время поколения равно 32 годам. «ZPG линия»: нулевой прирост населения, когда коэффициент замещения равен единице (Hollingsworth 1969).

Кривая нормы замены, показанная на рис. 2.4, имеет интересную интерпретацию в аспекте динамики отношений землевладельцев и крестьян в XIV в. Как отмечалось выше, по общему мнению, население стало уменьшаться вскоре после 1300 г. С другой стороны, численность земельной элиты продолжала расти еще в течение 50 лет. Мы можем оценить масштабы этого роста, вычисляя относительную численность элиты, приняв за 1 ее численность в 1240 г. и затем используя коэффициент замещения для

прогнозирования изменения численности элитного населения на один шаг вперед. Расчетная относительная численность элиты увеличивается на 40% между 1300 и 1350 гг. Естественно, мы не можем заключить, что реальная численность увеличилась в том же размере, потому что элитная динамика определяется не только биологической репродуктивностью, но и социальной мобильностью. Тем не менее, вполне вероятно, что в первой половине XIV в. элита продолжала расти в то время как численность простолудинов сокращалась. В результате этих двух процессов отношение численности господ и крестьян накануне чумы должно было заметно вырасти.

В качестве полезного индикатора элитных моделей потребления мы можем рассмотреть динамику строительства церковных зданий. Вообще говоря, строительство общественных зданий может финансироваться как государством, так и элитой, но в средневековой Англии государство играло незначительную роль в строительстве церквей. Средства на такое строительство обеспечивались широким спектром элит – церковью, земельным дворянством и городскими богачами. Когда мы рассматриваем динамику строительных работ (рис. 2.5), мы наблюдаем устойчиво возрастающую тенденцию, достигающую пика во время первой половины XIV в. и затем падающую до минимума в первой половине XV в. Если строительство церквей является приемлемым показателем экономического благосостояния элиты, то эта модель показывает, что элитные нормы замены непосредственно зависели от экономического процветания элиты.

Рисунок 2.5. Число главных строительных объектов в динамике за каждое десятилетие с 1150 до 1500 г. (Morris 1979: fig . 7).

Государственные финансы

Английское средневековое государство получало свои доходы из разнообразных источников, для которых сохранилась только фрагментарная

документация, и это делает реконструкцию государственного бюджета очень трудной задачей. Тем не менее, различные виды доходов могут быть сгруппированы в три основных класса: доходы от удельных земель («ферм»), налогообложение и феодальные доходы. В интересующий нас период удельный вес этих источников колебался. В 1086 г. Корона имела примерно 18% поземельных доходов королевства, что оценивалось в 11 тыс., фунтов в год (Dyer 2002:82). Королевские поместья давали 60% от общего дохода государства. В 1165 г. они по-прежнему обеспечивали 61% от общей суммы доходов, 23% были получены от налогообложения, а судебные и иные платежи давали 16% (White 2000:160). Тем не менее, с этого момента вклад удельных земель показывал уменьшающуюся вековую тенденцию (хотя имелось несколько краткосрочных колебаний вокруг этого тренда). Около 1300 г. фермы давали 13-14 тыс. фунтов (Dyer 2002:115), что в реальном исчислении означало значительное сокращение по сравнению с временами Вильгельма I. В это время вклад удельных земель в государственные доходы снизился до 20%; при этом доля короля в общем поземельном доходе упала до 2% (Dyer 2002:115). Во времена правления Эдуарда III (1327-1377) фермы внесли только 5% от общего дохода (Madge 1938:30).

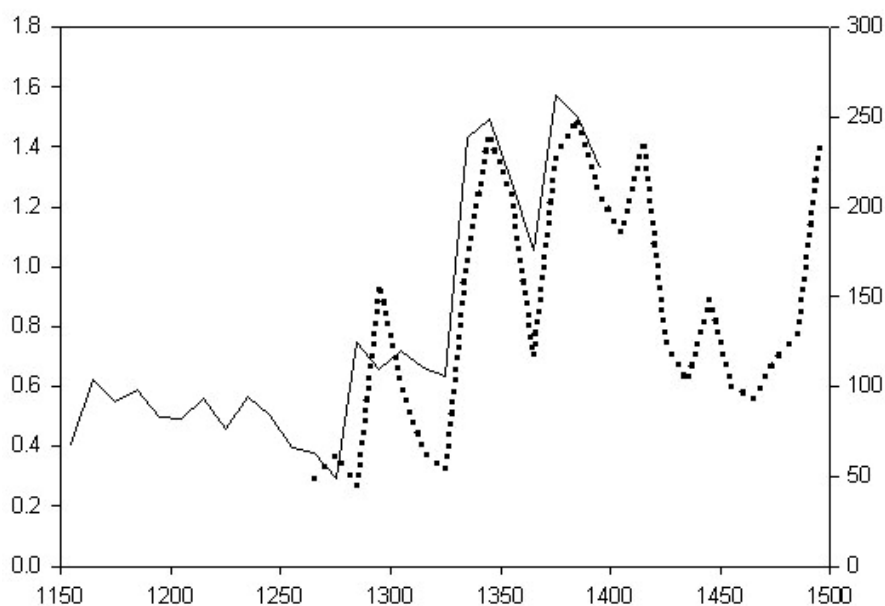

Рисунок 2.6. Сплошная линия: реальные доходы Англии (1150-1400 гг.) по данным Рамсея (Ramsay 1925). Единицы – миллионы гектолитров (левая шкала). Пунктирная линия: доход от налогов (1260-1500 гг.), десятилетние средние, индексированные по 1450 году, который принят за 100% (по данным О'Брайена из европейской государственной базы финансовых данных Ричарда Бонни, файл: OBrien \ engm009.txt).

Рамсей (Ramsay 1925) использовал казначейские счета, чтобы проследить историю королевских доходов в период до 1400 г. Его вычисления

очень критиковались по целому ряду технических причин. Однако мы интересуемся не в конкретными цифрами для каждого конкретного года, а общей динамикой королевских финансов, и при таком подходе числа Рамсея могут служить грубым ориентиром. Когда они выражены в реальном исчислении (с исключением инфляции учетом цен на пшеницу), мы замечаем, что реальные доходы устойчиво уменьшались в течение большей части XIII в., в то время как население увеличилось (рис. 2.6).

Тенденция снижения доходов в XIII в. была радикально изменена двумя рывками, первый из них имел место при Эдуарде I (1272-1307), второй – при Эдуарде III (1327-1377). Так как в царствование Эдуарда III «фермы» упали до очень незначительной части королевских доходов, основным новым источником доходов стали прямые и косвенные налоги (Ormrod 1999). Повышение (и падение) интенсивности средневекового английского налогообложения можно проследить по данным, собранным Патриком О'Брайеном (рис. 2.6). Эти данные свидетельствуют о том, что после пика, достигнутого в конце XIV века, налоговые доходы стали снижаться, и ситуация изменилась только с началом нового цикла после 1485 г.

Социополитическая нестабильность

Англия в средние века страдала от периодических баронских восстаний, которые, казалось, повторяются с интервалом в 50-60 лет (рис. 2.7 и табл. 2.5). Однако в течение XIII в. внутренняя война не была столь же длительной и интенсивной как в течение XIV, и особенно, XV столетий. Эта тенденция может быть измерена, например, обращением с побежденными врагами высокого статуса. «Между концом XI и началом XIV веков побежденные политические противники знатного рода редко лишались владений и едва ли когда-либо были искалечены или хладнокровно убиты» (Bartlett 2000:60). Внутренние войны в XIV и, особенно в XV веках были гораздо более кровавыми. Этот момент лучше всего иллюстрирует судьба проигравших королей: свержение сопровождалось убийством в тюрьме (или, по крайней мере, смертью при подозрительных обстоятельствах) для Эдуарда II (1327), Ричарда II (1400), Генриха VI (1471), и Эдуарда V (1483). Наконец, Ричард III был убит на поле боя (1485).

Временное распределение монетных кладов поддерживает эту интерпретацию (рис. 2.7). После пика в середине XII в., число кладов уменьшилось до минимума в начале XIII в. XIII и XIV вв. видели постепенное (и неравномерное) повышение, достигающее высшей точки около 1370 г. Другой максимум во второй половине XV в. отслеживает нестабильность, связанную с войнами Роз. Как можно видеть, существует общее соответствие между пиками в индексе нестабильности, построенном путем подсчета числа лет гражданской войны или восстаний в двадцатилетние промежутки, и временным распределением кладов (рис. 2.7).

Таблица 2.5. Восстания, государственные перевороты, гражданские войны и другие случаи внутренней войны в Англии в 1100-1500 гг. (Sorokin 1937; Stearns 2001).

<i>Период</i>	<i>Описание</i>
1138-53	Анархия (гражданская война между Стефаном и Матильдой)
1173-74	Большое восстание против Генриха II
1215-1217	Гражданская война между Иоанном Безземельным и баронами (Великая хартия вольностей)
1263-1267	Гражданская война между «реформаторскими» и «консервативными» баронами. Симон де Монфор побеждает и захватывает Генриха. Поражение и смерть де Монфора .
1315	Гражданские беспорядки (частные войны в нескольких южных округах) во время правления Ланкастера (1314-1322)
1321-1322	Гражданская война. Восстание баронов в западных округах. Эдуард II побеждает и казнит Ланкастера.
1326-1327	Восстание Изабеллы и Мортимера. Сложение полномочий Эдуардом II, сопровождаемое его убийством в тюрьме восемь месяцев спустя.
1330	Удачное восстание Эдуарда III против Мортимера (повешен в 1330 г.)
1381	Восстание крестьян
1387-88	Восстание лордов против фаворитов Ричарда II
1391	Государственный переворот Ричарда II
1397-1399	События, приводящие к смещению Ричарда II (1399). Кроль был заключен в Тауэр и позже был убит или умер (1400).
1400-08	Восстание в Уэльсе
1414	Лолларды составляют заговор против короля
1448-1451	Внутренние беспорядки. Юный Генрих VI был неспособен управлять; фракции и фавориты поощряли беспорядки. Дворяне содержали большие вооруженные свиты, боролись с друг другом, терроризировали соседей, парализовали суды, и господствовали над правительством.
1450	Восстание Джека Кэда
1455-1456	Войны Роз: 1-я фаза. Битва Сент-Олбанс (1455): Сомерсет побежден и убит
1460-1465	Войны Роз: 2-я фаза. Сражение при Нортхемптоне (1460): йоркисты разбили королевскую армию и взяли Генриха VI в плен. Сын Ричарда Эдвард побеждал ланкастеров в битва у Креста Мортимера (1461), но был побежден при втором сражении при Сент-Албанс (1461). Лондон признал Эдуарда, а после его победы при Таутоне провозгласил его королем (1461). Гражданская война периодически продолжалась, и в конце концов Генрих VI был захвачен (1465) и заключен в Тауэр.
1467-1471	Войны Роз: 3-я фаза. Победа Эдварда при Барнет (1471), где Уорик был убит. Генрих VI умер (по всей вероятности, был убит) в Тауэре.
1483-1485	Войны Роз: 4-я фаза. Ричард III подавил восстание, задуманное Мортонем и герцогом Букингемом; последний был казнен. Генрих, графа Ричмонда победил Ричарда II при Восворте, где Ричард пал.
1489	Восстание в Нортумберленде
1495	Восстание Перкин Уорбека
1497	Восстание в Корнуолле по случаю введения налога парламентом.

Единственное существенное несоответствие имеется между пиком в 1370 г. в распределении кладов и пиком 1400 г. в индексе нестабильности. Отметим, однако, что это сравнение опирается на очень неадекватные данные о кладах. Мы должны были полагаться на компиляцию Томпсона (Thompson 1956) 50-летней давности. Известно, что с тех пор многие английские средневековые клады стали известны нумизматам или были обнаружены при помощи металлоискателя, но мы не смогли найти никаких компиляций, обновляющих данные Томпсона.

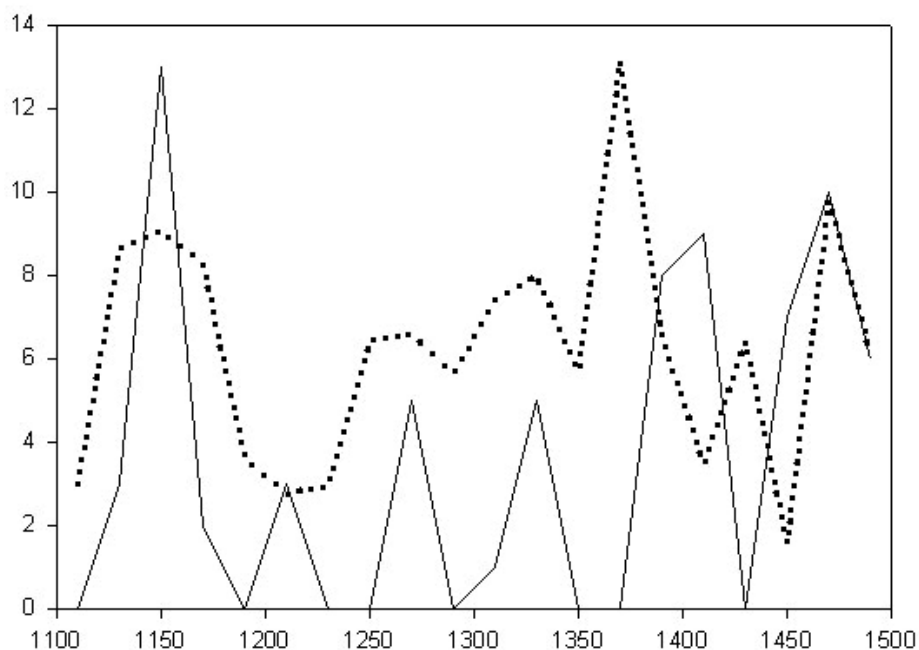

Рисунок 2.7. Социально-политическая нестабильность в Англии в 1100-1500 гг. Сплошная линия – частота восстаний и гражданских войн за 20 лет; пунктирная линия – количество кладов за 20 лет. Индекс нестабильности рассчитан на основе данных табл. 2.5, данные монетных кладов см.: Thompson 1956.

На этом мы завершаем обзор общих тенденций в вековом цикле Плантагенетов. В следующих разделах мы обратимся к более детальному обсуждению демографически-структурной динамики, зависящей от фаз цикла.

2.2. Фаза расширения (1160-1260 гг.)

У нас нет прямых оценок, но длительный прирост населения, должно быть, начался вскоре после окончания анархического правления Стефана и установления стабильности при Генрихе II. Косвенным свидетельством этого роста является устойчивое увеличение цен на пшеницу с 1160 г. (рис. 2.2). Другим признаком роста населения является дробление крестьянских хозяйств. В классической работе о Сомерсетском поместье Тонтон Ю.Титов (Titow 1961) показал, что в 1248 г. на крестьянский двор прихо-

дилось 3.3 акра (1.33 га), в то время как в 1311 г. – в лучшем случае 2.5 акра (1 га).

Политическая нестабильность в этот период достигла самого низкого уровня в течение всего средневекового периода (табл. 2.5 и рис 2.7). Тем не менее, этот период не было бесконфликтным. Имели место три главных политических кризиса: восстания 1173-1174 гг., гражданские войны в конце царствования Иоанна, и «война баронов» 1263-1267 гг. (Mortimer 1994:77). Смута 1173-1174 гг. началась в Нормандии и затем распространилась на Англию, где несколько недовольных графов подняли восстание с центром в Мидлендс. Вторжение из Франции и Шотландии было отражено лоялистами. Следующий серьезный конфликт, сорок лет спустя, был борьбой между феодальными баронами и Иоанном Безземельным, которая закончилась принятием Великой хартии вольностей. Обе гражданских войны 1173-1174 и 1215-1217 гг. были довольно умеренными по средневековым стандартам конфликтами, сводившимися, главным образом, к маневрам и осадам. Гражданская война 1263-1266 гг. и более поздние конфликты будут рассмотрены в п. 2.4.

2.3. Фаза стагфляции (1260-1315 гг.)

Сельское население

Прирост населения продолжался до 1300 г., но более медленно, поскольку общая численность населения Англии и Уэльса подошла к 6-миллионной отметке. В некоторых регионах рост, по-видимому, прекратился.

Этот период видел развитие классических признаков перенаселения, постулированных мальтузианско-рикардианской теорией. Цены достигли векового пика в 1310-х гг. (рис. 2.2), реальная заработная плата снизилась (рис. 2.3), арендная плата увеличилась (табл. 2.6а). Штрафы, уплачиваемые при вступлении в аренду, были другим методом, который помещики могли использовать для извлечения дохода от земли. Свидетельств о штрафах до середины XIII в. недостаточно, но то, что есть, предполагает, что они выросли еще более значительно, чем арендная плата (табл. 2.6б).

Анализ сотенных списков 1279-1280 гг. предполагает, что арендная плата за акр зависела от размеров держания, от того, является ли арендатор свободным или несвободным, был ли землевладелец церковным или светским лицом, от плодородия земли и других факторов (Kanzaka 2002). Некоторые вариации в файнах, вероятно, объясняются разницей в плодородии земель, обстоятельствами предполагаемого арендатора, близостью к рынкам, а также доступностью неаграрной занятости (Miller and Hatcher 1978:46).

Таблица 2.6. (а) Рента в 1000-1450 гг.

<i>Период</i>	<i>Рента, пенсов за акр</i>	<i>Район</i>	<i>Ссылки</i>
1000	0.3-0.6	Англия	(Dyer 2002:39)
XI в.	1	Восточная Англия	(Miller and Hatcher 1978:45)
XI в.	1	Кент	Там же
1251	2-4	Кембриджшир	(Bolton 1980:187)
1251	4-6	Норфолк	(Miller and Hatcher 1978:45)
1299	12.5*	Уорчестер	(Dyer 1980:72-3)
1300	12	Кембриджшир	(Bolton 1980:187)
начало XIV в.	8-28	Хантингтоншир	(Miller and Hatcher 1978:45)
начало XIV в.	33	Йоркшир	Там же
начало XIV в.	30-36	Нортумберленд	Там же
1370-1390	10.75**	Норфолк	(Bolton 1980:214)
1437	10.5	Варвикшир	Fryde in Kaeuper 2000

* Средняя арендная плата и сборы за акр

** Это открытая рыночная ставка, а для обычной земли, где повинности были коммунтированы, помещики требовали 24 шиллинга, но не могли найти покупателей.

(b) Вступительные штрафы (файны) за одну виргату, равную 30 акрам

<i>Период</i>	<i>Шиллингов за виргату</i>	<i>Район</i>	<i>Ссылка</i>
1214	1-1.67	Уилтшир	(Miller and Hatcher 1978:46)
1250	13.3-20	Поместье Рамсея, Хантс	Там же
1296-1297	30 (range 2-113)	Поместья графства Корнуолл, Различные графства	Там же
1277-1348	8-47	Уилтшир	Там же
1283-1348	39	Оксфордшир	Там же
1283-1348	109	Таутон	Там же
1300	60	Общая оценка	(Dyer 2002:141)
после 1300	>60	Поместье Рамсея, Хантс	(Miller and Hatcher 1978:46)
начало XIV в.	20-30 (max=100)	Нортгемптоншир	(Dyer 1980:47)
начало XIV в.	800-1600*	Сомерсет	(Miller and Hatcher 1978:46)

* это исключительно высокий штраф

Возможно также, что некоторые лорды использовали файны как способ повышения доходности земли в случаях, когда арендная плата была недостаточно гибкой. Большая дифференцированность арендной платы и файнов затрудняет точные количественные оценки, но общая тенденция не вызывает сомнений: способность землевладельцев извлекать прибавочный продукт крестьян во время фазы стагфляции увеличилась.

Крестьянские хозяйства в этот период становятся все более фрагментированными. Вот некоторые цифры, приводимые Григгом (Grigg 1980:68). Во владениях вустерского епископа доля крестьян, которые держали виргату (30 акров или 12 га) уменьшилась с 33% в 1250 г. до 25% в 1300 г. В Кемпси число мелких фермеров утроилось между 1182 и 1299 гг. Среднее держание в поместье Тонтон уменьшилось с 1.3 га в 1248 г. до 1 га в 1311 г. К концу XIII в. в поместьях, принадлежавших различным духовным лордам, треть держаний были меньше 1 га. Минимальный размер фермы, необходимый для существования семьи, по оценкам различных властей, лежал в пределах 4.5-6 га (см. ниже). К 1300 г. большинство крестьян Англии имело меньшее количество земли, и эти крестьяне не могли выжить без альтернативных источников дохода (Grigg 1980:68). Распределение земельных владений в конце XIII в. показывает, что средний размер держаний составлял примерно половину виргаты (табл. 2.7).

Таблица 2.7. Распределение крестьянского землевладения в 1280 г. (Косминский 1956)

<i>Размер держаний</i>	<i>свободных</i>	<i>вилланских</i>	<i>всех</i>	<i>процент</i>
Свыше виргаты*	521	173	694	3.2
Одна виргата	904	3940	4844	22.6
Пол-виргаты	1083	5724	6807	31.8
Четверть виргаты	775	1378	2153	10.0
Мелкие держания	2251	4687	6938	32.4

Экономическими историками были сделаны несколько оценок крестьянских бюджетов около 1300 г. (Titow 1961; Hilton 1966; Hollingsworth 1969; Hallam 1988a; Dyer 1989). Специалисты согласны в том, что типичный крестьянин в 1300 г., держа полвиргаты земли, едва сводил концы с концами. Повторим здесь основные моменты этого расчета.

Таблица 2.8. Предполагаемый бюджет крестьянского хозяйства земельный надел которого равен полвиргаты (6 га); s – обозначение шиллинга; q – квартал пшеницы (8 бушелей = 64 галлона = 2.9 гекталитра = 218 кг)

<i>Предположения</i>	<i>Вычисления</i>
Производство	
Посевная площадь, предполагая трехпольную систему	10 акров
Норма посева на акр	0.25 q
Общий посев	$0.25 \text{ q/акр} \times 10 \text{ акров} = 2.5 \text{ q}$
Отношение посева к урожаю	1:4
Валовый сбор	10 q
Чистый сбор (за вычетом семян)	$10 - 2.5 = 7.5 \text{ q}$
Продукция в деньгах (1 q = 6 s.)	$7.5 \text{ q} \times 6 \text{ s./q} = 45 \text{ s.}$
Рента и подати	
Десятина (10% урожая)	$0.1 \times 10 \text{ q} = 1 \text{ q} = 6 \text{ s.}$
Рента (1 s. за акр)	$1 \text{ s./acre} \times 15 \text{ acres} = 15 \text{ s.}$
Другие феодальные платежи	1 s.
Налоги	1 s.
Налоги на наследство	
Гериот (лучшее животное)	1 бык = 10 s.
Мортари (другое животное)	1 бык = 10 s.
Выход	40 s.
Полные налоги на наследство	60 s.
В расчете на год	$60 \text{ s./20 лет} = 3 \text{ s.}$
Общие подати = (6+15+1+1+3) s.	$26 \text{ s.} = 4.3 \text{ q}$
Резюме крестьянского бюджета	
Общие подати	4.3 q
Остаток у крестьянина	$7.5 \text{ q} - 4.3 \text{ q} = 3.2 \text{ q}$
Минимальное потребление	4 q
Дефицит	$3.2 \text{ q} - 4 \text{ q} = -0.8 \text{ q}$
Дефицит в деньгах (1 q = 6 s.)	$0.8 \text{ q} \times 6 \text{ s.} = 5 \text{ s.}$
Пропорции	
Полная продукция (предполагая, что дефицит 5 s. так или иначе был восполнен)	$45 \text{ s.} + 5 \text{ s.} = 50 \text{ s.} = 100\%$
Потребление (% от общей продукции)	$24 \text{ s.} = 48\%$
Платежи церкви (% от общей продукции)	$6 \text{ s.} = 12\%$
Платежи землевладельцу (% от общей продукции)	$19 \text{ s.} = 38\%$
Платежи государству (% от общей продукции)	$1 \text{ s.} = 2\%$

Приведенный расчет содержит ряд упрощающих предположений. Например, крестьяне выращивали не только пшеницу, как предполагается выше. Тем не менее, общий результат будет примерно таким же при замене пшеницы на более реалистичные наборы зерновых культур. Например, Дайер (Dyer 1989:113) произвел более сложные расчеты, полагая, что сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, горох и овес. Повторяя его расчеты в предположении, что выращивали только пшеницу, мы получили результат, который менее чем на 10% отличается от результата Дайера. Другим источником доходов от сельскохозяйственной деятельности, который не принимает во внимание табл. 2.8, является денежный доход от животноводства. Дайер подсчитал, что крестьянин держащий виргату, мог получить из этого источника дополнительный доход в 33 шиллинга. К сожалению, он не производил аналогичных расчетов для держателя полвиргаты, но вряд ли эти крестьяне с более типичным земельным наделом могли получить значительный доход из этого источника. Они держали значительно меньше животных, и животноводство давало очень небольшой излишек за вычетом десятины и личного потребления.

Возможно, этого излишка было бы достаточно, чтобы покрыть дефицит в 5 шиллингов, или, возможно, крестьянин должен был полагаться на доходы от сада и домашней птицы, на дополнительный заработок жены и сыновей. Все эти дополнительные доходы были очень важны для выполнения обязательств перед землевладельцем, церковью, и государством. «Как крестьянин платил за одежду, кухонную утварь и мебель – не совсем понятно», – заключает Дайер. Необходимо заметить, что наши расчеты предполагают нормальные хозяйственные условия. Во времена даже небольшого неурожая держателю половины виргаты приходилось брать в долг, чтобы выжить.

Эти расчеты могут дать приблизительную оценку доли ресурсов, отнимаемых элитой и государством у производителей. В предположении, что крестьяне могли компенсировать дефицит в 5 шиллингов путем использования непахотных ресурсов, общий уровень производства крестьянского хозяйства будет составлять 50 шиллингов в год. Из этой суммы церковь брала 12% (что не включает в себя десятину от животных и садоводческой продукции), землевладелец забирал 38% (опять же, не включая трудовые услуги, а также, различные феодальные поборы, которые, вероятно, недооценены на 1 шиллинг), а государство брало только 2%. В результате, у крестьянина оставалось менее половины продукции (чего едва хватало на пропитание).

В то время как типичные держатели половины виргаты балансировали на грани выживания, немногие зажиточные крестьяне, обладатели целой виргаты, жили гораздо лучше. На основании исследования усадьбы епископа Кливе в Глостершире в 1299 г., Дайер пришел к выводу, что «средний держатель виргаты в нормальный год имел хорошие шансы получить

прибыль» (Dyer 1989:117). Напротив, мелкие держатели, чтобы свести концы с концами, должны были найти работу на 130 дней в году. Поскольку количество таких мелких фермеров было очень велико, вполне вероятно, что лишь незначительное меньшинство из них было в состоянии обеспечить полную занятость. Контраст между экономическим положением различных слоев крестьян может быть проиллюстрирован тем фактом, что около 1300 г. в Хельсовене (Вустершир) богатые крестьяне имели в среднем 5.1 ребенка, а мелкие фермеры – только 1.8 (Dyer 2002:158).

Одна замечательная особенность, выдвинутая на первый план расчетом крестьянского бюджета, – это то обстоятельство, что государству доставалась лишь мизерная доля (2%) продукции крестьянских хозяйств. Наша оценка налогов в 1 шиллинг следует Дайеру (Dyer 2002:258), который подсчитал, что крестьянин, родившийся в 1270 г. и взявший держание в 20 акров в 1293 г., будет платить прямые налоги каждый год в 1294-1297 гг. и затем еще девять лет между 1301 и 1322 гг. Его сын, сменивший его в середине 1320-х гг., будет платить налоги в 1327, 1332, 1334, 1336 гг. и три субсидии в 1337-1340 гг. В целом, два поколения будут платить 60 шиллингов на протяжении 46 лет, или на 1,3 шиллинга в год. Держатели половины виргаты, то есть 15 (вместо 20) акров, вероятно, платили немного меньше, скажем, 1 шиллинг в год.

У государства, конечно, были другие источники доходов, помимо субсидий, которые затрагивали крестьян непосредственно. Тем не менее, Дайер подсчитал, что в 1297 г. налоги короны составляли только 2% предполагаемого валового национального продукта (Dyer 2002:257). В общем, в Англии в 1300 г. было очень слабое налогообложение, и процесс извлечения прибавочного продукта был сильно дисбалансирован в пользу элиты. Действительно, грубые оценки показывают, что к 1300 г. элита оставляла крестьянам только минимум средств существования, и положение крестьян ухудшалось и далее в течение большей части XIV в.

Однако главным фактором, лежащим в основе народного обнищания в конце XIII в., была не феодальная эксплуатация, а значительный рост населения в предыдущие сто лет. Кроме того, эффект прироста населения заключался не только в крестьянском малоземелье, но и в дифференциации земельных владений. Одна треть сельских фригольдеров (свободных держателей) имела акр или меньше земли, в то время как другая треть имела от 1 до 10 акров (Kanzaka 2002:599), что было недостаточно даже для пропитания, не говоря уже об уплате ренты. С другой стороны, 10% фригольдеров были вполне обеспеченными, они имели 40 и более гектаров земли.

Урбанизация

Кин (Keene 2001:196) предполагает, что в 1100 г. в Лондоне насчитывалось 20 тыс. жителей, что составляло 0.8% от общей численности насе-

ления Англии. К 1300 г. население Лондона достигло 80 тыс., что составляет 1.3% от общей численности (Keene 2001:195). Подсчет налогоплательщиков в 1377 г. показывает, что в Лондоне проживало 1.7% населения Англии при том, что имелось чуть меньше 50 тыс. лондонцев (Keene 2001:194). Таким образом, между 1100 и 1400 гг. индекс урбанизации Англии (определенный как доля общего числа населения, сосредоточенная в столице) увеличился вдвое.

Доля населения, проживавшего в крупных городах (более 10 тыс. человек), также увеличилась. В XI в. был только один такой город, Лондон, в то время как в конце XIII в. насчитывалось от 14 до 16 городов с населением 10 тыс. или более, в которых проживало не менее 5% населения Англии (Britnell 1995:10). Урбанизация продолжала расти и в течение XIV в.

В дополнение к увеличению населения в старых городах, в XII и XIII вв. были основаны новые города. Плановое строительство городов в Англии и Уэльсе достигло своего пика во второй половине XIII в. (Beresford 1967:366).

Увеличение доли городского населения в XIV в., конечно, не являлось результатом лучших демографических показателей в городе по сравнению с сельской местностью. Действительно, все, что мы знаем о средневековых городах, предполагает, что они были демографическими клоаками («смертельными ловушками»). Большинство населения английских городов было истреблено вспышками чумы (Dobson 2001:276), но потери были компенсированы в результате переселения из сельской местности. Прямым доказательством этого процесса является впечатляющий рост числа новых граждан, записанных в регистре свободных в Йорке (Dobson 2001:276). Население некоторых городов, таких, как Ковентри, во второй половине XIV в. увеличилось несмотря на разрушительное действие Черной Смерти (Phythian-Адамс 1979:33).

Динамика элиты

В то время как общий рост населения в XIII в. замедлился и в конечном счете достиг максимума около 1300 г., численность элиты продолжала расти на протяжении всей фазы стагфляции и даже далее (до 1350 г.). В целом, в XIII в. элиты экономически преуспевали. При этом количество магнатских семей увеличилось ненамного – возможно, с 160 до 200 – но их средний доход вырос с 200 до 670 фунтов в год, что в реальном выражении составляет более чем двукратное увеличение (табл. 2.9а).

Таблица 2.9. Изменения в социальной структуре высших сословий в 1150-1450 гг.

(а) Магнаты (данные из табл. 2.3)

год	Количество	Средний доход, фунты	Реальный доход, гектолитры пшеницы
1166	133	200	7700
1200	160	200	3100
1300	200	670	6600
1436	70	880	8600

(b) Дворянство средних рангов

год	Категория	Количество	Минимальный доход, фунты	Реальный минимальный доход*	Ссылка
1100	Рыцари со шпорами	1,000	5	190	(Dyer 2002:85)
1200	Рыцари со шпорами	1,000**	10	160	(Painter 1943:172)
1300	Рыцари и эсквайры	3,000***	20	200	(Given-Wilson 1987:18)
1400	Рыцари и эсквайры	2,400	20	180	(Given-Wilson 1987:73)
1500	Рыцари и эсквайры	1,300	20	190	(Mingay 1976:4)

*в гектолитрах зерна

** в предположении, что количество рыцарей со шпорами не изменилось в течение XII столетия

*** из которых 1 250 рыцарей

(c) Низший слой элиты (очень приближенно)

год	Категория	Количество	Минимальный доход, фунты	Реальный минимальный доход.*	Ссылка
1100	Мелкие землевладельцы	7000–8000	1	40	(Dyer 2002:85)
1200	Рыцари	4500–5000	?		(Bartlett 2000:216)
1300	Сельские джентри	18000–20000	5	50	(Denholm-Young 1969:16)

1300	Джентри и священники**	20000	10	100	(Dyer 2002:152)
XIV в.	Джентри	9000–10000	5	45	(Given-Wilson 1987:72)
XV в.	Джентри и священники	10000	10	100	(Dyer 1989:32)
XV в.	Джентри	6000–9000	5	50	(Pugh 1972:97)
1436	Налогоплательщики с доходом меньше 40 фунтов	6200	5	40	(Gray 1934:630)
1500	Джентри	5000	5	55	(Mingay 1976:4)

*В гектолитрах зерна

** Хозяйства, обладающие доходом в 10-100 фунтов, включая дворянские бенефиции

Среднее дворянство также участвовало в этой экспансии: в 1200 г. было около 1000 рыцарей со шпорами (землевладельцев, владеющих землей с доходом не менее 10 фунтов в год), в 1300 г. – 3000 рыцарей и эсквайров с доходом свыше 20 фунтов в год, в реальном выражении примерно эквивалентном 10 фунтам в 1200 г. (табл. 2.9b).

Численность мелких землевладельцев также увеличилась, хотя точная количественная оценка этого роста невозможна. Гивен-Вильсон оценил количество дворян с доходом более 5 фунтов в XIV в. в 9-10 тыс., а Денхолм-Янг предложил цифру в два раза большую (см. табл. 9с). Дайер предполагает, что в 1300 г. имелось 20 тыс. семей с доходами от 10 до 100 фунтов в год. Эта оценка, однако, включает в себя бенефициальное духовенство и исключает мелких землевладельцев, доходы которых составляли от 5 до 10 фунтов.

Истина, вероятно, лежит между этими двумя крайностями: в общем, вполне вероятно, что численность землевладельцев шла в ногу с численностью всего населения (хотя и с задержкой, см. ниже), и тогда она должна была утроиться от приблизительно 5 тыс. в XII в. до максимума в 15 тыс. в XIV в. Посмертные расследования поддерживают эту интерпретацию. Коэффициент замещения элиты был много больше единицы в течение всего периода 1250-1340 гг. Если бы земельная элита была закрытым классом, размер которого изменяется только в результате рождений и смертей, то ее численность увеличилась бы в 2.67 раза в течение столетия после 1250 г. В действительности, конечно, численность элиты зависела от социальной мобильности вверх и вниз. Однако не существует никаких доказательств массовой нисходящей мобильности после 1250 г., которая была бы сопоставима с мобильностью более раннего периода, которая привела к сокращению численности мелкого дворянства около 1200 г. (Given-Wilson 1987:16). Региональные исследования показывают, что потерявших землю было сравнительно немного. Например, в выборке из 31 семьи из Окс-

фордшира пять семей потеряли землю, девять получили ее, и семнадцать остались в прежнем положении (Dyer 2002:152).

Численность непроизводительного класса до крайности разрасталась за счет огромного количества духовенства. Англия XIII в. «кишела священнослужителями» (Jessopp 1892). Имелось примерно 25 тыс. монахов и монахинь (Moorman 1946:258). Что касается численности приходского духовенства, то оценки колеблются от 40 тыс. (Moorman 1946:53) до 2% населения (Coulton 1907), что будет означать огромную цифру: более чем 100 тыс. В Англия XIII в. существовали 9-10 тыс. приходов (Moorman 1946:5) и на каждый приход приходилось около пяти священнослужителей (Moorman 1946:55). Хилтон (Hilton 1966:62), например, подсчитал, в епархии Вустер имелось 445 приходов и 2000 рукоположенных в сан священнослужителей. Эти цифры, таким образом, подразумевают оценку численности духовенства около 1300 г. в 50 тыс. священников или даже в 75 тыс., включая сюда монахов и монахинь. И эта цифра не включает в себя огромное «клерикальное или полу-клерикальное подполье» (Hilton 1966:62).

Процветание элиты было обусловлено изобилием трудовых ресурсов, что приводило к увеличению арендной платы и снижению заработной платы. Поэтому элитные доходы от земли шли в ногу с ценами или даже быстрее, чем цены. Дайер полагает, что «главная выгода для лордов получалась от увеличения числа арендаторов, которые были обязаны тяжелыми трудовыми повинностями и денежными платежами (Dyer 2002)».

Разрыв между экономическим благосостоянием простолюдинов и элиты увеличивался: в то время как доходы крестьян упали в результате нехватки земли, повышения арендной платы и снижения заработной платы, элитные доходы увеличились как в абсолютном, так и в относительном выражении. Эта тенденция может быть замечена также в динамике заработной платы военных. Уровень оплаты элитных кавалеристов (рыцарей) рос быстрее, чем цены, в то время как реальная заработная плата простолюдинов (пехотинцев) снизилась (табл. 2.10).

Таблица 2.10. Ежедневные ставки оплаты солдат в Англии d – пенсы, s – шиллинги (Harvey 1976:150; Contamine 1984:94).

Период	Рыцарь	Пехотинец	Отношение рыцарь/пехотинец
1060	4d.		
1160	6d.		
1165	8d.	1d.	8:1
1195	1s.		
1215	2s.	2d.	12:1
1250	2s.		
1300*	2, 3, or 4s.	2d.	18:1

*Цены варьировались в зависимости от ранга: от 2 шиллингов для одиночного рыцаря и 4 шиллингов для рыцаря со «знаменем», то есть с военной свитой.

Таким образом, общая картина доходов до 1300 г. выглядела как растущее неравенство: уровень жизни простых людей ухудшался, доходы дворянства в целом опережали цены, а магнаты выиграли больше всех. В правление Генриха II лишь у немногих лордов доход превышал 500 фунтов в год (Bartlett 2000:80). Самый высокий доход 54 баронов в списке Сиднея Пэйтнера около 1200 г. составлял 800 фунтов, которыми обладал Роджер де Лейси, констебль Честера, умерший в 1210 г. Отношение максимального дохода к среднему доходу среди баронов было только 4:1. Сто лет спустя крупнейший доход в списке Пэйтнера из 27 лордов был у Эдмунда, графа Корнуолла, который получал 3800 фунтов на момент его смерти в 1301 г. (Painter 1943:174). С учетом инфляции, это представляет собой рост в 2.8 раза. Еще больший доход имел Томас, граф Ланкастер – 11 тыс. фунтов в 1311 г. (Dyer 1989:29). Отношение максимального дохода к среднему было 16:1, по сравнению с 4:1 на сто лет раньше. Шесть графов (в том числе граф Корнуолл) получали доход более 3 тыс. фунтов в год (Dyer 1989:29). Наибольшее известное состояние в деньгах в Англии в конце средневековья принадлежало Ричарду, графу Арундел; в момент его смерти в 1376 г. оно составляло 72 250 фунтов (Bean 1991:565).

Другой способ оценки благосостояния элит состоит в изучении потребления предметов роскоши. Потребление вина достигло максимума в начале XIV в., когда англичане импортировали из Гаскони 20 тыс. бочек стоимостью 60 тыс. фунтов (Dyer, 1989; Miller и Hatcher 1978:81). В предположении, что в то время насчитывалось 20 тыс. семей элиты, это составляет 2-3 литра вина на одну семью в день!

2.4. Фаза кризиса (1315-1400 гг.)

Сокращение численности населения

Нищета простого народа неуклонно росла в течение фазы стагфляции и достигла пика в начале XIV в. Крестьяне были зажаты снизу нехваткой земли, результатом избытка людей, конкурирующих за ограниченные земли, и сверху – ростом хищного класса благородных землевладельцев, стремившихся поддерживать уровень потребления, к которому они привыкли в течение XIII в. Существовали важные региональные различия в том, как социальная структура отвечала на демографическое давление. К примеру, в Восточной Англии фригольдеры постепенно делили свои земли между наследниками, что привело к быстрому увеличению числа мелких фермеров с крошечными участками земли (Poos 2004). На юге, напротив, маноральные лорды осуществляли контроль над распределением земли так, чтобы существенное меньшинство крестьян держало от одной четверти до целой виргаты (от 3 до 12 га), оставляя избыточное население только с

приусадебными участками и домами. Однако, в обоих случаях большинство населения не хватало земли, чтобы прокормить себя, и приходилось полагаться на дополнительные источники дохода. Рост бедности повлиял на крестьянские запасы зерна. В Колчестере в 1295-1301 гг. средний запас пшеницы у налогоплательщиков опустился ниже 1 квартера (Hallam 1988a: 822). Крестьяне вели все более скудное существование и не имели защиты от любого неурожая. В результате череда очень плохих урожаев, начавшаяся в 1315 г., привела к катастрофической смертности.

Классическое исследование Поста и Титова о герियोгах (пошлинах за вступление в наследство), которые платили в пяти поместьях Винчестера, позволяет нам видеть, как изменялась смертность в 1245-1350 гг. (Postan 1973: chapter 9). Среднее ежегодное число гериотов увеличилось от 47 во второй половине XIII в. до 106 в 1310-1319 гг. Но наиболее показательной является динамика гериотов, выплачиваемых бедными деревнями, у которых было мало или совсем не было скота, и которые платили деньгами (Miller and Hatcher 1978:58). Ежегодное количество гериотов колебалось около десятка в год до 1290 г., а затем пережило бурный рост до почти 60 в 1310-1319 гг.; другой пик наблюдался в десятилетие непосредственно перед Черной Смертью (рис. 2.8). Понятно, что в первую очередь от неурожая страдали бедные слои сельского общества. Еще одним подтверждением этому является то обстоятельство, что высокие цены на пшеницу коррелируют с денежными платежами гериотов, но не с платежами скотом (анализ Лонгдена см.: Postan 1973: 179-185).

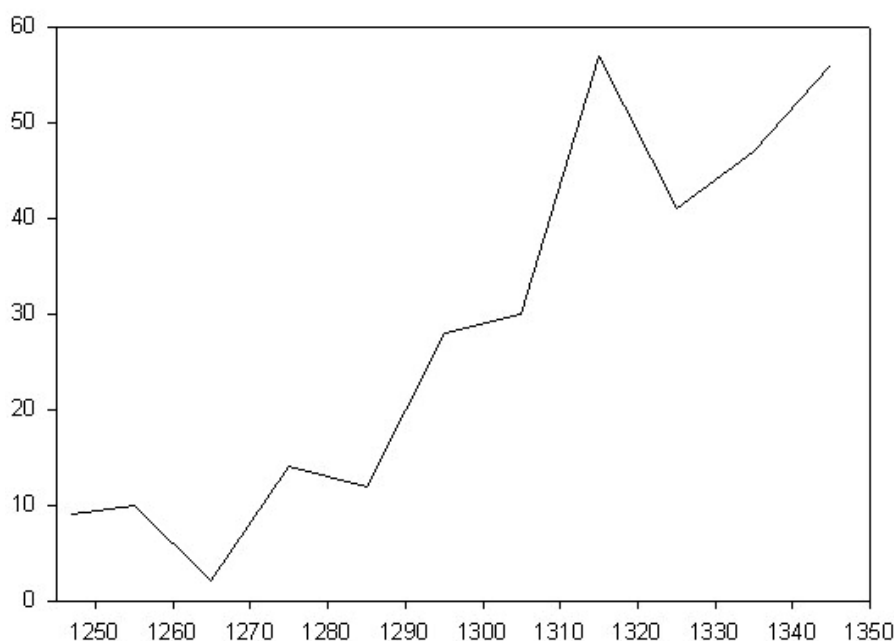

Рисунок 2.8. Количество денежных гериотов, выплачиваемых в поместьях Винчестера в 1245-1348 гг. (Postan 1973:tab. 9.2).

Период больших неурожаев и эпизоотий между 1315 и 1322 гг. был рубежом в истории средневековой сельской Англии (Miller and Hatcher 1978:60). За плохим урожаем 1314 г. последовали два катастрофических неурожая 1315 и 1316 гг. Урожаи улучшились после 1317 г., но серия смертоносных эпизоотий продолжалась в 1319-1321 гг. Аграрный кризис 1315-1321 гг. привел к заметному снижению численности населения. Прямые доказательства этого падения фрагменты, но мы знаем, что данные о платежах в пользу шерифов («тичинпенни») из приходов Эссекса показывают, что в 1300-1340 гг. число плательщиков сократился на 30% (Poos 1985). Косвенным свидетельством сокращения численности населения было значительное увеличение количества незанятых держаний; это сигнализировало об ослаблении конкуренции за землю (Miller and Hatcher 1978:59). Цены на пшеницу в течение 1330-40-х гг. снизилась до уровня, не отмечавшегося с 1270 г. (рис. 2.2), а вековая тенденция определенно пошла вниз, хотя и со значительными флуктуациями. К 1340 г. количество необработанной земли в некоторых районах, например, в Сассексе и Кембриджшире, достигло заметной величины (Miller and Hatcher 1978:61).

Бедствия 1315-1321 гг., однако, вскоре побледнели в сравнении с тем, что ждало впереди. В 1348 г. в Англию пришла Черная Смерть, и количество денежных геридотов в поместьях Винчестера в 1349 г. подскочило до 675 (по сравнению с менее чем 60 даже в худшие десятилетия начала XIV в.). Свидетельства демографической катастрофы в Англии многочисленны и рассматривались, например, Хэтчером (Hatcher 1977). Существует широкое согласие среди специалистов о том, что первый удар эпидемии унес 30-40% населения, и что афтершоки 1361-1362, 1369, и 1375 гг. понизили население до уровня, который составлял менее половины от максимума 1300-го года.

Влияние Черной Смерти на социальную структуру

Как отмечалось выше, демографические показатели широко варьировались среди различных социальных слоев. Богатые крестьяне имели в 2-3 раза больше детей, чем безземельные коттеджеры, и их смертность, как правило, не зависела от неурожаев. Двигаясь вверх по социальной лестнице, мы видели, что в то время как все население Англии, вероятно, сократилось в 1300-1348 гг., коэффициент замещения для землевладельцев предполагает, что их численность продолжала расти на протяжении всего этого периода. То, что известно о смертности во время эпидемий чумы середины столетия, свидетельствует о сильном влиянии социально-экономического статуса на демографические показатели (табл. 2.11).

Таблица 2.11. Смертность (в %) в различных социальных стратах Англии в годы вспышек чумы

<i>Страта</i>	<i>1349</i>	<i>1361</i>	<i>1369</i>	<i>1375</i>	<i>Ссылки</i>
Монахи	45				(Hatcher 1977:22-25)
Бенефициальное духовенство	40	14	13		(Hatcher 1977:22-25)
Главные арендаторы	27	23	13	12	(Russell 1948:216-8)
Епископы	18				(Hatcher 1977:22-25)
Пэры	8	19	6	5	(McFarlane 1973:170)

Самая высокая смертность в течение первой и наиболее тяжелой вспышки 1348-1349 гг. наблюдалась среди монахов и бенефициального духовенства. Приходские священники представляют особый интерес, поскольку, хотя они лучше питались, что должно было понижать их смертность, добросовестное исполнение их обязанностей было чревато опасностью заражения и приводило к повышению смертности (Hatcher 1977:23). Таким образом, их смертность обеспечивают приемлемую оценку смертности среди всего сельского населения. На самом деле многочисленные, но различные по качеству данные из рассмотренных Хэтчером маноориальных отчетов (Hatcher 1977:22), предполагают, что смертность среди священников была меньше, чем среди крестьян.

Если смертность среди крестьян была больше 40%, то среди элиты среднего звена – только 27%, а магнаты отделались потерей 8-18% своей численности (табл. 2.11). У привилегированных групп были лучшие шансы избежать инфекции, потому что они жили в каменных домах (крысы предпочитали деревянные дома), и они могли уехать при появлении чумы в другую местность (Hatcher 1977:23). Тем не менее, элиты, по-видимому, заплатили свою цену в течение следующей эпидемии 1361-1362 гг. На этот раз среди населения в целом уровень смертности был значительно ниже, чем во время первого посещения чумы в 1348-1349 гг. (Численная оценка снова представлена показателями смертности бенефициального дворянства, см. табл. 2.11). Наиболее вероятной причиной является увеличение устойчивости к инфекции среди населения, что было прямым следствием гибели тех, кто был наиболее чувствителен, в 1348-1349 гг. В то время как первая эпидемия поразила главным образом людей в расцвете сил (Hatcher 1977:24), следующая эпидемия оказала непропорционально большое воздействие на детей. Имелось также непропорциональное влияние на более высокие страты: уровень смертности среди главных арендаторов был чуть

ниже, чем в 1349 г., в то время как смертность среди пэров увеличилась (табл. 2.11).

Суммируя численную динамику производительных и элитных страт во время фазы кризиса, необходимо подчеркнуть, что численность крестьян начала уменьшаться не позже, чем в 1315 г., и катастрофически упала в 1348-1349 г., в то время как численность элиты увеличивалась до 1348 г. и в 1348-1380 гг. уменьшалась существенно медленнее, чем численность крестьян. С точки зрения демографически-структурной теории очень важным следствием этой расходящейся динамики является значительное увеличение отношения элита/простолюдины; социальная пирамида стала слишком тяжелой.

Такое развитие событий создало проблему для элиты. Конечно, двойное уменьшение производительной страты не привело к двойному уменьшению производственного потенциала общества, потому что производительность на душу увеличилась. Предыдущее развитие Англии создало огромный спрос на землю. Таким образом, многие помещики смогли сразу же сдать в аренду земли арендаторов, умерших во время эпидемии Черной Смерти. Тем не менее, в имениях епископа Вустера не хватало арендаторов на крупные земельные участки, и в 1349-1350 гг. большинство из них оставались вакантными. Выжившие мелкие фермеры испытывали недостаток в рабочем скоте или в сельскохозяйственных орудиях или в навыках, чтобы арендовать такие большие наделы (Fryde 1991:747). Последующие эпидемии (1361, 1369 и 1375 гг.) еще более нарушили производственный потенциал. Таким образом, в 1362-1364 гг. цены на зерно выросли больше, чем в 1349-1351 гг., и в 1370 г. наступил страшный голод (Fryde 1991:745-746).

Еще худшая угроза доходам элиты таилась в косвенных последствиях депопуляции. С XIII в. помещики привыкли к большому предложению рабочей силы, которое влекло за собой высокую ренту, большие фэйны и низкую заработную плату. Это экономическое преимущество элиты было утрачено после 1348 г., и в конечном итоге это привело к существенному снижению ее душевых доходов. Особенно сильно пострадали средние и мелкие землевладельцы, которые полагались на личных слуг и нанимали рабочую силу, чтобы обработать свои земли (Fryde 1991:755).

Как элиты справились с этой угрозой? Очевидно, они сразу же признали расширение рыночных возможностей крестьян и приняли меры, чтобы законодательно зафиксировать арендную и заработную плату по ставкам, существовавшим до 1348 г. Законы о рабочих энергично проводились в жизнь, но в конечном счете, оказались экономически неэффективными. Они провалились из-за того, что индивидуальный работодатель мог использовать распространяющееся на других ограничение заработной платы, и, немного повысив зарплату, обеспечить себя работниками. Поскольку все действовали именно так, то ограничения на заработную плату

стали неэффективными. Характерно, что работодатели (дворяне) не привлекались к ответственности за незаконное повышение зарплаты, но многие рабочие были наказаны за то, что принимали это повышение. Трудовое законодательство в целом было объектом народной ненависти, и его применение стало одной из важных причин крестьянских восстаний 1381 г. (Fryde 1991:760). Еще один элемент «сеньориальной реакции» был реализован помещиками в их частных судах. Манориальные суды увеличили свои доходы после Черной Смерти, что является замечательным достижением, так как количество арендаторов резко упало (Dyer 2002:286).

Магнаты добились больших успехов, чем средние и мелкие дворяне, по крайней мере до 1380 г. Крупные землевладельцы имели многочисленных слуг и использовали их для запугивания крестьян, чтобы сохранить высокие арендные ставки и низкую заработную плату, преобладавшую до 1348 г. В округах, где их поместья доминировали, у них было гораздо больше шансов на поиск беглых крепостных и наказания их как пример для других. Короче говоря, они смогли использовать внеэкономическое принуждение для сохранения своих доходов, по крайней мере временно. В некоторых (редких) случаях, как в Уэльсе, лорды даже смогли увеличить свои доходы путем угнетения крестьян. Например, Арундельсы увеличили свои доходы от поместья Чек в Северном Уэльсе с 300 до 500 фунтов в 1320-1380 гг. Генри Болингброк воспользовался своим вступлением в наследство после смерти своего отца Джона Гонта, чтобы заставить жителей города Кидуэли заплатить 1575 фунтов (Dyer 2002:292). Такие непредсказуемые и произвольные поборы стали одной из причин валлийского восстания 1400 г.

В общем, в течение одного поколения элите удавалось отсрочить последствия вызванной Черной Смертью депопуляции. Заработная плата росла постепенно и достигла самого высокого уровня только через 20-30 лет после первой эпидемии (Dyer 2002:293). Доходы лордов уменьшились, но не кардинально. Аристократы по-прежнему позволяли себе высокий уровень расходов, к которому они привыкли в течение XIII в. Другим фактором, влияющим на благосостояние элиты, был первоначальный успех англичан в Столетней войне (об этом будет сказано ниже). Вероятно, это объясняет, почему торговля, промышленность и города продолжали преуспевать и после 1348 г. (Dyer 2002:296).

Действительно, степень урбанизации Англии возросла в конце XIV в. В 1300 г. население Лондона оценивалась в 80 тыс., что составляло 1.3% от всего английского населения. Сбор налогов в 1377 г. показал, что доля населения, проживающего в Лондоне, увеличилась до 1.7%. Другими словами, хотя население Лондона уменьшилось до 50 тыс., сельское население сокращалось еще быстрее. Несколько городов даже увеличилась в размерах: Колчестер с 4 тыс. до 6 тыс. и Ковентри с 5 тыс. до 9 тыс. жителей. Большие города, такие, как Бристоль, Норидж, Саутгемптон и Йорк, в конце XIV в. переживали пе-

риод расцвета (Dyer 2002:296). Поскольку города очень пострадали во время эпидемий чумы, и вообще имели отрицательную норму прироста населения, то мы должны заключить, что сельское население продолжало переселяться в города в течение второй половины XIV в., даже при том, что перенаселение в сельской местности исчезло. Наиболее вероятное объяснение этого, казалось бы, парадоксального факта – это одновременное повышение внеэкономического гнета элиты в деревне и увеличение возможностей трудоустройства в городах, производственная деятельность которых была направлена на удовлетворение потребностей той же элиты.

Элита в условиях кризиса

Поскольку стало ясно, что из крестьян нельзя выжать большой доход, элита стала все более настойчиво искать средства получения дополнительного дохода. Один из возможных вариантов продвижения, открытый для бедных, но амбициозных людей, заключался в том, чтобы присоединиться к свите знатного лорда или найти работу в королевской администрации. Усиление конкуренции за такие элитные позиции проявляется в распространении грамотности среди аристократии. Как отмечает Денхолм-Янг (Denholm-Young 1969:2), в XIV в. грамотные рыцари перестали быть редкостью. (В XV в., когда внутриэлитная конкуренция ослабла, численность студентов, например, в Оксфорде, уменьшилась (Thomson 1983:351)). Однако безусловно, наиболее широкую занятость для дворян предоставляла армия.

Степень участия знати в войнах XIV в. была необыкновенной, особенно в период 1338-1361 гг., когда англичане пользовались успехами во Франции. Например, более 900 рыцарей служили в Креси и Кале, а 870 (из которых не менее чем 680 были англичанами) приняли участие в королевской экспедиции во Францию в 1359-1360 гг. И это была только часть мобилизованных сил, так как Англия вела борьбу одновременно на нескольких фронтах (Ormrod 1990:149). Чтобы поместить эти цифры в перспективу, Денхолм-Янг (Denholm-Young 1969) подсчитал, что в начале XIII в. в Англии было только 1250 рыцарей.

Рыцарям платили по 2-4 шиллинга в день, в зависимости от ранга. Таким образом, два или три месяца военной кампании доставили бы в целом существенную сумму (6-18 фунтов), учитывая, что для поддержания рыцаря в XIV в. было необходимо около 20 фунтов в год. Многие стрелки, вероятно, были набраны из числа обедневшего мелкого дворянства (Powicke 1962). Хотя их норма оплаты (2 пенса в день) была относительно низкой, они могли улучшить свое благосостояние военной добычей или выкупом. В дополнение к оплате, военные трофеи включали грабеж, выкуп пленных французских дворян и контрибуции, выплачиваемые оккупированными крепостями и городами (rachâts). Порядок этих денежных поступлений указывается долей, причитающейся королю: Эдуард III получил более 250

тыс. фунтов в качестве выкупа за королей Иоанна Французского и Давида Шотландского, и такую же сумму в качестве rachat (Postan 1973:74-5). И наконец, завоевания приносили земельный доход. Например, когда во время поздней стадии Столетней войны были захвачены Нормандия, Мэн и Анжу, Генрих V даровал своим соратникам земли стоимостью около 30 тыс. фунтов (Bean 1991:566).

Английские медиевисты спорят о том, окупил ли себя Столетняя война, или в результате получился чистый убыток (Postan 1973:63-80). Каким бы ни был ответ, очевидно, что для элиты это было очень прибыльное предприятие, потому что доходы достались в первую очередь ей, в то время как большая часть расходов на войну (налогообложение, поставки и т.д.) стала бременем для простого народа. По оценкам Макфарлейна, из более чем 8 млн. фунтов налогов, взысканных в военных целях в течение 120 лет, половина поступила от налога на шерсть.

Несомненно, элиты получали очень хорошую прибыль от войны, пока она шла удачно для англичан. Когда Эдуард III в 1346 г. вернулся в Англию после победоносных сражений при Креси и Невилле (где шотландцы потерпели поражение, и король Давид II попал в плен) парламент объявил, что «все благодарят Бога за победу, которую он даровал их сеньору... и сказал, что все деньги, которые они дали ему, были потрачены не зря» (King 1979:157-8).

В конце концов, однако, передышка, вызванная военными успехами во Франции, закончилась. Англо-французская война вспыхнула с новой силой в 1369 г., и в течение 1370-х гг. французы смогли отвоевать большую часть Аквитании, в результате чего в руках англичан осталась только узкая полоса побережья между Бордо и Байонной (Ormrod 1990:33). Социальная напряженность после Черной Смерти возросла и взимание подушного налога в 1381 г. ускорило серьезный кризис, Великое восстание 1381 г. (Fryde 1991). Хотя крестьянские восстания были быстро подавлены, они положили неизгладимый отпечаток на психику помещиков. Парламенты стали страшиться того, что дальнейшие налоги могут спровоцировать новые восстания, и на какое-то время они отказались предоставлять прямые налоги. Таким образом, Великое восстание 1381 г. оказалось переломным моментом в войне с Францией, подорвав способность англичан получить выгоду от внутренних беспорядков во Франции в первые годы правления юного Карла VI (Fryde 1996:5). Оно также ускорило переход от эксплуатации домена к аренде, который начался в конце 1360-х гг. (Fryde 1991:762). В первой половине XV в. земельные доходы дворянства продолжали уменьшаться. В южной и средней Англии обычным было сокращение доходов на 20%, в то время как в северо-восточной части страны доходы упали на треть (Dyer 2002:337).

Стесненные уменьшением земельных доходов и лишённые возможности получения выгод от заграничных завоеваний элиты усилили давление на го-

сударственные финансы, в результате чего большая часть доходов короны была перенаправлена в их пользу. В 1360 г. рентные платежи Эдуарда III составили 13 тыс. фунтов, а в 1399 г. при Ричард II они достигли 25 тыс. (что составляет трехкратное увеличение в реальном выражении). Однако лишь небольшая часть аристократии могла извлечь выгоду из этих средств, слишком малых по сравнению с ее численностью и аппетитами. Аналогичное давление мелкого дворянства, вместе с потребностью магнатов в больших свитах, чтобы защитить их интересы в парламентах, судах и фракционных конфликтах, привело к развитию того, что стало известным как «поддельный феодализм». Мертес (Mertes 1988: appendix C) представляет данные о том, что средняя свита магнатов (пэров и епископов) увеличилось с 50 в первой половине XIV в. до более чем 150 во второй половине XV столетия.

Рост огромных баронских дружин был одним из внешних проявлений острой внутриэлитной конкуренции, роста фракционализма правящего класса Англии и приватизации принудительной власти. Это был один из самых важных факторов, способствующих развязыванию гражданской смуты, особенно во время войн Алой и Белой Розы.

Взлет и падение государственных финансов

Как мы уже отмечали, требования, предъявляемые английским государством к обществу, в XIII в. были легкими. До 1290 г. налоги оставались примерно постоянными или даже сокращались в реальном выражении; это означает, что доля валового внутреннего продукта, приходящаяся на государство, падала (так как ВВП и численность населения значительно увеличились за этот период). Даже в период локального максимума около 1300 г., после того, как налоги были удвоены, они были меньше 2% от ВВП. Англия была недообложена налогами и, очевидно, могла платить больше. Однако было необходимо найти достойную причину, которая объединила бы корону, аристократию и простолюдинов. Такой причиной стала война с Францией (King 1979:155).

На ранних этапах Столетней войны доходы короны удвоились (рис. 2.6). В течение 1370-х и 1380-х гг. доходы оставались примерно на том же уровне, но так как население сократилось наполовину, это было еще одним удвоением налогового бремени. Кроме того, целью новых подушных налогов, введенных парламентом в 1377 г., состояла в том, чтобы переместить бремя налогообложения на крестьянство (King 1979:163).

В 1369-1380 гг. английское правительство понесло чрезвычайные расходы на сумму более 1.1 млн. фунтов (Fryde 1991:43). После некоторой политической борьбы («Хороший Парламент» 1376 г. отклонил запрос короны о прямом налогообложении, в то время как парламент 1377 г. предоставил прямую субсидию в новой форме подушного налога) было принято решение включить в налогообложение большой сегмент низших классов

населения, которые ранее освобождались от налогов (Dyer 2002:284). Беспрецедентные платежи были возложены на население в 1377, 1379 и 1381 гг. В первом платеже все лица более 14 лет должны были платить по 4 пенса. А последний платеж требовал 12 пенсов от всех лиц старше 15 лет.

По расчетам Ормрода и О'Брайена максимальный доход от налогов (в реальном выражении) был получен в 1336-1345 гг. В течение следующего столетия тренд налогового дохода стал снижаться. На эту вековую тенденцию, однако, накладываются краткосрочные флуктуации, чьи пики (в 1300, 1340, 1380 и 1420 гг.) тесно связаны с периодами усиления войны против Шотландии или Франции. В целом, между 1340 г. и низшей точкой в 1460 г. доходы от налогов снизилась почти в три раза.

Рост социополитической нестабильности

Обнищание простого народа, внутриэлитный конфликт и финансовые трудности государства были основными факторами, лежавшими в основе развала общественного порядка, который наступил в конце XIV в. Тем не менее, рост социополитической нестабильности в период с начала XIII до конца XIV в. (рис. 2.7) был нелинейным и немонотонным. На растущую вековую тенденция накладывается ряд волн, что случается, как правило, один раз в поколение. Наиболее значительным периодом волнений в XIII в. был кризис 1258 г., приведший к «войне баронов» в 1263-1267 гг. (Mortimer 1994:77).

Следующая волна междоусобной войны пришла в 1320 г., во второй половине правления Эдуарда II. Все началось с неудачного восстания баронов валлийской марки и битвы при Броугбридже, которую королевские войска выиграла, казнив повстанческих лидеров (1322). Эти события продолжились успешным восстанием Мортимера и Изабеллы (1326), смещением и убийством Эдуарда II (1327), восстанием во главе с Генри Ланкастером, которое было подавлено Мортимером (1329), казнью Эдмунда, графа Кента, обвиненного в заговоре против режима (1330), и, наконец, переворотом Эдуарда III и казнью Мортимера (1330). Как отмечалось выше, царубийство Эдуарда II означало значительное повышение интенсивности внутриэлитного конфликта.

Правление Эдуарда III были относительно свободным от внутренней борьбы (за исключением последних лет), потому что энергия элиты была направлена на войну против Франции, которая первоначально сопровождалась большим успехом. Тем не менее, к концу этого царствования французы отвоевали большую часть утраченных земель, что привело к цепи событий, закончившихся крестьянским восстанием в 1381 г. Таким образом, правление преемника Эдуарда III, Ричарда II (1377-1398), было еще одним периодом повышенной социополитической нестабильности, когда борьба между фракциями элиты сопровождалась крестьянскими восстаниями. В

1381-1405 гг. вспыхнули (или были предотвращены в последний момент) еще пять народных восстаний, помимо большого восстания 1381 г. Большинство из этих восстаний были региональными; только Чеширское восстание 1403 г. вылилось в крупную гражданскую войну (Fryde 1991:797). Серьезная элитная борьба началась с восстания «лордов-апеллянтов» в 1387-1388 гг., которое сопровождалось государственным переворотом, после чего Ричард II восстановил контроль над правительством (1391). Гражданская война достигла своего пика в 1397-1399 гг.: сначала Ричард II обвинил в измене и казнил трех лордов-апеллянтов, затем Генрих Болингброк сверг Ричарда II и был коронован как Генрих IV (Ричард умер или был убит в тюрьме в 1400 г.). Наконец, в 1400 г. было большое восстание в Уэльсе, которое длилось восемь лет.

Позднесредневековая волна преступности

XIV и XV вв. были периодом усиленной криминальной деятельности – специалисты называют это явление «позднесредневековой волной преступности» (Dean, 2001). На основе анализа ведомостей следователей Барбара Ханавалт (Hanawalt 1976, 1979) показала, что изменения в структуре преступности в XIV в. объясняются экономическими и военными изменениями. Число экономических преступлений увеличивалось в периоды дороговизны. Таким образом, число краж чрезвычайно увеличилось в 1315-1319 гг. в результате большого голода (рис. 2.9). Ежегодная статистика экономических преступлений близко следовала за колебаниями цен на пшеницу (Hanawalt 1979: fig. 12).

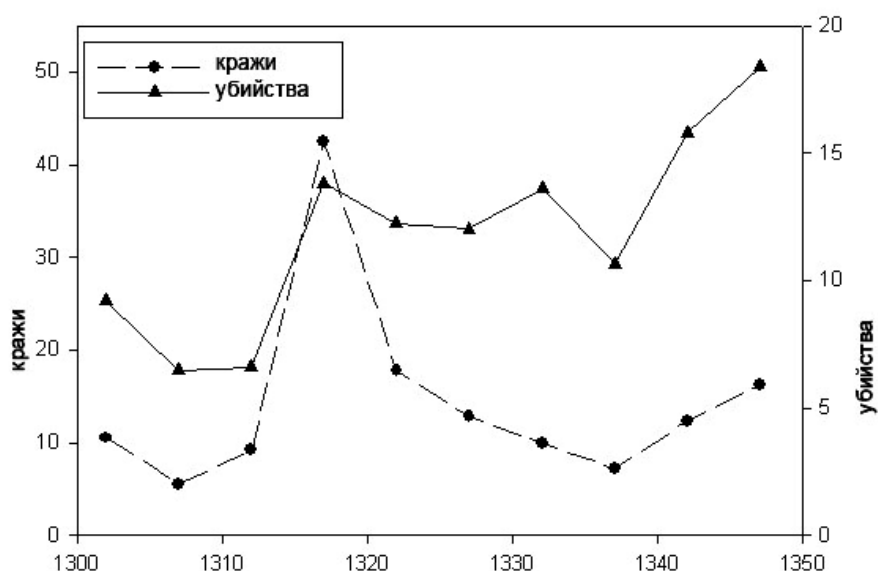

Рисунок 2.9. Количество преступлений (кражи и убийства), совершенные в восьми графствах Англии в 1300-1348 гг. (средние по округам за пятилетние периоды) (Hanawalt 1979: tabl. 9, 10).

Убийства, как правило, были вызваны в первую очередь политическими распрями и войнами. Этот вывод подтверждается более детальным анализом уголовных преступлений в каждом графстве (Hanawalt 1979:229-238). Например, Херефордшир был ареной гражданской войны, которая привела к свержению Эдуарда II, и самый высокий пик преступности в этом округе был достигнут не во время голода 1315-1317 гг., но во время гражданской войны. Периоды шотландских войн (1314-1319, 1322-1323, 1332-1337 гг.) совпадают с ростом числа преступлений в Йоркшире. «Война способствовала разорению дворянских усадеб и преступной деятельности банд, что коррелирует с увеличением числа убийств. Палата общин была несомненно права в своих жалобах на ужасных бандитов и помилованных уголовников, которые были ветеранами королевских войск» (Hanawalt 1979:238). В результате число убийств значительно увеличилось с 1300 по 1348 г. (рис. 2.9). Возросший уровень убийств, вероятно, сохранился во второй половине XIV в., как можно судить по данным из сельской местности Нортгемптоншира (табл. 2.12). Обратите внимание, что количество убийств в 14-18 в 1360-1379 гг., по сравнению со средним показателем 11 в 1300-1329 гг., подразумевает, что число убийств на душу населения почти утроилось в течение XIV в. (учитывая убыль населения после Черной Смерти).

Таблица 2.12. Среднее число убийств за год в деревнях Нортгемптоншира (Hanawalt 1976: 303).

Период	Убийства
1300-1329	11
1330-1339	13
1340-1349	21
1350-1359	10
1360-1369	18
1370-1379	14

Внутриэлитные конфликты принимали различные формы, от полномасштабной гражданской войны и постоянной борьбы между группировками знати до мелкой вражды и индивидуального насилия. В XIV в. в графстве Глостершир более половины рыцарей и эсквайров совершили по крайней мере одно уголовное преступления или правонарушение (Saul 1981:174).

2.5. Фаза депрессии (1400-1485 гг.)

Как отмечалось во вступительной главе, все границы между фазами векового цикла определяются в большей или меньшей степени произволь-

но, и это особенно относится к 1400 г. На самом деле в этом году не было резких перемен, вспышки гражданской войны продолжали происходить в обычном периодическом ритме.

Население и крестьянское хозяйство

В XV в. численность населения Англии оставался относительно постоянной в диапазоне 2-2.5 млн. человек. Некоторые специалисты изображают демографический тренд, по существу, нейтральным (например, Dyer 2002:fig. 2), в то время как другие полагают, что население продолжало уменьшаться до 1450 г., хотя и значительно медленнее, чем во второй половине XIV в. (Hatcher and Bailey 2001: fig. 3). Так как коэффициент замещения для простолюдинов и землевладельцев до 1450 г., был, как правило, ниже единицы, то вторая точка зрения, вероятно, ближе к истине.

Тем не менее, вполне вероятно, что региональные различия и перераспределение населения были более важными, чем любая общая тенденция. Люди передвигались из сельской местности в города и из одной деревни в другую. В 1370-1520 гг. в Англии опустели по крайней мере 2 тыс. деревень (Dyer 2000:350).

Низкая плотность населения объясняет значительно улучшившийся уровень жизни. В первой половине XV в. реальная заработная плата продолжала расти, хотя скорость роста замедлилась (рис. 2.3). Крестьяне ели меньше хлеба и больше мяса, рыбы и молочных продуктов. Например, хлеб составлял около половины стоимости продуктов питания, которые потребляли рабочие на уборке урожая в Норфолке в 1300 г. В XV в. доля хлеба в диете снизилась до 15% от общей суммы. В то же время доля мяса увеличилась с 8 до 30-40% (Dyer 1989:82). Отношение земля/крестьяне значительно возросло. К 1500 г. одна восьмая часть крестьянских хозяйств в Англии имела не менее 50 акров, то время как до эпидемии доля таких хозяйств была ничтожной (Dyer 2002:358).

Как отмечалось в первой главе, загадка позднесредневековой английской демографической истории заключена в вопросе, почему хорошая заработная плата, высокое потребление, изобилие свободной земли и низкая рента не переводили к возобновлению роста населения. Все эти условия присутствовали уже в 1400 г., но рост населения возобновился лишь столетие спустя. Одной из возможных причин низкой рождаемости мог быть поздний брак (Dyer 2002:276). Но эта гипотеза не объясняет, почему рост населения возобновился в XVI в. Что изменилось с 1500 г., что в итоге вызвало рост численности населения? Мы вернемся к этому вопросу ниже, когда будем обсуждать роль социополитической нестабильности.

В то время, как простолюдины пользовались все большим доходом и более высоким уровнем потребления, доходы землевладельческой элиты продолжали сокращаться. Беан (Bean 1991:579) указывает на 1420-1470 гг. как на период заметного падения земельного дохода во многих поместьях (в то время как 1470-1500 гг. были годами восстановления доходов). Существовала значительная разница между различными регионами: в южной и средней Англии обычным было снижение стоимости земли на 20%, в Корнуолле потери лордов были меньше, в то время как на северо-востоке Англии доходы снизились на треть (Dyer 2002:337).

Снижение аристократических доходов сопровождалось уменьшением потребления. Выше мы отмечали, что в 1300 г. англичане ввезли 20 тыс. бочек французского вина. К 1460-м годам импортировалось менее 5 тыс. бочек, а восстановление импорта вина произошло только после 1490 г. (Dyer 1989:104). «Таким образом, аристократы расширили свое потребление в XIII веке, они пили больше вина, восстановили свои монастыри, соборы и замки и окружили свои усадьбы рвами. В XIV и XV веках они испытывали в той или иной степени финансовые затруднения... Даже тем умелым и удачливым семьям, которые сделали прибавления к своим имениям, пришлось столкнуться с падением стоимости приобретенных активов. Денежные доходы снизились, а реальные доходы сократились еще больше из-за ножниц цен. Эта проблема стала ощущаться впервые за двадцать или тридцать лет до Черной Смерти. После этой катастрофы аристократы чувствовали себя уязвимыми, но еще не страдали от резкого падения доходов. Самый серьезный спад наступил после 1400 года, а к 1470-м или 1480-м годам худшее было уже позади» (Dyer 1989:108).

Падение доходов от земли означало, что многие аристократические семьи не смогут поддерживать свой статус. В результате баланс между восходящей и нисходящей мобильностью должен был решительно переместиться в пользу последней. Этот процесс затронул все страты (табл. 2.9). Число магнатов сократилось приблизительно с 200 баронов в 1300 г. до 60 пэров в 1500 г. Имелось 3000 аристократов среднего звена (рыцарей и эсквайров) в 1300 г. и только 1300 в 1500 г. Таким образом, количество магнатов и элиты среднего звена сократилось на две трети. Сложнее определить степень сокращения элит более низкого разряда, но это была, вероятно, величина того же порядка.

Сокращение численности элиты было результатом нескольких процессов, работающих совместно. Во-первых, некоторые знатные роды пресеклись, когда они поддержали не ту сторону в гражданской войне или в государственном перевороте. Интенсивность этого процесса имела тенденцию циклически колебаться. Например, из 16 новых графов, маркизов или князей, появившихся во время беспокойных правлений Эдуарда II и

Ричарда II, по крайней мере 14 были казнены, сосланы, или понижены в должности в течение пяти лет после их появления. С другой стороны из 13 лордов, возведенных в звание Эдуардом III, ни один не пострадал таким образом (Given-Wilson 1987:54). Во-вторых, многие благородные семьи не смогли сохранить свой статус из-за уменьшения доходов. Таким образом, Джордж Невилл, герцог Бедфорд, был исключен из списка пэров в 1478 г., в то время как маркиз Беркли – в 1492 г. Некоторые потеряли свой статус временно, как лорды Клинтон, которые понижались в своем достоинстве с 1460 до 1514 г. (Stone 1965:53). Подобные силы стимулировали нисходящую подвижность от средних разрядов в дворянство, и от дворянства до йоменов. Наконец, отрицательные темпы замещения в 1350-1450 гг. (рис. 2.4) означают, что много больше родов, чем прежде, не оставляли потомства в мужской линии. Их состояния часто сливались с другими состояниями того же ранга, держа последние на плаву перед лицом уменьшающихся доходов от земли.

Силы, сокращавшие численность элиты, породили огромную социальную напряженность, так как многие члены привилегированного класса не желали спокойно спуститься в ряды йоменов. Это было важным фактором, влиявшим на гражданскую войну XV века.

Другим фактором, подрывающим политическую стабильность, был рост вооруженных магнатских свит, о котором мы говорили выше. Генри Перси, граф Нортумберленд, тратил от трети до половины своего дохода в 3000 фунтов на выплаты и ренты своим сторонникам (Dyer, 1989). Слугам платили от 2 до 10 фунтов в год, что было очень желанным приложением к их обычному доходу в 10-20 фунтов.

Крах государственных финансов и начало гражданской войны

Царствование Генриха V было еще одним периодом внутренней стабильности и успешной войны против Франции, похожим на правление Эдуарда III. Годы несовершеннолетия Генриха VI были относительно мирными. Тем не менее, в 1429 г. англичане не смогли захватить Орлеан (город был освобожден Жанной д'Арк), и их положение во Франции начало ухудшаться. В 1442 г. французы завоевали Гасконь (кроме Бордо и Байонны), а в 1448-1451 гг. англичане были почти полностью изгнаны из Франции. Французы завоевали Мэн (1448), Нормандию (1450), Бордо и Байонну (1451); в конце Столетней войны в английских руках остался только Кале. Эта последовательность поражений вызвала ряд событий, которые были удивительно похожи на перемены в конце правления Эдуарда III.

В 1433 г. правительство было в крайне тяжелом финансовом положении: накопленный долг составлял 168 тыс. фунтов, а доход от всех налогов, подлежащих уплате в течение следующих двух лет, был уже ассигнован (Pollard 2000:112). Ежегодный дефицит регулярных доходов и расхо-

дов составлял более 21 тыс. фунтов, в то время как защита владений во Франции против возрождающихся французов требовала огромных затрат. В 1449 г. ситуация стала намного хуже. Экономическая депрессия в середине XV в. означала, что земельные доходы короны снизились (Hatcher 1996). Рецессия и эмбарго на торговлю с Фландрией уменьшили вдвое доходы от таможен и пошлин с веса. Кроме того, в царствование Генриха VI имело место долгосрочное отчуждение королевских имуществ, во многих случаях на срок жизни или нескольких жизней. Королевские ренты стоили казне около 30 тыс. фунтов, что составляло почти треть всех доходов (Given-Wilson 1987:155). Парламент неохотно утвердил половину субсидий в 1445 г. и не утвердил ни одной субсидии в 1447 г. В 1448 г. коронные драгоценности должны были быть проданы. В 1449 г. общий долг короны вырос до ошеломляющей суммы в 372 тыс. фунтов (Pollard 2000:126).

Это было во второй раз, когда государственный долг достиг неоплатного уровня (табл. 2.13). Но столетием раньше Эдуард III был спасен своими военными успехами во Франции. Не последнюю роль в избавлении от финансового кризиса сыграл огромный выкуп за французского короля Иоанна II, который был взят в плен при Пуатье. В 1450 г. военное положение во Франции было совсем другим.

Таблица 2.13. Долги Короны в 1290-1450 гг.

Год	Долг, тыс. фунтов	Ссылка
1289	110	(Raban 2000)
1307	200	(Ormrod 1999)
1339	300	(Ormrod 1999)
1433	168	(Ormrod 1999)
1450	372	(Ormrod 1999)

Генрих VI периодически впадал в безумство и был не в состоянии управлять страной. Правительство потеряло последние остатки легитимности в связи с катастрофической потерей всех французских владений (за единственным исключением Кале). Теперь оно развалилось и не могло поддерживать внутренний порядок.

Общий уровень беззакония и беспорядков увеличивался в течение 1440-х и, особенно, 1450-х гг. (рис. 2.10). Королевское правосудие оказалось извращенным до крайности «особенно в Восточной Англии, Кенте и Сассексе, где вымогательство, мошенничество, воровство, насилие и запугивание... не были засвидетельствованы в таком масштабе начиная с правления Ричарда II» (Pollard 2000:125).

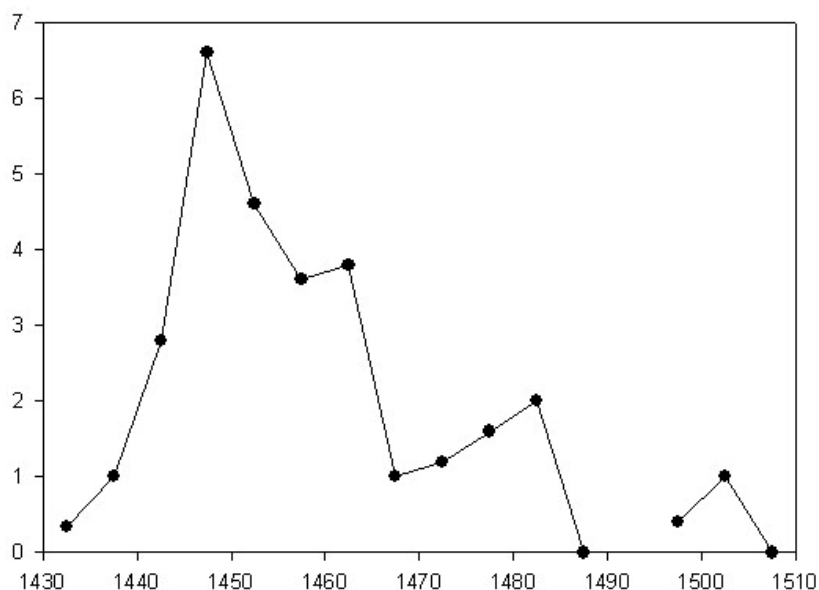

Рисунок 2.10. Среднее число случаев нападения по пятилетиям в Кемпси, Вустершир (Dyer 1980:371).

Частная вражда, бунты и вооруженные столкновения достигли таких масштабов, что в 1448- 1455 гг. по крайней мере шестая часть пэров была в какой-то момент заключена в тюрьму за дискредитирующее поведение (Lander 1976:20). Распри знати постепенно становилась частными войнами, и те, в свою очередь, слились в общую гражданскую войну, позже названную «войной Роз» (Storey 1966).

Вот список (возможно неполный) округов, пострадавших от частных войн элиты. (1) Запад (Корнуолл и Девон, затрагивая Сомерсет и Уилтшир): месть графа Девона против лорда Бонвиля. Граф Девон возглавлял частную армию из 5-6 тыс. слуг и союзников. (2) Север (Камберленд, Уэстморленд и Йоркшир): упорная партизанская война между сторонниками Невиллей и Перси. (3) Бедфордшир: вражда лордов Грей и Фанхоуп. (4) Норфолк и Саффолк: фавориты герцога Саффолка против сэра Джона Фальстафа и Пастонов. (5) Оксфордшир и Уорикшир: ссора между семьями Стаффордов и Харкорттов. (6) Глостершир: Беркли против графини Шрусбери. (7) Южный Линкольншир: подвиги сэра Уильяма Тэлбота. (8) Дербишир: Лонгфорды против Блаунтов (Storey, 1966).

1450 г. был годом большого народного восстания во главе с Джеком Кэдом. Фактически давление в Кенте повышалось больше десятилетия: беспорядки в том графстве имели место в 1438, 1443, 1445 и 1448 гг. Восстание Кэда широко распространилось по всей южной Англии. В Уилтшире толпа линчевала епископа, были восстания в Солсбери, Глостере и Эссексе, на острове Уайт. В августе-сентябре 1450 г. была очередная волна восстаний в Сассексе, Уилтшире, Эссексе и Кенте (Storey 1966). Восстание Джека Кэда было подавлено только в 1451 г.

Крах королевских финансов в 1449 г. вызвал государственный брейкдаун. Парламент 1449-1450 гг. привлёк к ответственности графа Саффолка (он был убит, когда пытался покинуть страну). Последовавшая за этим борьба за власть между Ричардом Йорком и Эдмундом Бофортом, герцогом Сомерсет, в 1455 г. переросла в открытую войну. В следующем году Сомерсет был побежден и убит в битве при Сент-Олбанс. В 1459-1471 гг. длилась гражданская война между группировками во главе с королевой Маргарет и Ричардом Йоркским. Йорк был убит в 1461 г., но том же году был коронован его сын Эдуард IV. Генрих VI был взят в плен и заключен в Тауэр, где и умер (скорее всего, был убит) в 1471 г.

В период 1471-1483 гг. было мирное затишье, но когда Эдуард IV умер, его преемником стал его сын Эдуард V, которому было всего 12 лет. Снова вспыхнул конфликт между двумя фракциями элиты, одну из которых возглавлял дядя короля по матери лорд Риверс, а другую – дядя по отцу Ричард Глостер. Ричард победил, Риверс и некоторые другие противники Ричарда были казнены без суда и следствия. Эдуард V был свергнут, и во всей вероятности, позже убит в Тауэре вместе с братом. Наконец, в 1485 г. Ричард III пал в битве при Босворте, и Генрих Тюдор стал королем Англии.

Босворт отмечает конец войны Алой и Белой Розы, и действительно, интенсивность внутренних войн быстро снизилась после 1485 г. Имели место восстание в Нортумберленде в 1489 г., восстание под руководством Перкина Уорбека в 1495-1497 гг. и восстание в Корнуолле в 1497 г. Последним афтершоком бедствий XV в. было довольно незначительное восстание в Йоркшире, которое называли «благодатным паломничеством» (1536-1537), после чего Англия наслаждалась столетием внутренней стабильности.

Интенсивность внутриэлитного конфликта во время войн Роз была чрезвычайно высокой. Три короля были свергнуты и убиты; были казнены многие магнаты, часто без суда и следствия. Однако, прямое влияние этого конфликта на население Англии, по-видимому, было незначительным. В сражениях гражданской войны принимали участие не более 50 тыс. человек (из общей численности населения в 2-2.5 млн.) (Storey 1966). Военные действия затронули лишь небольшую часть королевства.

С другой стороны, прямые потери воюющих сторон в сражениях войн Роз были лишь верхушкой айсберга. Повреждала ткань общества не борьба за трон, а общий рост социополитической нестабильности в период 1445-1485 гг. Нестабильность проявлялась в повышенной преступности, бандитизме, вражде и фракционной борьбе. Политическая борьба лордов была одним из проявлений этой основной социальной тенденции, а не ее причиной.

Мы считаем, что высокая социополитическая нестабильность в 1380-1485 гг. (и особенно в 1380-1410 и 1445-1485 гг.), уменьшила производительную способность общества (его экологическую емкость). Конкретный механизм этого явления характеризуется созданием «пейзажа страха».

Наиболее явно это наблюдалось на периферии, которая была предоставлена самой себе. На севере постоянные набеги шотландцев обезлюдили значительные пограничные области. По существу, Север был оставлен короной Невиллям и Перси (которые сражались друг с другом, участвуя в конфликте Йорков и Ланкастеров). Южное побережье сильно пострадало от набегов французских пиратов, и многие прибрежные районы были покинуты населением, переместившимся вглубь страны. В Уэльсе восстание Оуайна Глен Дура и последующее завоевание вызвало широкомасштабные разрушения (Pollard 2000:172). В Восточной Англии часть земель была потеряна из-за затопления в результате отказа от мер по борьбе с наводнениями, принятых в XIII столетии. Все эти заброшенные земли, очевидно, не могли использоваться продуктивно.

Ситуация в центральной части королевства была не столь тяжелой, как на периферии, но жизнь земледельцев там тоже была неустойчивой. Список внутриэлитных конфликтов, приведенный выше, показывает, что нарушение закона и порядка в английской деревне в середине XV в. было скорее правилом, чем исключением. Простые люди были очень уязвимы во внутриэлитной борьбе. Было много насилия над арендаторами, много запугивания, вымогательства, грабежей и убийств. Например, епископ Лейси из Эксетера записал в своем регистре, что во время частной войны между графом Девона и лордом Бонвилем в 1451 г., некоторые из его арендаторов в Клайст (к востоку от Эксетера) «не смели занимать земли» (Fryde 1991: 193). Сторонники Томаса Перси, лорда Эгрмонт, даже после его смерти в битве при Нортхемптоне в 1460 г., продолжали удерживать замок Врессель в Йоркшире, используя его в качестве базы для набегов на близлежащие районы (Vohna 2000:94). Было невозможно возделывать землю, когда вы или ваши родные могли быть в любой момент ограблены или убиты, ваши рабочие лошади украдены, а ваш дом сожжен на ваших глазах.

Некоторые районы были, вероятно, более безопасными, потому что местные элиты поддерживали мир, другие – менее безопасными. Укрепленные места, такие как обнесенные стенами города, также создавали зоны безопасности вокруг них. Возник «пейзаж страха»; это означает, что часть пахотных земель не могла возделываться, что снижало экологическую емкость, количество людей, которое английская почва могла прокормить.

Известно, что XV в. был временем высокой мобильности населения. Мнение о том, что мужчины и женщины XV в. были более свободными, было бы поверхностным объяснением этого явления. Люди должны иметь веские причины, чтобы оставить хозяйство, в которое они вложили время и труд. В XIV в. такой причиной мог быть экономический гнет земельной элиты, а в XV в. – нарушение закона и порядка.

Мы знаем, что в течение XV в. было заброшено большое количество английских деревень. Некоторые, вероятно, были уничтожены владельцами, которые хотели превратить их земли в пастбища для овец. Другие (в

особенности маленькие деревни) могли быть оставлены, потому жить в них стало слишком небезопасно.

Некоторые мигранты перебрались из одной сельской местности в другую, а другие переехали в города. Мы знаем, что большинство городов в этот период продолжало преуспевать. Так как средневековые города были демографическими клоаками, они могли поддерживать себя только постоянным притоком иммигрантов. Когда режим Тюдоров умиротворил сельскую местность, была устранена важная причина, побуждавшая крестьян переселяться в безопасные города. В результате, в начале правления Тюдоров большинство городов потеряли свое население, а некоторые из них просто увяли на корню.

2.6. Заключение

Главные предсказания демографически-структурной теории, кажется, подтверждаются...

Основная масса данных, которые мы рассмотрели в этой главе показывает, что теория Мальтуса, Рикардо, Поста и Ле Руа Ладури достаточно хорошо работает в объяснении демографической, экономической, и социальной динамики Англии вплоть до середины XIV в. Самое поразительное наблюдение – это почти идеальная обратная связь между демографическим давлением и реальной заработной платой (и наоборот, очень хорошая корреляция между населением и индексом бедности: см. рис. 2.1). Кстати, динамические модели, такие, как отображаемая на рис. 2.1, демонстрируют, что исторический процесс может с пользой изучаться с помощью теоретических и аналитических методов нелинейной динамики.

Однако возобновившаяся после Черной Смерти «средневековая депрессия» населения с точки зрения сырой мальтузианской модели является значительной аномалией. Мы уже говорили о необходимости понимания того факта, что средневековая депрессия носит демографически-структурный характер и необъяснима без анализа роли элиты и государства. Ключевым фактором стагнации населения в 1380-1485 гг. была высокая социополитическая нестабильность, проявляющаяся как расстройство общественного порядка. В свою очередь, общественный порядок не мог быть восстановлен надолго, пока численность и аппетиты элиты не были приведены в соответствие с производственной мощностью общества. Иными словами, прирост населения не мог возобновиться, пока проблема перепроизводства элиты не была решена.

По разным причинам, которые обсуждаются ниже, решение этой проблемы заняло необычно много времени. Однако к 1485 г. экономические трудности и внутренние войны XIV-XV вв. сократили размеры английского правящего класса примерно до одной трети того, что было в начале XIV

столетия. Таким образом, число магнатов сократилось примерно с 200 баронов до 60 пэров, количество аристократов среднего ранга (рыцари и эсквайры) уменьшилось с 3000 до 1300, и число мелких дворян, возможно, от 15 тыс. до 5 тыс. (табл. 2.9).

Другим аспектом того же процесса стало снижение крайнего экономического неравенства, которое появилось в Англии к 1300 г. В нижней части социальной иерархии уменьшение численности населения значительно увеличило отношение земля/крестьяне и улучшило структуру потребления даже у бедняков. На более высокой ступени огромные состояния XIV в., как, например, у графа Ланкастера (11 тыс. фунтов в 1311 г.), в XV в. исчезли. В 1436 г. максимальный доход (принадлежавший Ричарду Йорку) оценивался в 3230 фунтов (Gray 1934), значительно ниже, чем у графа Корнуолла в начале XIV в. (6 тыс. фунтов в 1300 году). Доходы свыше 3 тыс. фунтов были также у графа Уорвика и герцога Букингема. Напротив, около 1300 г. было шесть графов, которые пользовались доходами более 3 тыс. фунтов в год. Позднее, в XV в., даже такие состояния, как правило, исчезают. Наследство Йорков перешло к короне в результате того, что Ричард, сына Йорка, был коронован в 1461 г. как Эдуард IV. Состояние Варвика было поглощено короной после 1471 г., когда Ричард Невилл, граф Варвик, был убит в сражении с Эдуардом IV.

...Но теория не отражает всей сложности исторического процесса

Мы должны подчеркнуть два важных ограничения в нашей, в целом положительной, оценке соответствия между теорией и данными в случае цикла Плантагенетов: важность экзогенных факторов, а также влияние других эндогенных процессов, которые не являются, строго говоря, частью демографически-структурной теории.

Одним из важнейших экзогенных факторов было влияние климата. Холодные и влажные годы после 1315 г., видимо, послужили толчком для начала сокращения численности населения. Глобальное похолодание после средневековой оптимальной депрессии, вероятно, снизило урожайность сельскохозяйственных культур, и следовательно, уменьшило экологическую емкость средневековой аграрной системы.

Еще более очевидным внешним шоком было появление в Англии чумы, занесенной в Европу из Азии в 1348 г. Хотя вполне вероятно, что население продолжило бы уменьшаться даже в отсутствие Черной Смерти, оно снижалось бы гораздо медленнее и не так глубоко, как это случилось в реальности.

Геополитическое положение Англии по отношению к своим соседям, Шотландии и Франции, является другим важным экзогенным фактором. Как отмечалось выше, доходы, получаемые элитой от войны во Франции, позволяли ей продлить дезинтегративную фазу цикла Плантагенетов.

Обращаясь к эндогенным факторам, отметим, что стандартная демографически-структурная модель предсказывает непрерывную социополитическую нестабильность и постепенное снижение численности правящего класса. Тем не менее, в действительности нестабильность убывает волнами, которые перемежаются с относительно мирными периодами. Это общее явление для дезинтегративной фазы многих вековых циклов было названо одним из нас (Turchin 2003b, 2006) циклами «отцов-и-сыновей».

В случае Англии Плантагенетов имели место три цикла «отцов-и-сыновей», которые взаимодействовали повторяющимся способом с изменениями в геополитической обстановке. Основной динамикой каждого цикла были: (1) центростремительная фаза, характеризующаяся единством элиты, увеличенным налогообложением и успехами во внешней войне; (2) центробежная фаза, для которой характерны государственные финансовые проблемы, внутриэлитная конкуренция, перерастающая в гражданскую войну, и потеря внешних завоеваний.

Основная динамика установилась во время правления Эдуарда I (1272-1307) и его сына Эдуарда II (1307-1327). Эдуард I резко увеличил доходы короны (рис. 2.6) и завоевал Шотландию, воспользовавшись ее распадом во время гражданской войны. Напротив, при Эдуарде II имело место снижение доходов, а дворянство становилось все более неуправляемым. Эдуард II потерпел сокрушительное поражение от шотландцев при Баннокберне (1314) и потерял Шотландию. Наконец, он потерял свою корону и жизнь в результате гражданской войны 1320-х гг.

Следующей итерацией по той же схеме были правление Эдуарда III (1327-1377) и Ричарда II (1377-1399). Эдуард III объединил элиты, ввел самые высокие в средневековой английской истории ставки налогообложения и завоевал половину Франции. Его преемник Ричард II вступил в конфликт с основной частью дворянства и казнил некоторых из своих противников. Его правление видело большие народные восстания, сокращение доходов и отказ парламентов утвердить новые налоги. Как и Эдуард II, он был свергнут и позже умер (или был убит?) в тюрьме.

Последний цикл был объединенным периодом правлений Ланкастеров и Йорков. Во время правления Генриха V и младенчества Генриха VI Англия переживала период национального объединения, относительной финансовой стабильности и успешных завоеваний во Франции. Однако, начиная с 1430-х гг., страна постепенно скатилась к состоянию банкротства, внутриэлитных конфликтов, территориальных потерь во Франции и, наконец, тотальной гражданской войны. Последнее сражение войн Роз в 1485 г. было не только концом третьего миницикла отцов-и-сыновей, но также концом большого векового цикла Плантагенетов.

Глава 3. Англия раннего Нового времени: цикл Тюдоров-Стюартов (1485-1730 гг.)

3.1. Обзор цикла

Мы принимаем за начало цикла год установления династии Тюдоров, что ознаменовало конец длительного периода нестабильности, достигшего высшей точки в войнах Роз. 1485 год – это хороший кандидат на поворотный момент в истории населения Англии, так как примерно в это время средневековая депрессия сменилась на первые признаки демографического роста. Время окончания цикла определить труднее. Мы выбрали 1730 год, потому что это был последний пятилетний период отрицательного роста населения, но другой возможной конечной точкой является 1750 г., так как устойчивый рост населения в Англии возобновился только после этой даты (Wrigley et al. 1997). Таким образом, вековой цикл включает в себя правления Тюдоров, Стюартов, и начало правления Ганноверской династии.

Тенденции в области народонаселения и экономики

Демографическая траектория Англии этого периода была во власти двух тенденций: устойчивый рост населения с начала XVI до середины XVII в. сменился стагнацией, продолжавшейся до середины XVIII в. (рис. 3.1a) Одним из факторов, который мы должны принимать во внимание при интерпретации наблюдаемой картины, является ускорение научно-технического прогресса, который в конечном итоге (в конце XVIII в.) привел к промышленной революции. Как отмечалось многими авторами, главным стимулирующим фактором промышленной революции был значительный прогресс в сельском хозяйстве, который начался в XVII в. (рис. 3.1a). Увеличение средней урожайности пахотных земель означало, что английское сельское хозяйство может прокормить больше людей, чем раньше. Иными словами, вскоре после 1600 г. начала увеличиваться экологическая емкость Англии.

Главной переменной в мальтузианско-рикардианской теории является не общая численность населения, а отношение численности населения к объему ресурсов, или демографическое давление на ресурсы. Демографическое давление может быть оценено путем деления фактической численности населения на максимальную численность людей, которые могут

обеспечить себя пропитанием на соответствующей территории с учетом имеющихся технологий. В приложении в конце этой главы мы рассчитали экологическую емкость Англии в зависимости от изменения урожайности, и рис. 3.1b показывает динамику демографического давления между 1450 и 1800 гг.

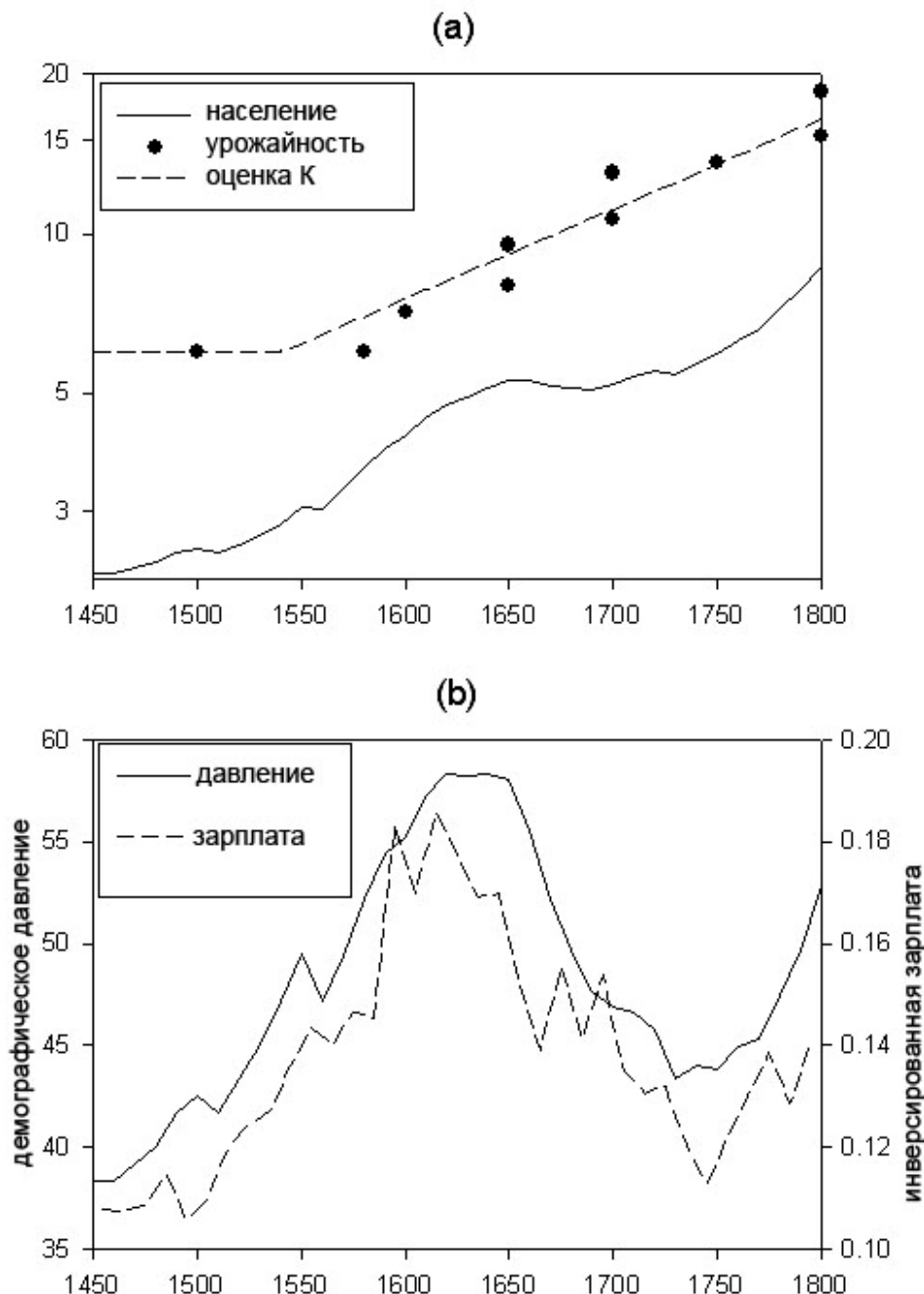

Рисунок 3.1. Демографическая траектория Англии (Turchin 2005, см. также приложение в конце этой главы). **(а)** Численность населения (млн.), чистая урожайность (в бушелях на акр) и расчетная экологическая емкость (млн.) в Англии с 1450 по 1800 г. (все переменные нанесены на логарифмической шкале). **(б)** Демографическое давление (сплошная линия) и индекс бедности (пунктирная линия).

Мы видим, что в то время, когда численность населения стагнировала, демографическое давление существенно сократилось за счет увеличения продуктивности пахотных земель. В результате, в период с конца XV в. до середины XVIII в. в динамике демографического давления (но не в численности населения) прослеживается типичный вековой цикл. Чтобы проверить наши расчеты, мы построили на рис. 3.1b кривую «индекса бедности» (это величина, обратная к реальной заработной плате). Общий параллелизм между двумя кривыми подтверждает нашу оценку величины демографического давления.

Рассматриваемый период видел очень быструю инфляцию – это была знаменитая революция цен XVI века (рис. 3.2). Между 1540 и 1600 гг. цена на пшеницу увеличилась в четыре раза, с 20 до более 80 г серебра за центнер. На пике 1640-х гг. (и снова в 1690-х гг.) цена на пшеницу превышала 120 г за центнер – в шесть раз больше, чем столетие назад.

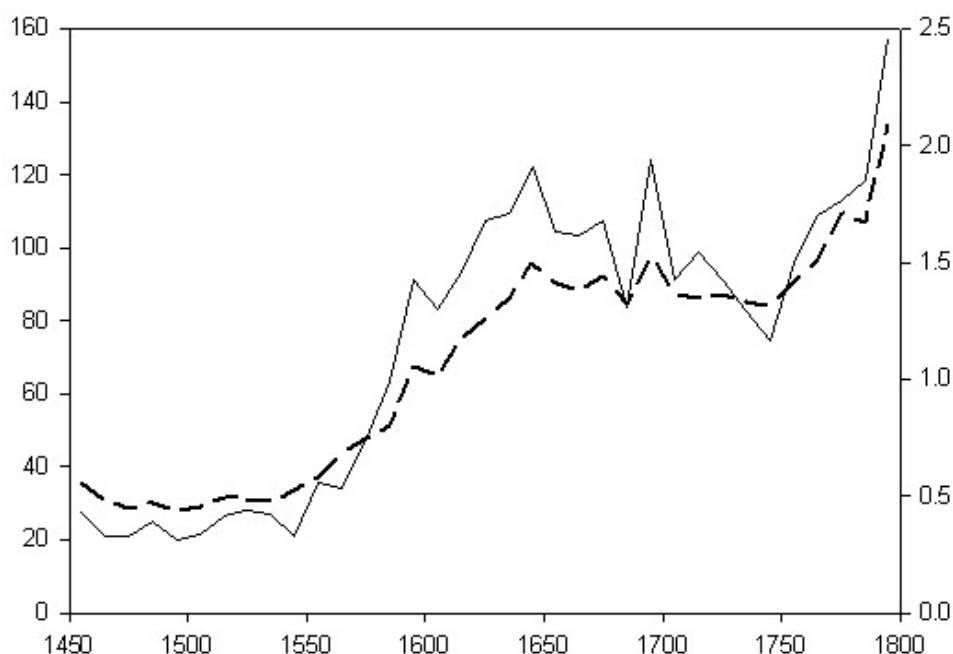

Рисунок 3.2. Динамика цен (десятилетние средние) в Англии в 1450-1800 гг. Сплошная линия: цены на пшеницу в граммах серебра за 100 кг – левая шкала (Abel 1980). Пунктирная линия: стоимость потребительской корзины – правая шкала (Allen 1992).

Социальная структура и динамика элиты

Вершину социальной иерархии в Англии раннего нового времени занимали магнаты: светские пэры (бароны, виконты, графы и герцоги), духовные лорды (архиепископы и епископы), высшие правительственные администраторы и влиятельные придворные. Число пэров во время тюдоровского цикла варьируется от менее 60 до 170 (табл. 3.1а). После роспуска монастырей в 1530-х гг. количество епископов и игуменов было менее

30; после реформации их социальный статус уступал статусу пэров (Stone 1976:241).

Большая часть элиты среднего разряда состояла из «дворянства графств» – эсквайров, рыцарей, и (позже) баронетов, общая численность которых составляла от 1300 до 4400 (табл. 3.1b). Численность низшей элиты, «приходского дворянства», варьировалась от 5 тыс. до 15 тыс. (табл. 3.1c) В дополнение к земельному дворянству, элитная страта включала юристов выше уровня адвоката, городские элиты (оптовые торговцы, крупные экспортеры, таможенные откупщики, финансисты) и приходское духовенство.

Таблица 3.1. Численность и средние доходы элит в период цикла Тюдоров-Стьюартов

(a) Магнаты (Mingay 1976)

<i>Период</i>	<i>Число пэров</i>	<i>Доход, фунтов</i>	<i>Доход, кватеров</i>	<i>Тонн пшеницы</i>
1500	60			
1540	60	400–1400*	1000–3500	220–760
1600	55			
1615	81			
1628	126			
1640	160	6,000**	2600	567
1700	170			

*1524 (Britnell 1997:191)

** (Stone 1965:762)

(b) Средние ранги (дворянство графств)

<i>Период</i>	<i>Средние ранги</i>	<i>Средний доход, фунтов</i>	<i>Доход, кватеров</i>	<i>Тонн пшеницы</i>
1500	1300 дворян графств (500 рыцарей + 800 эсквайров)			
1524*	1300 (500 рыцарей + 800 эсквайров)	Рыцари: 120–200; эсквайры: 50–80	320–520 130–210	70–115 28–46
1640	4400 (1400 баронетов и рыцарей + 3000 эсквайров)	Рыцари: 500–1000; эсквайры: 100–300	220–430 45–130	48–94 10–28
1700	3000 (1000 высших дворян + 2000 низших дворян)			

*(Britnell 1997:191)

(с) Низшие слои элиты (приходское дворянство)

<i>Период</i>	<i>Мелкие землевладельцы</i>	<i>Средний доход, фунтов</i>	<i>Доход, кватеров</i>	<i>Тонн пшеницы</i>
1500	5000 джельтменов	17	64	14
1540	5000 военных дворян			
1640	15000 военных дворян	<100	<43	9
1700	10000 деревенских джельтменов	240	100	22

Что касается простолюдинов, то Стоун (Stone 1976:240) описывает трехчастное деление: (1) йомены, фермеры, ремесленники, владельцы магазинов и мелкие торговцы, (2) не имеющие собственного хозяйства чернорабочие, как сельские, так и городские, (3) ученики, слуги и иждивенцы (вдовы, престарелые и безработные).

До 1540 г. количество аристократов всех рангов оставалось постоянным (табл. 3.1). Однако в 1540-1640 гг. численность элиты увеличилась примерно в три раза. Поскольку население увеличилось за этот период лишь на 80% (с 2.8 до 5.1 млн.), то английское общество стало значительно более дисбалансированным. После 1640 г. численность средней и низшей элиты сократилась примерно на одну треть, в то время как число пэров продолжало расти, хотя и гораздо более медленными темпами, чем ранее (табл. 3.1).

Изменения, затрагивающие низшее духовенство, были более сложными. В средневековой Англии имелось 9-10 тыс. приходов (Moogman 1946:5). Однако к концу цикла Плантагенетов у большей части приходов не было священников и даже приходских церквей. В 1540-1560 гг. произошло резкое снижение численности духовенства (Stone 1972:80). В 1560 г. в епархии Кентербери из 274 зарегистрированных приходов 107 не имели священников. В архидиоцезе Оксфорд количество ректоров, викариев и священников сократилось с 371 в 1526 г. до 270 в 1586 г. (Stone 1972:80) После 1600 г. численность местного духовенства росла очень быстро, и к 1640 г. не хватало приходов, чтобы удовлетворить спрос. По оценке Грегори Кинга в 1688 г. в Англии насчитывалось 10 тыс. духовных лиц, по оценке ЛиндERTA – 12 тыс. (Lindert 1982) Таким образом, численность низшего духовенства с 1500 г. увеличилась, по крайней мере, в два раза. Но эти цифры не дают полной картины: статус (хотя и не доход) приходского духовенства в начале XVII в. существенно повысился. «Позднесредневековый приходской священник был много выше, чем малограмотный работающий на земле фермер сомнительных нравов: у приходского свя-

щенника были университетская степень, сильные религиозные убеждения, удобный дом, несколько книг на полках» (Stone 1972: 81). Другими словами, в течение XVII в. должность приходского священника стала «резервуаром» для искавших занятости избыточных элит.

Государственные финансы

В номинальном выражении доходы государства на протяжении всего цикла продолжали расти с казалось бы незначительными флуктуациями вокруг тренда. Однако при учете динамики цен на пшеницу характер изменений становится более сложным (рис. 3.3). На первом этапе, до 1550 г., реальные доходы увеличились более чем в три раза. Во второй половине XVI в. тенденция изменилась, и покупательная способность доходов короны уменьшилась на две трети. Причиной этого уменьшения реальных доходов была инфляция в XVI в. В 1600-1640 гг. доходы колебались на низком уровне. Так как население продолжало расти, то накануне революции ставки налога на душу населения снизилась вдвое по сравнению со ставками конца XV в.

Рисунок 3.3. Общие доходы английского государства в 1485-1755 гг. (ESFDB 1995) Точечная линия: доходы, выраженные в серебряном эквиваленте (в тоннах). Сплошная линия: доходы, выраженные в тоннах пшеницы. Пунктирная линия: реальные доходы на душу населения в литрах пшеницы.

Во время революции произошел первый скачок роста доходов, затем последовало небольшое снижение в период реставрации. Наконец, имел

место большой и устойчивый рост реальных доходов в десятилетия около 1700 г., который поднял их выше максимума середины XVI в. (рис. 3,3).

Социополитическая стабильность

Период между окончанием войны Роз и началом Великой революции был вполне мирным (табл. 3.2). Частичное исключение составляли два десятилетия в середине XVI в., которые характеризовались династической неустойчивостью, религиозной борьбой и финансовыми трудностями – так называемый «кризис середины правления Тюдоров» (Jones 1973). Эта нестабильность, однако, никогда не перерастала в крупномасштабный кризис (Matusiak 2005). Несколько восстаний, вспыхнувших в 1536-1554 гг. («благодатное паломничество», корнуоллское возмущение, восстания Кета и Уайта) имели местный характер, не угрожали серьезно центральной власти и были быстро подавлены (Loades 1999: 150-153, 173, 177-178, 193-195).

Таблица 3.2. Восстания, перевороты, гражданские войны и другие случаи внутренней войны в Англии в 1500-1603 гг., и в Англии и Шотландии в 1603-1800 гг. (Sorokin 1937, Tilly 1993, Stearns, 2001).

<i>Период</i>	<i>Описание</i>
1536-1537	«Благодатное паломничество» (католическое восстание в Йоркшире)
1549-1550	Восстание Кета, Корнуоллское возмущение
1554	Восстание Уатта
1639-1640	Шотландские «войны епископов»
1642-1647	Гражданская война
1648-1651	Вторая Гражданская война
1655	Восстание Пенруддока в Солсбери
1660	Переворот Монка, реставрация Карла II
1666	Восстание шотландских пресвитериан
1679	Восстание шотландских пресвитериан
1685	Восстание Монмута и Аргайла
1687-1692	Славная революция, французская интервенция в Ирландии
1715-1716	Якобитское восстание в Шотландии
1745-1746	Якобитское восстание в Шотландии

Напротив, период 1640-1660 гг., был свидетелем полномасштабного государственного брейкдауна, сопровождавшегося длительной и ожесточенной гражданской войной. Время реставрации было относительно мирной интерлюдией, за которой в 1685-1692 гг. последовал второй период нестабильности, включавший насильственное свержение правительства.

XVII в. был очень мирным, кроме двух восстаний якобитов в Шотландии, которые были быстро подавлены.

В динамике монетных кладов в 1500-1800 гг. доминирует пик, связанный с Великой революцией (рис. 3.4). Присутствуют также два вторичных пика. Один из них отражает второй период социополитической нестабильности, связанный со Славной революцией. Другой пик, в середине XVI в., вероятно, имеет отношение не столько к внутренней нестабильности в Англии (хотя этот период включает в себя восстание Уатта), сколько к событиям за ее пределами: англо-шотландской войне и подавлению крупного восстания в Ирландии.

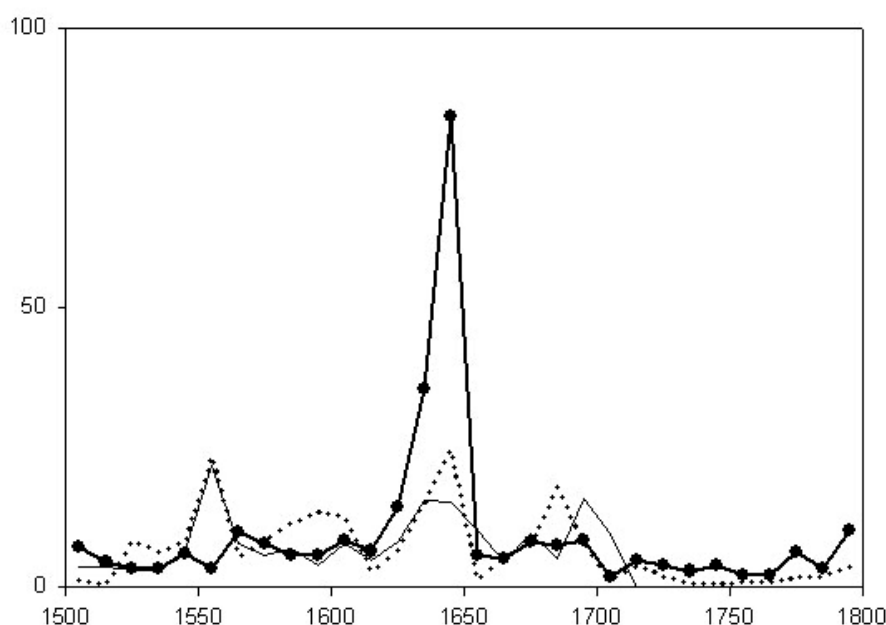

Рисунок 3.4. Количество монетных кладов за десятилетия на Британских островах, 1500-1800 гг. (Brown 1971). Толстая сплошная линия: Англия (включая Уэльс) до 1707 г., после 1707 г. – Соединенное королевство (включая Шотландию). Тонкая сплошная линия: Шотландия (до 1707 г.). Пунктирная линия: Ирландия.

3.2. Фаза расширения: 1485-1580 гг.

Общее население и экономика

После длительного периода застоя население Англии около 1500 г. начало расти. Некоторые ученые относят начало этого роста к 1480-м гг., другие – к 1510-м гг. (Hatcher 1977); но во всяком случае в 1520-е гг. население увеличивалось уже достаточно быстрыми темпами (Britnell 1997:246). Мы испытываем недостаток в точных данных о численности населения на период до 1540 г., но имеется один косвенный признак роста –

скачок в нормах замещения, обнаруженный в «Inquisitions Post Mortem» («посмертных расследованиях») около 1500 г. (однако эти данные говорят прежде всего о замещении земельной элиты). Другим признаком является интенсивная деятельность по восстановлению крестьянских домов, с концентрацией нового строительства в период 1440-1520 гг. (Dyer 2002:356) За этим последовало восстановление тысяч приходских церквей между 1480 и 1540 гг. (Hoskins 1976:12). Последний признак – рост цен в 1500-1530 гг., сопровождаемый вялой реакцией заработной платы (Britnell 1997:244). Действительно, 1500 г. представляется поворотной точкой, когда индекс бедности (величина, обратная реальной заработной плате) начал устойчивый подъем (рис. 3.1).

Анализ парламентских субсидий от 1524 и 1525 гг. предполагает население в 2.3 млн. человек (Cornwall 1970), которое соответствует минимальному населению в XV в. Более поздняя переоценка предлагает еще более низкое число (Campbell 1981), которое, однако, трудно согласовать с более надежной оценкой в 2.8 млн. человек для 1541 г. (см. ниже). Рост населения с 2.3 до 2.8 млн. в период с 1520-1540-х гг. предполагает относительную скорость роста в 1% в год, что несколько выше темпов роста для периода после 1540-х гг. Для этого периода у нас есть надежные данные: обратный отсчет показывает, что ежегодные темпы роста населения в 1541-1556 гг. составляли 0.87% (Wrigley and Schofield 1981:566).

Важная особенность ранней стадии роста населения заключалась в том, что этот рост сопровождалось значительным изменением пропорций городского и сельского населения. По-видимому, в период 1400-1550 гг. все английские города (за исключением Лондона) потеряли часть своего населения. Например, население Ковентри, главного города Мидлендса, несмотря на разрушительные последствия Черной Смерти, в 1348-1450 гг. увеличивалось. В 1440 г. город насчитывал более чем 10 тыс. жителей, а в 1500 г. – только немногим меньше (8.5-9 тыс.). Однако в 1520 г. имелось только 7.5 тыс. жителей, а к середине XVI в. население уменьшилось до 4.5-5 тыс. (Phythian-Adams 1979:281) Пример Ковентри не был чем-то необычным. Винчестер, Йорк, Бостон, Линкольн, Линн также потеряли приблизительно половину населения между 1377 и 1525 гг. (Dyer 2002:300). Лестер, Норидж, Бристоль, Саутгемптон, Солсбери и Херефорд сжались в размерах или испытывали серьезные экономические трудности (Phythian-Adams 1979:283-28; Dyer 2002:300). Единственным исключением из этого правила был Лондон, население которого в этот период росло – но медленнее, чем общее население. Многие города просто перестали быть городами, потому что их покинули жители, или потому что их экономика перестала носить городской характер (Dyer 1980:301). Эта тенденция особенно проявлялась на западе и севере Англии.

Тенденция к дезурбанизации была обращением вспять той тенденции к урбанизации, которая наблюдалась во время фазы стагфляции предыду-

шего цикла. Уменьшение численности элиты в сочетании с сокращением ее потребления привели к уменьшению спроса на предметы роскоши и мануфактурные изделия. В результате города перестали давать работу иммигрантам из сельской местности. Между тем, сельские районы стали более привлекательным местом для жизни, поскольку при режиме Тюдоров возвратилась политическая стабильность. На селе появились новые возможности для расширения экологической емкости путем внутренней колонизации ранее заброшенных земель. Таким образом, все факторы способствовали уменьшению притока мигрантов из сельских районов в города. Лишенное притока переселенцев из деревни городское население сокращалось из-за высокой смертности и низкой рождаемости, характерной для городов того времени. Между прочим, это перераспределение населения между городом и селом может объяснить недостаточную документированность ранней стадии роста численности населения (1480-1540 гг.). В отличие от сокращения городского населения, сельская колонизация была незаметной и проявлялась лишь в косвенных признаках, таких, как строительство крестьянских домов и восстановление приходских церквей.

Независимо от продолжительности ранней стадии демографического роста, численность населения в 1541 г. составила 2.8 млн., существенно больше, чем в XV в. (Wrigley et al. 1997) Благодаря исследованиям так называемой «Кембриджской группы» демографическая динамика последующего периода достаточно хорошо известна. После 1540 г. население росло с увеличивающейся скоростью, которая к 1580 г. превысила 1% процент ежегодно. После 1580 г. население продолжало расти, но более низкими темпами; в начале 1590-х гг. оно перешагнуло рубеж в 4 млн.

Быстрый рост населения во второй половине XVI в. в сочетании с поставками драгоценных металлов из Нового Света обусловил беспрецедентный рост цен. В то же время номинальная заработная плата увеличивалась гораздо более медленными темпами, и это тяжело отражалось на уровне жизни простого народа.

В начале XVI в., до революции цен, заработная плата чернорабочего предусматривала стандарт жизни, который был скромным, но значительно выше голодного уровня. Предполагая, что работник может найти работу в течение 150 дней в году, и что суточная оплата составляет 4 пенса, Хоскинс оценил годовой доход рабочего в 50 шиллингов. Ремесленник получал на 50% больше, так как его дневной заработок составлял 6 пенсов (Hoskins 1976:113). Пять кварталов пшеницы (14.5 гектолитров – приемлемая норма потребления для семьи из пяти человек) стоили 30 шиллингов; это составляет 60% от годового дохода. Прочие расходы были гораздо меньше. Типичная арендная плата составляла 5 шиллингов в год. Рабочий одежда стоила 4 шиллинга на человека в год, но маловероятно, чтобы чернорабочие тратили так много. Большая часть одежды была домашнего изготовления, а бедные люди носили обноски. Пара «обуви для бедняков»

стоила шиллинг. Там, где лес находится в пределах доступности, бедняки могли собирать дрова для отопления жилищ. Там, где леса было мало, они жгли ботву гороха и сушеный коровий навоз, или же вовсе не отапливали свои жилища. Жизнь не была легкой, но зарплаты рабочего хватало для пищи и крова. Кроме того, жены и дети могли пополнить семейный доход, работая в текстильных мастерских или нанимаясь на сезонные работы в деревне (Hoskins 1976:116).

В течение XVI в. заработная плата росла медленнее, чем цены, поэтому в реальном выражении она уменьшалась. Например, в южной Англии сельская заработная плата оставалась постоянной на уровне 4 пенса в день до 1550 г., а затем выросла до 8 пенсов к 1580-1590-м гг. (Thirsk 1967:864). Однако при этом покупательная способность заработной платы к 1590 г. сократился на 50% (Thirsk 1967:865).

Земельная арендная плата увеличивалась, но медленнее, чем цены, сдвигая распределение сельскохозяйственной прибыли от арендодателя к арендатору (Stone 1972:68). Мы увидим ниже, что в фазе стагфляции рента росла быстрее, чем цены, и направление потока прибыли изменилось.

Динамика элиты

До середины XVI в. расширение элиты отставало от общего прироста населения. На протяжении большей части века численность пэров колебалась около 60 человек (Mingay 1976). Количество рыцарей увеличилось с 375 в 1490 г. до 600 в 1560 г. (Stone 1965:71); это увеличение составляло лишь 60%, в то время как население более чем удвоилось.

В середине XVI в. имущественное положение элиты резко изменилось в результате наибольшего в английской истории перераспределения земли, связанного с закрытием монастырей. Чистый годовой доход церкви оценивается Хоскинсом (Hoskins 1976:121), в 400 тыс. фунтов, из которых по крайней мере, 60% перешло к короне. В 1536-1554 гг. большая часть этой земли (стоимостью 1.1 млн. фунтов) была продана дворянству (Stone 1972:154), что послужило экономической основой для последующего расширения элиты.

3.3. Стагфляция: 1580-1640 гг.

Население и экономика

После 1580 г. население продолжало расти, но темп роста уменьшился, и в 1640-х гг. численность населения составила 5.3 млн. (Wrigley et al., 1997). Таким образом, между 1480 и 1640 гг. английское население более чем удвоилось. «Удвоение населения в течение 120 лет перед гражданской войной является критическим для этого периода событием, последствия ко-

того распространялись на все аспекты жизни общества» (Stone 1972:67, см. также: Russell 1990:1; Kishlansky 1997). Одним из последствий роста численности населения было резкое уменьшение отношения земля/крестьяне. К примеру до 1560 г. 57% земельных владений были размером в 1 акр или более, в то время как после 1620 г. только 36% входили в эту категорию. Резко возросла численность безземельных крестьян: доля рабочих, которые владели только коттеджем с садом или приусадебным участком, увеличилась с 11% в 1560 г. до 40% после 1620 г. (Everitt 1967:402).

С 1500 до 1640 г. цены на зерно выросли почти в восемь раз (в номинальном выражении; рост в серебре был шестикратным). Для изучения факторов, которые были ответственны за эту инфляцию, Джек Голдстоун (Goldstone 1991:tab. 3) построил простую регрессионную модель с населением, индексом урожайности и временем (фиктивная переменная для технических изменений) в качестве независимых переменных. Модель объясняет 99% дисперсии в ценах, и показывает, что самым важным фактором инфляции был рост населения.

Революции цен в XVI в. способствовало расширение денежной массы в результате крупномасштабного импорта золота из Америки. Тем не менее, даже в Испании, где эффект импорта должен быть наибольшим, устойчивая инфляция началось в 1540-х гг. – до того, как поступление драгоценных металлов из Нового Света приобрело существенные масштабы. При этом инфляция продолжалась и после 1620 г., несмотря на снижение импорта слитков (Fischer 1996:fig.2.09). Другим аргументом, показывающим, что основным двигателем инфляции был рост населения, является несоответствие между ростом цен на продовольствие и топливо по сравнению с мануфактурными товарами (табл. 3.3). В то время как цены на хлеб увеличились почти в восемь раз, цены на мануфактуру увеличились только в три раза.

Таблица 3.3. Относительный рост цен на продовольствие и топливо (на зерно, скот и древесину) по сравнению с ценами мануфактуры (Fischer 1996:74)

<i>Годы</i>	<i>Зерно</i>	<i>Скот</i>	<i>Дрова</i>	<i>Мануфактура</i>
1450-1469	99	100	102	101
1470-1489	104	101	102	101
1490-1509	105	105	88	98
1510-1529	135	128	98	106
1530-1549	174	164	108	119
1550-1569	332	270	176	202
1570-1589	412	344	227	227
1590-1609	575	433	312	247
1610-1629	788	649	500	294

Еще одним индикатором, показывающим, что рост цен был обусловлен в первую очередь ростом населения, является реальная заработная плата, которая в 1500-1640 гг. снизилась более чем на 40% (Allen, 2001). Плата за аренду земли также увеличивалась более быстрыми темпами (табл. 3.4). В XVI в. арендная плата увеличивалась в соответствии с ценами, но после 1580 г. рента быстро опережает инфляцию. В фазе расширения реальная арендная плата оставалась постоянной, и единственный способ увеличения доходов для помещиков состоял в том, чтобы увеличить свои земельные владения. Напротив, в фазе стагфляции реальная арендная плата быстро росла, и помещики пользовались выгодами от существенного увеличения доходов. К примеру, между 1530-ми и 1630-ми гг. уровень жизни среднего дворянства в Уорикшире вырос почти на 400% (Stone 1972:74).

Таблица 3.4. Арендные ставки (Kerridge 1953, Allen, 1992). Максимумы реальной арендной платы выделены жирным шрифтом.

	<i>Керридж</i>			<i>Аллен</i>
<i>год</i>	<i>пенсов за акр</i>	<i>реальная рента</i>	<i>год</i>	<i>реальная рента</i>
1515	6.562	1.00	1462.5	1.1752
1525	6.235	0.75	1487.5	1.2217
1535	13.283	1.65	1512.5	1.0736
1545	13.796	1.37	1537.5	1.3542
1555	20.192	1.22	1562.5	0.7887
1565	22.902	1.33	1587.5	4.1571
1575	28.551	1.51	1612.5	5.3031
1585	21.577	1.00	1637.5	4.3822
1595	35.927	1.20	1662.5	4.2364
1605	44.070	1.54	1687.5	4.2230
1615	54.405	1.67	1712.5	7.1223
1625	45.867	1.36	1737.5	6.6528
1635	57.838	1.44	1762.5	6.1794
1645	42.572	0.99	1787.5	5.3608
1655	55.447	1.47	1812.5	5.3611

Урбанизация и торговля

В XVI в. рост населения Лондона значительно отставал от роста общей численности населения Англии. В результате жители Лондона составляли от 2 до 3% общей численности населения. Однако после 1600 г. население Лондона возросло до такой степени, что в столице проживали более 10%

всего населения. Во второй половине XVIII и в начале XIX в. рост населения Лондона снова отстает от демографического роста страны в целом (в 1830 г. в Лондоне проживало 9% от общей численности населения). Иными словами, урбанизация показывала типичную вековую динамику с максимумом, который существенно отставал от максимума населения. Урбанизация не ограничивалась Лондоном. Например, между 1603 и 1670 гг. городское население Восточной Англии выросло на 50%, в то время как общая численность населения области повысилась только на 11%. Крупнейшие города росли быстрее других: население Норвича в XVII в. увеличилось с 12 тыс. до 30 тыс. (Clay 1984a: 20).

Динамика торговли и промышленности соответствовала темпам урбанизации. Грузооборот лондонского порта вырос с 12300 т в 1582 г. до 35300 т в 1629 г., и около 150000 т в 1686 г. (Clay 1984a: 202). Между 1622 и 1700 гг. стоимость ввозимого в Лондон продовольствия и сырья увеличилась с 1 млн. фунтов до 3 млн. фунтов (Clay 1984b). Рост промышленности может быть проиллюстрирована цифрами производства чугуна. В 1500 г. производство составляло всего лишь 140 т в год, а к 1600 г. оно выросло до 10 тыс. т. К 1660 г. общее производство чугуна составляло около 20 тыс. т.

Динамика элиты

Между 1540 и 1640 гг. численность различных элитных слоев увеличивалась гораздо быстрее, чем население в целом (табл. 3.1). В то время как население выросло на 80% (с 2.8 до 5.1 млн.), численность элиты возросла в три раза (с 6300 до 18500 аристократических семей). Радикальное увеличение численности затронуло все слои элиты: число пэров увеличилось с 60 до 160, баронетов и рыцарей – от 500 до 1400, эсквайров – от 800 до 3000 и военного дворянства – от 5 тыс. до 15 тыс. (Stone 1972:72)

По мере увеличения численности дворян росло их участие в местных и центральных органах власти. Например, число мировых судей в четырех округах (Кент, Норфолк, Уорикшир и Северный Йоркшир) увеличилось с 60 в конце XV в. до 96 в 1562 г., 166 в 1636 г. и 396 в 1702 г. – то есть имело место шестикратное увеличение (Heal and Holmes 1994:167). Число членов палаты общин выросло с 300 до 500, в то время как доля дворянства увеличилась с 50% до 75%, подразумевая увеличение числа дворянских депутатов в 2.5 раза (Stone 1972:92).

Расширение земельной элиты сопровождалось ростом профессиональной элиты. Численность юристов, врачей, секретарей и администраторов показывала устойчивый и поразительный рост, достигнув максимума около 1640 г. (Stone 1976:34). Например, число адвокатов, зарегистрированных в суде общей юрисдикции, выросло в период с 1578 до 1633 г. от 342

до 1383. Численность духовенства также увеличивалась, начиная с 1560 г., и достигла максимума в 1640 г. (Stone 1976:34).

Причинные факторы, лежащие в основе «расцвета дворянства» хорошо понятны. На первом этапе, примерно в 1540-1560 гг., дворянство выиграло от крупномасштабного передела церковной собственности. На втором этапе, после 1580 г., дворянство получало прибыль от роста реальной арендной платы. Кроме того, поскольку состояние финансов Короны ухудшалось, то она была вынуждена продавать все больше земли. Ценность земель Короны, проданных между 1589 и 1635 гг., составляла 2.1 миллиона фунтов (Stone 1972:154), и большинство этих земель оказалось в руках дворянства.

Рост дворянства сопровождался все более заметным повышением уровня потребления, а также ростом неравенства. «В 1485 году большинство англичан, даже знатные люди, носили похожие платья. Женщины носили простые, свободно облегающие одежды, и мужчины делали то же самое. Красивое, но простое полотно было столь же приемлемым в официальном костюме, как декоративный шелк... Третье и четвертое десятилетия XVI века, однако, увидели взрывной рост потребления дорогих и богато украшенных одежд. Спрос вырос неимоверно, особенно среди богатых, которые приобретали дорогую парчу, бархат, шелка для новых великолепных костюмов... Во время правления Елизаветы мужчины полностью изменили свою моду; их одежда стала более сложной и своеобразной... Женщины соответствовали мужскому одеянию с прекрасными парчовыми платьями и изящно украшенными фижмами... XVI век закончился “дикой оргией расточительности”, поскольку провинциальное дворянство пытались подражать лондонскому светскому обществу, нося экстравагантные костюмы и шляпы с 12-дюймовыми тульями» (Berger 1993:20-21).

В какой-то момент, однако, численность элиты вышла за пределы «приемлемого уровня». В результате конкуренция за доходные места и патронат постепенно усиливалась, что грозило тяжелыми последствиями для политической стабильности английского общества. Голдстоун (Goldstone 1991) предложил два способа для определения уровня внутриэлитной конкуренции. Во-первых, мы можем исследовать данные о количестве учащихся в университетах. Университетские регистрации резко увеличилось во второй половине XVI в. и достигли максимума в 1640 г. Мы знаем, что эта вековая тенденция была не просто частью «тысячелетнего» увеличения общего уровня европейского образования, потому что в 1750-е гг., когда внутриэлитная конкуренция значительно спала, число учащихся сократилось до уровня конца XVII в. (рис. 3.5). «Университеты выпускали образованных священнослужителей и мирян более, чем имелось рабочих мест, и, таким образом, создавали большую и влиятельную группу недовольных» (Stone 1972:96).

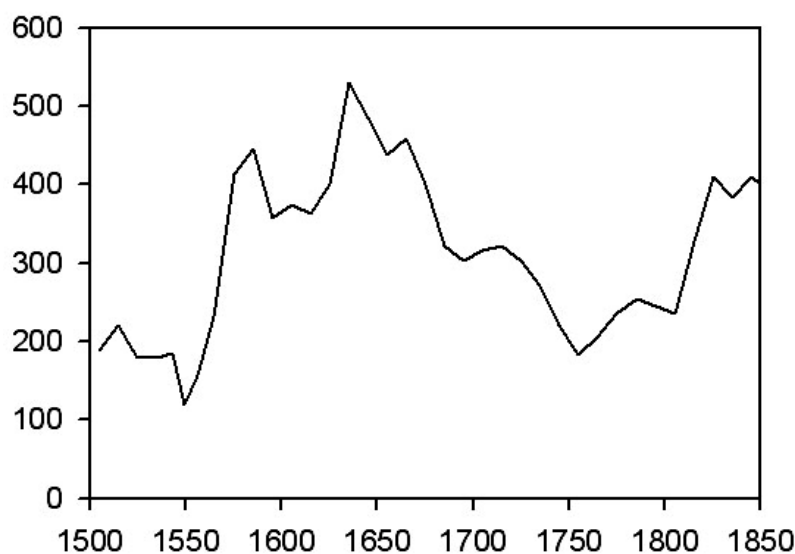

Рисунок 3.5. Количество учащихся в Оксфордском университете, 1500-1850 гг.

Вторым показателем внутриэлитной конкуренции было количество судебных тяжб среди дворянства. «В 1640 году, было, вероятно, больше тяжб на душу населения, проходящих через центральные суды в Вестминстере, чем в любое время до и после. Но сто лет спустя, в 1750 году нарушения общего права, кажется, были на рекордно низком уровне» (Brooks 1989:360). К примеру, с 1640 до 1750 г. число дворян, которые появились в судах общей юрисдикции в качестве истцов или ответчиков сократилось более чем на 65% (Brooks 1989). Таким образом, увеличение в числе судебных процессов не было простым результатом становления современного общества в Англии.

Третьим показателем внутриэлитной конкуренции, в дополнение к двум предыдущим, предложенным Голдстоуном, была настоящая эпидемия дуэлей, охватившая английскую аристократию в конце XVI в. Число поединков и вызовов, упомянутых в бюллетенях и в корреспонденции, возросло с 5 в 1580 г. до почти 20 в 1590-х, а затем до 39 в 1610-х гг. (Stone 1965).

Рост числа дуэлей совпал с (и возможно, был частью) волны преступности, которая захлестнула английское общество в конце XVI в. и достигла своего пика в начале XVII в. Собранные Эйсером (Eisner 2003) данные об убийствах предполагают, что общий уровень преступности увеличивался и уменьшался одновременно с демографическим давлением и «индексом бедности» (рис. 3.6).

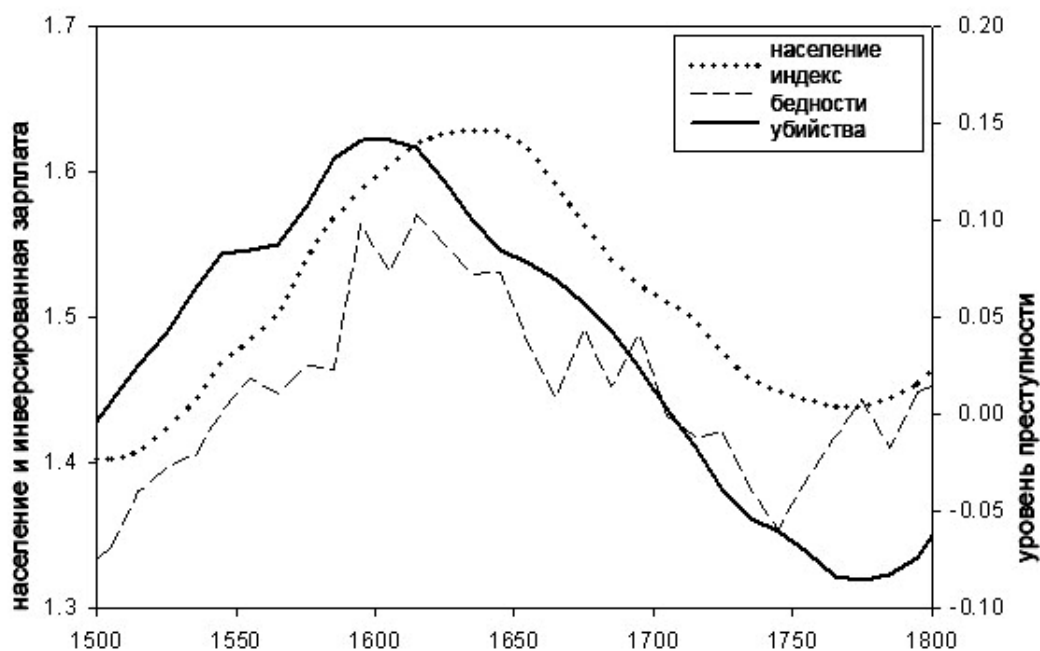

Рисунок 3.6. Уровень преступлений (убийств) в сравнении с инверсированной заработной платой («индексом бедности») и демографическим давлением (логарифмическая шкала).

Государство

Одним из основных последствий роста численности населения было увеличение финансовой нагрузки на английское государство. При Генрихе VII доходы государства были значительными, и они продолжали расти вплоть до середины XVI в. После этого момента в реальном выражении доходы снижались, а расходы продолжают расти (рис. 3.3). Финансовые трудности государства возросли в XVII в. и достигли пика накануне Великой революции (рис. 3.7а). Основная проблема состояла в том, что реальные расходы короны увеличивались пропорционально численности населения, в то время как реальные доходы снижались. Кроме того, увеличение численности элиты приводило к увеличению расходов на патронаж со стороны государства. С середины XVI в. корона была вынуждена все чаще продавать активы, прибегать к принудительным займам и испрашивать парламентские субсидии даже в мирное время (Goldstone 1991:93). К 1630-м гг. государственные земли были в значительной степени распроданы, и непоплаченный долг короны достиг точки, когда проценты по нему превысили обычные доходы. Кроме того, предшествующие усилия по обеспечению внеочередных доходов вызвали отчуждение элиты, и она была не склонна поддерживать дальнейшие финансовые требования или просьбы со стороны короны.

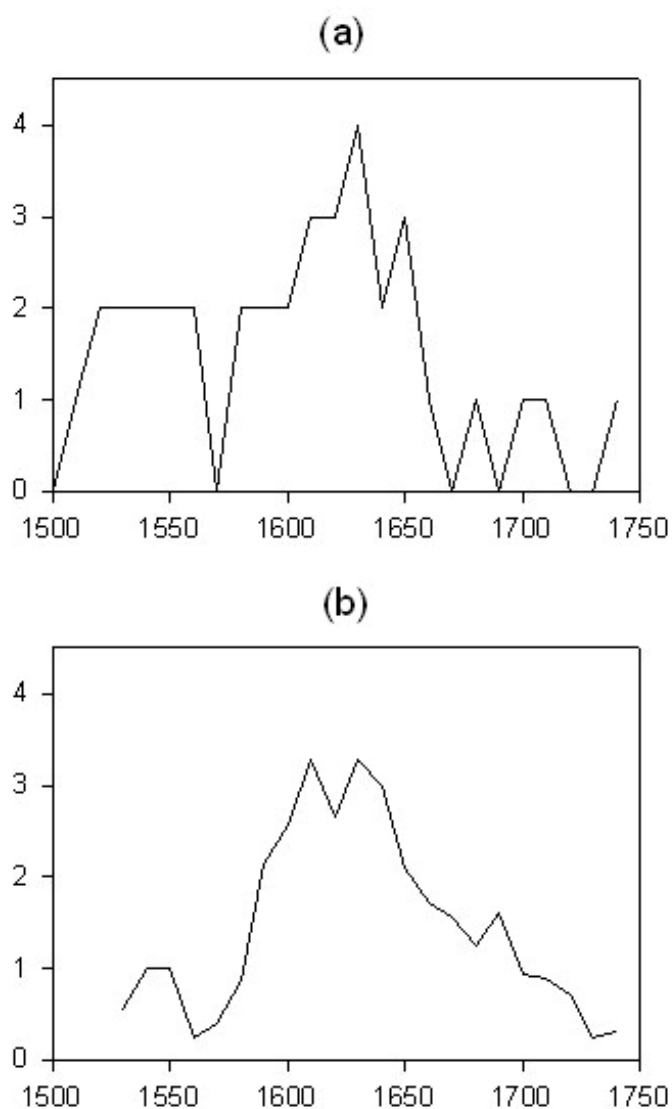

Рисунок 3.7. (а) Индекс финансовых трудностей государства (Goldstone 1991:fig.4). Индекс Голдстоуна варьируется от 0 – достаточный доход и кредит до 4 – полное банкротство (Goldstone 1991:105). (б) Массовый мобилизационный потенциал в Англии, 1530-1750 гг. (Goldstone 1991).

Вот некоторые цифры. Государственный долг вырос с 400 тыс. фунтов в 1603 г. до 900 тыс. в 1618 г. (Hughes 1991:27). При Елизавете пэрам были распределены «льготы» на сумму свыше 8 тыс. фунтов в год; при Якове I эта цифра возросла до 105 тыс. (Hughes 1991:151). В 1626 г. пенсии выросли до 140 тыс. фунтов в год, что составляло примерно четверть денежных доходов короны (Stone 1965:419). Некоторые из этих пенсий были платой за государственную службу, но большая часть пошла на то, чтобы питать «рост паразитарной судебной аристократии, которая охотилась на доходы короны» (Stone 1965:419). В 1630-х гг. более половины государственных доходов поглощались должностными окладами (Clay 1984b: 261).

3.4. Кризис: 1640-1660 гг.

Начало гражданской войны

К 1640 г. социальное давление, вызванное демографическим ростом, перепроизводством элиты и растущей государственной несостоятельностью, достигло критической точки. Для того, чтобы численно выразить растущее давление, Джек Голдстоун в своей основополагающей работе (Goldstone 1991) использовал несколько социальных и политических показателей.

Первый показатель – это индекс массового мобилизационного потенциала (ММП), рассчитываемый для населения в целом. При этом особое значение имеет одна группа населения, городские рабочие и ремесленники, особенно в столице, потому что они расположены рядом с центрами силы. Голдстоун предложил три измеримые компоненты ММП: (1) степень бедности, которая оценивается динамикой реальной заработной платы; (2) доля молодежи в возрастной структуре: большой процент молодежи повышает мобилизационный потенциал толпы, и (3) рост городов, в которых сосредотачивается бедная молодежь и недовольный простой народ. Рост городов должен играть важную роль мультипликатора в накоплении вызванного ростом нищеты народного недовольства. Голдстоун предложил формулу, комбинирующую эффекты этих трех механизмов в одном индексе массового мобилизационного потенциала. Предполагаемый индекс ММП для Англии в течение 1530-1750 гг. представлен на рис 3.7b.

Повышения массового мобилизационного потенциала само по себе не достаточно, чтобы вызвать состояние коллапса, если элиты объединены и оказывают решительное противодействие. Таким образом, второй тенденцией, способствующей коллапсу, является потеря элитного единства. Благоприятная для землевладельцев экономическая конъюнктура во время фазы стагфляции привела к значительному увеличению численности элиты. Тем не менее, количество прибавочного продукта, которое могло быть извлечено из крестьянства, не возрастало и даже снижалось после 1620 г. К примеру, реальная арендная плата достигла максимума в первой четверти XVII в. и затем стала уменьшаться (табл. 3.3). В силу этих двух противоположных тенденций средний доход на душу элитного населения накануне Великой революции сокращался. Этот процесс был неравномерным: хотя многие элитные семьи становились значительно беднее, другие продолжали преуспевать. Таким образом, имелся растущий сегмент элиты, который оказался перед перспективой нисходящей социальной мобильности, и кроме того, имел место очевидный рост неравенства. Одним из возможных вариантов сохранения элитного статуса был поиск работы у государства, церкви или у магнатов. Но возможности занятости не шли в ногу с растущим числом элитных претендентов (большинство из которых имели выс-

шее образование). «Ограничения в землевладении, гражданской и церковной службе и в королевском патронате привели ко все более и более поляризованным фракционным сражениям между группами патронов-клиентов за доступные ресурсы» (Goldstone 1991:119). Когда одна из элитных фракций побеждала, она попыталась полностью исключить своих конкурентов. Это – то, что произошло, когда фракции во главе с Джорджем Вильерсом, герцогом Бекингемом, удалось монополизировать патронаж королевского двора примерно с 1617 г. до смерти Бекингема в 1628 г. По словам Дэвида Лоадса (Loades 1999:308), «господство Бекингема... превратило злоупотребления в скандальную систему эксплуатации».

Рост претензий элиты усугублял третью тенденцию, финансовые трудности государства. Государственные финансы страдали также от роста военных расходов, связанных с военной революцией XVI века. В конечном счете, доходы не соответствовали темпам увеличения расходов. Фактически реальные доходы снижались во второй половине XVI в. и стагнировали в 1600-1640 гг. (рис. 3.3). Таким образом, способность государства увеличить доходы не могла идти в ногу с растущими налоговыми требованиями. Корона использовала различные уловки, чтобы обеспечить кратковременное облегчение – продажи государственных земель, должностей и титулов, снижение качества чеканки, займы у города Лондона и у международного денежного рынка. К 1630-х гг., однако, коронные земли иссякли, а государственный долг составил более 1 млн. фунтов. Государство было на грани банкротства, и достаточно было небольшого толчка («войны епископов»), чтобы столкнуть его в пропасть.

Экономические последствия гражданской войны

Гражданская война началась в 1642 г. и продолжалась с перерывами до 1651 г., после чего последовал период политической нестабильности до реставрации монархии в 1660 г. В течение этого периода гражданской войны и беспорядков погибло около 10% мужского населения Англии. Были разграблены такие города, как Бирмингем (1643), Болтон (1644) и Лестер (1645). Замки и усадьбы знати были разграблены или разрушены, чтобы предотвратить их использование в будущих военных кампаниях (King 1971:355). Местные исследования документируют степень материального ущерба. Например, хотя Глостер во время конфликта оставался под контролем одной из сторон и его осада в 1646 г., как считали, не была разрушительной, исследование установило, что был уничтожен 241 дом, а пригороды не были восстановлены до XVIII в. (Warmington 1997:78). Сельская местность пострадала гораздо больше. Почти каждая деревня в Иншире (область вокруг Глостера) была разграблена по крайней мере однажды, и многие – неоднократно. Область Тьюкесбери (также в Глостершире) была разграблена в 1643, 1644 и в 1645 гг. В результате грабежа и

введенного обеими сторонами тяжелого налогообложения стоимость земли снизилась настолько, что держатели отказывались от своей аренды. Некоторые деревни в результате войны были оставлены населением (Warmington 1997:77).

Огромное количество земли перешло в другие руки (хотя многие земли впоследствии вернулись к своим владельцам). Были распроданы государственные земли стоимостью 3.5 млн. фунтов, церковные земли на 2.5 млн. фунтов и земли роялистов более, чем на 1 млн. (King 1971:355). Эта передача земли вызвала существенные перемещения в сельской местности. Покупатели конфискованных земель стремились обеспечить быструю отдачу от вложенных денег и выселяли арендаторов, которые не могли представить письменные доказательства своих прав (Hill 1982:125).

Крестьянство Англии было почти полностью нейтральным в конфликтах 1640-50-х гг. Единственным серьезным вмешательством в события со стороны сельской бедноты было движение клобменов, которое распространилось в нескольких графствах на последних этапах войны. Это были не более чем отчаянные попытки крестьян защитить свои поля, посевы, скот и женщин от бесчинств обеих армий (Stone 1972:55)

Таким образом, гражданская война нанесла огромный ущерб экономической инфраструктуре Англии. Несмотря на это, сокращение численности населения было небольшим, что можно объяснить лишь быстрым ростом продуктивности сельского хозяйства. В течение XVII в. урожайность пшеницы увеличилась в более чем на 50%, и, по-видимому, это компенсировало потери сельскохозяйственных угодий в результате внутренней войны.

Население

Благодаря работам Ригли, Шофилда и их сотрудников по демографической реконструкции Англии Нового времени мы можем уверенно анализировать основные демографические изменения с середины XVI до XIX в. Временные вариации темпов роста населения были связаны с изменениями в рождаемости и смертности, но коэффициенты рождаемости и смертности реагировали на изменения численности населения с задержками, которые были разными для разных коэффициентов.

Ригли, Шофилд и их коллеги показали, что большая часть изменений в общем коэффициенте рождаемости объясняется брачностью. Доля населения, не вступающего в брак, увеличилась с 5% в середине XVI в. до более 25% к 1650 г., а затем снизилась до 5% в течение следующих ста лет (Wrigley and Schofield 1981:262). Средний возраст вступления в первый брак также увеличился между 1550 и 1650 гг., а среднее число детей на одну замужнюю женщину снизилось по крайней мере на одного ребенка (Wrigley et al. 1997:136).

XVII в. был эпохой постоянно растущей смертности, которая достигла максимума около 1680 г. Имелось улучшение около 1700 г., а затем еще

один пик смертности в 1720-х гг., особенно среди младенцев и детей (Wrigley at al. 1997:283). XVIII столетие видело постепенное (и не всегда монотонное) повышение продолжительности жизни. Миграции начали расти в 1550 г., достигли своего пика в 1650 г., а затем началось неуклонное падение до 1780-х гг. (Wrigley and Schofield 1981:220).

В ухудшении демографической режима традиционно обвиняют «обычных подозреваемых»: голод, болезни и войны. Наиболее тяжелый голод в этот период засвидетельствован в 1594-1597 гг., когда отмечалась самая длинная последовательность неурожайных годов в XVI в. (Clay 1984a: 19) Поколением позже, в 1622-1623 гг., рост цен на хлеб совпал с тяжелой депрессией в текстильной промышленности, которая оставила многих людей без средств на пропитание. Для обоих периодов существуют многочисленные свидетельства о погибших от голода, особенно среди бродяг, пожилых вдов, нищих и детей. Впоследствии отмечались и другие кризисы пропитания, но к середине XVII в. массовый голод, кажется, стал делом прошлого (Clay 1984a: 19).

Чума, которая утратила свою власть над английским населением к концу XV столетия, постепенно нарастала в течение XVI в. (Biraben 1975). Столетие между 1570 и 1670 гг. было временем периодических эпидемий чумы, достигших высшей точки в лондонской чуме 1665 г. В конце XVII в. чума вдруг исчезла из Англии. Однако чума не была единственным бичом в течение XVII столетия. В период усиления междоусобной войны часто вспыхивали эпидемии сыпного тифа (например, в 1648 г.). В 1670-х гг. ежегодная смертность от эпидемий оспы в Лондоне часто превышала 2 тыс. человек (Scott and Duncan 2001:40).

3.5. Депрессия: 1660-1730 гг.

Демографическая стагнация

В 1650-х гг. население Англии достигло максимума в 5.4 млн. человек, а затем снизилась до минимума в 5 млн. в 1680-е гг. Последующий период характеризуется очень медленным и неравномерным ростом. В 1730 г. население составляло только 5.4 млн., а следующий период бурного роста начался только после 1750 г. Основным фактором, объясняющим этот длительный период стагнации является смертность, потому что с 1650 г. рождаемость проявляла тенденцию к увеличению. Тем не менее, подробный демографический анализ (Wrigley at al. 1997:298) показывает, что в течение XVIII в. смертность среди взрослого населения уменьшилась, но это уменьшение до 1750-х гг. компенсировалось высокой младенческой и детской смертностью. Количество судебных обвинений в детоубийстве достигло своего максимума в самом конце XVII в. и постепенно снижалось в XVIII в. (рис. 3.8), что свидетельствует о том, что высокая детская смерт-

ность в этот период, возможно, была результатом сознательных (или бессознательных) попыток контроля над рождаемостью. Таким образом, демографическая картина остается неясной и не дает достаточной информации о возможных причинах стагнации населения до 1750 г.

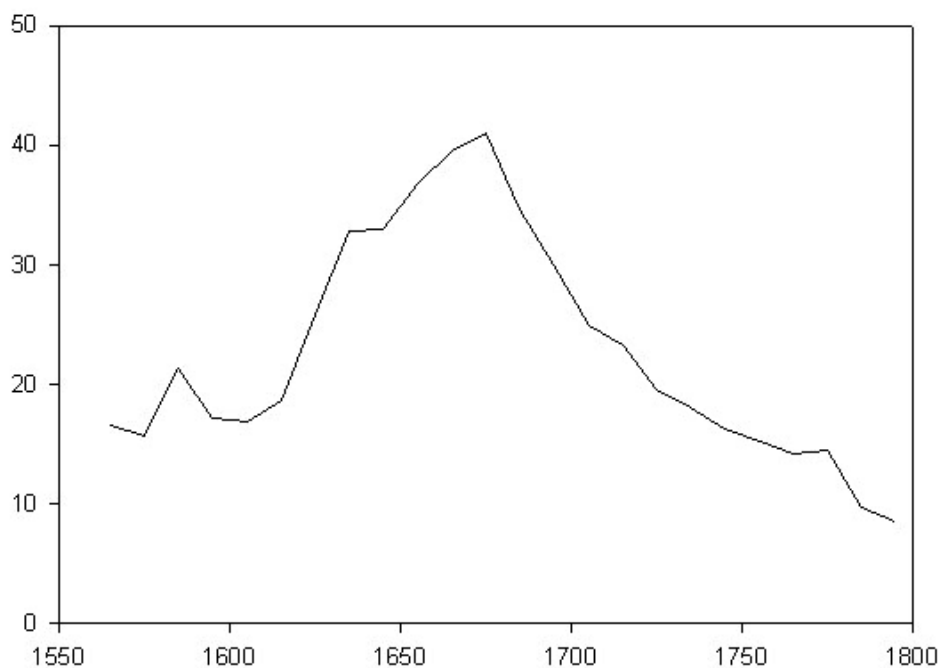

Рисунок 3.8. Количество доказанных в суде детоубийств на 100 тыс. человек (Roth 2001).

Мы считаем, что три фактора, два из них эндогенные и один – экзогенный, могут помочь нам понять это загадочное явление (оно не является уникальным: вспомним, что аналогичный период демографической стагнации имел место в фазе депрессии цикла Плантагенетов). Во-первых, имелось отрицательное влияние урбанизации на рост численности населения. Как отмечалось выше, пик урбанизации значительно отстает по отношению к пику численности населения. В 1700-1750 гг. в Лондоне было сосредоточено 10% населения страны; индекс урбанизации был в четыре раза больше, чем в 1580 г., и больше, чем в 1830 г. (9%). Высокая степень урбанизации во время фазы депрессии цикла Тюдоров, без сомнения, стала важным неблагоприятным фактором для демографического режима. Е. А. Ригли подсчитал, что в течение 1690-1710 гг. иммиграция в Лондон (которая оценивается в среднем в 30 тыс. в год) поглощала половину естественного прироста всего населения страны (цит. по: Clay 1984a: 191). Огромные потери, которые Лондон понес в эпидемиях XVII столетия, компенсировались через два года после вспышек чумы. Негативный демографический эффект лондонских эпидемий усиливался тем, что Лондон особенно привлекал женщин-иммигрантов, которые были востребованы в качестве домашней прислуги. В результате в городе приходилось меньше 90 муж-

чин на 100 женщин (Clay 1984a:209). Дисбаланс полов был причиной дальнейшего снижения естественного прироста населения.

Во-вторых, данные об арендной плате, собранные Робертом Алленом, показывают, что в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. реальная арендная плата выросла на 70% (Allen 1992:172). Вполне вероятно, что после того, как период внутриэлитной разобщенностью закончился, элиты были способны с большим успехом «закручивать гайки». Несмотря на то, что увеличение ренты было частично компенсировано увеличением производительности английского сельского хозяйства, оно должно было существенно снизить личное потребление крестьян. Это – очень предварительная интерпретация, которая может вызвать вопросы. К примеру, реальная заработная плата в этот период в целом продолжала расти (хотя она не достигла максимума XV в.). Но если крестьяне чрезмерно эксплуатировались, то это должно было отразиться на реальной заработной плате, чего мы не видим. Возможно возросшая арендная плата просто задерживала рост сельского населения, таким образом способствуя замедлению прироста населения в целом. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Третьим фактором было общее ухудшение климата в начале XVIII в. (связанные с маундеровским минимумом солнечной активности). Похолодание затронуло всю Европу от Лондона до Москвы, вызывая последовательность неурожаев и голодовок. Известно, что население Франции и России уменьшалось в первом десятилетии XVIII в., что обычно связывают с непомерными военными налогами Людовика XIV и Петра I. Однако возможно, что это общеевропейское сокращение численности населения может объясняться влиянием климатического фактора.

Динамика элиты

Гражданская война привела к серьезному ухудшению экономического положения земельной элиты. Особенно пострадали роялисты, чьи земли были конфискованы и проданы. Совокупная стоимость этих поместий составляла более 1.25 млн. фунтов. Этот земельный передел был частично компенсирован тем, что многие роялисты выкупили свои имения еще до 1660 г. (Hill 1982:126) Однако для этого большинству из них пришлось войти в большие долги: Комитет примирения получил почти 1.5 млн. фунтов от 3 тыс. роялистов. Эти и другие поборы дополнялись тяжелым налогообложением. Для того, чтобы оплатить налоги, роялисты, которые долгое время не получали арендную плату, были вынуждены продать часть своих земель, и эти земли не были возвращены после 1660 г. Таким образом, хотя большая часть роялистов-землевладельцев сохранила свои позиции, многие из них понесли значительные потери, и некоторые менее знатные семьи были вынуждены бороться, чтобы «держать голову над водой» (Hill 1982:126).

В последней четверти XVII в. почти все помещики ощущали дальнейшее сокращение своих доходов в результате низких цен на сельскохозяйственную продукцию и снижения арендной платы (Clay 1984a:162). Помимо этого, как отмечалось, они должны были платить гораздо большие налоги, чем прежде: после 1692 г. налоги поглощали пятую часть дохода многих дворян. Многим из мелких помещиков пришлось расстаться со своей землей (Clay 1984a:162). Снижение экономического благосостояния дворянства отразилось на характере элитного потребления. Тогда как начало XVII в. было свидетелем быстрого роста импорта предметов роскоши (Clay 1984a:26), после гражданской войны потребительские идеалы элиты существенно изменились, что привело к сокращению расходов на дома, одежду и развлечения (Clay 1984a:160).

Влияющий на положение дворянства экономический спад продолжался и в XVIII в. В результате среднее состояние эсквайров в Норфолке и Суффолке, которое в 1628-1640 гг. оценивалось в 700 фунтов, в период 1700-1740 гг. уменьшилось до 330 фунтов, что означает падение в реальном выражении более чем на 50% (Overton 1996:39). Это привело к увеличению нисходящей мобильности с почти автоматическим перемещением младших сыновей в низшие социальные слои. Например, в Камбрии в 1680-1750 гг. только один из младших сыновей дворянина был в состоянии купить землю и вернуться в свою социальную группу (Beckett 1986:23). Вертикальная мобильность в ряды дворянства так же была ограничена. «За некоторыми исключениями, дни, когда человек превращал свое богатство в земельные угодья, были уже сочтены к концу XVII века, и эта практика более или менее прекратилась к середине XVIII века» (Beckett 1986:69).

С конца XVII до середины XVIII в. численность элиты сокращалась. Отчасти это было результатом уменьшения восходящей и увеличения нисходящей мобильности, отчасти – результатом демографических изменений (Hollingsworth 1964). После 1650 г. норма замещения (среднее число взрослых сыновей, заменяющих отца) среди элиты высшего ранга снизилась ниже единицы, и продолжала уменьшаться (до 0.8) в первой четверти XVIII в. (рис. 3.9) В течение следующей четверти века норма замещения увеличилась до 1.1, но только после 1750 г., эта норма достигла здорового уровня 1.3-1.4, который сохранялся до середины XIX в. «К 1760 г. численность пэров, баронетов и рыцарей в совокупности составляла только 1075, что означало падение на 30% с начала столетия – и среди мелких дворян в округах положение, кажется, было почти таким же» (Beckett 1986: 98). Динамика численности различных слоев элиты приведена в табл. 3.5. Общая численность элиты сократилась с 18.5 тыс. до 13 тыс. (табл. 3.1). Поскольку число землевладельческих семей уменьшилось, средний размер поместий имел тенденцию к росту (Clay 1984a:158, 268).

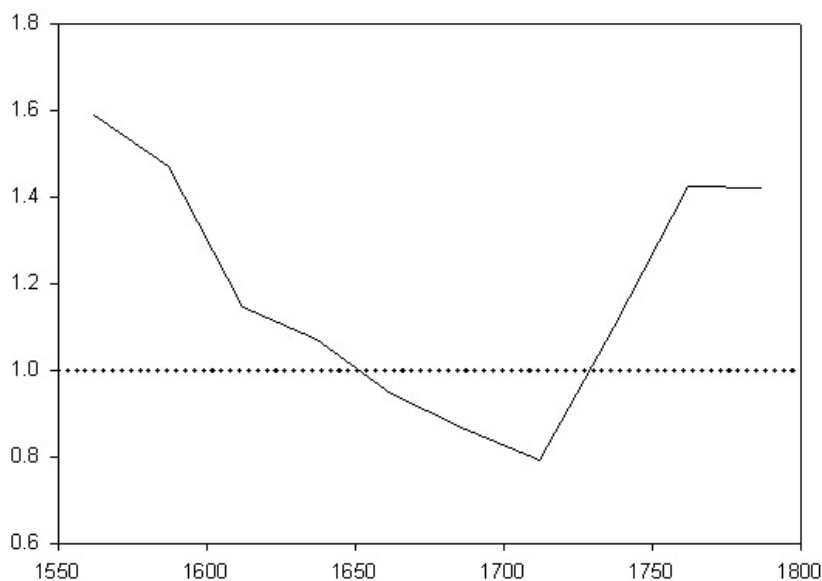

Рисунок 3.9. Нормы замещения пэров (Hollingsworth 1964).

Таблица 3.5. Численность элит высших разрядов (Beckett 1986). Имелись также ирландские и шотландские пэры, которые здесь не учтены.

<i>год</i>	<i>Пэры</i>	<i>Баронеты</i>	<i>Рыцари</i>	<i>Итого</i>
1700	173	935	290	1398
1710	167	924	180	1271
1720	190	892	180	1262
1730	189	836	150	1175
1740	183	800	70	1053
1750	187	738	70	995
1760	181	713	70	964
1770	197	706	110	1013
1780	189	725	90	1004
1790	220	747	160	1127
1800	267	779	160	1206

Последствия гражданской войны: изменение общественных настроений

Когда в 1642 г. началась гражданская война, англичане уже столетие жили в обстановке внутреннего мира. «Восстания 1549 года были подавлены без особых трудностей... ниспровержение Сомерсета было достигнуто без кровопролития. Попытка Нортумберленда изменить порядок престолонаследия вызвала только намек на гражданскую войну. Режим Марии, хотя и непопулярный, достиг большинства своих первоначальных целей и никогда не чувствовал, даже в конце, опасности быть свергнутым. Неурожаи середины 1550-х и середины 1590-х годов принесли ужасные

страдания бедным, но нигде в Англии не было крупномасштабных восстаний... Елизавета разгромила пресвитерианское движение и эффективно сдерживала католическую угрозу, в то время как восстание Эссекса превратилось в комедию в 24 часа... Кризис престолонаследия после смерти Елизаветы был разрешен быстро и мирно» (Williams 1995). «Последнее крестьянское восстание, достаточно серьезное, чтобы заставить дворян в страхе бежать из их домов, было в 1549 году», и «к 1640 году с тех пор сменилось два поколения дворян, и воспоминания стали тусклыми» (Stone 1972:76). Немногие в среде элиты могли предвидеть глубину социального краха, который будет следовать из их действий, и внутриэлитному конфликту было позволено беспрепятственно разрастаться, пока он приобрел свою собственную динамику.

Два десятилетия после 1640 г. были наиболее длительным и интенсивным периодом социополитической нестабильности в Англии, начиная с войн Роз. Напротив, следующие два десятилетия (после восстановления династии Стюартов) были временем внутреннего мира. Это чередование между гражданской войной и внутренней стабильностью, таким образом, является еще одним примером цикла «отцов-и-сыновей». Однако примерно в 1680 г. социальное давление снова начало расти. За три года (1679-1681 гг.) один за другим были созваны и распущены три парламента. В 1682 г. начался «судебный террор» против вигов и инакомыслящих; некоторые из них были казнены, а другие – изгнаны (Hill 1982:169). Когда в 1685 г. умер Карл II, ему мирно наследовал Яков II, но в тот же год произошли два восстания.

Выступления Аргайла и Монмута были быстро подавлены, но когда три года спустя Вильгельм Оранский высадился в Англии, восстание в его поддержку быстро распространилось, и Яков II решил бежать из страны. В результате этой «Славной революции» (1688-1690 гг.), династия Стюартов была свергнута, и парламент предложил корону Вильгельму и Марии. Примечательной особенностью этой революции была ее относительная бескровность. Виги и тори имели резкие разногласия по ряду вопросов, но эти разногласия были улажены, в основном, в результате «воспоминаний о том, что произошло 45 лет назад, когда было нарушено единство имущих классов» (Hill 1982:236). Достигнутый элитами компромисс на удивление хорошо поддерживался на протяжении всего XVIII в. После Славной революции в Великобритании не было крупных восстаний, за исключением двух выступлений якобитов в 1715-1716 и 1745-1746 гг. Эти толчки следовали за Славной революцией с интервалами примерно в поколение: вождем первого восстания был сын Якова II, вождем второго – его внук.

Поворотный пункт: середина XVIII столетия

К середине XVIII в. рассеялись последние отголоски кризиса начала Нового времени. Реальная заработная плата в начале XVIII столетия уве-

личивалась и около 1750 г. достигла максимума. Якобитское восстание в 1745-1746 гг. стало последним серьезным нарушением внутреннего мира в Великобритании. Численность элиты достигла минимума где-то в 1760-х годах. Правящий класс обладал беспрецедентной степенью единства. После стабилизации политической системы в 1721 г., землевладельцы резко сократили число выборщиков и оспариваемых выборов в парламент (Stone and Stone 1984:14). Элитная сплоченность позволила им облагать себя налогом по беспрецедентной для тех времен норме; эта способность помогла Англии во время столетнего конфликта с Францией, достигшего пика в наполеоновских войнах. Таким образом, к середине XVIII в. были созданы условия для удивительной демографической, экономической и территориальной экспансии Англии в течение следующих полутора веков.

3.6. Заключение

Демографические, экономические, политические и социальные тенденции, которые мы рассмотрели в этой главе, как правило, изменялись в направлении, которое согласуется с предсказаниями демографически-структурной теории. Как показал ранее Голдстоун (Goldstone 1991), события Английской революции особенно хорошо соответствуют демографически-структурной теории. Тремя компонентами революции были: финансовый кризис государства, острая конкуренция и фракционность среди элит и наличие большого числа недовольных простолюдинов, которые могли быть мобилизованы лидерами парламента против роялистов в Лондоне. Интенсивность всех этих процессов увеличивалась во второй половине XVI и начале XVII в. и достигла пика около 1640 г.

Как и в предыдущем исследовании цикла Пантагенетов, мы обнаружили, что на действие демографически-структурного механизма оказывали влияние и другие факторы. Однако в цикле Тюдоров-Стюартов геополитическая обстановка, по-видимому, играла незначительную роль. Хотя Славная революция была ускорена вторжением голландского штатгальтера Вильгельма Оранского, ее успех был целиком обусловлен внутренними факторами.

Долгосрочные колебания климата, вероятно, были одной из причин стагнации населения в конце XVII – начале XVIII в. В течение этого цикла не было травмирующих внешних событий, сопоставимых с приходом Черной Смерти в 1348 г. Рост заболеваемости во время эпидемий XVII в., очевидно, был эндогенным процессом.

Помимо основных переменных демографически-структурной теории, наиболее важным фактором было ускорение социальной эволюции, что в конечном итоге привело к промышленной революции. Научные и агрономические достижения обусловили рост урожайности после 1600 г. В XVII в. урожайность возросла вдвое, вследствие чего экологическая емкость

также удвоилась. Мы считаем, что именно это резкое увеличение экологической емкости объясняет, почему численность английского населения не сократилась так значительно, как это произошло, например, в Испании или в Германии в XVII в. Когда мы делим численность населения на экологическую емкость, мы замечаем, что результирующая переменная, демографическое давление, колебалась аналогично тому, как это было в цикле Плантагенетов (рис. 3.10).

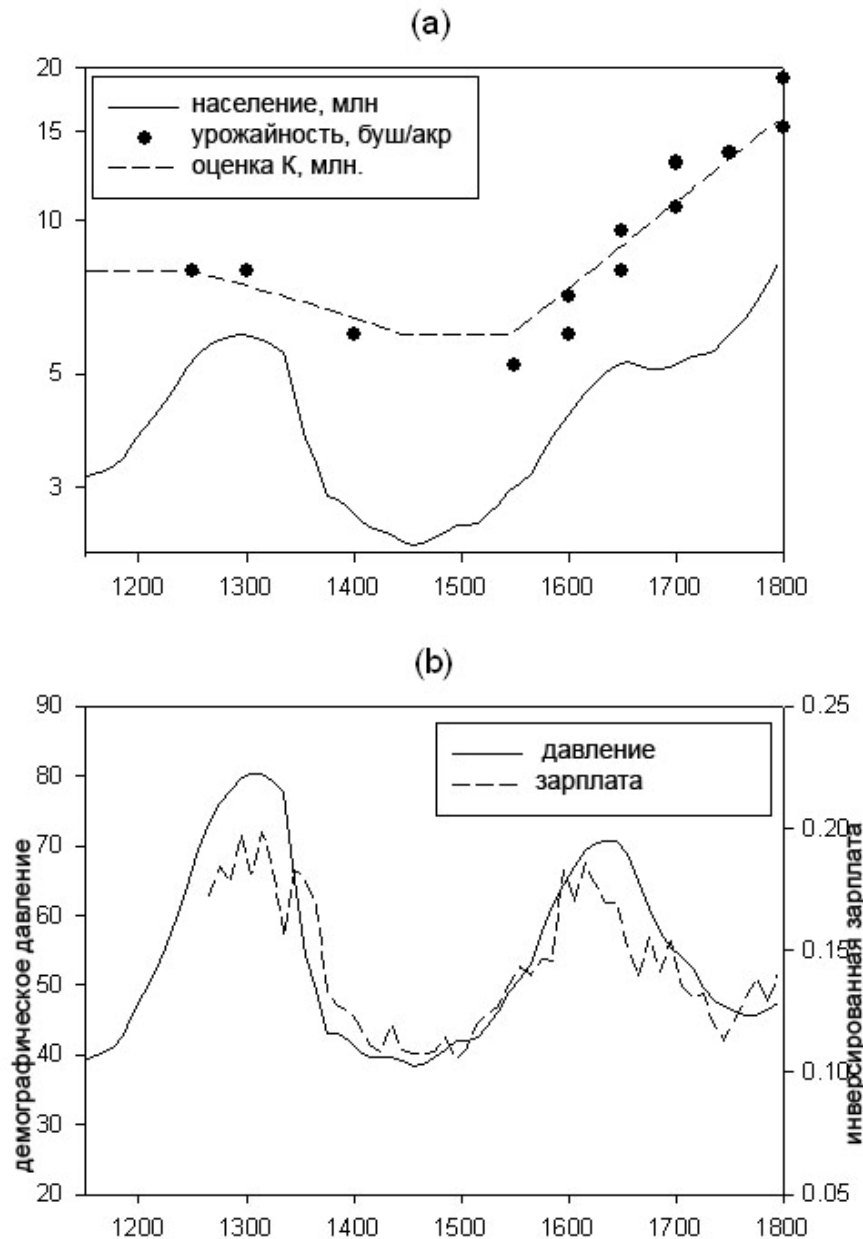

Рисунок 3.10. Демографическая динамика в Англии, 1150-1800 гг. (см. приложение к этой главе). (а) Численность населения, средняя урожайность, а также предполагаемая экологическая емкость. (б) Демографическое давление (численность населения N по отношению к экологической емкости K , в процентах от K) и индекс бедности (величина, обратная к реальной заработной плате).

Приложение к главе 3: удаление тренда из данных о численности населения

Англия в 1450-1800 гг.: данные о численности населения

Численность населения за 1540-1800 гг. была взята из монографии Ригли и соавторов (Wrigley at al. 1997: tab. A.9.1). Пятилетние данные этой таблицы были преобразованы в десятилетний интервал. Для периода 1450-1525 гг. данные о численности населения взяты из работы Хэтчера (Hatcher 1977) и также переведены в 10-летние интервалы (то есть все обрабатываемые данные были выбраны в 10-летних интервалах). Значение для 1530 г. было получено интерполяцией. Демографические данные свидетельствуют о возрастающей долгосрочной тенденции. Такая нестационарность нарушает одно из наиболее важных предположений нелинейного анализа временных рядов, таким образом, тренд должен быть исключен (Turchin 2003a: 175).

Удаление тренда из данных о численности населения

Аграрная революция в Англии началась в XVII в. (Grigg 1989; Allen 1992; Overton 1996). Мы можем проследить эту революцию с использованием данных о долгосрочных изменениях в урожайности зерновых культур (Grigg 1989; Overton 1996). Средняя урожайность пшеницы в XIII в. была около 10 бушелей зерна с акра. Урожайность снизилась в XIV и XV вв. до 8 бушелей с акра (возможно, в результате ухудшения глобального климата). Даже в конце XVI в. урожаи были все еще на позднесредневековом уровне. Однако в течение XVII столетия урожаи начали улучшаться, увеличившись приблизительно до 15 бушелей с акра в 1700 г. и 20-21 бушелей с акра в начале XIX столетия (Grigg 1989:69). Чистые сборы (за вычетом семян) были ниже. Типичная для позднего средневековья норма высева была 2 бушеля на акр, таким образом, чистый сбор составлял только 6 бушелей на акр. Чистые сборы по Григгу и Овертону приведены на рис. 3.10а. Чтобы отразить возрастающую тенденцию, мы аппроксимировали данные после 1580 г. прямой линией (см. рис. 3.10а, обратите внимание на логарифмическую шкалу). Линейная зависимость, как представляется, адекватно описывает тренд (добавление квадратичного члена не улучшает существенно регрессию).

Мы можем получить приблизительную оценку экологической емкости, предполагая, что она была пропорциональна чистому сбору. Принимая максимальную площадь пашни в 12 млн. акров (Grigg 1989), и допуская, что один человек нуждается минимально в одном кватере (8 бушелей или 2.9 гектолитра) зерна ежегодно, мы вычислили экологическую емкость

Англии, показанную ломаной линией на рис. 3.10а (1 бушель чистого сбора на акр переводится точно в 1 млн. человек экологической емкости).

Мы можем теперь детрендить данные о численности населения, деля их на предполагаемую экологическую емкость. Детрендованное население, которое можно также истолковать как «демографическое давление на ресурсы», определяется как $N'(t) = N(t)/K(t)$. Отметим, что критическое предположение здесь – то, что K пропорционально чистому сбору, Y ; Y – это единственная величина, зависящая от времени, другие компоненты (площадь пашни, минимум потребления) являются постоянными множителями. Таким образом, величина K будет увеличиваться и уменьшаться пропорционально величине Y . Иными словами, точные значения постоянных множителей не имеют значения, так как мы анализируем лишь относительные изменения демографического давления. Обратите внимание, что оценка K основана не на фактически распаханной площади (которая колебалась вместе с численностью населения), но на максимальной площади, которую теоретически можно распахать. Последняя величина лишь незначительно менялась на протяжении веков (например, в результате затопления некоторых прибрежных районов в средние века или вследствие более поздней рекультивации с использованием современных методов) и может быть аппроксимирована без серьезной потери точности.

Проверка правильности произведенного удаления тренда была получена сопоставлением демографического давления с реальной заработной платой, о которой сообщает Аллен (Allen 2001). Между этими двумя переменными была обнаружена очень близкая обратная связь; если же не использовать детрендование, то результат будет неудовлетворительным. Как показано на рис. 3.10б, демографическое давление и величина, обратная к реальной заработной плате, колеблются практически синхронно.

Глава 4. Средневековая Франция: цикл Капетингов (1150-1450 гг.)

4.1. Краткий обзор цикла

Официально начало династии Капетингов датируется вступлением Гуго Капета на французский трон в 987 г. Однако до 1200 г. короли Франции непосредственно управляли довольно незначительной территорией, уступавшей другим северным французскими государствам, в частности, Нормандии и Анжу. Тенденция к собиранию земель складывалась постепенно в течение XII в. Важными ориентирами при этом были консолидация королевских владений при Людовике IV Толстом (1108-1137) и деятельность Сугерия, аббата Св. Дионисия, в 1122-1151 гг. Поэтому мы датируем начало средневекового цикла во Франции 1150 годом.

Столетие между 1150 и 1250 гг. было фазой расширения, которая видела быстрый рост плотности населения, и также огромное увеличение территории, которой управляли французские короли. С середины XIII в. установилась фаза стагфляции, когда прирост населения замедлился и постепенно прекратился. Начало кризиса было отмечено голодом 1315-1317 гг. и достигло кульминация с пришествием Черной Смерти, которое сопровождалось военными поражениями, крестьянскими восстаниями и первой гражданской войной. В течение 1360-х гг. была достигнута временная стабилизация, но она оказалась очень хрупкой. Фаза депрессии, характеризующаяся высокой социополитической нестабильностью и отсутствием устойчивого прироста населения, продолжалась до середины XV в. Приблизительно в 1450 г. новая интегративная тенденция стала очевидной, и, таким образом, мы берем эту дату в качестве конца средневекового цикла и начала следующего цикла раннего Нового времени.

Мы напомним читателю, однако, что все наши даты циклов и фаз в пределах циклов, во-первых, предварительные, и будут, вероятно, исправлены по мере накопления дополнительных доказательств, и во-вторых, нечеткие – так что дата 1450 г. в действительности означает 1440-1460 гг., или даже 1430-1470 гг. Наше подразделение непрерывного цикла на дискретные стадии – это только способ упорядочить подачу материала; мы не подразумеваем, что переходы между последовательными фазами были связаны с резкими изменениями.

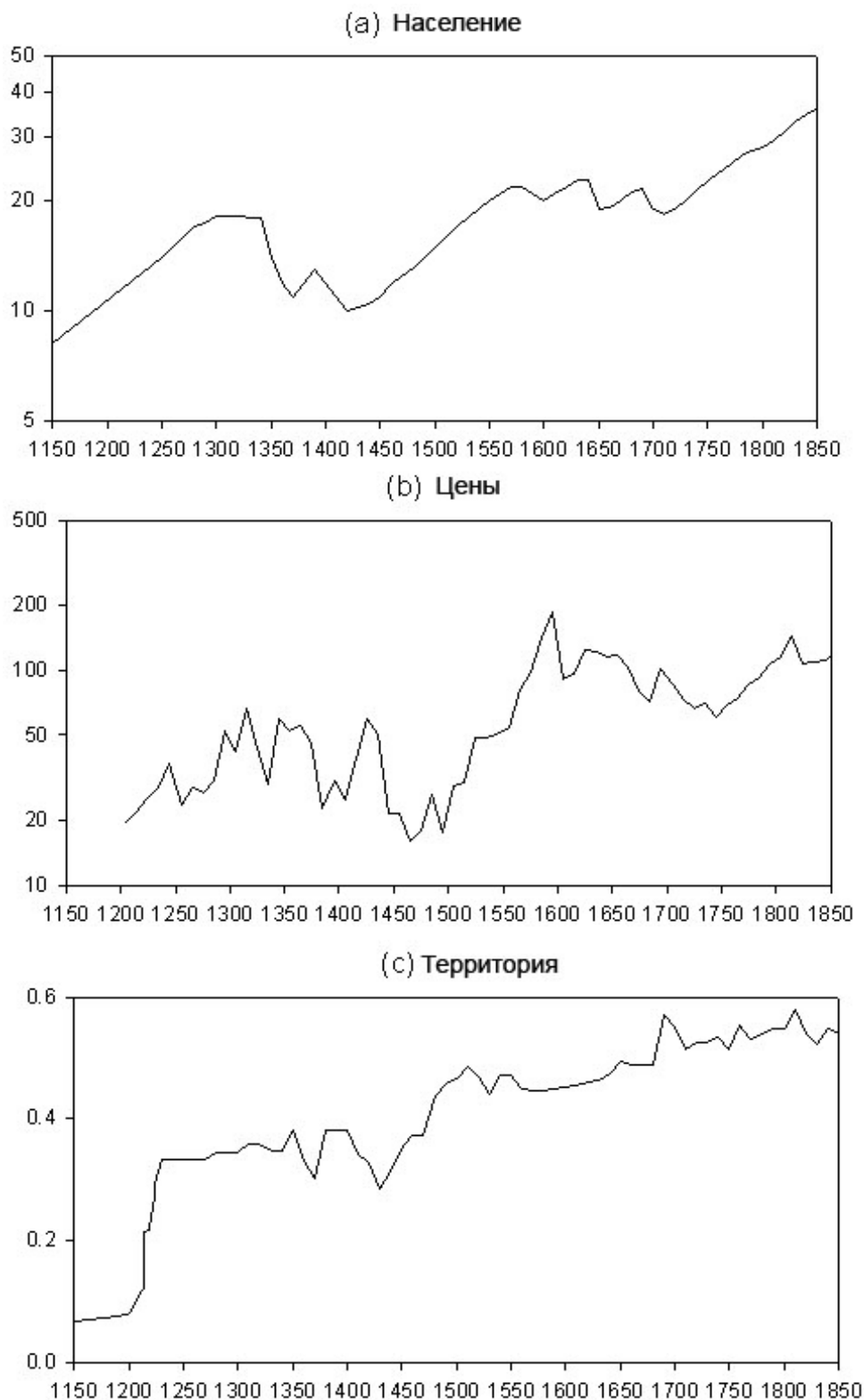

Рисунок 4.1. Демографическая, экономическая и территориальная динамика Франции в 1150-1850 гг. **(а)** Население в современных границах (логарифмическая шкала). (Braudel 1988; Dupâquier 1988a). **(б)** Цена на пшеницу в г серебра за 100 кг (Abel 1980). **(в)** Территория французского государства, в млн. кв. км (Reed 1996).

Кроме того, когда мы имеем дело с таким большим и пространственно неоднородным государством, как Франция, мы должны иметь в виду, что различные области могли развиваться асинхронно по отношению друг к другу. Таким образом, наша хронология относится прежде всего к территориальному ядру французского государства – к области, население которой говорило на диалекте д'Оиль.

Около 1100 г. население Франции составляло, возможно, 6 млн., а в 1328 г. было близко к 20 млн. (Braudel 1988:137). Такое тройное увеличение населения в XII-XIII вв. (с самым быстрым ростом приблизительно в 1150-1250 гг.), было довольно типичным для западноевропейских стран (Abel 1980). В течение столетия после Черной Смерти французское население уменьшилось до 10 млн. человек (рис. 4.1а).

Численность, указанная выше, относится к населению в пределах современных французских границ. Максимальное население в области, которой управляли Капетинги, было меньшим: возможно, около 16 млн. (Sumption 1991:10) В 1328 г. чиновники королевского казначейства насчитали почти 2470 тыс. домашних хозяйств, но при этом не учитывались большие феодальные владения и не облагаемые налогом королевские апанажи.

Выраженная в серебряном эквиваленте динамика цен на продовольственные товары демонстрирует поведение, подобное демографической динамике: увеличение в XIII в. сопровождается снижением, достигающим минимума к середине XV в. (рис. 4.1b). Присутствуют также колебания более короткого периода (приблизительно в 50 лет) накладывающиеся на вековые циклы.

Социальная структура

На вершине иерархии власти во Франции стояли крупные территориальные магнаты – светские (король, герцоги, графы, бароны) и церковные (аббаты, епископы, архиепископы). Ниже располагались средние и низшие разряды элиты, от более важных рыцарей до относительно бедных деревенских дворян (Tuchman 1978). Представление о типичных доходах различных элитных слоев дает работа Эдуарда Перроя (Perroy 1962), который исследовал дворянство графства Форе (на юге центральной Франции) в конце XIII столетия. На вершине местной иерархии находился граф Форе с 12 тыс. ливров годового дохода. Ниже его были два или три барона с доходами в одну-две тысячи ливров ежегодно. Приблизительно двадцать важных рыцарей, владевших замками, имели доход в 100-500 ливров. Держатели укрепленных поместий имели по 50-100 ливров. У основания иерархии находились приблизительно сто мелких дворян, ежегодные доходы которых колебались между 25 и 50 ливрами. Для сравнения, минимальный доход, на который один человек мог прожить при скромных потребностях, в то время составлял 5 ливров (это было типичное пособие, предоставляе-

мое молодому дворянину, учащемуся в университете, или пенсия вдове мелкого дворянина). Другими словами, 25 ливров было достаточно, чтобы содержать семью из четырех или пяти человек, но при этом не оставалось никаких излишков для демонстрации статуса. Сумма в 25 ливров тогда была эквивалентна 5 фунтам; таким образом, минимальные доходы мелкого дворянства во Франции и Англии были по существу одинаковыми. Для важного рыцаря из Форе с минимальным доходом в 100 ливров подходящим коллегой был английский рыцарь или эсквайр с 20 фунтами в год.

В течение цикла численность элиты резко менялась. Приблизительно в 1300 г. доля дворянства в населении составляла от 1% до 4%, в зависимости от области (Contamine 1997:50-52). Средний процент составлял 2.4 %, но Филипп Контамин из осторожности понижает его до 1.8% (Contamine 1997:53). При численности населения в 20 млн. и средней семье в пять человек мы получим примерно 70 тыс. благородных семейств в 1300 г. Полтора столетия спустя, по оценке Контамина (Contamine 1997:56), доля дворян в общей численности населения уменьшилась до 1.5 %. Принимая население в середине XV в. примерно в 10 млн., мы приходим к оценке в 30 тыс. благородных семей в конце цикла.

Политическая динамика

Ранние Капетинги управляли крошечной областью вокруг Парижа и Орлеана в северной Франции. Ситуация резко изменилась в течение XII в., когда в Нормандии имела место длительная гражданская война и смена династии. При Филиппе II Августе (1180-1223) территория, которой непосредственно управляло французское государство, чрезвычайно расширилась, так что в 1223 г. она была в десять раз большей, чем область, которой управлял Гуго Капет (рис. 4.1с). Таким образом, в течение большей части XII в. Франция находилась в состоянии войны с Англией, которой правила сначала нормандская, а затем анжуйская династия. Этот конфликт иногда называют «Первой Столетней войной». «Грабежи, убийства, бандитизм и другие опасности были частью повседневной жизни» (Braudel 1988:133).

Этот период неустойчивости, связанной с завоеванием Франции Капетингами (которое включало такие драматические эпизоды как крестовые походы против альбигойцев), ясно отражен во временном распределении монетных кладов (рис. 4.2). Однако, как только границы королевства расширились, центральные области стали пользоваться преимуществами мира. Для большинства десятилетий XIII в. и первой половины XIV в. учтено относительно небольшое число кладов (рис. 4.2). Имеется незначительный рост в течение второго десятилетия XIV столетия (возможно, связано с баронским восстанием в конце господства Филиппа IV), но главный пик неустойчивости был вызван государственным брейкдауном 1350-60-х гг. (рис. 4.2). К сожалению, третий том «Les Trésors Monétaires Médiévaux et

Modernes Découverts en France» Жана Дюплесси не был издан, и таким образом мы испытываем недостаток в информации об этом чрезвычайно полезном индикаторе в течение периода после 1385 г.

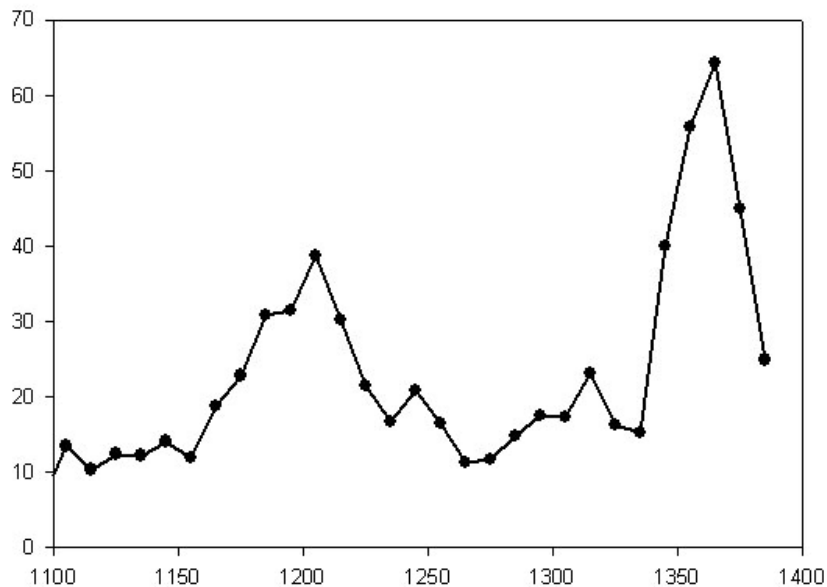

Рисунок 4.2. Временное распределение французских монетных кладов, 1100-1385 гг. (Duplessy 1985).

4.2. Фаза расширения: 1150-1250 гг.

Демографические данные для средневекового периода скудны. В табл. 4.1 собраны из различных источников несколько оценок числа выживавших в семье детей. Это – полезный статистический показатель, потому что, во первых, он объединяет рождаемость и выживание, и во-вторых, он непосредственно связан с темпом прироста населения. Взаимные сравнения между различными областями и различными социальными стратами не показательны, но изменения с течением времени в пределах каждого набора данных сопоставимы между собой. Из этих данных становится очевидным замедление роста населения в течение X-XI вв. (хотя данные очень сырые). Ясно также, что коэффициенты замещения имели тенденцию увеличиваться в течение XII в. (табл. 4.1).

В течение XII-XIII вв. население Франции, должно быть, увеличилось с 6 до 20 млн. (рис. 1а). Экономическая база для этого огромного роста населения должна была появиться прежде всего вследствие расширения обработанных земель. В результате масштабной внутренней колонизации сельскохозяйственные угодья расширились за счет пустошей, лесов и болот. Считается, что из 26 млн. га лесов, которые имелись во Франции около 1000 г., к 1300 г. была сведена половина (Braudel 1988:140). Чтобы оценить масштабы этой расчистки, отметим, что площадь пахотных земель в современной Франции составляет 18 млн. га (CIA 2002).

Таблица 4.1. Среднее число детей во французской семье в 800-1500 гг. Жирный шрифт – максимальные значения, курсив – минимальные значения.

<i>Период</i>	<i>Число детей</i>	<i>Сословие, район</i>	<i>Источник</i>
IX век	2.5	Полиптик Ирминона	(Reinhard et al. 1968:65)
980-1050	4.5	Бургундия	(Dupâquier et al. 1988a:214)
X век	3.8	Дворянство, северная Франция	(Reinhard et al. 1968:69)
1000-1050	4.2	Дворянство, северная Франция	то же
1050-1100	3.8	Дворянство, северная Франция	то же
1100-1150	5.5	Дворянство, северная Франция	то же
1150-1200	5.6	Дворянство, северная Франция	то же
1200-1250	4.9	Дворянство, северная Франция	то же
1250-1300	5.1	Дворянство, северная Франция	то же
1025	3-4	Дворянство, Пикардия	(Dupâquier et al. 1988a:215)
1050	4-4.5	Дворянство, Пикардия	то же
1075	больше 4	Дворянство, Пикардия	то же
1100	5-6	Дворянство, Пикардия	то же
1075-1100	5.06	Дворянство, Пикардия	то же
1100-1125	4.52	Дворянство, Пикардия	то же
1125-1150	4.70	Дворянство, Пикардия	то же
1150-1175	4.92	Дворянство, Пикардия	то же
1175-1200	5.40	Дворянство, Пикардия	то же
1200-1225	5.54	Дворянство, Пикардия	то же
1225-1250	5.24	Дворянство, Пикардия	то же
1250-1275	5.08	Дворянство, Пикардия	то же
1275-1300	5.32	Дворянство, Пикардия	то же
1245-1300	4.00	Городская элита, Перигё	(Dupâquier et al. 1988a:302)
1300-1330	2.75	Городская элита, Перигё	то же
1330-1370	1.91	Городская элита, Перигё	то же
1370-1400	2.29	Городская элита, Перигё	то же
1400-1430	<i>1.82</i>	Городская элита, Перигё	то же
1430-1470	2.35	Городская элита, Перигё	то же
1470-1500	3.55	Городская элита, Перигё	то же
1350-1375	1.81	Арль	(Dupâquier et al. 1988a:387)
1391-1395	1.75	Арль	то же
1471-1475	<i>1.03</i>	Арль	то же

Трудно оценить, однако, насколько эти новые земли были фактически распаханы. Оценки увеличения пашни колеблются от консервативных 40% до более оптимистических 100% (Carpentier and Le Mené 1996:158).

Увеличение культурной области, вероятно, сопровождалось увеличением урожайности с гектара. Карпентье и Ле Мени (1996:161) предполагают, что урожаи увеличились с сам-3-4 в XI в. до сам- 4-5 около 1180 г. Это означает 40-процентное увеличение чистого сбора.

Увеличение населения вместе с растущей производительностью (или, по крайней мере, с производительностью, не уменьшающейся в результате убывающей доходности: нет никаких доказательств убывающей доходности до 1250 г.) должно было отразиться на состоянии государственных финансов. Действительно, столетие около 1200 г. видело большое расширение королевских доходов. Казначейские счета за 1202-1203 гг. предполагают, что обычные доходы Филиппа Августа составляли приблизительно 115 тыс. парижских ливров, и что они увеличились на 72% с начала его правления в 1180 г. (Henneman 1999:104). Валовые доходы в 1202-1203 гг. (включая экстраординарные военные налоги) составляли 196 тыс. парижских ливров (Hallam and Everard 2001:226). Обычный годовой доход Людовика IX к 1250 г. составлял, вероятно, 200-250 тыс. парижских ливров (Hallam and Everard 2001:311), вдвое больше дохода Филиппа Августа. Так как цена зерна увеличилась в 1200-1250 гг. только на 20 % (рис. 4.1b), то реальные доходы существенно возросли. Увеличение доходов гарантировало расширение государства, которое приводило к увеличению числа потенциальных налогоплательщиков. Эта динамика, вероятно, и объясняет взрывной рост государства Капетингов в рассматриваемый период.

4.3. Фаза стагфляции: 1250-1315 гг.

Население и экономика

В какой-то момент в течение второй половины XIII в. рост сельскохозяйственного производства стал отставать от роста населения. Освоение новых земель в большинстве областей прекратилось между 1230 и 1280 гг. (Braudel 1988:155; Carpentier and Le Mené 1996:331). Вскоре после этого в некоторый момент между 1280 и 1315 гг. население достигло своего максимума. Есть некоторые разногласия между специалистами о датировке этого максимума. Наиболее вероятно, что различные области достигли максимума населения в разное время; и нет причин ожидать совершенную синхронность. Например, Карпентье и Ле Мени (Carpentier and Le Mené 1996:314) предполагают, что население Южной Франции, возможно, продолжало расти еще около 1340 г.

Прирост населения отражался в повышении цен (рис. 4.1b). Цена пшеницы увеличивалась в течение всего XIII столетия, но худший период

инфляции имел место с 1250-х до 1310-х гг., когда цена квинтала пшеницы возросла с 24 до 66 г серебра (Abel 1980). Систематические данные о заработной плате для средневековой Франции отсутствуют, но ставки оплаты для солдат предполагают, что номинальная заработная плата увеличивалась, хотя и не шла в ногу с инфляцией (табл. 4.2). Интересно, что реальная заработная плата уменьшалась и для элитных и для простых солдат, но простые солдаты пострадали в большей степени (мы видели подобную динамику в заработной плате английских солдат, см. гл. 2).

Таблица 4.2. Суточные ставки оплаты за солдат во Франции (Contamine 1984:94). s – сольдо, d – денье, g – граммы, hl – гектолитры

	1202	1295
<i>Рыцарь</i>		
номинально	7s. 6d.	10s., 12s. 6d., или 15s.
в серебре	25.1 g	41.8 g
в пшенице	1.71 hl	1.06 hl
<i>Пехотинец</i>		
номинально	10d.	12d.
в серебре	2.8 g	3.3 g
в пшенице	0.19 hl	0.08 hl

Давление населения перевело к прогрессирующей фрагментации крестьянских землевладений. В Дофине 75% крестьян имели менее чем 2 га сельхозугодий, в Хайнаулте (современная Бельгия) 60% крестьян держали гектар или менее (Carpentier and Le Mené 1996:328). Это количество земли было много меньше надела, который мог бы прокормить крестьянскую семью. Оценки производственных бюджетов крестьянских хозяйств предполагают, что минимум земли, обеспечивающий нормальное существование, равнялся приблизительно 6 га (Carpentier and Le Mené 1996:340). При трехпольной системе и среднем урожае в 10 гектолитров/га, 6 га должны давать ежегодно 40 гектолитров. Из этого количества крестьянин должен был заплатить «десятину» (на самом деле 1/9 часть урожая) и *terrage* в 1/7 часть, так что оставалось только 30 гектолитров. Сохраняя 8 гектолитров на семена, крестьянин и его семья получали 22 гектолитра (16 квинталов) зерна для личного потребления, что было достаточно для семьи из 4-5 человек. Однако шесть гектаров земли имелись лишь у малой части крестьян, меньше чем у 20% (Carpentier and Le Mené 1996). Таким образом, у огромного большинства сельских держателей не было достаточного количества земли, чтобы прокормиться, и их существование зависело от приработков на стороне. Результатом этого процесса был обширный и растущий сельский пролетариат. В тщетной надежде на получение работы многие из сельских бедняков мигрировали в города, что вызывало падение городской

реальной заработной платы (Carpentier and Le Mené 1996:357), а также приводило к росту городского населения (см. ниже).

Поскольку земли стало не хватать, то ее цена поднялась (Carpentier and Le Mené 1996:334). В Нормандии акр земли в начале XIII в. стоил 2 ливра, а столетие спустя – 20 ливров. В Пикардии цена *journal* (приблизительно 0.4 га) во время первой половины XIII в. колебалась между 1 и 3, самое большее 4 ливра. В течение второй половины столетия цены стали выше 4 ливров за *journal*, и к 1300 г. колебались между 6 и 10 ливрами. Но имелись некоторые региональные различия. Например, в Беамон-ле-Роже (Нормандия) цены на землю росли до 1260 г. и затем стабилизировались до 1313 г. В Бюс (около Шартра) имелась даже тенденция к уменьшению цен (Carpentier and Le Mené 1996:334). Земельная рента увеличивалась быстрее, чем цены. Например, только за 40 лет (1276-1316 гг.) арендная плата вокруг Лилля увеличилась впятеро (Carpentier and Le Mené 1996:336).

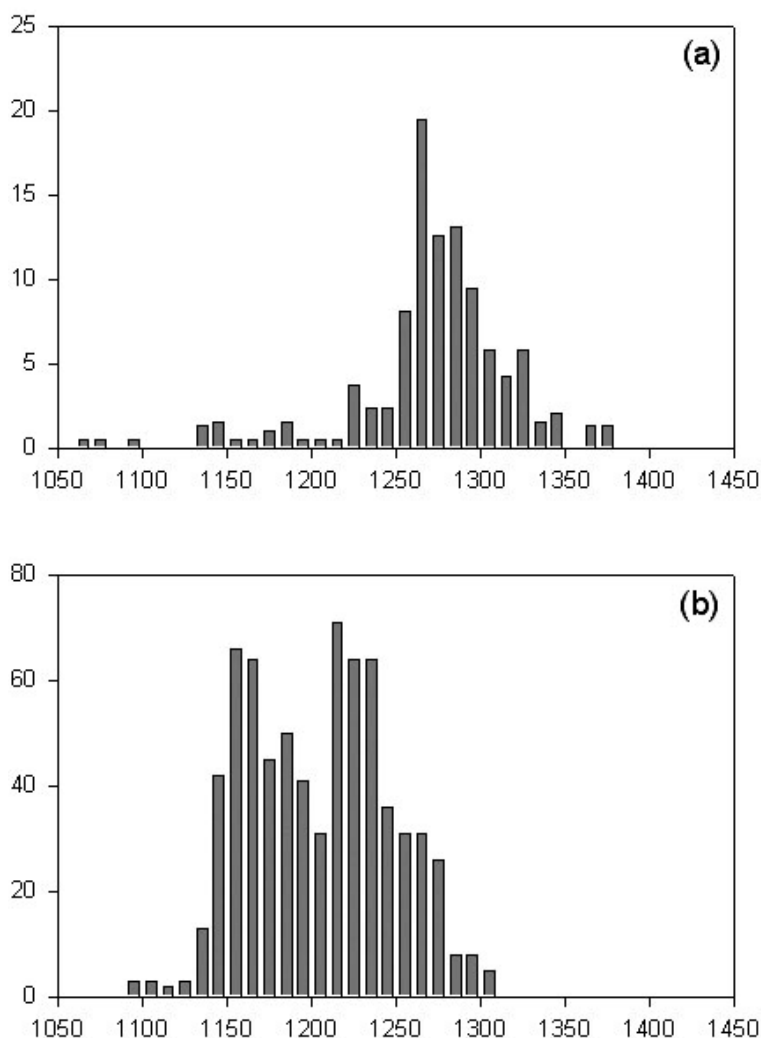

Рисунок 4.3. Различия в динамике городского развития и развития сельского хозяйства. **(а)** Динамика основания городов (Beresford 1967). **(б)** Число расчисток леса под пашню, упомянутых в документах (Fossier 1968).

В то время как сельское население в этот период росло медленнее, чем раньше, и в конечном счете стабилизировалось, городское население увеличивалось достаточно быстро. В течение XIII в. появилось большое количество новых городов, а после 1250 г. темп городского развития стал прямо-таки лихорадочным (рис. 4.3а). Более чем 70% французских городов вне Гаскони появились во время периода стагфляции, в 1250-1315 гг. (Beresford 1967) Отметим, что динамика развития сельского хозяйства (измеряемая числом упомянутых в документах расчисток леса под пашню) (рис. 4.3b) была совершенно иной, противоположной восходящей тенденции городского развития. Расчистки местности были сконцентрированы в пределах фазы расширения, в то время как городское развитие происходило в фазе стагфляции.

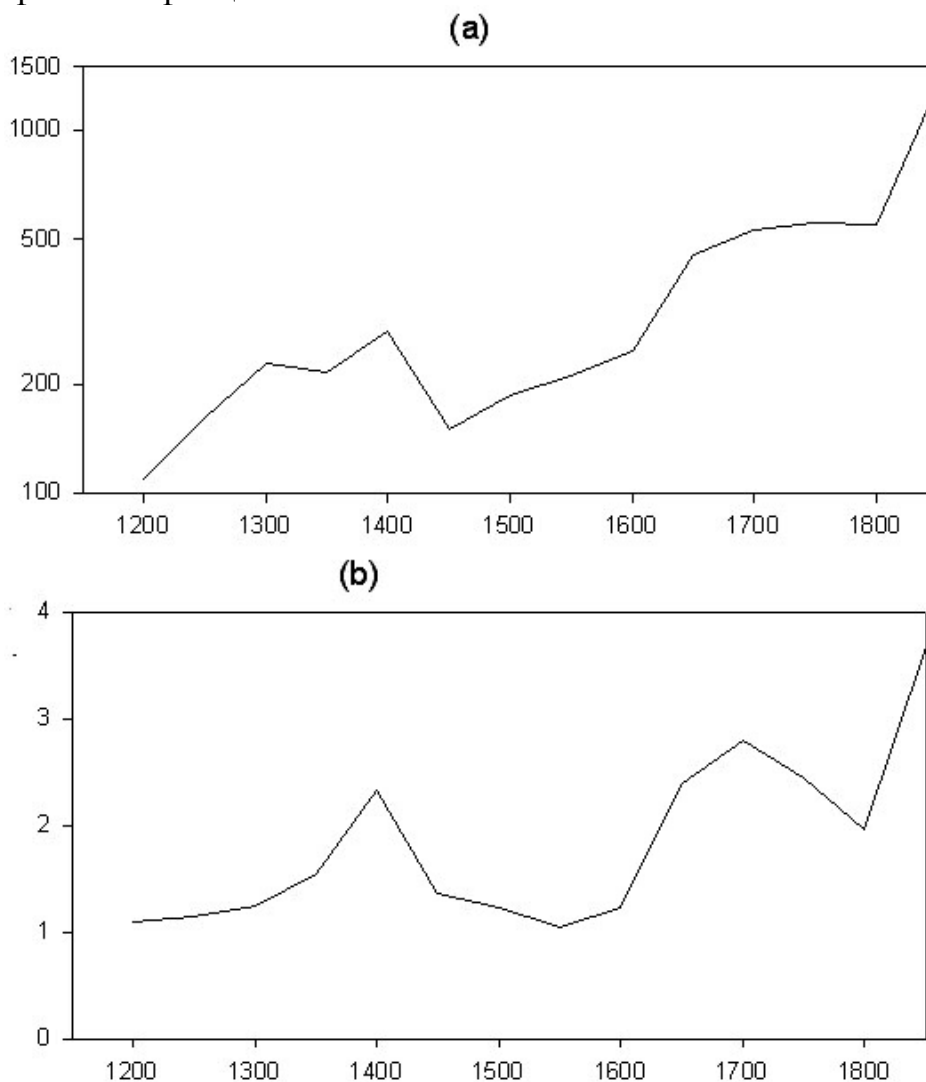

Рисунок 4.4. Динамика урбанизации во Франции в 1150-1850 гг. (а) Население Парижа, тыс. (Chandler 1987). (б) Индекс урбанизации (определенный как доля населения в столице, в процентах).

В течение XIII в. население Парижа удвоилось (рис. 4.4а), и продолжало увеличиваться в течение следующего столетия. Число городов с населением 10-20 тыс. увеличилось приблизительно до 20, и имелось около 12 городов с населением 20-50 тыс. жителей (Carpentier and Le Mené 1996:317). Города росли отчасти из-за притока мигрантов из сельских районов, отчасти из-за роста торговли и ремесел. Но городские стены также предлагали защиту, и поскольку социополитическая нестабильность увеличивалась (см. далее), то многие сельские обитатели оставляли свои держания и уходили в относительно безопасные укрепленные города.

Перепроизводство элиты

Имеется обильная, но в значительной степени неподтвержденная, информация о перепроизводстве элиты в конце фазы стагфляции, полученная, например, в работе Джонатана Сампшина (1991:30-32). Главной проблемой мелких дворян была «мизерность их держаний, результат посмертных даров церкви и имущественных разделов в течение нескольких поколений. Право майората никогда твердо не применялось даже на западе и севере Франции, где оно было теоретически узаконено. В других местах оно не признавалось в принципе. В результате к началу XIV в. держания большей части мелкого дворянства уменьшились до незначительных земельных участков» (Sumption 1991:31). Ситуация была особенно тяжелой в Иль-де-Франсе. По крайней мере, у четверти благородных вассалов Парижских аббатств и короны годовой доход не превышал 10 ливров (данные Ги Фурке, процитированные в: Sumption 1991:31). Многие мелкие дворяне заложили свою землю или продали ее богатым крестьянам. «В течение столетия эти уцелевшие пауперизированные дворяне должны были для своего выживания обратиться к войне, а затем – к бандитизму» (Sumption 1991:32).

Динамика государства

В период стагфляции королевские доходы номинально увеличивались, но не могли догнать инфляцию. Обычные доходы Людовика IX составляли около 1250 г. приблизительно 0.25 млн. турецких ливров (Kaeuper 1988:62; Henneman 1999:104). К концу XIII в. годовой доход Филиппа IV увеличился до 0.4-0.6 млн. (Kaeuper 1988). Таким образом, номинальный доход, возможно, удвоился, но цены тоже удвоились. Сын Филиппа Карл IV (1322-1328) получал средний обычный доход в 0.28 млн. ливров, что в реальном исчислении составляло только 53 % от того, что имел его отец 30 годами ранее (Henneman 1999:109). Коронование Филиппа VI (1328-1350) присоединило к коронным землям обширные владения семьи Валуа, но

доходы Филиппа VI (в реальном исчислении) составляли только 80% от доходов Филиппа IV (Henneman 1999:109).

4.4. Фаза кризиса: 1315-1365 гг.

Демографическая катастрофа

К началу XIV в. Франция (так же, как большая часть Западной Европы) была буквально переполнена людьми. «Экосистема» (если использовать термин Ле Руа Ладури) была напряженной до предела, была на грани катастрофы. Катастрофа, произошедшая в XIV в., был результатом обычного для таких кризисов сочетания голода, мора и войны.

Сначала пришел голод. К началу XIV в. сельскохозяйственное производство было едва достаточным, чтобы предоставить населению хлеб настоящий, и у большинства было как раз столько еды, чтобы выживать. Голод, почти исчезнувший в XIII в., в XIV в. возвращался снова и снова. Первый большой голод поразил Францию в 1302 г. (Карпентир и Ле Мене 1996:353), но длительное уменьшение населения, вероятно, началось после многолетнего голода 1315-1317 гг. Серия ужасных зим в 1315-1330 гг. принесла с собой голод как тревожное предупреждение о том, что должно было случиться в следующие сто лет (Braudel 1988:154-5).

Второй удар был нанесен Черной Смертью. Первая волна бурбонной чумы охватила Францию в 1348-1349 гг. В зависимости от области погибло от 37 до 80-90% населения, (Braudel 1988:157). Последующие эпидемии чумы поражали Францию примерно каждые десять лет вплоть до середины XV в. Например, в Лионе второй после 1348-1349 гг. пик смертности имел место в 1361 г. (Lorcin 1974).

Чума была отмечена непропорциональной смертностью среди бедняков. Например, в Альби в 1343-1357 гг. доля жителей, обладавших имуществом, оцененным менее чем в 50 ливров, упала от 76 до 62%. В то же время средний слой населения (с имуществом 50-200 ливров) увеличился от 21 до 28.5%, а пропорция богатых (с имуществом более 200 ливров), увеличилась с 4.2 до 8.1% (Dupâquier et al. 1988a:323). Таким образом, одним из последствий чумы была деформация социальной пирамиды, которая делала ее более «завышенной», чем это было перед чумой (мы видели ту же тенденцию в английских данных).

Влияние голода, эпидемий и войны (которую мы рассмотрим в последующих разделах) на демографическую динамику в течение XIV в. хорошо понятно, даже если мы ощущаем недостаток точных количественных оценок (Dupâquier et al. 1988a). Французское население (так же, как и в других западноевропейских государствах) начало уменьшаться после 1300 г., затем резко снизилось вслед за эпидемией Черной Смерти 1348 г., и понесло дальнейшие потери в результате повторных эпидемий (таких, как в 1361 г.)

и Столетней войны. В целом, численность населения уменьшилась приблизительно наполовину (Dupâquier et al. 1988b:149), от 20 млн. до 10 млн. Далее на протяжении примерно столетия численность населения колебалась на низком уровне, и начала увеличиваться только в течение второй половины XV в. (ниже мы остановимся на этом подробнее).

Хотя кризис XIV в. принес много бедствий, демографическая катастрофа имела некоторые положительные последствия, по крайней мере для низших сословий. Ослабление демографического давления принесло экономическое облегчение для крестьян и рабочих. За исключением периодов особенно интенсивной войны, реальная заработная плата и уровень потребления простых людей к концу XIV в. резко возросли (табл. 4.3). В 1338 г. провансальские гуртовщики, работавшие на своего сеньора, питались очень грубым, главным образом, ячменным, хлебом. После Великой чумы считалось, что ячменный хлеб хорош только для собак, в то время как чернорабочие получили право на белый хлеб (Le Roy Ladurie 1987:70).

Таблица 4.3. Поденная плата, сольдо (Vois 1984; Contamine 1984)

<i>год</i>	<i>Строительный рабочий в Руане</i>	<i>Пехотинец</i>
1320	1.5	1.0
1350	3.5	2.0
1380	4.0	5.2
1410	3.8	3.3
1440	4.5	2.7
1470	4.0	2.7
1500	4.5	3.4

Сеньоры и крестьяне

Как мы отмечали выше, начало XIV в. во Франции характеризовалось перепроизводством элиты. Поскольку количество произведенного крестьянами прибавочного продукта уменьшалось из-за действия закона убывающего плодородия, то увеличивалась численность элиты, претендовавшей на прибавочный продукт. «Чтобы сохранить свое положение, сеньор был вынужден требовать от крестьян все больше, и другими средствами. С другой стороны, любой дополнительный расход угрожал способности к самообеспечению крестьянского двора. Это противоречие было неразрешимым и разрушительным» (Vois 1984:260). Уменьшение населения в 1315-1350 гг. еще более усиливало это главное противоречие. Голод после 1315 г. затрагивал, главным образом, самые бедные слои общества, и, хотя от чумы умерло много дворян, эпидемия унесла непропорционально большое число бедняков. В результате доля элиты во всем населении увеличилась даже по сравнению с высоким уровнем начала XIV в.

Поскольку доходы уменьшились, то, чтобы сохранить свое положение, элиты должны были обратиться по словам, Ги Буа «к другим средствам». Результатом была интенсификация внутриэлитной борьбы за недостаточные ресурсы. Особенно тяжело пришлось мелким дворянам. Даже в XIII в. многие мелкие дворяне из Форе имели доход менее 25 виенских ливров (5 фунтов) (Perroy 1962:28). Когда цены на продовольственные товары удвоились (или даже утроились, как это было в 1310-х гг.) эти благородные семьи опустились ниже минимального уровня потребления, совместимого с благородным статусом. Действительно, некоторые дворянские семьи, должно быть, недоедали в голодные годы начала XIV столетия. К середине столетия имелись десятки тысяч обнищавших и отчаявшихся дворян призывного возраста. Филипп Контамин (1997:204) отмечает, что в 1340 г. 25 тыс., если не 30 тыс. дворян, прибыли в армию Филиппа VI в надежде на военную плату (в королевской армии в это время было всего 27 тыс. кавалеристов, Sumption 1991). Кажется, что король и его военачальники были удивлены, даже смущены огромным числом воинов, ответивших на их призыв к оружию (Contamine 1972:73). Эта неорганизованная и недисциплинированная толпа была одним из факторов, способствующих последующим французским поражениям при Креси и Пуатье. Наличие огромного числа мужчин, отчаявшихся и обученных обращению с оружием, было огромным фактором дестабилизации.

Перепроизводство элиты не ограничивалось военным классом. «В 1314-1343 гг. численность ведущих судебных чиновников различных королевских судов в Париже увеличилось четырехкратно; число нотариусов приблизительно так же; количество “сержантов”, которые проводили в жизнь распоряжения судей и королевских министров, возросло а семь раз» (Sumption 1991:19).

Брейкдаун государства

В то время, как интенсивность внутриэлитной конкуренции повышалась, государство постепенно теряло свою способность сохранить внутренний мир и защитить страну от внешнего вторжения. Главная проблема была финансовой. До правления Филиппа IV (1270-1314) корона без особых трудностей обходилась за счет обычных доходов, иногда собирая экстраординарные налоги (необходимые, например, для выкупа Людовика IX, когда он попал в плен во время крестового похода в Египет). Однако к концу XIII в. обычные доходы уже не увеличивались в реальном исчислении (см. выше), в то время как расходы (особенно военные) резко возросли. Чтобы поднять доходы, Филипп IV эксплуатировал свои феодальные права, требовал субсидии, вымогал принудительные ссуды у буржуазии и манипулировал курсом валюты (Henneman 1999:105-106). Эти методы вызвали недовольство, и первая половина XIV в. видела увеличивающееся

сопротивление налогообложению со стороны элиты. Основная и совершенно неразрешимая проблема состояла в том, что государство конкурировало с элитой за сокращающийся прибавочный продукт. Таким образом, мы должны заменить двойное противоречие Ги Буа (между сеньорами и крестьянством), на тройное противоречие между производительным классом, элитой и государством.

Отсутствие согласия о необходимости национального налогообложения оказывало прямое влияние на способность государства вести войну против англичан. Филипп VI (1328-1350) и Иоанн II (1350-1364) были не в праве требовать субсидии, кроме как во время прямого военного конфликта, и постоянно ощущали катастрофическую нехватку средств (Henneman 1999:110). В результате Франция оказывалась неподготовленной к войне всякий раз, когда она возобновлялась после перемирия. Военные бедствия 1346-1347 гг. (поражение при Креси и потеря Кале) наконец убедили Генеральные Штаты в 1355-1356 гг. разрешить необходимое налогообложение, но теперь попытки наложить налоги столкнулись с сопротивлением на локальном уровне. В итоге, Штаты оказались неспособны достать деньги, которые они обещали (Henneman 1999:111). Коллапс королевских финансов сопровождался общим коллапсом французского государства, вызванным поражением и пленением Иоанна II в Пуатье (1356).

Дезинтегративная фаза капетингского цикла проходила под знаком конфликта, известного как Столетняя война. Как известно историкам, Столетняя война не была простым династическим конфликтом между французскими и английскими королями (как это часто изображается в учебниках), но периодом большой социополитической нестабильности прежде всего *в пределах* Франции (Salmon 1976). Было бы более справедливо называть это «столетием военных действий, а не Столетней войной» (Braudel 1988:159) – периодом перманентного государственного брейкдауна и гражданской войны. Конфликт воспроизводился на различных уровнях. Высший уровень затрагивал борьбу между крупнейшими сеньорами Франции – непосредственно королем, герцогом Гиени (который был также королем Англии), герцогом Бургундии и графом Фландрии. Далее уровень конфликта понижался до столкновений между магнатами (графами и баронами), различными фракциями дворянства, и до борьбы между сеньорами и крестьянами. Эта многоуровневая природа конфликта может быть проиллюстрирована на примере Гаскони (Vale 1986). На «национальном» уровне Гасконь была одной из пограничных областей в англо-французской борьбе. На региональном уровне период с 1290 г. до середины XV в. был временем борьбы между кланами Арманьяков и Форэ за наследство виконта Беарна. На локальном уровне имели место частные войны между сеньорами более низкого ранга. В сохранившихся источниках зарегистрированы по крайней мере двенадцать вспышек внутриэлитных конфликтов между 1290 и 1327 гг. (Vale 1986:140). И кроме того, были многочисленные банды

routiers и *écorcheurs*, которые без разбора грабили и убивали сеньоров и крестьян, или занимались «покровительственным рэкетом» из своих укрепленных гнезд (Wright 1998).

Преступность росла параллельно с организованным насилием. По крайней мере для одного района имеются статистические данные о тяжелых преступлениях, и эти данные показывают, что в течение XIV в. имела место волна преступности, которая достигла максимума около 1400 г. и спала во второй половине XV в. (табл. 4.4).

Таблица 4.4. Статистика сообщений о физическом насилии из церковного суда в Креси (Нормандия) (Finch 1997).

<i>Период</i>	<i>Число насилий в год</i>	<i>Процент случаев с использованием оружия</i>
1314-1346	1.2	2
1370-1414	4.9	25
1451-1458	4.3	40
1471-1486	0.7	8

Динамика социополитической нестабильности: 1290-1365 гг.

Социополитический кризис XIV в. развивался во Франции постепенно. Первые признаки растущей нестабильности появились в пограничных регионах к 1300 г. Мы отмечаем выше начало беспорядков в Гаскони с 1290 г. На противоположном конце королевства, в урбанизированной Фландрии, социальные конфликты вспыхнули в 1279-1281 гг. и затем около 1300 г. Эти конфликты, как кажется, были вызваны напряженными отношениями между традиционной городской аристократией и недавно обогатившейся буржуазией, которая использовала в качестве ударной силы пролетариат (Carpentier and Le Mené 1996:356). В конечном счете борьба за власть привела к взрыву восстания и к «битве шпор» при Куртре в 1302 г., когда фламандская пехота сокрушила аристократическую французскую конницу. В 1325-1326 гг. городские коммуны Фландрии поднялись против их правителя, графа Луи Невера. Восставшие были разгромлены французской армией в сражении при Касселе (1328), и Фландрия была временно умиротворена. Однако в 1337 г. фламандцы снова восстали под предводительством ван Артевельдта из Гента и в конечном счете изгнали Луи Невера (Perroy 1965). Фламандское восстание открыло путь для английского вторжения при Эдуарде III.

Тем временем неустойчивость возрастала и в других областях Франции. При Людовике X (1314-1316) север и восток Франции (Пикардия, Бургундия) были охвачены баронским восстанием против королевского налогообложения. В графстве Артуа восстание против центральной власти

осложнялось междоусобной борьбой между сторонниками Роберта Артуа и его тети Маго (Hallam and Everard 2001:392-3). Роберт Артуа потерпел поражение и бежал в Англию, где он присоединил свой голос к тем, кто побуждал Эдуарда III к войне против Франции. Но намного более прямое влияние на возникновение Столетней войны оказали события в Бретани. В 1341 г. бретонский герцог Иоанн III умер, не оставив прямых наследников. Наследство оспаривалось двумя кланами, Блуа и Монфорами. В последовавшей гражданской войне мелкие дворяне и кельтские районы запада Бретани поддерживали Монфоров, в то время как крупные сеньоры и французские города восточной части герцогства сплотились вокруг партии Блуа. Англичане, которые поддерживали фракцию Монфоров, предприняли опустошительный набег на Бретань и осадили Ренн, Ванн и Нант (Seward 1978:49).

В 1350-х гг. появилась еще одна феодальная группировка. Ее возглавляли Филипп д'Эвре и его сын король Наварры Карл Злой; Карл был сыном Иоанны Французской и внуком Людовика X, что давало ему право претендовать на французский трон. Эта партия иногда упоминается как партия Эвре, а иногда как «наваррцы». Карл Злой унаследовал очень значительные владения в Нормандии и Иль-де-Франс и был вождем бунтующего дворянства этих областей. В 1354 г. Карл Злой организовал убийство коннетабля Карла де ла Серда, после чего мятежи «наваррцев» с перерывами продолжались до 1364 г., когда они были подавлены Карлом V.

Эти примеры междоусобной борьбы (к которым мы должны добавить более поздний фракционный конфликт между арманьяками и бургундцами) иллюстрируют поддерживаемый современными историками тезис о том, что Столетняя война была прежде всего внутренним конфликтом. «Международный аспект» этой войны возник потому, что различные враждующие партии обращались за помощью к королям Англии или Франции. Таким образом, партии Монфора и Артевельдта пригласили Эдуарда III вмешаться в борьбу, происходившую, соответственно, в Бретани и во Фландрии. Предполагают, что это Ян ван Артевельдт предложил Эдуарду III объявить себя королем Франции, чтобы таким образом узаконить поддержку, которую Эдуард оказывал фламандцам. Другой пример проявления той же тенденции – возобновление войны в 1369 г., которое последовало за обращением к Карлу V враждовавших с Черным принцем арманьяков. Наконец, самая тяжелая ситуация для французов (в 1420-1436 гг.) сложилась в результате союза бургундцев и англичан (подробнее см. ниже).

Внутриэлитные конфликты привели к многим другим возмущениям и восстаниям, из которых мы упомянем только два, Парижское восстание и Жакерию. В 1357 г. дофин (будущий Карл V), управлявший государством после пленения его отца при Пуатье, потерял Париж в результате восстания коалиции городских элит во главе с богатым торговцем Этьеном Марселем. Во время этого восстания толпа в присутствии дофина убила двух

королевских маршалов. Волею случая партия Марселя в Париже вступила в союз с другим мятежником, Карлом Злым. В течение зимы 1357-1358 гг. отряды англичан и наваррцев «день за днём завоевывали и опустошали область между Луарой и Сеной» (Хроника Фруассара, цит. по: Fourquin 1978:136). Разбой солдат, финансовые требования короны и сеньориальная реакция переполнили чашу терпения крестьян Иль-де-Франса. В мае 1358 г. началась Жакерия; это большое крестьянское восстание было подавлено дворянами в течение месяца (Fourquin 1978:134-136).

Период с 1356 по 1360 г. был временем государственного краха (брейкдауна). Потрясенное этим коллапсом дворянство начало объединяться вокруг дофина и достигло общего согласия относительно проведения финансовой реформы (Henneman 1999:112). Непосредственным стимулом для введения внушительных налогов была необходимость выплаты огромного выкупа за Иоанна II, захваченного в Пуатье. Однако постановление от 5 декабря 1360 г. стало ориентиром во французской финансовой истории (Henneman 1999:113), оно создало финансовую основу Старого режима. Постановление вводило налог на соль (*gabelle*) и косвенные налоги на другие потребительские товары (*aides*). Генеральные Штаты согласились также на другой важный новый налог, известный как *fouage* (налог с очага). Прямые налоги, такие как *fouage*, позже переименовали в *талью*, и они стали традицией французского налогообложения. В то время как косвенные налоги затрагивали прежде всего городское население, прямые налоги, такие как *fouage*, ложились грузом также и на сельских землевладельцев. Это не нравилось дворянству, но не вызвало больших протестов, потому что основная цель этого налога состояла в том, чтобы обеспечить оплату солдат. Действительно, может казаться удивительным, насколько незначительным было сопротивление введению новых налогов. Конечно, сыграла роль необходимость выкупа короля (но в полной мере выкуп никогда не платился; вместо этого правительство Карла V мудро использовало деньги для создания новой армии). Возможно, еще более важным фактором было общее осознание того, что что-то должно было быть сделано, или Франция будет потеряна. Другим фактором было масштабное «сокращение» французского дворянства вследствие военных поражений. Наихудшее бедствие, разгром при Креси, погубило 10 тыс. рыцарей из «цвета французского дворянства», и потери при Пуатье составляли еще 2.5 тыс. Несколько тысяч дворян погибли в морском сражении при Слейсе (1340). И кроме того, неизвестно, сколько тысяч погибло в местных гражданских войнах и от рук «жаков» Иль-де-Франса. Короче говоря, к 1360 г. было просто много меньше «благородных головорезов», чтобы поднять проблему – некоторые были уничтожены, и другие унаследовали собственность своих убитых родственников. Колебание в общественном мнении в пользу мира проявилось новой тональностью в литературе о войне и рыцарстве. Если прежде акцент ставился на право частных войн и преследовании чес-

ти и славы, то теперь он упирал на вопросы дисциплины и общественного порядка (Henneman 1996:142). Мы не должны, однако, слишком высоко оценивать силу этого общественного консенсуса. Он продлился в течение двух десятилетий (1360-70-е гг.), а когда пришло к власти новое поколение, непосредственно не испытавшее крах 1356-1360 гг., оно позволило государству развалиться снова.

Когда в 1365 г. Карл V стал королем, национальная консолидация, хотя она была временной, привела к быстрому возвращению территорий, захваченных англичанами. В отличие от огромных и недисциплинированных толп предыдущего короля, армия Карла V состояла только из 2400 солдат и 1000 лучников, из которых 60% были кавалеристами (Contamine 1972:138). Эти войска были наняты надолго и регулярно оплачивались. Во время периодов особенно интенсивной деятельности постоянные силы усиливались дополнительными контингентами воинов (доводящими общее количество максимально до 5200). Первым военным успехом новой армии был сокрушительный разгром партии Карла Злого в Нормандии весной 1364 г. (Henneman 1999:115). В 1369 г. война с англичанами возобновилась в результате обращения арманьяков (см. выше), и к моменту смерти Карла V в 1380 г. почти вся французская территория была возвращена. Англичане удерживали только Бордо, Байонн, Брест, Кале, Шербур, Валис и их округи.

4.5. Депрессия: 1365 – 1450 гг.

Демографическая стагнация

После того как бедствия середины XIV в. уменьшили население Франции на одну треть или даже наполовину, начался период кажущейся стагнации, который продолжался до 1450 г. Стагнация, однако, не означает «устойчивое состояние». Скорее этот период характеризовался короткими периодами восстановления, сопровождавшимися новым упадком. Процесс может быть проиллюстрирован данными по Нормандии (Vois 1984:76). В Нормандии было три периода кризиса с минимумами населения в 1380, 1420 и 1450 гг., перемежавшиеся с двумя периодами частичного восстановления и последовавшим затем длительным приростом населения после 1450 г. (рис. 4.5).

Уменьшение численности населения близко коррелировало с интенсивностью внутренней войны (что было связано не только с прямым влиянием войны на демографические показатели, но также и с косвенными последствиями для производительной инфраструктуры, см. ниже). Подобная динамика частичного восстановления, сопровождаемого новым упадком, была характерна и для других областей, хотя выбор времени колебаний

изменялся в соответствии с региональными вариациями интенсивности внутренней войны и повторяющихся эпидемий.

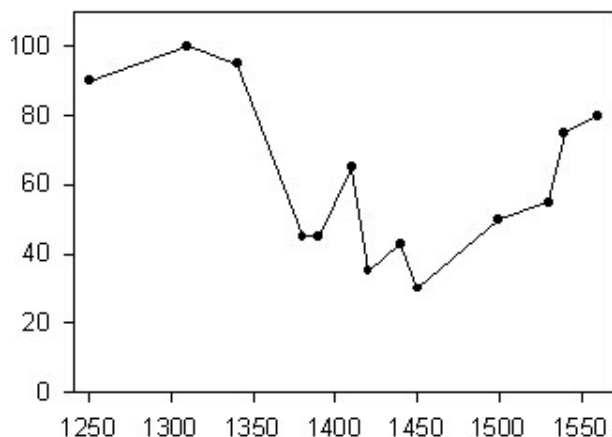

Рисунок 4.5. Демографическая динамика в Нормандии в 1250-1560 гг. Население в 1314 г. взято за 100% (Vois 1984).

Карпентье и Ле Мени (Carpentier and Le Mené 1996:378-380) дают краткий обзор демографических колебаний в Хайнаулле, Артуа, Провансе и Дофине. В целом, они показывают, что французское население уменьшилось между 1350 г. (то есть после первого шока Черной Смерти) и 1450 г. (точкой минимума) на одну треть. Когда это снижение рассматривается вместе с демографической катастрофой середины XIV в. (см. предыдущий раздел), убыль населения между 1300 и 1450 гг., оценивается примерно в 50% (Le Roy Ladurie 1987; Dupâquier et al. 1988a). Некоторые области испытали даже более катастрофическое падение численности населения, например, в Нормандии население уменьшилось на 70% (Vois 1984). Кроме того, повторный анализ некоторых данных показывает, что историки были иногда слишком консервативны в оценке масштабов катастрофы. Например, часто цитируют оценку Фурке (Fourquin 1964), который подсчитал, что область вокруг Парижа потеряла половину своего населения. Однако, более поздний пересмотр тех же данных Буа указал на падение в 75% (Vois 2000).

Эффект постоянной войны

Социополитическая нестабильность времен Столетней войны оказала огромное влияние на производительную способность французского общества (Braudel 1988:160-161). Больше всего пострадали области, которые неоднократно становились ареной войны. Мы уже цитировали (в гл. 1) хронику Томаса Базина, описывающего опустошение Нормандии. К 1450 г. население Нормандии упало до 30% от максимального значения в начале XIV в. (рис. 4.5).

Парижская область была другой областью, пострадавшей от длительной войны, и как мы отмечали выше, ее сельское население, возможно, уменьшилось вчетверо. Область пострадала и потому, что располагалась близко к Фландрии и Нормандии, которые были базами для английских набегов, и потому, что здесь располагалась столица. Вот что писал Петрарка о своем посещении Франции в 1360 г.: «Я едва мог узнать то, что я видел. Самое богатое из королевств является кучей пепла; не было ни одного дома, стоящего вне защищенных крепостными стенами городов и цитаделей. Где теперь Париж, который был прежде таким большим городом?» (цит. по: Braudel 1988:161). Позднее в течение двух поколений Париж был полем битвы между арманьяками и бургундцами, которые «соперничали друг с другом, чтобы доказать, как далеко могла пойти кровавость: убийства и резня никогда не прекращались. Когда бургундцы вошли в столицу в мае 1418 г., она была завалена трупами арманьяков “лежащими как свиньи в грязи”» (Braudel 1988:160, цитата из «Journal d'un bourgeois de Paris»).

Юг (и особенно юго-запад) так же подвергся опустошению. Филипп де ла Буасье писал в XV в., что «область Сантондж, за исключением городов и крепостей, была оставлена и необитаема... Там, где когда-то были прекрасные поместья, домены и владения, теперь вырос высокий кустарник» (Braudel 1988:160). Некоторые области на какое-то время избежали опустошения. Когда англичане во главе с Черным принцем в 1356 г., прошли через Центральный массив, они нашли «землю Оверни, в которую они прежде никогда не входили... столь богатой и полной всяких товаров, что было удивительно видеть это» (Froissart, цит. по: Braudel 1988:160) Само собой разумеется, процветание Оверни не пережило вторжения Черного принца и его войска.

Во Франции первой половины XV в. голод стал эндемичным. Продовольственные кризисы имели место в областях Парижа и Руана в 1421, 1432, 1433, и особенно в 1437-1439 гг. Но эти кризисы не были фундаментальной причиной демографической стагнации – они были скорее отягчающими обстоятельствами. Первопричиной была война (Le Roy Ladurie 1987:35). Наиболее выпукло это можно проследить по динамике реальной заработной платы (Allen 2001). Уменьшение населения в XIV в. обусловило высокую реальную заработную плату. В первом десятилетии XV в. чернорабочий в Париже на свой дневной заработок мог купить более чем 20 кг зерна. Такая же высокая заработная плата превалировала в течение нескольких десятилетий после конца Столетней войны. Напротив, во время военного разорения 1420-1430-х годов заработная плата чернорабочего падала до уровня менее 8 кг зерна в день.

Проблема заключалась не в нехватке пригодной для обработки земли или людей, чтобы возделывать ее. Основной проблемой было отсутствие безопасности. Крестьяне оставляли свои деревни в поисках относительной

безопасности в укрепленных городах. Например, вокруг таких эльзасских городов, как Кольмар, имелись целые пояса мертвых деревень. Оставленная земля забрасывалась или использовалась в качестве пастбища (Le Roy Ladurie 1987:37). Непрерывная война разрушала сельскохозяйственную инфраструктуру. Например, в области Ленгль (современный Па-де-Кале) система дренажа была заброшена, и земля была сначала затоплена, а затем оставлена (Le Roy Ladurie 1987:38). Степень сельской заброшенности во Франции (подобной немецкому *Wüstungen*) менялась в зависимости от области. Юг был затронут более сильно, и в Провансе было заброшено от 25 до 33% деревень. Многие деревни были оставлены навсегда (в горных районах – примерно четверть всех деревень). Напротив, на севере окончательно оставлено было только 3-10% деревень (Le Roy Ladurie 1987:38). В целом, по оценке Ле Руа Ладури (Le Roy Ladurie 1974:42) между 1350 и 1440 гг. было оставлено минимум 3-4 млн. га земли.

Динамика элиты

Непрерывная борьба затрагивала аристократию в гораздо большей степени, чем простой народ. В этот период огромное количество французских дворян лишилось своей собственности (Wright 1998). Демографическая катастрофа второй половины XIV столетия и последующая депрессия привели к противоположным последствиям для экономического благосостояния дворян и крестьян (Carpentier and Le Mené 1996:463). После некоторой задержки уменьшение населения вызвало падение цен на зерно и рост реальной заработной платы. Простой народ ощутил все выгоды новой экономической ситуации. Но было бы преувеличением называть этот период «золотым веком» крестьян, потому что они страдали от непрерывной войны, периодических эпидемий и эндемичного голода (в первую очередь, вызванного войной, см. выше). Но обычно у крестьянина было достаточно еды, чтобы накормить семью. И даже в течение плохих времен, например, в 1420-1440 гг. в Париже заработная плата чернорабочих была существенно выше, чем во время мирного периода 1520-1560 гг., когда плотность населения снова приблизилась к потолку экологической емкости.

Экономическое благосостояние дворянства, наоборот, падало. Сеньоры не получали прибыли от подешевевшего зерна, потому что многие из них получали зерно из собственных поместий, и в любом случае хлеб не являлся для них существенной статьей расходов, как это было для простых людей. Поскольку заработная плата рабочих возросла, то дворяне должны были больше тратить на мануфактуру и слуг, необходимых для поддержания своего элитного статуса (альтернативой было медленное понижение в разряд простонародья). Другими словами, дворяне должны были платить более справедливую плату, чтобы поддерживать уровень жизни, к которому они привыкли.

К несчастью, доходы дворян уменьшались в то время, как их расходы росли. Даже прежде, до 1350 г., добрая половина дворян обладала доходами меньше 40 ливров, тогда как зажиточный фермер имел доход около 60 ливров (Carpentier and Le Mené 1996:464). Изучив по документам положение дворянства в 1280-1340 гг., Контамин (Contamine 1997:107) пришел к заключению, что значительное большинство дворян имело скромные или даже посредственные доходы и возможность поддерживать свой образ жизни была для них весьма проблематичной. Экономический упадок XIV в. вместе с гражданскими войнами и крестьянскими восстаниями привел к подлинной катастрофе. Все источники дворянского дохода уменьшились: арендная плата, доходы от судов, прибыль от сеньориальных прав, пошлины от ярмарок и рынков (Carpentier and Le Mené 1996:465; Bois 2000:115). Большинство сеньоров между 1350 и 1450 гг. потеряло от половины до трех четвертей своих доходов (Bois 2000:115). Таким образом, только за тридцать лет (в 1335-1364 гг.) доход Жанны Наваррской от ее владений в Шампани и Бри упал на 58% (от 23 тыс. до 10 тыс. ливров). В 1340-1400 гг. доход аббатства Сен-Дени упал на 50% в номинальном и на две трети в реальном исчислении (уменьшился от 72 тыс. до 24 тыс. сеттеров зерна). Покупательная способность доходов Жанны де Шалон в 1420 г. составляла только 15-20% от доходов, которыми обладали ее бабушка и дедушка в 1340-х гг. (Le Roy Ladurie 1987:61-64).

Мадам де Шалон, по крайней мере, удалось пережить невзгоды и передать своим наследникам какие-то остатки своих владений. Другие, менее удачливые, дворянские роды просто исчезли: погибли в сражениях, вымерли во время Чумы или разорились и спустились в низшие классы. В 1378 г. средний доход рыцаря в *châtellenie* Мелло (в *bailliage* Сенлиса, в Парижской области) составлял только 45 парижских ливров, в то время как эсквайры имели только 25 ливров (В. Guenée, цит. по: Contamine 1997:89). Мирный период в 1380-1410 гг. стал свидетелем некоторого восстановления дворянских доходов. Но с возобновлением гражданской войны и английских вторжений доходы вновь упали. Например, в 1405-1425 гг. доход кастеляна замков Лейне и Грисель в графстве Тонер упал от 500 до 238 ливров. Ранее, в 1343 г., прево Тонера сообщал о годовом доходе в 520 ливров. Этот доход упал до 182 ливров в 1405 г. и до 114 ливров в 1425 г. (Contamine 1997:110). Данные из Нормандии указывают на падение доходов наполовину в 1400-1450 гг. (Contamine 1997:111-2). Пример более резкого падения дает сеньория Сюли (в районе Орлеана), доход которой упал от 700 ливров в 1383-1384 гг. до 143 ливров в 1455 г. (Contamine 1997:113).

Падение земельных доходов не затронуло в равной степени все благородные семьи. Скорее, это падение навязало режим естественного отбора, в котором слабые и неудачливые в конечном счете погибали, в то время как сильные и удачливые выживали или даже продвигались вперед. Обедневшие дворяне, которые пытались поддержать уровень потребления, не-

обходимый для сохранения своего статуса, впадали в долги, и в конечном счете были вынуждены продавать свои земли. Таким образом, большинство *plèbe nobiliare*, дворян, которые были на грани разорения уже к 1350 г., опустилось ниже точки невозврата. С другой стороны, многие магнатские семьи в этот период скупали земли. Для *grand seigneur* было легче уменьшить потребление, не пересекая линию между дворянством и простонародьем. Кроме того, магнаты имели больше возможностей для получения выгод от королевского патронажа (даже при том, что материальный объем этого патронажа очень сократился), а земля была дешева. Другой группой, которая получала выгоды от экономической ситуации, были некоторые слои городских буржуа, особенно администраторы и юристы (по существу, эти государственные служащие были предшественниками дворянства мантии, которое влилось в правящий класс в течение последующих столетий). С другой стороны, торговцы особенно не преуспевали (если они не являлись государственными служащими); по крайней мере, это кажется справедливым для Парижской области (Fourquin 1964).

Каковы были последствия этих экономических трудностей для численности дворянства и показателей замещения? Имеются несколько региональных исследований, которые дают количественную динамику элиты средневековой Франции. Работа Лёха (Logcin 1981) по изучению завещаний, зарегистрированных в суде Лиона, приводит следующую информацию о количестве детей, оставшихся после смерти завещателя (табл. 4.5).

Таблица 4.5. Количество детей, оставшихся после смерти завещателя (Logcin 1981, цит. по: Contamine 1997:59).

<i>Период</i>	<i>Дворяне</i>	<i>Недворяне</i>	<i>Разница</i>
1300-1340	4.3	3.2	+1.1
1340-1380	3.4	2.6	+1.2
1380-1420	3.8	2.8	+1.0
1420-1460	4.2	3.5	+0.7
1460-1500	3.7	5.3	-1.6

Эти числа дают нам информацию об относительной динамике уровня замещения (чтобы вычислить абсолютный уровень замещения, мы должны были бы умножить их на долю мальчиков среди детей и принять во внимание пропорцию бездетных семей, однако в данном случае нам необходимы только относительные изменения). Эти данные указывают, что размер и благородных, и неблагородных семей уменьшился в течение XIV в., и затем увеличился в XV в. Характерно различие в замещении между благородными и неблагородными семьями. В течение XIV в. дворянские семьи имели существенно больше детей, чем простонародье, но со временем это различие уменьшалась, и даже сменило знак к концу XV в. Однако мы

должны отметить, что преимущество дворян в размере семьи существенно уменьшалось, если не аннулировалось, высоким процентом дворянских дочерей, становящихся монахинями. В первой половине XIV в. две трети дворянок в Лионе постриглись в монахини, но во второй половине XV в. таких было только 14 % (табл. 4.6). Для сравнения, в этот период религиозную карьеру выбирало только 2.4 % недворян. Очевидно, знатные семьи отправляли в монастыри «излишек» своего женского потомства, так как пропорция дочерей, становящихся монахинями, увеличивается от 15% для малочисленных семей (три ребенка или меньше) до 45% у самых многочисленных семей (семь детей или больше).

Таблица 4.6. Доля (%) детей в благородных семьях, которые становились священниками или монахами (монахинями) (Lorcin 1981, цит. по: Contamine 1997:246).

<i>Период</i>	<i>Сыновья</i>	<i>Дочери</i>
1300-1350	45	64
1350-1400	22	40
1400-1450	22	29
1450-1500	16	14

Отметим также, что очень существенная доля мужчин также выбирала религиозную карьеру.

Исследование Лёха дает представление об еще одной важной пропорции, о соотношении полов в дворянских и недворянских семьях. У простонародья отношение численности мужчин и женщин было 113:100, что и следует ожидать в доиндустриальном обществе, где существенная доля женщин умирала во время родов. Соотношение полов в дворянских семьях было иным: 85 мужчин на 100 женщин. Другими словами, дворян-мужчин было на четверть меньше, чем следовало ожидать. Отчасти это объяснялось высоким процентом женщин, постригавшихся в монахини, и, таким образом, избегавших опасности умереть при родах. Однако основной причиной, вероятно, были потери в Столетней войне. Уменьшение размера семей, высокий процент дворян и дворянок, выбирающих религиозную карьеру, и огромный мужской дефицит – эти данные, вместе взятые, предполагают, что дворянство Лиона находилось в состоянии, близком к демографическому кризису. В течение XV в. положение постепенно улучшалось, однако даже к 1500 г. показатели замещения для знатных семей продолжали отставать от аналогичных показателей для простого народа.

Менее подробные данные из других областей, как кажется, поддерживают картину, нарисованную исследованием Лёха. Например, бретонский род Турнемин де ла Инудай имел в среднем 4 ребенка на семью в XIII в., 2.75 – в XIV в. и 3.25 – в XV в. (Contamine 1997:60). Среди городских элит

наблюдалась аналогичная ситуация: данные из Перигё указывают на высокий размер семей во второй половине XIII в., уменьшение в XIV в. вплоть до минимума в XV в. и затем на увеличение к 1500 г. (табл. 4.1).

Экономические трудности, увеличение смертности из-за войн и низкие показатели замещения имели следствием уменьшение доли дворянских семей и вымирание дворянства. Хотя графство Форе (на юге центральной Франции) избежало худших эксцессов Столетней войны, доля вымерших дворянских родов в этом регионе увеличилась с 31% в течение XIII в. до 54% в XIV в. и до 55% в XV в. (Perroy 1962:31). В области Бар-сюр-Сен уровень вымирания дворянских семей в течение XIII в. составлял 58% (35 из 60), но в течение следующего столетия увеличился до 75% (15 из 20) (Contamine 1997:63). Отметим, что нельзя непосредственно сравнивать данные Форе и Бар-сюр-Сен, потому что первые касаются родов (потенциально состоявших из нескольких семей), в то время как последние обращаются к отдельным семьям (таким образом, уровень исчезновения для родов должен быть меньше, чем для семей). В долине Висби в первой четверти XV в. исчезла треть всех семей, что подразумевает уровень вымирания 80% в столетие. Это было намного выше, чем в XIV в., когда уровень вымирания был уже довольно высоким и составлял 67% (Contamine 1997:63).

Динамика социополитической неустойчивости: 1365-1450 гг.

Как отмечалось в предыдущем разделе, в 1356-1360 гг. Франция пережила полномасштабный государственный коллапс, после чего наступил период временной консолидации, когда большая часть утраченной территории была отвоевана у англичан. Однако согласие оказалось временным и начало разрушаться после смерти Карла V. Правление Карла VI (1380-1422) было отмечено вторым на протяжении Столетней войны брейкдауном. В малолетство Карла VI правление было во власти его дядей, герцогов Анжу, Берри и Бургундии, известных также как «принцы Лилий». Государственная политика была подорвана фракционной борьбой. Некоторые налоги, как *fouage*, были аннулированы, другие были сначала отменены, а затем восстановлены (*aides, gabelles*), хотя для этого пришлось подавлять антиналоговые восстания. Эрозия королевской налоговой системы сопровождалась эрозией королевских доходов, вызванных уплатой крупных сумм принцам Лилий, которые присваивали фактически все налоги, взимаемые короной в ее апанажах (Henneman 1999).

Социально-политическая ситуация развивалась аналогично событиям 1340-50-х гг. Снова огромные толпы обедневшего дворянства искали военной занятости. В конце 1386 г. от 10 тыс. до 20 тыс. дворян собрались в Леклюзе, где полным ходом шли приготовления к вторжению в Англию (это вторжение так и не состоялось) (Contamine 1997:205).

Борьба фракций внутри элиты постепенно переросла в чрезвычайно мучительную и кровавую гражданскую войну. Одна из борющихся фракций объединилась вокруг Филиппа Смелого, герцога Бургундии, который был дядей Карла VI. Противостоящая фракция возглавлялась «*Marmousets*», группой, которая включала гражданских бюрократов и военачальников, близких к предыдущему королю, Карлу V (Henneman 1996). Политическая программа герцога Бургундии предполагала использование ресурсов Франции для создания независимого княжества в Бургундии и Нидерландах. Целью *Marmousets* было уменьшение бремени налогоплательщиков путем создания ресурсов в королевской казне (Henneman 1996:141-2). *Marmousets* благосклонно относились к итальянскому проекту другого королевского дяди, Людовика Анжуйского, и его сына Людовика II, который претендовал на трон Неаполя. Другой важной персоной был брат короля Людовик Орлеанский, который постепенно становился главой фракции *Marmouset*. В обстановке растущего фракционизма знати центральное правительство было очень ослаблено наблюдавшимися у короля припадками безумия. В конечном счете французская политическая сцена оказалась во власти двух мощных фракций: одну из них возглавляли герцоги Бургундии («бургундцы»), а другую – сначала Людовик Орлеанский («орлеанисты») и затем граф Арманьяк, тесть Карла, нового герцога Орлеанского после того, как в 1407 г. был убит его отец («арманьяки»).

После убийства Людовика Орлеанского по приказу Жана Бесстрашного (сын Филиппа Смелого) Франция распалась на два вооруженных лагеря (Seward 1978:148). Бургундцы черпали свою силу из владений Жана на северо-востоке и от парижской буржуазии. Арманьяки были партией королевских чиновников и высшей знати, с опорой на юге и юго-востоке. В 1407-1414 гг. эти партии боролись за столицу и обе призывали на помощь англичан. К 1414 г. арманьяки приобрели контроль над большей частью Франции, включая Париж (Seward 1978:155), но Жан Бургундский соединился с новым английским королем, Генрихом V. В 1415 г. Генрих V вторгся во Францию и одержал большую победу в Азенкуре. Гибель 10 тыс. французских рыцарей была ужасным ударом по партии арманьяков; она полностью меняла равновесие сил в пользу бургундцев. В то время как новый коннетабль, граф Арманьяк, был осажден в Париже бургундцами, англичане, не встречая сопротивления, завоевали Нормандию (Сьюард 1978:172). В 1418 г. бургундцы овладели Парижем и убили тысячи арманьяков. Буржуа Парижский писал об арманьяках, лежавших на улицах, как зарезанные свиньи (см. выше). Дофин (будущий Карл VII) и арманьяки оставили Париж во власти бургундцев.

В 1419 г. Руан сдался Генриху V и английское завоевание Нормандии было закончено. Английские успехи приводили Жана Бесстрашного в ужас, и он попытался вступить в переговоры с дофином и арманьяками. Но арманьяки отомстили Жану, убив его на переговорах с дофином на мосту

Монтеро. Новый герцог Филипп Добрый поклялся отомстить и возвратился к английскому союзу. Вместе с бургундцами англичане наводнили северную Францию и расположились в Париже. По договору, заключенному в Труа, Генрих V женился на дочери Карла VI и был провозглашен наследником французского трона, а дофин (будущий Карл VII) был лишен наследства. В 1422 г. и Карл VI, и Генрих V умерли. Поддержанный бургундцами младенец Генрих VI Английский был признан королем на севере Франции и коронован в Париже (1436).

Положение сторонников дофина (прежние арманьяки) продолжало ухудшаться в течение 1420-х гг. В 1424 г. они проиграли сражение при Вернейле, и в 1428 г. англичане начали осаду Орлеана. Тем временем, ланкастерская Франция стала дикой местностью, разоренной английскими гарнизонами, рейдами дофинистов, бандами дезертиров и *écorcheurs*. *écorcheurs* или «свежевальщики» были наследниками *routiers* предыдущего столетия. Они получили свое имя от обычая сдирать с жертв кожу или даже свежевать живых людей (Seward 1978:194). Как отмечалось выше, в этот период население Иль-де-Франса, Нормандии и, несомненно, многих других областей уменьшились до уровня 25-30% от максимума 1300 года.

Дезинтегративная тенденция сменяется интегративной

1428-1429 гг. были низшей точкой второго французского государственного брейкдауна времен Столетней войны. Поворотный момент наступил, когда Жанна д'Арк сняла осаду Орлеана, после чего Карл VII короновался в Реймсе (1429 г.). Заключение соглашения с герцогом Бургундии (1435 г.) закончило гражданскую войну, и началась французская реконкиста. Париж был возвращен в 1436 г., Гасконь (кроме Бордо и Байонны) была отвоевана в 1442 г., Нормандия – в 1450 г., и, наконец, Бордо пал в 1453 г.

Десятилетие после 1435 г. было отмечено восстановлением французских государственных финансов (Henneman 1999:117). Косвенные налоги (*aides*) были восстановлены в 1435 г. (Лангдойль) и 1437 г. (Лангедок). В 1439 г. Штаты Лангдойля с целью регулярной оплаты войск ввели на один год прямые налоги (*taille*). Восстановление финансового и политического порядка было на короткое время прервано восстанием принцев в 1440 г., но корона продолжала собирать *талья*, не консультируясь со Штатами. В 1445 г. Карл VII создал регулярную конницу (*compagnies d'ordonnance*). К 1460 г. восстановленная финансовая система давала 1.8 млн. турецких ливров год, большей частью за счет прямых налогов, и только 50 тыс. ливров за счет королевских доменов (Henneman 1999:118). Таким образом, финансовая система, впервые опробованная в 1360-х гг., была, наконец, прочно установлена в 1440-х гг. Создание мощной финансовой системы было следствием новооткрытого чувства национального единства среди элит. Оно стало фактором, предопределившим окончание Столетней войны.

Что лежало в основе этого нового единства, и каким образом оно заменило атмосферу разногласий в начале XV века? Мы предполагаем, что сыграли роль два фактора. Первым фактором был сдвиг в социальной психологии: все устали от непрерывных внутренних и внешних войн. Около 1400 г. стремление к миру высказывалось все чаще. «*Veniat Pax*» (да будет мир!) кричала проповедь Жана Жерсо в начале XV в. (Tuchman 1978:537) Кроме того, хотя конфликт начался как гражданская война, он постепенно превращался в национально-освободительную войну против англичан (Henneman 1996).

Вторым фактором было сокращение численности дворянства, что снижало фракционализм элиты, который подпитывал гражданский конфликт. Гекатомбы, ударившие по французской знати на втором этапе Столетней войны, были сравнимыми по величине, если не большими, чем потери на первом этапе. Худшим был, несомненно, Азенкур (1415), где погибло 10 тыс. французских дворян (Contamine 1984). Среди павших было более десяти князей и графов, 120 баронов и 1500 рыцарей (Seward 1978:169). Ранее многие тысячи французских дворян принял участие в крестовом походе, чтобы освободить Венгрию от турок, и погибли в битве при Никополе (1396). Потери сторонников дофина в битве при Вернейле (1424) составляли примерно 7 тыс., хотя многие из погибших были шотландцами. Но потери в крупных сражениях были, вероятно, лишь небольшой частью общих потерь французской знати. Многие тысячи потеряли свои жизни в гражданских войнах и в мелких военных операциях против англичан. Мы уже упоминали о резне арманьяков в Париже (1418). Король Генрих V Английский (как и другие полководцы того времени) прославился зверствами, которые он регулярно совершал. Наиболее известным является убийство пленных на поле Азенкура, но были и многие другие. Например, когда король в 1421 г. взял замок Ружево, он приказал повесить весь гарнизон. Те защитники, которые бежали и были пойманы позже, были утоплены (Seward 1978:186). Когда лишившиеся поместий норманнские дворяне перешли к партизанской войне, англичане называли их «разбойниками» и вешали сразу после поимки (Seward 1978:178). Другие зверства включают резню 2 тыс. мужчин, женщин и детей в Кане (1417) и отказ Генриха позволить уйти из осажденного и голодающего Руана 12 тысячам бедняков. Он вынудил их остаться в городском рву, где большинство из них умерли от голода и холода (эти события происходили зимой) (Seward, 1978). Последние два примера относятся к простолюдинам, но они показывают, насколько черствыми стали воины, уже не различавшие простолюдинов и дворян (за исключением случаев, когда была надежда на выкуп). Результатом этого пренебрежительного отношения к жизням людей было не только общее сокращение численности населения, но и истребление дворянства. Поскольку доля дворян в населении в 1300-1450 гг. снизилась

(см. п. 4.1), то численность знати уменьшилась в большей степени, чем население в целом.

Кризисные фазы вековых циклов, как правило, характеризуются повышенной социальной мобильностью, как вверх, так и вниз. Основным фактором, стимулирующим мобильность, является растущее экономическое неравенство. В условиях перенаселенности разоряется большое число крестьян, и лишь немногие становятся более богатыми. Эти семьи желают перевести свои экономические успехи в социальный статус. Подобным образом в условиях перепроизводства элиты большинство аристократов теряют позиции и сталкиваются с перспективой нисходящей мобильности, однако немногие накапливают собственность и пытаются продвинуться в среду магнатов. Спрос на восходящую социальную мобильность в кризисной фазе дает возможность правителям поощрять своих сторонников, не прибегая к денежным вознаграждениям. В результате мы видим многочисленные свидетельства восходящей социальной мобильности. В средневековой Франции мы можем количественно оценить этот процесс, наблюдая, как число пожалований дворянства менялось от царствования к царствованию (Contamine 1997:67-68). Как видно из рис. 4.6 продвижение разночинцев в ряды дворянства значительно ускорилось в начале XIV в. и достигло максимума во второй его половине. Однако в XV в. темпы облагораживания отказались гораздо ниже, что свидетельствует о значительном снижении восходящей социальной мобильности. Поскольку нисходящая мобильность в течение этого периода сохранялась, то результатом было существенное снижение численности элиты.

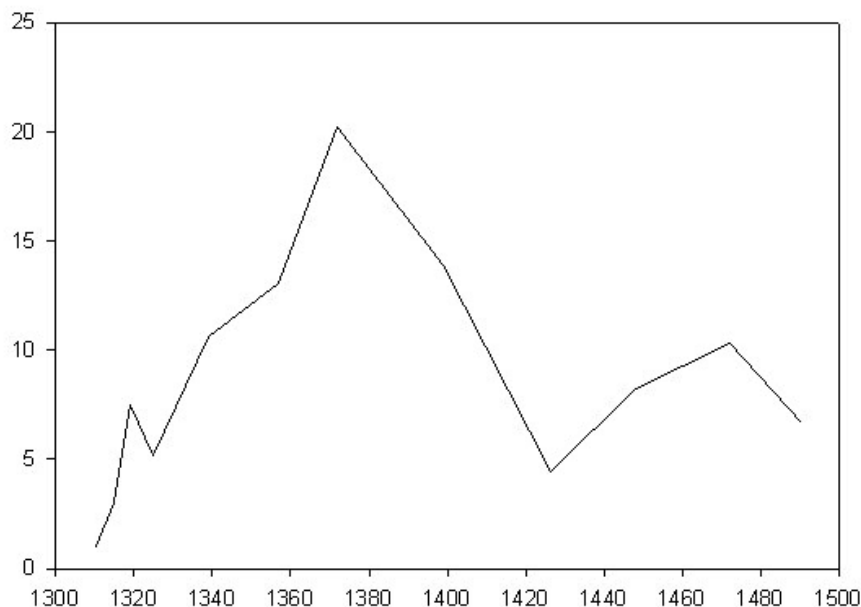

Рисунок 4.6. Восходящая социальная мобильность во Франции в 1300-1500 гг. Количество королевских грамот о даровании дворянства (Contamine 1997).

В предыдущих разделах мы привели многочисленные данные об увеличении темпов вымирания дворянских семей в XIV–XV вв. по сравнению с предыдущим периодом. При сокращении вертикальной мобильности (рис. 4.6) она перестала компенсировать потери старых семей, и старое дворянство численно сократилось. Тем не менее, вывод о том, что старые элиты были оптом заменены на новые, недавно облагородившиеся элиты, был бы слишком поспешным. Многие из недавно облагородившихся родов не смогли утвердиться и вымерли. Некоторые из старых благородных родов утратили свои позиции и исчезли, но другие сохранились и даже смогли увеличить свои владения. Этот процесс можно проиллюстрировать ситуацией в Солёне (в графстве Блуа). В Солёне имелось девять феодальных владений, обладающих правом высшего суда. Пять из этих владений остались в руках старого дворянства. Из остальных четырех владений одно было конфисковано герцогом Орлеанским за долги, одно было продано другому старинному дворянскому роду и последние два были приобретены семьей д'Ито, получившей дворянство в конце XIV в. Таким образом, общее количество старых дворянских семей значительно сократилось, но только одна недворянская семья сумела воспользоваться этой ситуацией (Guégin 1960). Аналогичным образом, исследование Мориса Берта (Berthe 1976) показало, что в графстве Бигё в 1313 г. было 40 ленов, но в 1429 г. осталось только 18. 12 ленов исчезли вместе с деревнями, от которых зависело их существование, а 10 были приобретены шестью из сохранившихся восемнадцати сеньоров (цит. по: Major 1981:23). Приведем еще один пример из исследования Эдуарда Баратье (Baratier 1971). В 1377 г. пять деревень в Провансе принадлежали 38 дворянам, из которых 17 не жили, как дворяне (вероятно, потому что они не могли себе это позволить). В 1427-1431 гг. число дворян сократилось до 22. В 1458 г. оставалось только 6 дворян, но к 1474 г. их число возросло до 12 (Major 1993:70). Общее число элитных семей сократилось, но уцелевшие стали сильнее.

4.6. Заключение: «Почти идеальный многовековой цикл»

Цитата в заголовке этого пункта, конечно, взята у Фернана Броделя (Braudel 1988:131). Однако принятая нами дата начала цикла отличается от броделевской – есть основания полагать, что период 950-1150 гг. был отдельным вековым циклом в Западной Европе. Но если мы сосредоточимся на истории Франции 1150-1450 годов, то, действительно, данные рассмотренные в этой главе, показывают почти идеальный пример векового цикла.

Все основные переменные вели себя в этот период так, как постулирует демографически-структурная теория. Население, цены и другие экономические переменные, для которых у нас есть данные, прошли через одно колебание с большой амплитудой. Например, разница между минимумом и максимумом населения была двукратной (а в некоторых регионах, напри-

мер в Нормандии и Иль-де-Франс – трехкратной или даже четырехкратной).

Социальная структура также изменялась соответственно теоретическим предсказаниям. Следует отметить, что оценки Контамина (Contamine 1997), который утверждает, что дворянство около 1300 г. составляло 1.8% от общей численности населения (и 1.5% в XV в.) являются чрезмерно консервативными. Средняя по 11 регионам, для которых Контамин нашел данные о пропорции дворян и простолюдинов, составляет 2.4%. Кроме того, после голода и эпидемий в первой половине XIV в. доля дворянства должна была еще более увеличиться вследствие различной смертности в разных сословиях. Иными словами, снижение доли элиты в населении между 1350 и 1450 гг. было, вероятно, более значительным, чем предлагает Контамин. Экстремальный характер перепроизводства элиты во Франции XIV века наглядно иллюстрируют десятки тысяч «лишних дворян» которые искали военной занятости, но находили смерть или плен на полях Креси и Пуатье.

Государственный потенциал следовал за вековым циклом: от геополитических успехов в XII-XIII вв. к постоянным финансовым проблемам и территориальным потерям Столетней войны, которые были компенсированы только после 1450 г. Падение, а затем рост политической нестабильности наглядно иллюстрируется временным распределением монетных кладов.

Можно выделить две основные причины практически точного соответствия между эмпирическими данными и теоретическими предсказаниями модели. Во-первых, медленное развитие технологии (и особенно сельскохозяйственной техники) в течение рассматриваемого периода. Таким образом, представляется, что экологическая емкость Франции почти не изменился между 1150 и 1450 гг. (в отличие от следующего периода). Во-вторых, в течение большей части периода Франция была гегемоном в Западной Европе (Tuchman 1978; Sumption 1991). Таким образом, ее динамика определялась в первую очередь эндогенными, а не экзогенными силами. Единственным крупным исключением является приход Черной Смерти из степей Евразии в 1348 г. Но эпидемия чумы пришла уже после того, как население начало уменьшаться, и, таким образом, она ускорила и углубила начавшийся спад, а не сдвинула эндогенный процесс на совершенно другую траекторию.

Глава 5. Франция в начале Нового времени: цикл Валуа (1450-1660 гг.)

5.1. Краткий обзор цикла

В начале Нового времени Франция прошла через два вековых цикла: цикл Валуа и цикл Бурбонов (мы называем цикл по династии, правившей во время соответствующей интегративной фазы). В этой главе мы проанализируем демографические, экономические и социальные тенденции цикла Валуа (мы не рассматриваем в этой книге цикл Бурбонов, так как его динамика, особенно на поздних фазах, была деформирована промышленной революцией).

Как отмечалось в предыдущей главе, окончание Столетней войны положило начало вековой интегративной тенденции во Франции. Фаза расширения длилась примерно до 1520 г., а фаза стагфляции – с 1520 г. по 1570 г. За кризисом религиозных войн последовала депрессия, а затем другой кризис во времена Фронды. Таким образом, в период 1570-1660 гг. преобладала дезинтегративная тенденция. Цикл закончился, когда Людовик XIV, «король-солнце», взял на себя личное управление правительством, отметив этим событием начало фазы расширения следующего векового цикла.

Население и экономика

Динамика численности населения изображена на рис. 4.1a (в предыдущей главе). Как обычно, фаза расширения была периодом устойчивого роста населения. Во время дезинтегративной фазы сокращение населения чередовалось с краткосрочными периодами роста (эта динамика будет обсуждаться более подробно в п. 5.6). Цены (рис. 4.1b в предыдущей главе) в целом также вели себя в соответствии с фазами цикла: большой рост цен («революция цен» XVI в.) сменился дефляцией в течение XVII в. Реальная заработная плата была зеркальным отражением цен (рис. 5.1). В XVI в. реальная заработная плата буквально рухнула до одной пятой от уровня «золотого века» конца XV столетия. XVII в. был отмечен некоторым увеличением оплаты труда (с важными колебаниями, которые будут обсуждаться позже), но рабочий класс так и восстановил свою экономическую базу: да-

же в конце XVII в. реальная заработная плата составляла менее половины от уровня двухвековой давности.

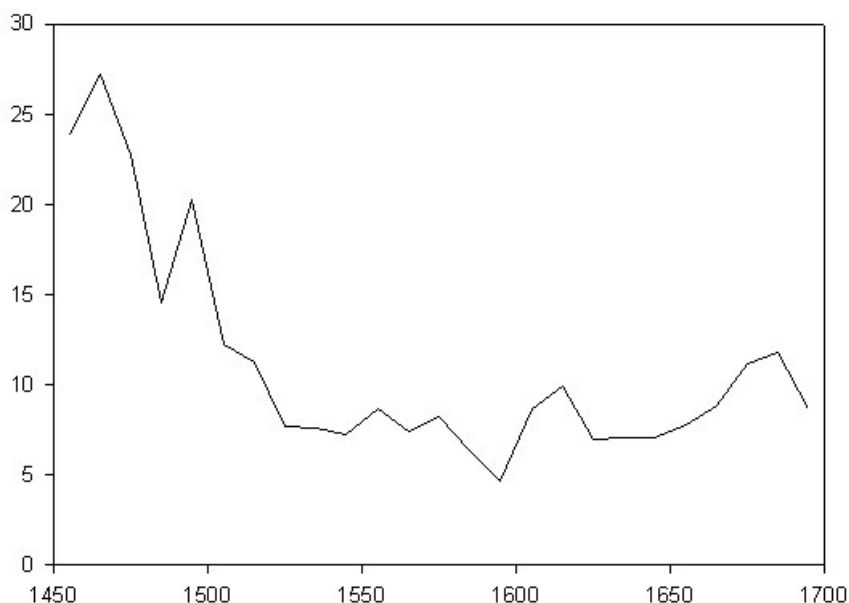

Рисунок 5.1. Реальная заработная плата в Франции в 1450-1700 гг. (в кг зерна в день). Реальная заработная плата рассчитывается на основе средней заработной платы рабочих и ремесленников в Париже (Allen 2001) и цен на пшеницу (Abel 1980).

Социальная структура

Социальная структура Франции около 1500 г. почти не отличалась от структуры средневекового периода. Сельское население жило в 30 тыс. деревень (приходов). На вершине сельской иерархии стоял сеньор, как правило (но не всегда) дворянского происхождения (Knecht 2001:8). По оценке Контамина (Contamine 1997:56), доля дворян среди всего населения составляла 1.5%. В 40 тыс. благородных семьях было приблизительно 200 тыс. дворян. Таким образом, во многих приходах имелось более одной дворянской семьи. Дворяне были особенно многочисленны в Бретани, где на некоторые деревни приходилось более 10 дворян (Contamine 1997:54).

Ниже сеньоров в социальной иерархии находились «фермеры» (*Fermier*). Это были зажиточные крестьяне, имевшие 30 и более гектаров земли (Knecht 2001:9). Большие держания, которые фермеры обрабатывали часто с использованием наемного труда, позволяли им вести комфортабельный, если не показной образ жизни (Le Roy Ladurie 1987:181), и давали излишек, который позволял прикупить больше земли или заняться торговлей зерном и скотом. Фермеры часто выступали в качестве посредников между сеньором и остальными крестьянами (Knecht 2001:9).

Первое сословие в деревне было представлено приходским священником. Численность белого духовенства составляла примерно 100 тыс., в том числе 30 тыс. приходских священников. Имелось также около 100 епископов и несколько сот аббатов (Knecht 2001:9).

У городского общества была своя собственная иерархия. Городскую элиту составляли богатые купцы и государственные служащие. На более низких ступенях находились ремесленники, мелкие торговцы, квалифицированные рабочие и чернорабочие.

Государство

Имеются определенные трудности при построении временного ряда данных о королевских доходах в XVI-XVII вв. – прежде всего потому, что числа, представленные различными органами власти, часто противоречат друг другу. Рис. 5.2 показывает три вида королевского налогообложения в течение цикла Валуа: (1) общая сумма налогов, рассчитанная Броделем и Лабруссом (Braudel and Labrousse 1977:979) для ряда лет с 1453 до 1683 г. (исходные данные: Chaunu), (2) недавняя компиляция общих доходов в 1515-1788 гг., составленная Кайзером и Линтоном (Kiser and Linton 2001) и (3) данные о талье (земельном налоге), приведенные Боннеем (Bonney 1999). В последних двух случаях годовые данные для удобства были переведены в десятилетние средние. Все наборы данных выражаются в одних и тех же единицах (в млн. гектолитров пшеницы).

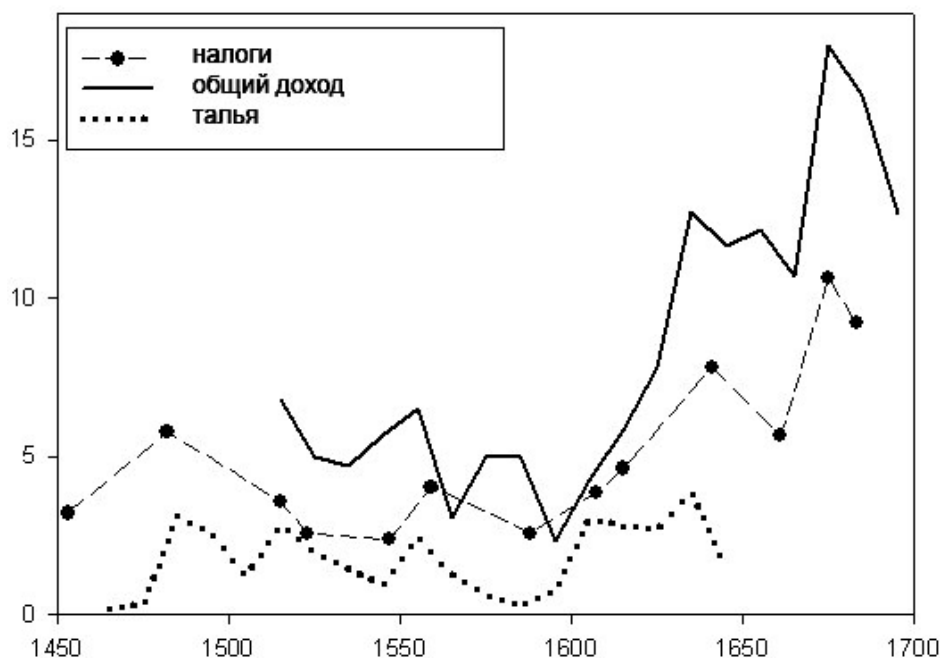

Рисунок 5.2. Королевские доходы во Франции в 1450-1700 гг. в млн. гектолитров пшеницы. (Braudel and Labrousse 1977:979; Kiser and Linton 2001; Bonney 1999).

Хотя они и расходятся в деталях, общая картина довольно последовательна. Эти данные позволяют предположить, что во второй половине XV в. реальные доходы выросли в связи с увеличением базы налогоплательщиков в результате роста населения и территориальных завоеваний. В течение XVI в. государственные доходы стагнировали, а затем уменьшились в реальном исчислении, достигнув минимума во время религиозных войн. После смены династии Бурбоны смогли восстановить королевские финансы (если не считать финансовый крах во время Фронды), а затем, при Людовике XIV, поступления превысили максимальный уровень, достигнутый когда-либо в прошлом.

Так как в настоящее время отсутствуют обзорные работы о французских монетных кладах для периода после 1385 г., то для анализа социополитической нестабильности мы используем индекс, разработанный Сорокиным (Sorokin 1937). На рис. 5.3 мы построили индекс Сорокина для периода 1150-1700 гг., что дает нам синоптическое представление двух вековых циклов. В первых двух периодах внутренних войн, около 1200 и 1400 гг. соответственно, максимумы индекса Сорокина совпадают с максимумами монетных кладов (ср. рис 4.2) – это увеличивает нашу уверенность в том, что две меры социополитической нестабильности отражают реальные исторические процессы. Третий период внутренних войн характеризуется двойным максимумом, соответствующим религиозным войнам и Фронде. Территориальное расширение обычно происходит в периоды внутренней стабильности и национальной консолидации (рис. 4.1с). Внутренняя стабильность в 1450-1550 гг. привела к удвоению территории Франции, но затем наступила стагнация до начала следующего цикла, когда при Людовике XIV начался другой период территориальной экспансии.

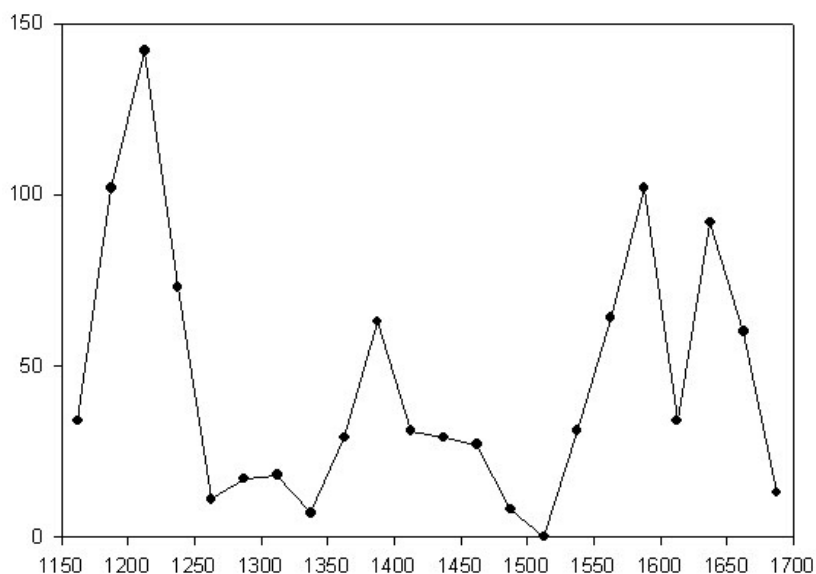

Рисунок 5.3. Индекс нестабильности Сорокина для Франции в 1150-1700 гг.

На этом мы завершаем обзор основных тенденций цикла Валуа. Перейдем теперь к более подробному обсуждению фаз цикла.

5.2. Фаза расширения: 1450-1520 гг.

Демографическая динамика

Период 1450-1520 гг. был очень благоприятным для роста населения. Главным благоприятным фактором стало изгнание англичан из Франции и окончание Столетней войны (1453 г.). Другая важная угроза для внутренней стабильности исчезла, когда бургундское государство распалось в результате поражения и гибели Карла Смелого в сражении со швейцарцами при Нанси (1477 г.). Хотя эпидемии чумы в этот период продолжались, они были значительно менее интенсивными, чем в XIV и XVII вв. За счет освоения ранее заброшенных земель существенно увеличилось сельскохозяйственное производство, и до 1520 г. голод был редким событием (Le Roy Ладури 1987:11-12). Тенденцию в общем объеме сельскохозяйственного производства можно проследить, изучая поступления десятины (Le Roy Ladurie 1987:45-46). Самая низкая точка сельскохозяйственного производства в Парижском бассейне пришлась на 1440 г., а в 1450-1500 гг. производство зерновых возросло почти вдвое. На юге минимум наблюдался раньше, между 1400 и 1430 гг., и производство зерновых к концу XV в. увеличилось вдвое или даже более чем в два раза. Вполне вероятно, что в целом производство продовольствия в 1500 г. было в два раза больше, чем в начале XV в. Прирост населения в этот период был гораздо более скромным (трудно дать количественную оценку, но не более чем на 50%). Иными словами, поставки продовольствия на душу населения, и, как следствие, уровень жизни весьма существенно выросли.

Еще одним показателем высокого уровня жизни в XV в. является реальная заработная плата. В 1490-х годах парижских рабочих мог купить на дневную заработную плату 16 кг зерна – в четыре раза больше, чем столетием позже. В 1467-1472 гг. жнецы в Пуату должны были работать пять дней, чтобы заработать на 1 гектолитр пшеницы – в 1578 г. они должны были работать 14 дней, чтобы получить то же самое. Вообще говоря, в течение XVI в. заработная плата потеряла более двух третей своей покупательной способности (рис. 5.3), и уровень реальной заработной платы XV в. не был достигнут до конца XIX в.

В результате относительного процветания к концу XV в. общая смертность упала до сравнительно низкого уровня, и навязчивая идея о смерти, столь распространенная в предшествующие столетия, перестала занимать культурные высоты (Le Roy Ладури 1987:11). Энергия демографической экспансии проявилась во вторичном заселении сельской местности и в миграциях на отвоеванные у англичан территории. Например, начиная с

правления Людовика XI, многие запустевшие деревни в долине Жиронды заселялись колонистами из Лангедока и из северной Франции (Le Roy Ладури 1987:11).

Динамика элиты

В этот период началось восстановление дворянских состояний (Carpentier and Le Mené 1996: graph. 29). Динамика доходов одного дворянского рода, сеньоров дю Плесси-Грэмуа в Анжу, показывает, что худшим периодом были 1420-х гг. Тенденция к росту доходов становится очевидной после 1460 г., и к 1500 г. они достигают уровня 1300 г. (в номинальном выражении). Восстановление доходов дворянств к 1500 г., вероятно, является общим правилом. Например, доход сеньории де Краон увеличился с менее чем 1000 ливров в 1396 г. до 1700 ливров к 1500 г. Доход поместья Сан-Форжу в середине XV в. составлял около 100 ливров, а к 1484 г. он увеличился до 500 ливров (Carpentier and Le Mené 1996:468). Подобная динамика засвидетельствована также для нескольких сеньорий в Нормандии (Bois 1984:257, Dewald 1987) и для владения де Тремуля (Weary 1977: D1007).

Государство

Гражданская война закончилась в 1435 г. примирением партии дофина с бургундцами – но имели место два афтершока. В 1440 г. при поддержке со стороны дофина (будущего Людовика XI) начался мятеж знати против короля Карла VII. Затем в 1465 г. против Людовика XI выступила Лига общественного блага в составе герцогов Алансонского, Бургундского, Бурбонского и Лотарингского, опять же при поддержке дофина (будущего Карла VIII). После этого последнего мятежа Франция не видела выступлений элиты в течение целого столетия. Основные области Франции были избавлены от военных действий с 1453 г. до начала религиозных войн в 1562 г. (Knecht 2001:3).

Увеличение экономической и социально-политической мощи Франции было быстро использовано правящей элитой для территориальной экспансии. Государственная территория увеличилась сначала завоеванием занятых англичанами земель, а затем присоединением в к короне уделов, предоставленных ранее принцам из дома Валуа. В 1477 г. Карл Смелый Бургундский погиб в битве при Нанси, не оставив мужского потомства. Людовик XI присоединил к коронным землям Бургундское герцогство, а затем занял графство Бургундия (Франш-Конте). По пресечении дома Анжу в 1480 г. Анжу, Бар, Мэн и Прованс вернулись к французской короне. Другими, более мелкими примерами территориальной экспансии были приобретение Сердане и Руссильона (1462 г.) и выкуп городов на Сомме (1463

г.). Последнее большое герцогство, которое было все еще независимо от короны, Бретань, было присоединено к Франции, когда Карл VIII женился на Энн Бретонской в 1491 г. В 1495 г. Карл VIII начал серию итальянских кампаний, которые в итоге вылились в длительную борьбу за европейскую гегемонию между Валуа и Габсбургами. Территориальная экспансия Франции в XV в. была поразительной. Территория, контролируемая французскими королями, увеличилась с 0.29 млн. кв. км в 1430 г. до 0.5 млн. кв. км в 1510 г. Увеличение территории и рост населения расширили налоговую базу королевства. Между 1453 и 1515 гг. государственные доходы возросли втрое, с 1.8 до 5.5 млн. турецких ливров (Braudel and Labrousse 1977:979).

5.3. Фаза стагфляции: 1520-1570 гг.

Население и экономика

В период 1430-1560 гг. население Франции увеличилось вдвое (Dupâquier et al.. 1988b), достигнув 20 млн. человек, или примерно того же уровня, что и в 1300 г. Однако в конце XVI в. демографическая динамика изменилась: короткие периоды роста чередовались со спадами, что привело к стагнации численности населения. Причина прекращения роста ясна: демографический рост опередил способность тогдашней агрикультуры прокормить население. Как отмечалась в предыдущем разделе, в период после 1450 г. производство зерновых быстро расширялось. В 1450-1505 гг. прирост производства значительно опережал прирост населения. После краткого переходного периода (1505-1520 гг.), производство зерновых продолжало расти (до 1560 г.), но более медленными темпами, так как стали сказываться ограничения в количестве доступных земель (Le Roy Ladurie 1987:121). Теперь рост населения опережал рост производства, и около 1560 г. население приблизилось к верхнему пределу численности, который мог быть поддержан сельскохозяйственной технологией XVI в.

Это число (20 млн. жителей Франции) имеет особое значение в свете того, что мы знаем о производительности средневекового сельского хозяйства. «При норме душевого потребления в 210-240 кг зерновых в год (эта норма учитывает детей, которые едят меньше, чем взрослые), учитывая зерно, необходимое для посева и для прокорма скота, 20 млн. жителей Франции в 1550-1720 гг. должны были потреблять 60 млн. квинталов хлеба» (Le Roy Ladurie 1987:231). Поскольку годовой урожай зерновых собирали на площади около 10 млн. га (Le Roy Ladurie 1987:240), то средняя урожайность, вытекающая из этих чисел, составляет 600 кг/га или 8 гл/га. Последнее число соответствует среднему между обычной урожайностью на юге (5 гл/га) и на севере (10 гл/га), принимая во внимание агросистемы, сложившейся в каждом регионе (Le Roy Ladurie 1987:176).

На севере Франции максимум зернового производства был достигнут около 1560 г. В других местах имелись важные региональные различия. На юге пик производства был достигнут, по-видимому, в течение 1540-х гг. Этот максимальный уровень не был превзойден и столетие спустя, в 1649-1678 гг. Напротив, в Эльзасе наибольшие урожаи имели место в 1600-1630 гг., перед Тридцатилетней войной (Le Roy Ladurie 1987:120). Эти региональные различия будут рассматриваться ниже в связи с вопросом о времени, когда началось уменьшение населения в разных областях Франции.

Рост численности населения оказывал непосредственное влияние на отношение крестьяне/земля. В период депопуляции XV в. примерно половина учтенных в кадастрах крестьянских дворов имела наделы не менее 10 га. К 1550 г. большинство из этих относительно крупных держаний исчезли, некоторые в результате семейных разделов, другие были куплены знатью и городской буржуазией (Le Roy Ladurie 1987:56). В Парижской области дробление наделов достигло наивысшей степени, и на держание приходилось в среднем только 1.3 га (Jacquart, цит. по: Le Roy Ladurie 1987:162)

Рост населения вызвал общее повышение земельной ренты, хотя имелись важные географические вариации в сроках повышения арендной платы. Начнем с того, что арендная плата в XV в. была очень низкой. В 1448 г. в селе Верзе (Суассон) рента составляла лишь 0.5 гектолитра зерна с га. К 1511 г. она выросла до 2 гл/га (Le Roy Ladurie 1987:177). В 1500-1560 гг. арендная плата оставалась на стабильном уровне около 1.5 гл/га на юге Франции и 2.5 гл/га в Парижской области и в Суассоне. Во время религиозных войн рента несколько снизилась, но в XVII в. снова начала расти. В 1650-1670 гг. она поднялась до 3 гл/га в Лангедоке и до 5 гл/га в Парижской области, что составляло почти половину урожая, принимая во внимание различия в урожайности и системах земледелия (Le Roy Ladurie 1987:177).

В других регионах, таких, как Иль-де-Франс и Пуату, повышение арендной платы произошло уже к 1560 г. Например, издольщики в Пуату в XVI в. отдавали арендодателю половину своего урожая (по сравнению с одной четвертью или одной третью в предыдущем столетии). Эти жесткие условия испольной аренды были смягчены лишь после 1650 г. (Le Roy Ladurie 1987:177-178).

Цены на землю так же росли. В 1550-х гг. гектар пашни близ Парижа стоил 63 ливра. Два десятилетия спустя цена увеличилась до 150 ливров за га (Le Roy Ladurie 1987:239-240).

Динамика реальной заработной платы была типичной для фазы стагфляции. Средняя реальная заработная плата парижских строительных рабочих упала с 25 ± 2 кг пшеницы в день в мирные периоды XV в. до 7-8 кг во второй половине XVI в. и до менее 5 кг в катастрофическое десятилетие 1590-1599 гг. (рис. 5.1). Заработная плата сельскохозяйственных рабочих

также резко снизилась. Реальная заработная плата виноградарей в 1495-1560 гг. уменьшилась на $\frac{2}{3}$ или даже на $\frac{3}{4}$. С другой стороны, такие категории работников как сенокосцы, за тот же период потеряли только 30% реальной зарплаты (Le Roy Ladurie 1987:185-186). Падение реальной заработной платы затронуло не только чернорабочих. В 1480 г. управляющий крупной фермы недалеко от Нарбона получал зарплату, эквивалентную 31 гектолитру пшеницы, а в 1590 г. зарплата его преемника составляла всего 17.2 гектолитров (Le Roy Ladurie 1987:69).

Прослойкой, которая относительно преуспевала во время фазы стагфляции (или, по крайней мере, не теряла свои позиции) были фермеры, существенно выигравшие от положения посредников между сеньорами и крестьянами. Фермеры использовали в своих интересах экономическую конъюнктуру: рост цен на зерно, стагнацию натуральной или денежной арендной платы, и быстрое снижение заработной платы (Le Roy Ladurie 1987:181-184). В результате в XVI в. (и в отличие от следующего столетия) фермеры смогли сохранить свое положение и даже стремились продвигаться на более высокие места социальной иерархии.

Динамика элиты

В то время как фаза стагфляции была свидетелем прогрессирующего ухудшения экономического положения простых людей, для элит экономической конъюнктура была благоприятной. Это привело к существенным переменам в экономическом положении сословий. Во-первых, растущее неравенство среди простолюдинов означало, что, хотя большинство из них погружается в нищету, меньшинство чувствует себя неплохо и обогащается. Эти зажиточные простолюдины (фермеры и разбогатевшие торговцы), естественно, стремились конвертировать свои богатства в социальный статус. Многие из таких элитных претендентов добивались успеха, обеспечивая устойчивый приток в ряды дворянства.

Во-вторых, при благоприятных экономических условиях многие знатные семьи оставляли существенную долю наследства своим младшим сыновьям. Такая практика приводила к дроблению состояний и к умножению численности дворянства. Например, один из самых богатых французских магнатов, Франсуа де ла Тремуль (1502-1542) должен был обеспечить своих пятерых сыновей и приданое для двух дочерей. Это разделение недвижимости и последующие религиозные войны привели к падению доходов семьи от 600 кг серебра в 1530 г. до 430 кг в 1619 г. (Weary 1977; Major 1981). Другим примером является семья Рошероль в Нормандии, которая в 1570 г. разделила свои имения между четверью сыновьями. Баронство Пон-Сен-Пьер перешло к старшему сыну, а другие три сына также получили существенную часть наследства (Dewald 1987:163). Эти два примера, конечно, не более чем неподтвержденная информация, но данные о дво-

рянских семьях региона Байе в 1463-1666 гг. обеспечивают этой информации прочную количественную поддержку (Wood 1980). В течение большей части этого периода численность старого дворянства (семьи, которые были облагорожены до 1463 г.) сокращалась (см. табл. 5.2).

Вследствие высокой восходящей мобильности и дробления состояний в XVI в. численность дворянства резко возросла. Например, количество *кавалеров* (рыцарей), в течение XV в. возросло в два раза, с 1000 до более чем 2000 (Orlea 1980:59). Но верхний слой элиты (*pairs laïques* – пэры) расширялся еще быстрее: число пэров увеличилось с 12 в 1505 г. до 36 в 1588 г. (Labatut 1972) Неизбежным результатом этого увеличения была активизация внутриэлитной конкуренции за высокий статус и богатство. Одним из способов измерения степени социального давления на элиты является частота внутриэлитного насилия, которое в этот период приняло форму дуэлей (см. также гл. 3). В XV в. и в начале XVI в. дуэли во Франции почти исчезли (Harding 1978:77). При Франциске I и Генрихе II с королевской санкции состоялось несколько судебных поединков. Однако после 1560 г. несанкционированные дуэли в защиту личной чести стали настолько распространенными, что Ла Ну полагает, что на дуэлях погибало дворян больше, чем в бою. Эстуаль считал, что от 7 до 8 тыс. дворян были убиты на дуэлях в течение двух десятилетий после 1588 г. (Harding 1978:77, 253). Утверждают, что Генрих IV помиловал более 6 тыс. дворян, совершивших убийство в поединках в течение первых десяти лет XVII в. (Stone 1965:246). Время дуэлей подошло к концу лишь век спустя, в правление Людовика XIV (Collins 1995:85).

Еще одним признаком назревавшего демографически-структурного кризиса стал рост конкуренции элитных фракций за покровительство короны. Хорошо известна борьба фракций Монморанси и Гизов за контроль над патронажем королевского двора. После смерти Генриха II, во время краткого правления Франциска II фракции Гизов удалось практически монополизировать королевское покровительство в своих руках (Harding 1978:35). После смерти Франциска II отстранение Гизов позволило Екатерине Медичи восстановить контроль над королевским патронажем, но это было достигнуто за счет отчуждения значительной части французской элиты.

Элита и государство

В то время, как расширяющаяся элита оказывала увеличивающееся давление на государственные финансы, способность государства собирать налоги (в реальном исчислении) уменьшалась (рис. 5.2). Финансовый кризис государства было важнейшей предпосылкой политического кризиса религиозных войн. В 1559 г. Генрих II подписал мир с Испанией в Като-Камбрези. Прекращение долгой войны между Габсбургами и Валуа озна-

чало, что «сотни молодых дворян были вынуждены вернуться в поместья, где семейные ресурсы были зачастую недостаточными, чтобы содержать их» (Bitton 1969). Кроме того, финансовое положение короны лишило ее возможности продолжать патронаж в прежних масштабах (Briggs 1998:15). Кардинал Лотарингский, страдая от навязчивых просителей, дошел до угрозы повесить следующего человека, который попросит пенсию (Briggs 1998:15). Сокращение щедрости государства затрагивало даже таких магнатов, как королевские губернаторы провинций. (Harding 1978:47). Губернаторы южных и западных провинций сообщали о том, что они не могли рассчитывать на лояльность своих подчиненных, которые были склонны принять новую религию. «Когда эра тайных молелен закончилась, служба в качестве “защитников” кальвинистской общины представлялась для дворян альтернативой королевской службе, и пасторы, по-видимому, прибегали к прямому подкупу» (Harding 1978:49).

Монополизация королевского патронажа Гизами порождала негодование у тех, кто не входил в их фракцию (Briggs 1998:15). «Метеж в Амбуаз» (1560 г.) был заговором протестантских дворян против Гизов. Большинство заговорщиков были мелкими дворянами из старых родов (Salmon 1976:124).

Поскольку финансовый кризис углублялся, то войскам не выплачивали жалованье и в конечном счете государство потеряло контроль над армией. Письма того времени (цит. по: Harding 1978:49-50) дают прекрасную иллюстрацию действия демографически-структурного механизма государственного коллапса (Goldstone 1991). В 1561 г. один офицер сообщал из Бретани, что его неоплаченные солдаты «уезжают, чтобы заняться грабежом... В конце концов, я останусь совершенно один. Очень многие люди из моей роты... не боятся меня и не повинуются». Через год другой офицер рассказывал, что его солдаты, которым не платили целый год, «съели гарнизонных лошадей, а затем разошлись по своим домам без гроша». В том же году третий безденежный офицер распустил своих провансальских новобранцев, которые нападали на кальвинистов «на всем протяжении области», убивая одних и требуя выкуп с других.

С началом гражданской войны в 1562 г. королевские финансы полностью развалилась. Такие отчаянные меры, как залог королевских драгоценностей (Bonney 1999) и продажа церковной собственности, которая принесла более 13 млн. ливров (Le Roy Ladurie 1994:240) были недостаточными, чтобы компенсировать военные расходы. Результатом был растущий государственный долг, который к 1595 г. достиг 296 млн. ливров (Bonney 1999). Генрих IV сумел избавиться от почти всех старых долгов, но затем долги снова выросли и во время кризиса Фронды достигли 700 млн. ливров в 1661 году (Briggs, 1998).

5.4. Кризис: 1570-1600 гг.

К концу фазы стагнации население Франции восстановилось примерно до того уровня, который был зафиксирован перед крахом XIV в. В конце XVI в. рост населения прекратился. В целом население Франции стагнировало, и в 1720 г. оно было почти таким же, что и в 1560 г. (Le Roy Ladurie 1987:232). Это не значит, что численность населения находилась в равновесии: имели место несколько временных флуктуаций, и в различных регионах кривые населения описывали разнонаправленные траектории. Здесь мы сосредоточимся на временных флуктуациях, а региональные различия будут рассмотрены в следующем разделе.

Ле Руа Ладури выделяет три типа временных флуктуаций: (1) те, которые происходят на временной шкале столетий (это то, что мы называем вековыми циклами), (2) на временной шкале десятилетий (которые мы называем циклами поколений), и (3) на годовом масштабе времени. В период 1560-1720 гг. имели место три колебания второго типа (Le Roy Ladurie 1987:233). (1) За сокращением численности населения в период религиозных войн последовал некоторый рост во время правления Генриха IV и в начале правления Людовика XIII. (2) Сокращение во время Тридцатилетней войны и Фронды сменилось восстановлением при Фуке и Кольбере. (3) Сокращение населения во второй половине царствования Людовика XIV сменилось устойчивым ростом при двух его преемниках, когда численность населения, наконец, прорвалась через средневековый потолок в 20 млн. (см. рис. 4.1а).

Непосредственный механизм сокращения популяции включал три бедствия: чуму, голод и войны. Измеренная числом пострадавших от чумы общин (Biraben 1975) частота эпидемий постепенно увеличивалась в течение XV и XVI вв. (рис. 5.4). В этот период чума впервые достигла уровня пандемии в разгар религиозных войн (в 1580 г.), а затем еще раз на пике Тридцатилетней войны (в 1620-30-х гг.). В 1583 г. чума погубила треть жителей города Анжера (Le Roy Ladurie 1987:270). В других районах Анжу многие приходы потеряли от четверти до трети жителей. В XVII в. Анжу страдал от вспышек чумы в 1626-1627, 1631-1632 и 1639 гг. Передвижения войск распространили чуму по всему королевству, и она затронула Центральный массив, Аквитанию, Армориканский массив и Парижскую область (Le Roy Ladurie 1987:270)

Голод был широко распространенным в этот период, он достиг наибольших масштабов во времена нехватки продовольствия, связанной с деятельностью Лиги в 1590-х гг., в кризисные 1630, 1649, 1652, 1661, 1694 гг. и особенно – зимой 1709 г. (Le Roy Ladurie 1987: 272). Непосредственной причиной этих кризисов были периоды очень холодной или очень влажной зимы и непривычно влажного лета. Например, голодовки 1630 и 1661 гг. произошли в мирное время и были полностью следствием плохой

погоды. Однако такие кризисы вызывали лишь очень кратковременные флуктуации численности населения, которые Ле Руа Ладури считает колебаниями третьего типа. «Эти колебания временно нарушали, но на самом деле не изменяли на длительное время соотношение населения и запасов продовольствия» (Le Roy Ladurie 1987:276). Голод в 1590 и 1649-1652 гг. оказал гораздо более длительное воздействие на население, и в этих двух случаях погода играла второстепенную роль. Урожай тогда погубил не дождь, а гражданская война (Le Roy Ladurie 1987:273).

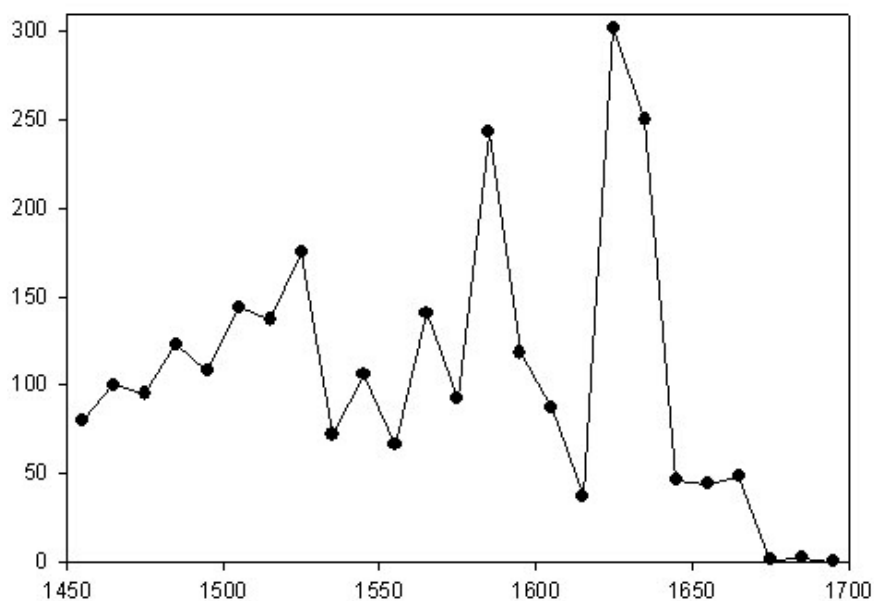

Рисунок 5.4. Заболеваемость чумой во Франции в 1450-1700 гг. (Biraben 1975).

Мы должны уточнить этот аргумент, отметив, что он касается первых двух случаев сокращения численности населения, которые имели место до 1660-х гг. Третий спад, в течение двух десятилетий около 1700 г., произошел, когда государство было сильным (хотя этот период совпал с серией особенно интенсивных внешних войн). Следовательно, этот спад не был вызван демографически-структурными механизмами. Историки дают различные объяснения этого явления, два из которых представляются наиболее вероятными: значительное ухудшение климата и чрезмерно большие требования, предъявляемые к французскому крестьянству агрессивной внешней политикой Людовика XIV. В любом случае, вопрос о третьем сокращении населения выходит за временные рамки этой главы, и далее мы рассматриваем динамику населения до 1660 г.

Мы видим, что, хотя непосредственными причинами сокращения населения в этот период (1570-1660 гг.) были эпидемии и голод, распространение эпидемий часто порождалось передвижениями войск, а гибель урожая зачастую была результатом военного разорения. Таким образом, основным механизмом, вызывавшим колебания численности населения, бы-

ла социополитическая нестабильность, которая приводила к гражданской войне и к ослаблению государства, что делало страну уязвимой для иностранных вторжений.

Период высокой политической нестабильности во Франции датируется 1562-1675 гг. (табл. 5.1). Имели место две волны нестабильности: (1) религиозные войны с кульминацией около 1590 г., и (2) мятежи знати, гугенотов и крестьянские восстания, достигшие высшей точки в период Фронды в 1648-1653 гг. (обратите внимание на двойной пик на рис. 5.3).

Таблица 5.1. Войны и восстания во Франции в 1500-1750 (Tilly 1993:151).

1548	Восстание в Гиени
1562-1563	Первая религиозная война
1567-1568	Вторая религиозная война
1568-1569	Третья религиозная война
1572-1573	Четвертая религиозная война
1574-1576	Пятая религиозная война
1577	Шестая религиозная война
1578-1579	Седьмая религиозная война
1579-1580	Восьмая религиозная война
1585-1598	Девятая религиозная война
1594-1595	Восстание кроканов на юго-западе
1614-1615	Гражданская война в Бретани
1617	Смуты в регентство Марии Медичи
1619-1620	Смуты в регентство Марии Медичи
1621-1622	Гугенотские войны
1625	Гугенотские войны
1627-1630	Гугенотские войны
1629-1630	Восстание кроканов
1635-1636	Восстание кроканов
1637-1641	Восстание кроканов
1639	Норманнское восстание
1643-1644	Восстание на Юго-Западе
1648-1653	Фронда
1655-1657	Восстание в Гиени
1658	Восстание в Солене
1661-1662	Восстание в Гиени
1662	Восстание в Булонэ
1663	Восстание в Гаскони
1663-1672	Партизанская война в Руссильоне
1675	Восстание в Бретани
1702-1706	Восстание камизаров в Лангедоке

Два пика внутренней войны были разделены относительно стабильным периодом: двумя десятилетиями при Генрихе IV и первыми годами правления Людовика XIII. По некоторым оценкам, религиозные войны привели к потере 20% населения (Benedict 1985:96). Население Орлеана в 1561-1597 гг. сократилось на одну треть (Dupâquier et al. 1988b:197). Население Руана в 1562-1594 гг. уменьшилось более чем на четверть (Benedict 1975:232). Во второй период социополитической нестабильности демографические потери в некоторых регионах были даже большими. В результате бедствий Тридцатилетней войны и Фронды некоторые провинции на севере и на востоке Франции потеряли около половины своих жителей (Dupâquier et al. 1988b:152). При этом юг Франции пострадал сравнительно в меньшей степени (этот вопрос будет обсуждаться в п. 5.6).

5.5. Фаза депрессии: 1600-1660 гг.

Различия в демографических тенденциях на Севере и на Юге

Как мы отмечали в предыдущем пункте, между различными регионами Франции имелись значительные различия в их демографических тенденциях. Франция является большой страной, и мы не можем ожидать, что население всех ее регионов будет изменяться в строгой синхронности. Мы можем проследить расходящиеся тенденции в регионах, используя данные о сборе десятины, о демографических показателях и о напряженности внутренних войн. Мы сосредоточим внимание на главном различии между франкоязычным Севером и окситанским Югом. Меньший интерес представляют этнические окраины Северной Франции (Бретань, Фландрия и Эльзас, который в то время был гораздо более немецкой, чем французской областью).

Данные о сборе десятины рассматривались Ле Руа Ладури, который отмечал, что кривые сборов на юге и на севере имеют одинаковую форму, однако сдвинуты относительно друг друга на 20 лет. Минимум XV в. на Юге пришелся на 1400-1430 гг., а рост населения начался в 1430-1450 гг. (Le Roy Ladurie 1987:44). На Севере минимум имел место около 1440 г., и рост начался только после 1450 г., вероятно, в результате затянувшихся военных действий (Le Roy Ladurie 1987:45). Спустя столетие сборы на Юге первыми достигли максимума (около 1540 г.), а затем производство не росло до 1560 г. На Севере максимум был достигнут 20 лет спустя. Опять-таки Юг первым пострадал от разорения религиозных войн. Документы о продаже церковного имущества подтверждают данные о десятине и показывают, что к 1568 г. максимальные разрушения были сосредоточены в Пуату, Аквитании и Лангедоке (Le Roy Ladurie 1987:251). В этих областях религиозные конфликты были наиболее интенсивными и производство оказалось наиболее серьезно подорванным. К 1583 г. наиболее пострадав-

шие зоны по-прежнему располагались в Окситании: Аквитания, Гасконь, Лангедок, Овернь и Дофине. В 1590-х гг. военные действия распространилась на Север – в Нормандию, Иль-де-Франс, Пикардию и Шампань. Тем не менее, война продолжалась и на Юге (Le Roy Ladurie 1987:251). Десятичные записи отмечают три тяжелых периода для Лангедока и средиземноморского побережья. Первое падение производства (на 36%) произошло сразу же после начала войны в 1560 г. Вторая волна разрухи имела место в 1570-х гг., когда производство было на 43% меньше довоенного уровня. Третий трудный период был в 1583-1596 гг., когда средний сбор десятины был на 36% ниже довоенного уровня (Le Roy Ladurie 1987:263). Соседние регионы пострадали столь же тяжело. Овернь потеряла 35-40% своего сельскохозяйственного производства, а Лионне потерял 40%.

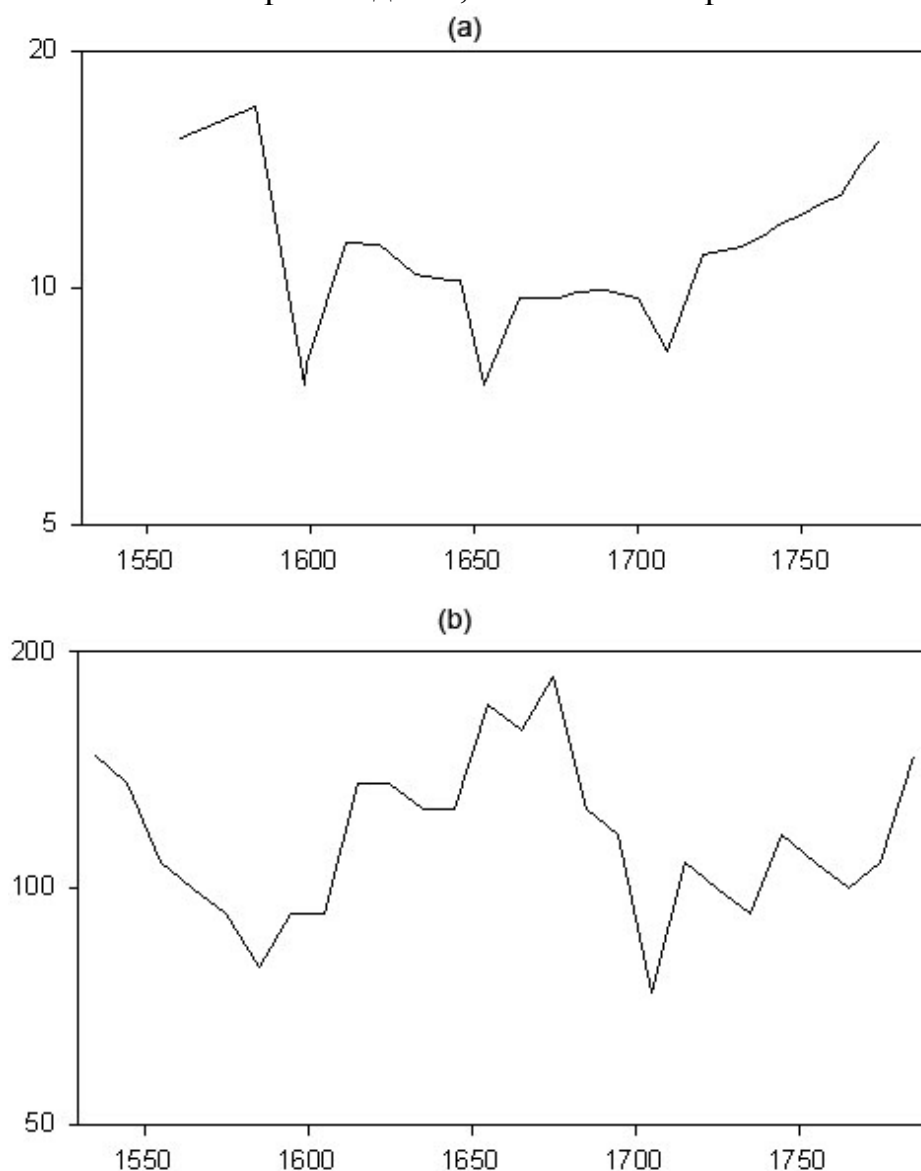

Рисунок 5.5. Расходящиеся траектории Севера и Юга. (а) Доходы от габели отражают экономические условия Северной Франции (Le Roy Ladurie 1987:288). (б) Сбор десятины на Юге (Le Roy Ladurie and Goy 1982).

Французский Север также испытал значительное падение производства, но уже в 1590-х гг., и в целом опустошения были меньше, чем на Юге. В целом северные области потеряли 33% сборов; Парижская область – только 20-25% (25% сборов десятины и 16% арендной платы). В Восточной Франции глубина падения производства была примерно такой же, как на Юге, но продолжительность падения была такой, как на Севере. В Бургундии падение чистого сбора десятины (в натуральном выражении) в 1588-1600 гг. составило 43% от уровня благополучного периода 1550-1568 гг. (Le Roy Ladurie 1987:262-3). Наконец, наименее пострадавшим регионом в XVI в. был Эльзас, где чистый сбор десятины упал только на 7.3% (Le Roy Ladurie 1987:265).

В XVII в. кривые десятинных сборов в различных регионах по-прежнему расходятся и параллельность уже не наблюдается. Средиземноморский Юг, по-видимому, избежал экономической и демографической катастрофы середины XVII в. (Le Roy Ladurie 1987:278). Сборы здесь увеличились с минимума в 1580-х гг. до максимума в 1670-х гг. (рис. 5.5). Затем Юг вступил в период долговременного снижения производства, которое продолжалось с 1680-х до 1740-х гг. (Le Roy Ladurie 1974:295, 317).

На Севере тоже происходило восстановление после катастрофы 1590-х, но в отличие от Юга это восстановление было недолгим. Северовосточная часть Франции серьезно пострадала от боевых действий во время Тридцатилетней войны (1618-1648). В Эльзасе сбор десятины упал до менее чем 10% от максимальных предвоенных сборов (Le Roy Ladurie and Gou 1982). Даже после заключения мира, в 1650-х гг., производство составляло только 30% от уровня 1620 г. Северные области, такие как Камбре, были опустошены в результате военных действий между французскими и испанскими войсками. Затем началась Фронда, которая была особенно разрушительной в центральных областях королевства. Таким образом, кривая сборов десятины в районе Бона показывает минимумы около 1590 г. и в 1640-60 гг. с последующим ростом в 1660-1720 гг. (Benedict 1985:86).

В Лангедоке и на средиземноморском Юге сбор десятины в натуральном выражении восстановился в начале XVII в. и затем оставался примерно постоянным до 1640-х гг. Тем не менее, сборы не полностью восстановили свой уровень середины XVI в. (возможно, они были на 5% ниже). В Оверни производство оставалось на 15% ниже максимума XVI в., в Бургундии – на 13% ниже, в Лионне производство также стагнировало, за исключением области вокруг Лиона. В целом, данные о сборах десятины показывают, что в начале XVII в. производство восстановилось, но оно не превысило уровень середины XVI столетия. Исключением из этого правила была область вокруг Парижа, в которой сельскохозяйственное производство, по-видимому, увеличилось. К примеру, арендная плата (в натуральном выражении) от имений Нотр-Дам-де-Пари возросла на 44% по сравнению с максимумом 1580 г. (Le Roy Ladurie 1987:302). Тем не менее,

трудно установить, насколько это увеличение было связано с ростом производства, и насколько – с усилением эксплуатации крестьян.

Рост крупных состояний

Как отмечалось в предыдущих главах, динамика крупных состояний часто дает полезные сведения о масштабах экономического неравенства. Богатейшим человеком во Франции XVII в., без сомнения, был Жюль Мазарини, печально известный премьер-министр в период несовершеннолетия Людовика XIV. Министерские состояния в XVII в. головокружительно росли. Министр Генриха IV, Сюлли, который был вынужден уйти в отставку в 1610 г., приобрел состояние, оцененное после его смерти в 5.2 млн. ливров (Barbiche 1978). В 1642 г. Ришелье оставил своим наследникам состояние в 22 млн. ливров (Bonney 1999:127). Это было огромное богатство, но оно было превзойдено Мазарини, который оставил состояние в 37 млн. (Bonney 1999:127). Это достижение особенно бросается в глаза, потому что состояние министра было создано всего лишь за восемь лет в 1653-1661 гг. (Мазарини потерял большую часть своего прежнего имущества в период Фронды, в 1648-1653 гг.). Второй эшелон министров также преуспевал. Клод Бильон, министр финансов в правление Ришелье, получил целое состояние в 7.8 млн. всего за восемь лет пребывания в должности. Активы Николя Фуке во время его ареста в 1661 г. были оценены в 15.4 млн. (хотя его долги равнялись его активам).

Мы можем сравнить эти цифры с тем, что известно о состояниях самых знатных родов. Состояние близкого родственника королевской семьи, принца де Конти, в 1655-1665 гг. составляло 12 млн. ливров, но в течение 1670-х гг. снизилось до 7.6 млн. (Mougel 1971). Луи Гонзаго, герцог де Невер, оставил наследство в 8 млн., которое, однако, было обременено долгами в 2.5 млн. (Harding, 1978). Самым богатым знатным родом, вероятно, были принцы де Конде. Общее состояние этого рода, разделенное между несколькими семьями, в начале XVIII в. оценивалось в 31 млн. (Roche 1967).

Размеры частной прибыли министров были взяты под контроль в период правления Людовика XIV. Богатство Кольбера было оценено в 4.95-5.75 млн., и вероятно, его истинный размер ближе к высшей оценке. Лавуа создал состояние около 8 млн. на протяжении двух десятилетий своей карьеры (1672-1691 гг.). «После 1720 г., доходы министров от должности были все равно что слабое пиво по сравнению с ситуацией до 1661 г.» (Bonney 1999:127).

Перелом дезинтегративной тенденции

Нет сомнения, что начало личного правления Людовика XIV в 1661 г. стало важным поворотным моментом в истории Франции. Самым впечатляющим событием стала консолидация элит вокруг центра; эта консолида-

ция прекратила продолжавшиеся сто лет внутриэлитные конфликты и направила энергию элиты на внешние завоевания. Механизм этого консенсуса между элитами и государством был подробно исследован Уильямом Бейком (Beik 1985, 2005) на примере провинциальной аристократии Лангедока. По-существу, последний период высокой социополитической нестабильности, связанный с Фрондой 1648-1653 гг., привел элиты к пониманию того, что им необходима военная, дипломатическая и экономическая защита центра (Beik 1985:331). Борьба 1560-1660 гг. представляла собой либо чисто элитные мятежи, либо спровоцированные элитами народных восстания. После 1660 г. элиты вышли из руководства борьбой и восстания резко сократилось (Beik 1985:12). Позднейшие народные восстания, такие, как восстание крестьян в Севеннах (1702-1704 гг.) не имели поддержки среди элиты и были легко подавлены.

Новый консенсус позволил правительству Людовика XIV повысить налоги до беспрецедентного в истории Франции уровня (см. рис 5.2). Элиты были, конечно, основными бенефициариями. Во-первых, сравнительное распределение налоговых поступлений между короной и региональными элитами в 1647 и 1677 гг. (Beik 1985:267) показывает, что, по крайней мере в Лангедоке, региональным элитам удалось увеличить долю налогов, которые оставались в провинции. Во-вторых, львиная доля налогов пошла на финансирование войн Людовика XIV, которые обеспечивали занятость для военной элиты. Кроме того, по крайней мере, в конце XVII в., программа внешних завоеваний была очень успешной.

Консолидация элиты и восстановлению закона и порядка, однако, не привели к окончанию стагнации населения, так как устойчивый демографический рост начался только после 1720 г. Реальная заработная плата росла до 1680-х гг. (рис. 5.1), но даже на пике она была меньше половины зарплаты начала XV в. Динамика заработной платы сельскохозяйственных рабочих была примерно такой же, во всяком случае, в Парижской области (Le Roy Ladurie 1987:352). В десятилетия около 1700 г. имело место некоторое сокращение численности населения, но в данном случае определяющим (или, по крайней мере, весьма важным) фактором было ухудшение климата. Длительный период роста численности населения начался только после 1719 г., и продолжался до 1790 г. (Dupâquier et al. 1988b: 151). Таким образом, хотя элитная и государственная динамика изменила направление с 1660 г., демографические и экономические тенденции свидетельствуют о продолжении стагнации до конца века.

5.6. Заключение

Во многих отношениях цикл Валуа (1450-1660 гг.) является еще одним хрестоматийным примером действия демографически-структурных механизмов. Нам повезло в том отношении, что сохранилось достаточно кон-

кретных и подробных исторических данных, которые позволяют проверить многие постулируемые теорией механизмы (и что этот период привлек внимание таких крупных историков, как Эммануэль Ле Руа Ладури). Эти механизмы включают последствия мальтузианского роста численности населения, и они показывают, как рост населения и элитное перепроизводство вызывают брейкдаун государства.

В своей новаторской работе Джек Голдстоун (Goldstone 1991) практически не анализировал предпосылки французских религиозных войн (хотя уделил внимание более позднему конфликту, Фронде). Однако то, что происходило во Франции, начиная с 1559 г. очень хорошо соответствует другим рассмотренным Голдстоуном случаям государственного брейкдауна: финансовое банкротство, потеря контроля над вооруженными силами, фракционирование элиты, усиление внутриэлитной конкуренции и наконец, полномасштабная гражданская война.

Глава 6. Рим: Республиканский цикл (350-30 до н.э.)

6.1. Обзор цикла

Вековой цикл в раннем Риме?

Хотя фрагментарная природа источников позволяет нам лишь гипотетически реконструировать экономическую и социальную динамику в ранние периоды истории Рима, мы считаем, что в 650-350 гг. до н.э. римское государство прошло полный вековой цикл с доминированием интегративной тенденцией до 500 г. до н.э., и преобладанием дезинтегративной тенденции в последующий период вплоть до начала IV в. до н.э. Некоторые аргументы в пользу этого тезиса исходят из динамики строительства общественных зданий. Первый пик строительной активности наблюдается около 500 г. до н.э., а второй – в начале II в. до н.э. (рис. 6.1).

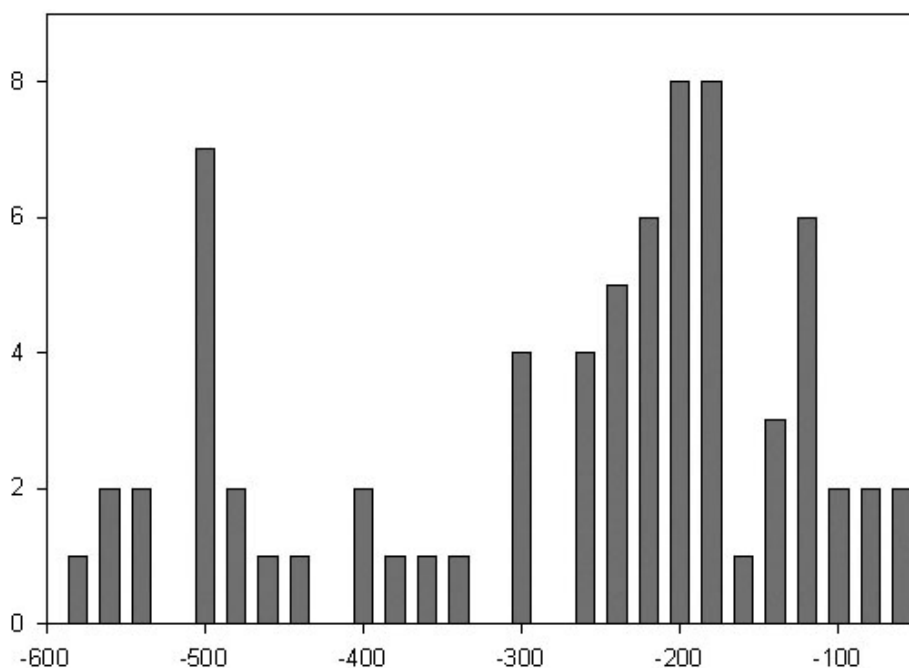

Рисунок 6.1. Активность храмового строительства в Риме в 600-50 гг. до н.э. (Richardson 1992).

Более того, в V в. до н.э. Рим прошел через период повышенной социополитической нестабильности (рис. 6.2) типичный для дезинтегративной фазы вековых циклов. Отметим, что «пилообразный» характер кривой,

вероятно, возник в результате присутствия циклов «отцов-и-сыновей» (временной ряд Сорокина имеет интервалы в четверть столетия, и следовательно, циклы со средними периодами в 50 лет обнаруживаются как чередующиеся высокие и низкие значения).

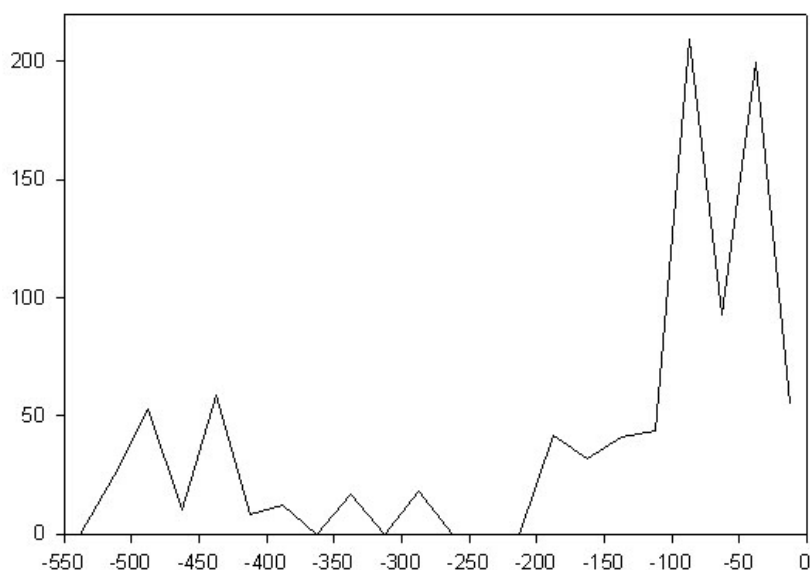

Рисунок 6.2. Индекс социополитической нестабильности в республиканском Риме (Sorokin, 1937).

Период внутренней нестабильности начался в Риме в 509 г. до н.э. со свержением последнего царя, Тарквиния Гордого, и с учреждением республики. Большая часть V и IV вв. до н.э. была временем борьбы между патрициями и плебеями, которую можно рассматривать как борьбу между элитой и простолюдинами, осложненную конфликтами между различными группировками элиты (Raaflaub 1986; Cornell 1995; Ward et al. 2003:66). В центре политических споров находились две проблемы. Первой проблемой было право на аренду государственной земли. В 486-367 гг. до н.э. имелось 25 попыток плебеев получить государственные земли, особенно земли во вновь завоеванных областях, которые распределялись между гражданами (Cornell 1995:270). Вторая проблема состояла в облегчении долгового бремени. Тем не менее, важно отметить, что «плебеи» не были однородной социальной группы. В то время как большинство плебеев требовали разрешения вопросов о земле и долгах, плебейская верхушка добивалась социального и политического равноправия с патрициями: она требовала официального разрешения браков между патрициями и плебеями, а также права на занятие общественных должностей (Von Ungern-Sternberg 1986:354). Таким образом, лидерами плебейского движения были амбициозные люди из хорошо обеспеченных семей, которые добивались своей доли власти (Cornell 1995:291), и которые использовали экономические проблемы простолюдинов в своей политической борьбе против патрициев. Конфликт между патрициями и богатыми плебеями закончился принятием

в 367 г. до н.э. законов Лициния-Секстия, которые преобразовали политическую структуру римского государства, устранив все формы дискриминации плебеев (Cornell 1995:340). Новое законодательство создало условия для объединения патрицианских и плебейских элит. «Поэтому уже во второй половине IV в. они (плебеи) без особых затруднений растворились в новой социально-политической элите, “нобилитете”» (Von Ungern-Sternberg 1986:355).

Фазы республиканского цикла

Достижение внутреннего единства среди элиты после компромисса Лициния-Секстия означало переход от дезинтегративной тенденции к интегративной; оно стало началом длительного и очень успешного периода римской территориальной экспансии. К концу IV в. до н.э. соглашение между римской и капуанской элитой о создании общей армии привело к объединению Лация и Кампании в единое римское государство. Самые знатные капуанские семьи были введены в состав римского сената (Le Glay et al. 1997:51). Внутреннее единство создало условия для территориальной экспансии, которая привела сначала к установлению контроля над италийским полуостровом, а затем к созданию средиземноморской империи. В течение III в. до н.э. Рим был вовлечен в серию длительных и тяжелых войн (особенно разрушительной была Вторая Пуническая война), которые сопровождались серьезными демографическими потерями. Рост населения возобновился после окончания войны с Ганнибалом (201 г. до н.э.), и около 180 г. до н.э. Рим вступил в фазу стагфляции. В 133-91 гг. до н.э. имел место постепенный переход от стагфляции в фазу кризиса. Серия гражданских войн в 90-71 гг. до н.э. отметила первую большую волну социополитической нестабильности. Затем последовала относительно мирная интерлюдия 60-50-х гг., а после нее – вторая серия гражданских войн в 50-31 г. до н.э., которая, наконец, создала условия для смены дезинтегративной тенденции на интегративную. Мы считаем окончание гражданской войны и установление принципата Августа конечной датой римского республиканского цикла. Таким образом, дезинтегративная тенденция (включающая фазу кризиса и фазу депрессии) датируется нами как столетие между 130 и 30 г. до н.э.

В I в. до н.э., государство и общество Рима претерпели кардинальную трансформацию. Непосредственной причиной краха республики и установления принципата были гражданские войны, которые сотрясали Италию в течение этого столетия. Однако до сих пор не имеется общепринятого ответа на вопрос, почему Рим пережил этот период социальной и политической нестабильности. Вероятно, самое влиятельное среди историков объяснение событий этого периода принадлежит Кейту Хопкинсу (Hopkins 1978). Ниже мы опишем объяснение, основанное на демографически-

структурной теории, которое в некоторых частях совпадает с моделью Хопкинса, а в других частях расходится с ней. Хотя мы не согласны со всеми аспектами модели Хопкинса, мы хотим подчеркнуть наше уважение по отношению к его новаторским усилиям.

Динамика народонаселения

К счастью, летописцы сохранили для историков данные о переписях («цензах») римского республиканского периода, и среди историков имеется согласие о том, что эти данные могут служить основой для реконструкции динамики населения (Scheidel 2001b, 2004). Однако эти цифры относятся не к общей численности населения, а только к взрослым свободным мужчинам. Из этих данных следует, что в 350-100 гг. до н.э. общая тенденция к росту населения несколько раз прерывалась его резким снижением (рис. 6.3) в годы Первой и Второй Пунических войн (264-241 и 218-201 гг. до н.э.).

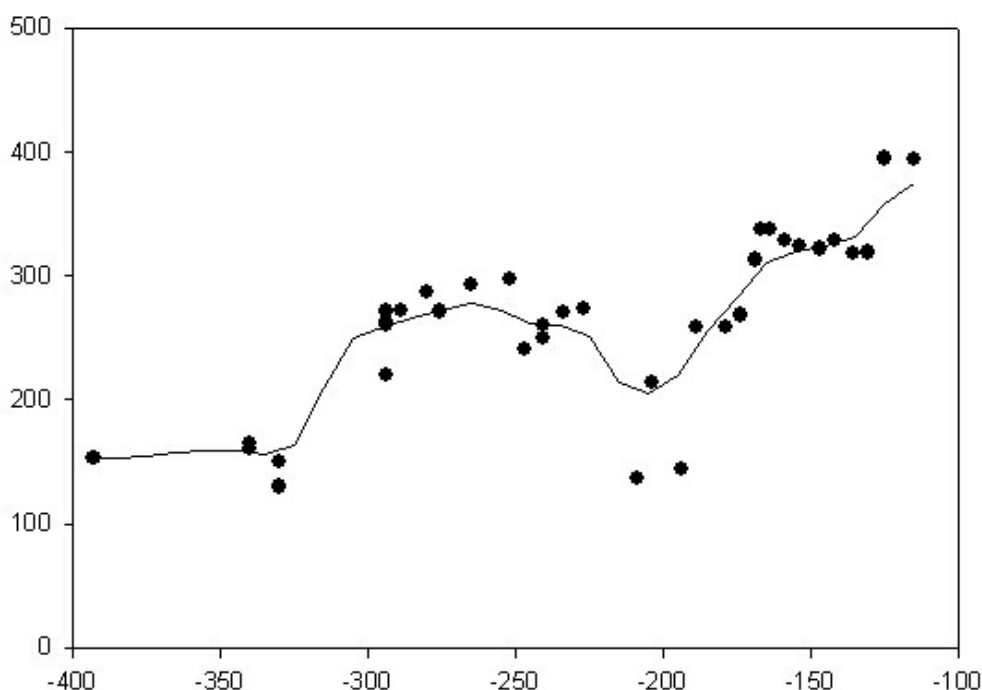

Рисунок 6.3. Численность римских граждан в 400-100 гг. до н.э., тыс. Данные переписей и сглаживающая кривая. (Toynbee 1965:438-439).

Однако, желательно знать не только изменение количества римских граждан, но и динамику общей численности населения Италии. Цифры переписей не могут быть приняты в качестве показателя общей численности населения, потому что они увеличивались не только в результате демографического роста, но и в результате принятия в римское гражданство свободных жителей некоторых присоединенных территорий. Например, имело место массовое предоставление гражданских прав италикам после Со-

юзнической войны. Кроме того, итальянское население увеличивалось огромным притоком рабов из-за пределов полуострова, и этот приток возрастал по мере завоевания Средиземноморья Римом.

Демографические тенденции в конце республики и в начале принципата были предметом дискуссии среди демографов и историков. Центром разногласий был вопрос о толковании переписей Августа. Сторонники «высокой» оценки (Frank 1933; Lo Cascio 1994; Morley 2001) предполагают, что цифры переписи дают численность взрослых свободных мужчин, в то время как сторонники «низкой» оценки (Beloch 1886; Brunt 1971) считают, что эти числа представляют всех свободных жителей обоих полов, с возможным включением детей в возрасте до одного года. Ниже мы будем следовать Вальтеру Шеделю (Scheidel 2001a, 2004, 2007), который принимает реконструкцию Белоха-Бранта и отсылаем читателя к детальной аргументации, приводимой в его работе (Scheidel 2004).

Брант (Brunt 1971) пришел к выводу, что свободное население Италии как в 225 г. до н.э., так и в 28 г. до н.э. насчитывало около 3 млн. человек. Шедель принимает эти цифры лишь с незначительными вариациями. Хопкинс (Hopkins 1978:68-69), также работавший с числами Бранта, утверждал, что население всей Италии (в том числе Цизальпийской Галлии) снизилось в 225-28 г. до н.э. с 4.5 до 4 млн. Однако Хопкинс предполагал, что в 225 г. до н.э. в северной Италии (Цизальпийской Галлии) имелось 1.4 млн. жителей, и есть основания полагать, что это число завышено (de Ligt 2004:733). Так как о северной Италии известно очень мало, то кажется более надежным рассматривать численность населения лишь полуостровной части Италии.

Кажущаяся стабильность численности населения в 225 и 28 г. до н.э., однако, обманчива; на самом деле, эти оценки могут служить лишь опорными точками в вековом цикле, который Италия пережила в последние два века до нашей эры. Цикл имел три фазы. Чтобы получить количественные оценки изменений, мы воспользуемся исправленными Брантом данными переписей (Brunt 1971: tab. VII), а затем используем эти римские переписи в качестве индикаторов того, что происходило с остальной частью населения итальянского полуострова. В приводимых ниже данных переписей мы округляем цифры до тысяч.

На первом этапе, в 225-200 гг. до н.э. население Рима сократилось в результате длительной и разрушительной ганнибаловой войны (Toynbee 1965). О величине этого снижения можно судить по переписям граждан: их число сократилось с 273 тыс. в 225 г. до н.э. до 214 тыс. в 203 г. до н.э. (В 208 и 194 гг. до н.э. численность была 137 тыс. и 144 тыс. соответственно, но Брант убедительно доказывает, что эти очень низкие цифры отражают либо размещение большого количества войск за рубежом, либо недоучет переписи, или то и другое вместе). В пропорциональном выражении сни-

жение составляет 22%, так что можно полагать, что общая численность свободного населения снизилась с 3 до 2.35 млн.

На следующем этапе, во II в. до н.э., население увеличивалось. Брант считает надежными данные переписей 168 г. до н.э. (313 тыс.) и 124 г. до н.э. (395 тыс.). Оценка роста численности населения в 203-168 гг. до н.э. является немного завышенной, потому что, по словам Бранта, 26 тыс. кампанцев (которые перешли во время войны на сторону Ганнибала) не были учтены в 203 г. до н.э., но учитывались в 168 г. до н.э. Принимая это во внимание, он оценивает население в 203 г. до н.э. в 240 тыс. (214 тыс. плюс 26 тыс.). Население в 168 г. до н.э. оценивается с учетом расквартированных за рубежом 33 тыс. солдат в 346 тыс., следовательно, население возросло на 44%. Таким образом, в 203-168 гг. до н.э. свободное население полуострова увеличилось с 2.35 до 3.39 млн.

В 124 г. до н.э. перепись насчитала 395 тыс. человек, к которым Брант добавляет 38.5 тыс. солдат, что дает 433.5 тыс. граждан. Прирост в 168-124 гг. до н.э. равнялся 25%. Иными словами, свободное население в 124 г. до н.э. составляло 4.25 млн.

На последнем этапе, в I в. до н.э., население сократилось в результате постоянных гражданских войн, высокой урбанизации, а на более поздних этапах, в результате массовых переселений. Расчеты Бранта, основанные на данных переписи 69 г. до н.э. дают численность населения в 3.7 млн. (Brunt 1971:97; Scheidel 2004:9). Наконец, к 28 г. до н.э. население уменьшилось до 3 млн., возвратившись к уровню 225 г. до н.э., как отмечалось выше. Реконструированная динамика численности населения изображена на рис. 6.4.

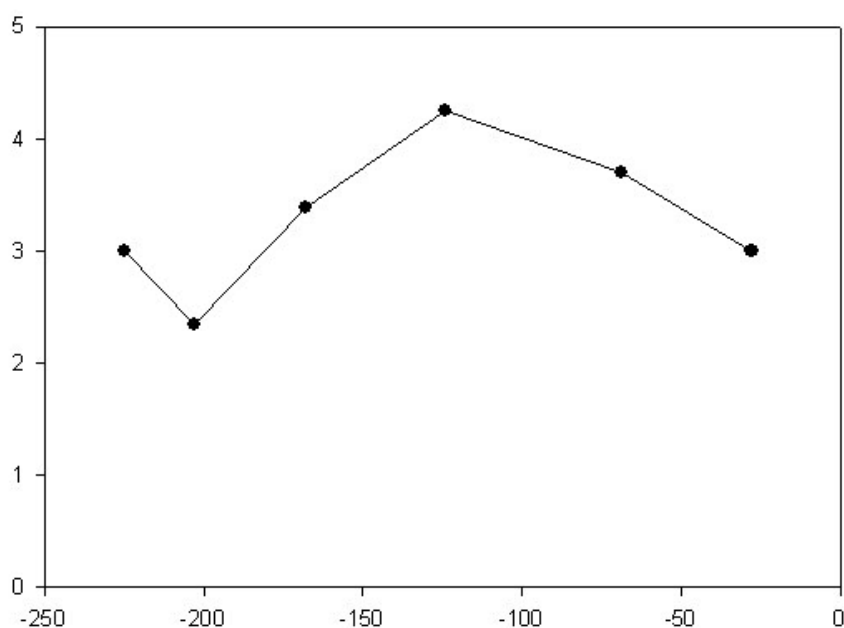

Рисунок 6.4. Расчетная численность свободного населения итальянского полуострова в 225-28 гг. до н.э., млн.

График на рис. 6.4 создает обманчивое впечатление. С одной стороны, он слишком гладкий. В действительности каждая оценка идет по меньшей мере 10-процентную ошибку. Во-вторых, численность населения начала сокращаться, вероятно, не сразу после 124 г. до н.э., а в начале I в. до н.э. Перепись 114 г. до н.э. дает по существу те же цифры, что и в 124 г. до н.э., и население, вероятно, стагнировало до начала Союзнической войны в 91 г. до н.э. В 85 г. до н.э., по сообщению переписи, численность граждан увеличилась до 463 тыс., но этот рост отражает частичное наделение гражданскими правами италийских союзников (Brunt 1971:93). Наконец, все эти цифры относятся к свободному населению. Динамика численности рабов по существу не поддается оценке (Scheidel 2005), но к концу цикла численность рабов, вероятно, достигала 1-1.5 млн. Таким образом, общая численность населения (включая свободных и рабов) в течение I в. до н.э. снизилась в меньшей степени, чем это показано на графике.

Социальная структура и динамика элиты

Верхний слой римского общества в республиканский период состоял из сенаторов (*ordo senatorius*). Сенаторы были правящим классом: они служили правительственными чиновниками, монополизировали жреческие должности и поставляли высших офицеров для армии (Cornell 1995; Ward et al. 2003). Сенаторы приходили как из патрицианских, так и из плебейских родов (*gentes*) и были богатыми землевладельцами.

Всадники (*equites*) составляли низший разряд аристократии; они назывались так, потому что первоначально служили в коннице. В этот слой входили многие предприниматели-торговцы, которые вели заграничную торговлю и *publicani*, которые монополизировали государственные контракты. В поздней республике за сословием всадников были закреплены судебные должности.

В начале цикла (около 300 г. до н.э.) большую часть простых римских граждан составляли мелкие землевладельцы и члены их семей. Простолюдины служили в пехоте (*hoplites*) и обладали правом голоса в собрании военнообязанных мужчин (*comitia centuriata*) и в других народных собраниях, которые выбирали должностных лиц. Они были разделены на пять классов в зависимости от стоимости их имущества (табл. 6.1). Богатые граждане (с собственностью, оцененной выше 100 тыс. ассов) и всадники, имели больше половины голосов, и поэтому доминировали на выборах. С другой стороны, они платили большую часть налога на собственность, *tributum* (Cornell 1995:187).

Имущие граждане (*ассидии*) не были бедняками. Третий класс переписи с собственностью в 50 тыс. ассов или больше мог состоять не только из арендаторов «среднего ранга» (Rosenstein 2004:163). В двух случаях во

время войны с Ганнибалом Сенат для пополнения штата корабельных гребцов призвал граждан этого класса выделить по одному рабу с провизией на шесть месяцев (более богатые граждане, как ожидали, поставят большее число гребцов). Это говорит о степени богатства ассидиев значительно более высокой, чем прожиточный минимум.

Низшие слои римского общества включали в себя безземельных граждан (*proletarii*), иностранцев, вольноотпущенников и рабов.

Таблица 6.1. Богатство и годовой доход различных слоев населения республики в конце III в. до н.э. (Cornell 1995:179-181). Оценки даны в ассах. Около 200 г. до н.э. римский асс весил 2 унции бронзы и оценивался в 0.1 денария – приблизительно 0.4 г серебра.

<i>Сословия</i>	<i>Доход</i>	<i>Имущество</i>	<i>Замечания</i>
Сенаторы	60000*	1000000	См. примечание**
Всадники	24000*	400000	Избирательный ценз
Ассидии, 1 класс	6000*	100000	Избирательный ценз
Ассидии, 2 класс	4500*	75000	Избирательный ценз
Ассидии, 3 класс	3000*	50000	Избирательный ценз
Ассидии, 4 класс	1500*	25000	Избирательный ценз
Дневная оплата***	1080	–	(Crawford 1974:624) (3 асса в день)
Ассидии, 5 класс	750*	12500	Избирательный ценз
Раб	100	–	Минимальное обеспечение при стоимости модия зерна в 3 асса

* Доходы оцениваются как 6 % от имущества.

** Минимальный имущественный ценз сенаторов, вероятно, был таким же, что и у всадников, но сенаторы были в среднем более богатыми. В 214 г. до н.э. всадники с собственностью более 1 млн. ассов были обязаны поставить семь моряков для флота, в то время как сенаторы поставляли восемь (Mitchell 1990:247-248), таким образом, средняя сенаторская собственность, должно быть, была больше 1 млн. ассов.

*** оплата легионария, а также, вероятно, самая низкая ежедневная оплата на государственных работах .

Социальная структура в период республики была очень динамичной. Около 300 г. до н.э. большую часть населения, по-видимому, составляли мелкие фермеры (ассидии), а безземельные пролетарии были в меньшинстве. Брант (Brunt 1971:77) полагал, что в 218 г. до н.э. пролетарии составляли половину граждан. Но Розенштейн (Rosenstein 2004:185) доказал, это не так. В то время пролетарии не служили в армии, они служили гребцами на флоте. В 214 г. до н.э. имелось не более 20 тыс. пролетариев-гребцов, и сенат был вынужден набирать в качестве галерных гребцов рабов. Брант подсчитал, что к 214 г. до н.э. приблизительно 100 тыс. граждан находи-

лись на военной службе или погибли на войне. Эти цифры говорят о том, что в конце III в. до н.э. соотношение ассидиев (которые служили в армии) и пролетариев (которые служили в качестве гребцов) было примерно 10:2. Розенштейн (Rosenstein 2002) считает, что на самом деле около 90% граждан были ассидиями, потому что половина из них (женатые мужчины старших возрастов) не была призвана в армию, чтобы они могли работать на фермах.

В III в. до н.э. отношение богатых землевладельцев (всадников и сенаторов) к неэлитным землевладельцам и арендаторам (ассидиям) было примерно 1 к 10. Это вытекает из сообщения Полибия о численности римской конницы и пехоты в 225 г. до н.э. – 23 тыс. и 250 тыс. соответственно (отметим, что та же самая пропорция наблюдалась и в царский период). Используя эту пропорцию вместе с вычислениями предыдущего параграфа, мы получим в середине республиканского периода следующую социальную структуру: *equites* (включая сенаторов): *assidui: proletarii* \approx 1:10:2 (или 1:10:1, если следовать оценке Розенштейна). К этим категориям мы должны добавить неизвестное число рабов и иностранцев.

Государственные финансы

Демографически-структурная теория была разработана для государств, территория которых оставалась приблизительно постоянной. Однако территория Рима расширилась приблизительно от 5 тыс. км² в IV в. до н.э. до более чем 3 млн. км² к концу I в. до н.э. (Таагерера 1979). Столь впечатляющее 600-кратное территориальное расширение – фактор огромного значения, который должен быть учтен в описанной в первой главе базовой модели. Территориальная экспансия помогла решить проблему безземельных граждан. Она влияла и на способность римской элиты и государства обеспечивать себе средства к существованию. Если в «типичных» аграрных обществах элита и государство извлекали прибавочный продукт из населения в форме арендных плат и налогов, то в республиканском Риме правящий класс в значительной степени жил за счет завоеваний. Когда в 167 г. до н.э. Третья македонская война принесла особенно большие трофеи, налоги на земли римских граждан в Италии были отменены (Норкинс 1978:38). Земельный налог не собирался до конца III в. н.э. Государство пошло на сокращение военных контрибуций, но при этом обложило завоеванные территории регулярным налогом примерно в 10% урожая (Норкинс 1978:16). В результате успешных войн государственные доходы в течение III в. до н.э. увеличились в четыре раза (табл. 6.2). Однако в течение последующего столетия, в то время как численность населения и элиты увеличилась, государственные доходы оставались на уровне 55-80 млн. сестерциев (табл. 6.2). Основная причина, по-видимому, заключалась в том, что после Третьей Пунической войны (149-146 гг. до

н.э.) почти все богатые государства Средиземноморья были уже завоеваны. Эндемичная война против испанских партизан поглощала воинов и деньги, не принося существенной добычи. Следующий большой скачок в расширении доходов произошел только после первого раунда гражданских войн.

Таблица 6.2. Государственный доход

<i>Даты</i>	<i>Млн. сестерциев в год</i>	<i>Ссылка</i>
264–241 до н.э.	15	(Frank 1933:66–7)
218–201 до н.э.	65	(Frank 1933:95)
200–157 до н.э.	55	(Frank 1933:145)
150–90 до н.э.	80	(Frank 1933:228)
ок.65 до н.э.	200	(Hopkins 1978:37)
ок.60 до н.э.	340	(Hopkins 1978:37)
55–51 до н.э.	320	(Frank 1933:332)
ок.50 до н.э.	380*	(Harr 1996:54)

*Эта общая цифра, вероятно, включает ценность зерновых налогов в Сицилии, Сардинии и Африке.

Социополитическая нестабильность

Два столетия между последней рецессией плебеев в 342 г. до н.э. и первым восстанием рабов на Сицилии (135-132 гг. до н.э.) не омрачались внутренними войнами (табл. 6.3). Напротив, столетие после убийства Тиберия Гракха прошло под знаком почти непрерывной междоусобной войны.

Майкл Кроуфорд (Crawford 1974) утверждал, что динамика монетных кладов может служить отражением условий внутренней нестабильности в Италии в середине и в конце республиканского периода. Сопоставляя данные Кроуфорда о монетных кладах с индексом внутренних войн, мы наблюдаем замечательную степень параллелизма (рис. 6.5). Две кривые не совпадают во всех деталях, но это естественно в случаях, когда мы имеем дело с реальными данными. Например, кривая монетных кладов имеет незначительный пик в 150-е гг. до н.э., хотя в течение этого десятилетия не было существенных внутренних беспорядков. Кроуфорд предполагал, что эти клады, возможно, были закопаны легионарями перед отъездом из Италии и остались в земле вследствие их смерти во время внешних войн. Возможно также, что пик 150-х гг. – это просто статистическая погрешность относительно небольшой выборки.

Таблица 6.3. Социополитическая нестабильность в Риме в 350-0 гг. до н.э. (Sorokin 1937)

<i>Годы до н.э.</i>	<i>События</i>
342	Последняя рецессия плебеев
287	Волнения в связи с «законом Гортензия»
198–196	Восстания рабов в Сетии и Претесте, Этрурия.
135–132	Первое восстание рабов на Сицилии
133	Убийство Тиберия Гракха и его 300 сторонников
125	Восстание во Фригеллах
121	Убийство Гая Гракха и его 3 тыс. сторонников
104–101	Второе восстание рабов на Сицилии
100	Убийство Сатурнина и его сторонников
91–87	Союзническая война
88–82	Гражданская война между Марием и Суллой
82–81	Проскрипции Суллы
78–77	Восстание Мария Лепида
73–71	Восстание Спартака
63	Восстание Катилины
52	Уличные бои в Риме между цезарианцами (Клодий) и помпеянцами (Милон)
49–45	Гражданская война (Цезарь против Помпея и помпеянцев)
44	Убийство Цезаря
43	Проскрипции Второго триумvirата
43–42	Гражданская война (Брут и Кассий против Второго триумvirата)
41–40	Перуджийская война (Октавиан против антонианцев)
37–36	Война с Сектом Помпеем
32–30	Гражданская война (Октавиан против Антония)

Три главных периода внутренней войны отражены в обеих кривых: это война с Ганнибалом и две гражданские войны I в. до н.э. II в. до н.э. был относительно мирным. Первая половина этого столетия была временем внутреннего мира и к этому периоду относятся лишь несколько монетных кладов. В то же время рост числа кладов во второй половине II в. до н.э. указывает на рост социально-политической напряженности.

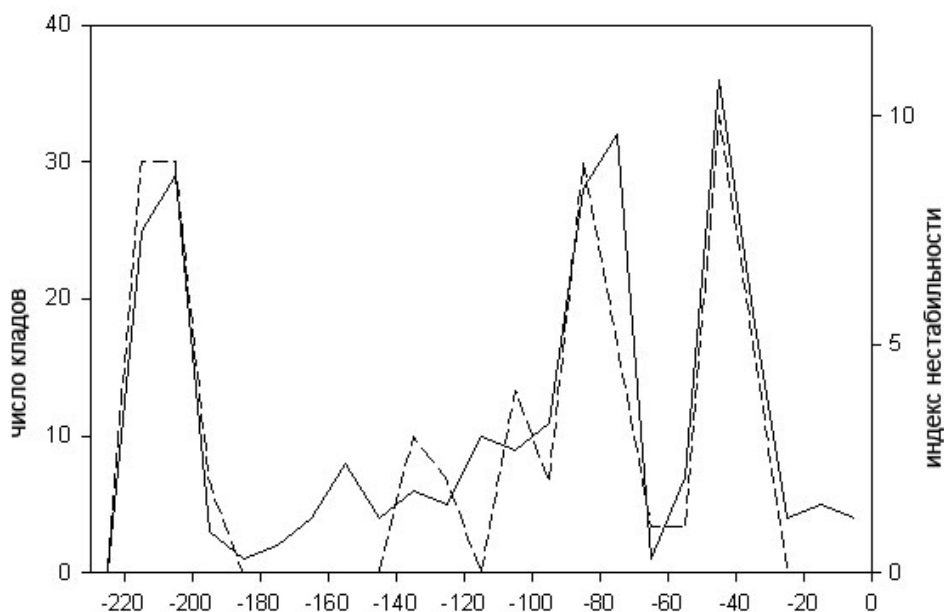

Рисунок 6.5. Социополитическая нестабильность в полуостровной Италии (включая Сицилию) в 220-0 гг. до н.э. измерена двумя индексами: (1) количество монетных кладов в десятилетие (сплошная линия) и (2) число лет внутренней войны в десятилетие (пунктирная линия). Данные о кладах см.: Crawford 1993:162. Индекс внутренней войны подсчитан по табл. 6.2 (добавлена война с Ганнибалом в 218-201 гг. до н.э.).

6.2. Необычайно долгая фаза расширения (350-180 гг. до н.э.)

После войн с самнитами и итальянскими греками Рим овладел контролем над полуостровной Италией, приблизительно 20% территории которой поступили в раздел между римскими гражданами (*Ager Romanus*). Территориальная экспансия сопровождалась ростом численности граждан (табл. 6.4).

Таблица 6.4. Население Рима и его территория в 330-225 гг. до н.э. (Brunt 1971: tab. I, V), а также оценка плотности населения (в предположении, что взрослые мужчины составляли треть всего свободного населения).

Годы до н.э.	Данные переписи, тыс.	Территория, тыс. км ²	Плотность населения, чел./км ²
330	150	5.3	85
294	262	14.0	56
280	287	17.4	50
265	292	24.0	37
234	271	24.0	34
225	273	25.6	32

Если верить данным переписей (историки считают, что это возможно по крайней мере с конца IV в. до н.э.), то римское население почти удвоилось между серединой IV в. и серединой III в. до н.э., в то время как территория увеличилась почти в пять раз. В результате плотность населения уменьшилась (табл. 6.4). Это развитие в значительной степени объясняет облегчение земельной проблемы, которая преследовала римских бедняков с V в. до н.э. Отметим, что данные переписи отражают не только (и возможно даже не сколько) демографический рост. Число граждан увеличилось с предоставлением избирательных прав латинянам и кампанцам, в то время как приблизительно 70 тыс. римлян выпали из списков граждан в результате колонизации в 334-263 гг. до н.э. (Cornell 1995:381). Рост населения был замедлен серией очень интенсивных войн, которые римляне вели в конце IV в. и на протяжении всего III в. до н.э. сначала против самнитов, затем против италийских греков и Пирра, и наконец, против карфагенян. Эти войны велись в пределах центральной и южной Италии и привели к большому опустошению страны. Особенно разрушительной была Вторая Пуническая война, 218-201 гг. до н.э. (Toynbee 1965). Вследствие военных потерь численность граждан снизилась от почти 300 тыс. в 265 г. до н.э. до примерно 200 тыс. в 200 г. до н.э. (для цензов 209 и 194 гг. Ливий дает число около 140 тыс., а для 204 г. – 214 тыс.). Частично это уменьшение было связано с наличием большого количества римских солдат, размещенных далеко от Рима, и поэтому не учтенных цензом (Brunt 1971), но нет сомнений, что римское население понесло огромные потери (Ward et al. 2003:131). Однако логично предположить, что численность женщин и детей не уменьшилась в той же степени, что и численность военнообязанных мужчин. В результате числа переписи уже в начале II в. до н.э. вернулись к уровню в 250 тыс.

Уменьшение плотности населения из-за военных потерь и территориальной экспансии означало, что внутреннее соревнование за ресурсы перестало быть фактором римской политики (пока не наступила фаза стагфляции). Вместо этого все усилия и аристократии, и простолюдинов были направлены на борьбу с внешними врагами. Аристократия также сильно пострадала от военных потерь. Например, в сражении при Каннах (216 г. до н.э.) погибло 80 сенаторов. Естественная убыль и предшествующие сражения также привели к серьезным потерям, в результате чего в 219-217 гг. до н.э. в сенате появилось 97 вакантных мест (Raaflaub 1986:167). Другими словами, вместо нормального обновления в 10% за эти три года выбыло почти 60 % сенаторов. Таким образом, интенсивные войны III в. до н.э., в которых аристократия сражалась на линии фронта, помогли предотвратить элитное перепроизводство.

После Второй Пунической войны, которая закончилась в 201 г. до н.э., все последующие римские войны велись за границей (то есть вне полуостровной Италии). Рим обычно брал верх в этих конфликтах, и жертв было

меньше. В результате II в. до н.э. стал свидетелем длительного прироста населения. Числа переписей увеличились от 258 тыс. в 189 г. до 394-395 тыс. в 125 и 114 гг. до н.э. Предполагаемое свободное население полуостровной Италии увеличилось от 2.35 млн. до 4.25 млн. (см. п. 6.1). Однако в 200-91 гг. до н.э. римская территория оставалась неизменной (Crawford 1993:46), и это подразумевает, что плотность населения увеличилась более чем на 50 %. Правда, эти подсчеты относятся только к свободным гражданам, но численность рабов росла еще быстрее.

Археологические данные из южной Этрурии подтверждают увеличение плотности населения в этот период. Количество населенных пунктов в Ager Veientanus между IV и I вв. до н.э. удвоилось (Bintliff and Sbonias 1999). После 300 г. до н.э. наблюдается уменьшение этрусских городов и рассеивание населения по сельской местности (Greene 1986:103). Это – типичная картина, часто наблюдаемая во время фазы расширения векового цикла. Она возникает в результате повышения безопасности, которое сопровождает переход от дезинтегративной к интегративной тенденции, и является признаком роста населения (так как доля населения в городах с отрицательным приростом населения снижается).

Таким образом, фаза расширения республиканского цикла характеризовалась двумя периодами роста населения. В первом периоде численность римских граждан удвоилось между серединой IV и серединой III в. до н.э. Однако государственная территория увеличивалась еще быстрее, так что в итоге плотность населения фактически уменьшилась. Во второй половине III в. до н.э. численность населения уменьшилась в результате серии войн, и особенно в результате Второй Пунической войны. После Второй Пунической войны, которая закончилась в 201 г. до н.э., рост населения возобновился. Во II в. до н.э. численность граждан увеличилось более чем на 50%. Поскольку территория Ager Romanus в этот период оставалась приблизительно постоянной, то рост населения привел к увеличению плотности населения.

6.3. Стагфляция (180-130 гг. до н.э.)

Демографические тенденции во II в. до н.э.

Столетие между трибунатом Тиберия Гракха (133 г. до н.э.) и созданием принципата Августа в 29 г. до н.э. было временем постоянной внутренней борьбы, которая дважды вылилась в длительные и интенсивные гражданские войны. Этот период государственного брейкдауна и хронической гражданской войны (который будет рассмотрен в п. 6.4) имеет все признаки классического демографически-структурного кризиса, потому что его началу предшествовало обнищание простого народа, интенсивная

внутриэлитная конкуренция и стагнация государственных доходов. Мы рассмотрим последовательно каждую из этих тенденций.

К концу республиканского периода экономическая структура римского общества претерпела глубокую трансформацию. В сельском хозяйстве в начале и в середине этого периода преобладали свободные землевладельцы, *ассидии*, которые обрабатывали небольшие семейные фермы и поставляли рекрутов в легионы. В конце III в. до н.э. ассидии по-прежнему численно превосходили безземельных граждан, *пролетариев*, в отношении приблизительно 5:1 (или даже 10:1, см. п. 6.1). К концу республики численность ассидиев угрожающе сократилась, в то время как численность пролетариев и рабов значительно возросла.

Существуют определенные разногласия в вопросе о том, когда именно произошла эта трансформация. До недавнего времени считалось (как утверждают учебники, см.: Ward et al. 2003), что она началась в конце III в. до н.э. Арнольд Тойнби, Кейт Хопкинс и Питер Брант утверждали, что войны III-II вв. до н.э., и особенно Вторая Пуническая война, подорвали относительную аграрную стабильность, установленную компромиссом Лициния-Секстия. Военные потери, причиненные Ганнибалом, были необычайно велики: по Полибию, до 110 тыс. воинов – хотя Брант (Brunt 1971) полагает, что эти цифры преувеличены. Кроме того, войны велись в полуостровной Италии и вызвали массовые разрушения производственной инфраструктуры (Тоунбее 1965) – хотя Тойнби, вероятно, преувеличивает этот эффект. Римские цензы отражают демографические последствия войн: 292 тыс. граждан в 264 г. до н.э. (незадолго до начала Первой Пунической войны) и 214 тыс. в 203 г. до н.э., в конце Второй Пунической войны. Те солдаты, которые пережили войны, «вернулись и нашли свои хозяйства истощенными и слишком обремененными долгами, чтобы прокормить семьи. Многие хозяйства были проданы за долги или просто перешли к богатым соседям» (Ward et al. 2003:131). Между тем, элита, которая получила наибольшую долю прибыли от зарубежных завоеваний, инвестировала большую часть своего капитала в землю. Крупные латифундии специализировались на производстве высококачественной продукции для рынка. «Преобразование натурального хозяйства, которое ранее производило только незначительные излишки для рынка, в рыночную экономику, которая производила и потребляла большие излишки, было достигнуто за счет повышения производительности сельскохозяйственного труда на крупных фермах. Меньше число мужчин теперь производило больше продовольствия. Мелкие арендаторы и землевладельцы были изгнаны со своих участков и заменены меньшим количеством рабов. Богатые скупали их земли или овладевали ими с помощью насилия. Они объединяли небольшие земельные участки в более крупные и более прибыльные фермы, чтобы конкурировать с другими землевладельцами, чтобы увеличить отдачу от своих инвестиций в землю и в рабов и использовать рабов более эффективно...

Массовое выселение бедных богатыми лежало в основе политических конфликтов и гражданских войн последнего столетия римской республики» (Hopkins 1978:2-5).

Эти обычные объяснения экономических трансформаций в конце республиканского периода были суммированы Джоуменом (Jongman 2003:105) следующим образом. «Когда все более многочисленные римские армии начали вести все более длительные войны на более отдаленных землях, военная служба стала все более и более обременительной для обычных граждан, тех крестьян, которые составляли традиционную основу легионов. В результате многие из них уступили свои земли более богатым и пополнили ряды городской бедноты. Богатые, ставшие еще богаче от военной добычи, приобрели крупные поместья путем покупки или захвата общественной и частной земли. Чтобы обрабатывать эти земли, они использовали все большее количество захваченных в войнах рабов».

В последнее время эта точка зрения была подвергнута резкой критике Джоуменом (Jongman 2003) и Розенштейном (Rosenstein 2004). В детально мотивированном исследовании Розенштейн утверждал, что солдаты, граждане Рима, не были жертвами имперских устремлений своего правительства, но участвовали в завоеваниях с готовностью и с энтузиазмом (Rosenstein 2004:60). Их энтузиазм угас только в середине II в. до н.э.: «Война в Испании после 153 г. до н.э. была трудной и невыгодной. Поражения были частыми, и потери тяжелыми. Призывники крайне неохотно шли на войну, и, как сообщает Плутарх, моральный дух в армии был на самом дне» (Rosenstein 2004:53).

Кроме того, плантационные хозяйства появляются в литературных и археологических данных самое раннее в середине II в. до н.э., и они получают широкое распространение только в эпоху Суллы (Rosenstein 2004:6). Таким образом, несколько поколений прошло между периодом военных потрясений и ростом латифундий, что ставит под сомнение прямую причинно-следственную связь между этими двумя процессами.

Используя демографические модели и экономические расчеты, Розенштейн показал, что большинство семей римских мелких фермеров могли бы обойтись без труда молодых мужчин, мобилизованных в армию. На самом деле, основная проблема, стоявшая перед римской деревней во II в. до н.э. (как и в других аграрных обществах в соответствующей фазе векового цикла) состояла в неполной занятости, а не в нехватке рабочей силы для обработки полей.

Розенштейн переворачивает традиционные взгляды на проблему и утверждает, что «увеличивающееся число мелких фермеров и распространенность дробления наследств предлагают привлекательную альтернативу обычной точке зрения на происхождение аграрного кризиса, который стремился разрешить Гракх» (Rosenstein 2004:155). «Высокая смертность среди молодых мужчин между 218 г. до н.э. и последней третью II в. до

н.э., весьма вероятно, имела важное значение для процесса роста населения, который начался после поражения Ганнибала» (Rosenstein 2004:154). «Поскольку население увеличивалось и родители делили между детьми все меньшие наследства, то число граждан, которые попадали в разряд пролетариев, увеличивалось» (Rosenstein 2004:156). «Поэтому войны, которые вел Рим в период после вторжения Ганнибала не только способствовали быстрому росту населения, а также перемещали мелких фермеров в низшие ценовые классы. Эти фермеры были, в целом, значительно беднее, чем их коллеги III века и не имели особой надежды на улучшение своей судьбы за счет собственных усилий. А с конца колонизации Италии после 181 г. до н.э. Сенат закрыл этот предохранительный клапан для семей, неспособных устроить всех своих детей на новых фермах» (Rosenstein 2004:164).

Как мы видим, Розенштейн по существу выдвигает демографически-структурные аргументы. Нет сомнений, что затяжные войны оказали большое влияние на динамику римского населения, и они должны быть приняты во внимание. Тем не менее, их действие было противоположно ранее принятой точке зрения. Войны II в. до н.э. не были причиной гражданских войн I в. до н.э., наоборот, они оттягивали час расплаты и продлевали необычно продолжительную фазу расширения республиканской цикла.

Конец Второй Пунической войны стал началом длительного периода внутреннего мира в полуостровной Италии, так как последующие конфликты происходили на далеких границах Римской империи. Пострадавшая в результате войны производственная инфраструктура была быстро восстановлена, что создало благоприятные условия для быстрого роста населения. Рост лишь отчасти замедлялся высокими потерями во внешних войнах и колонизацией долины реки По (до 181 г. до н.э.).

В 203-124 гг. до н.э. численность населения почти удвоилась, в то время как территория *Ager Romanus* между 188 и 85 г. до н.э. оставалась постоянной – 55 тыс. км² (Beloch 1964:101-102). Такое значительное увеличение населения должно было повлечь за собой обычные демографически-структурные последствия. В римском случае последствия роста населения усугублялись обычаем равного распределения имущества между наследниками. После двух или трех поколений быстрого роста населения имущественная фрагментация, должно быть, достигла точки, когда доля каждого наследника стала недостаточной для пропитания семьи. Некоторые из этих (бывших) ассидиев продали свои земли элите, разбогатевшей на военной добыче и стремившейся вложить свое состояние в землю. Другие пытались продлить свое хозяйствование, попадали в долговую кабалу и также теряли свою землю. Конечным результатом этого процесса стало уменьшение класса мелких землевладельцев, которое сопровождалось ростом числа безземельных пролетариев и рабов (хотя рост численности рабов был обусловлен, в основном, внешними завоеваниями). Многие из безземельных

граждан перебирались в Рим, в то время как другие, вероятно, арендовали землю у помещиков. Джоумен (Jongman 2003), например, утверждает, что степень «латифундизации» в конце республики не была столь высокой, как принято считать.

Рост населения привел к обычным мальтузианским последствиям. После периода, относительно свободного от эпидемий в конце IV-III вв. до н.э., частота эпидемий вновь увеличился во II в. до н.э. (Duncan-Jones 1996). Эпидемии также стали более серьезными. Например, Орозий утверждал, что во время чумы 142 г. до н.э. среди погибших было так много гробовщиков, что трупы оставляли гнить в своих постелях, и это сделало многие кварталы Рима непригодными для жилья (Duncan-Jones 1996:113).

Экономические тенденции

У нас имеется лишь крайне скудная информация о ценах и заработной плате в период республики, но то, что имеется, свидетельствует о значительной инфляции в 150-50 гг. до н.э. Вероятно, лучшим индикатором является оплата легионеров. В конце III в. до н.э. легионеры получали 3 асса суточных или деньги на модий пшеницы (Harl 1996:212). Это соответствует годовой зарплате в 108 динариев (10 ассов равны одному динарию). 360 модиев равняются 2.34 тоннам пшеницы, что достаточно для пропитания десяти человек – таким образом, оплата легионеров была щедрой. В 141 г. до н.э. динарий был переоценен в 16 ассов, и суточные легионера были установлены на уровне 5 ассов, что, вероятно, опять же отражает цену модия пшеницы в то время. Таким образом, годовая зарплата в номинальном выражении увеличилась до 112.5 динариев, оставаясь постоянной в реальном выражении. Это свидетельствует об очень мягкой инфляции до 141 г. до н.э. В следующий раз оплата легионеров была увеличена Цезарем в 46 г. до н.э.; теперь она составляла 225 денариев в год (2.5 сестерция или 10 ассов в сутки). Это удвоение также, вероятно, отражает цены на пшеницу, так как «справедливая» цена на пшеницу, по Цицерону, равнялась 2.5 сестерция за модий (см. Duncan-Jones 1990:147-149). Республика не увеличивала оплату военных в 141-46 гг. до н.э., компенсируя их раздачами на триумфах и обещаниями наделения земель (Harl 1996:213). Однако цена на пшеницу по крайней мере удвоилось между 141 г. до н.э. и началом гражданской войны в 91 г. до н.э. Мы знаем, что цены на зерно уже увеличились ко времени Гракхов. Закон Гая Гракха, например, предусматривал финансируемую государством продажу пшеницы гражданам по цене 6.33 ассов за модий (или 1.6 сестерция за модий), что было ниже средней рыночной цены (Ward et al. 2003:160). Вполне вероятно, что цены на пшеницу увеличились даже более, чем в два раза в течение хаотичного периода гражданских войн, прежде чем дело дошло до уровня 2.5 сестерция за модий после установления политической стабильности. Таким образом, реальная плата

легионера, должно быть, прошла следующую динамику: от высокой, в 2.34 тонн зерна в год в 141 г. до н.э., она понизилась вдвое (или даже больше) в 90-71 гг. до н.э., и затем в 10-9 гг. до н.э. восстановилась до уровня 141 г. до н.э. за счет снижения цен на пшеницу при принципате.

Номинальная заработная плата чернорабочих во II-I вв. до н.э., по-видимому, несколько увеличилась. По словам Катона, она составляла 2 сестерция в день, а в дни Цицерона столетие спустя – 3 сестерция в день (Wells 1992:186).

Другим ярким явлением позднеереспубликанского периода был рост промышленности, торговли и урбанизации. Во II в. до н.э. население Рима увеличилось в три раза, примерно со 150 тыс. до 450 тыс. человек (Chandler, 1987). По другим оценкам, население Рима увеличилось со 150 тыс. в 200 г. до н.э. до 375 тыс. в 100 г. до н.э., а затем до 600 тыс. в 50 г. до н.э. (Scheidel 2004:14). Этот процесс стимулировали два основных фактора. Во-первых, успешные завоевания превратили Рим в столицу средиземноморской империи. Богатства от продажи добычи, контрибуции, дани и от государственных рудников стекались в Рим, в первую очередь, обогащая элиту, а затем «сочилось вниз» к торговцам и ремесленникам, которые обслуживали потребности элиты. Расширение занятости в городах привлекало сельских иммигрантов. Во-вторых, крестьяне, испытывавшие недостаток земли, переселялись в города в поисках средств к существованию. Таким образом, урбанизация была обусловлена одновременным действием сил «притяжения» в города и «выталкивания» из деревень, но к концу II в. до н.э., по-видимому, преобладали силы, выталкивавшие крестьян из деревни. В Риме уже не хватало рабочих мест для иммигрантов, и имелась большая нехватка жилья, которая поднимала арендную плату (Ward et al. 2003:135). Уровень преступности вырос. Городская беднота проявляла все большее недовольство (Ward et al. 2003:135).

Динамика элиты

Самым поразительным явлением во II в. до н.э. был рост численности и богатства римской элиты. Как отмечалось в предыдущем разделе, археологические данные подтверждают традиционное представление о простом образе жизни ранней республиканской элиты. Однако после 300 г. до н.э. появляются признаки того, что уровень потребления элиты начал расти. Это в наибольшей степени проявляется в динамике строительства новых храмов (рис. 6.2). После долгого перерыва в конце V и в IV в. до н.э., строительная активность начинает расти около 300 г. до н.э. и продолжает увеличиваться на протяжении всего III века, достигая максимума во II в. до н.э.

Можно возразить, что храмовое строительство в республике отражало не элитное потребление, а военные успехи (накануне критической битвы армейские командиры часто клялись построить новый храм, и значитель-

ная часть расходов на строительство возмещалась за счет добычи). Однако, другие индикаторы указывают на ту же тенденцию роста аристократического потребления. Начиная с конца IV в., начинает увеличиваться число монументальных гробниц в Этрурии (Barker and Rasmussen 1998:286). На основе анализа экономических сведений о 200 римских сенаторах Шацман (Shatzman 1975) сделал вывод, что после окончания Второй Пунической войны их расходы неуклонно росли (201 г. до н.э.) и достигли пика в период после Суллы. «Совершенно очевидно, что войны Рима на Востоке вызвали рост уровня жизни. Как только сенаторы познакомились с изысканными и утонченными вкусами эллинистического мира, они стали подражать им и увеличили свои частные расходы. Этот процесс, начавшийся в первой половине II в. до н.э., достиг экстравагантных высот в I в. до н.э. Наши данные свидетельствуют, что за эту расточительность были ответственны главным образом консулы и нобили, однако стремление к роскоши было характерно для всего сенаторского класса» (Shatzman 1975:98).

В I в. до н.э. масштабы частных состояний достигли астрономических размеров. Из сенаторов, для которых стоимость недвижимости известна, пять человек обладали состоянием более 100 млн. сестерциев: Л. Бальб, М. Красс, Л. Лукулл, Помпей и Л. Тарий Руф (Shatzman 1975:35). Чтобы перевести эти цифры в серебряный эквивалент, надо учесть, что 1 сестерций – это примерно 1 г серебра. Другими словами, 100 млн. сестерциев примерно эквивалентны 100 т серебра.

У «обычных» сенаторов имелись состояния в несколько миллионов сестерциев. Например, у М. Цицерона было 13 миллионов. Цицерон писал, что богатый римлянин нуждался в доходе в 100-600 тыс. сестерциев ежегодно. Так как общее состояние и годовой доход в доиндустриальных обществах обычно находятся в соотношении 20-12 к 1, то эти размеры дохода подразумевают состояния 1.2-12 млн. сестерциев. Характерно увеличение масштаба сенаторских состояний между II и I вв. н.э. Так, Л. Эмилий Павел, который уничтожил Македонское царство в 167 г. до н.э., умирая, оставил состояние всего лишь в 1.44 млн. сестерциев (Crawford 1993:75). Это на порядок меньше, чем среднее состояние сенатора столетие спустя.

В то время как богатые становились богаче, бедные становились все более бедными. Ценз ассидия первого класса был, по-видимому, снижен с 120 тыс. до 100 тыс. ассов (Crawford 1993:79), чтобы противодействовать процессу увеличивающегося обнищания. Ценз ассидия пятого класса прежде составлял 11 тыс. ассов (Crawford 1993:97). Он был снижен до 4 тыс. в первой половине II в. до н.э., затем до 1.5 тыс. в 141 г. до н.э. и в конечном счете попросту отменен. В 107 г. до н.э. Марий стал зачислять в армию *capitate censi*, людей, не имеющих собственности, которые были просто перечислены в переписи, то есть пролетариев (Crawford 1993:125). Численное уменьшение слоя мелких землевладельцев (ассидиев) проявилось также в снижении в армии доли римских граждан по сравнению с долей

союзников. К концу II в. до н.э. отношение союзников к римлянам было 2:1 (Crawford 1993:128).

Внутриэлитная конкуренция

Чтобы получить представление о динамике численности элиты в этот период, мы обратимся к исследованию Хопкинса и Бертон (Hopkins 1983: Chapter). В фокусе этого исследования находилась верхушка римской иерархии, консулы, главные выборные должностные лица Римской республики. Каждый год избирались два консула, так что на протяжении 30-летнего поколения могло быть максимум 60 консулов (так как один человек мог быть избран более одного раза, то фактическое число обычно колебалось между 50 и 60). Эти 50-60 мужчин из высшей римской иерархии относительно хорошо известны по документам, и дают нам превосходный образец для исследования динамики римской элиты.

Традиционно считается, что в римской элите доминировал узкий круг знатных семей. В течение столетия, предшествующего трибунату Тиберия Гракха (в 133 г. до н.э.), десять родов (*gentes*), давали 50% всех консулов, и еще одиннадцать других родов – дополнительно 30% (De Sanctis, цит. по: Тоунбее 1965). Среди патрицианских родов Корнелии были представлены 23 консулами, Эмилии – 11, Фабии и Постумы – по 7 каждый. Среди плебеев Фульвии дали 10 консулов, Марцеллы – 9 и Семпронии – 8. Известны более чем 400 родов, из которых происходили римские магистраты (консулы, преторы, эдилы и т.д.), но ведущее положение принадлежало лишь нескольким самым знатным родам.

Хопкинс и Бертон на основе проведенного ими анализа утверждали, что степень концентрации власти в руках нескольких семей была преувеличена. Они подсчитали, что треть всех консулов, избранных в 250-50 гг. до н.э., не имели предка-консула в предшествующих трех поколениях. Только у трети всех консулов был сын-консул и менее четверти удалось передать свой консульский статус внуку. Вопреки традиционному представлению, Хопкинс и Бертон утверждают, что «в течение последних двух столетий Республики имело место непрерывное движение в и из римской политической элиты» (Hopkins 1983:32).

Однако мы не видим особого противоречия между выводом Хопкинса и Бертон о том, что у 65% консулов был прямой предок-консул, и данными Де Санктиса о том, что 21 род дал 80% консулов. Во-первых, эти цифры относятся к разным периодам времени (250-50 гг. и 233-133 гг. до н.э.). Во-вторых, род обычно состоял из нескольких, иногда многих семей. Оба набора данных, таким образом, указывают на сильный, но не абсолютный контроль знатных семей над политической властью. Более озадачивает низкая вероятность передачи консульского статуса потомкам: 32% сыну и 24% – внуку. Такая сильная анизотропия в статусе консулов-предков и их

потомков на самом деле указывает на специфическую динамику замещения консульской страты. К счастью, Хопкинс и Бертон представили свои данные в разбивке по 30-летним периодам (грубо говоря, по поколениям), что позволяет нам изучить временные изменения в вероятности передачи статуса в 250-50 гг. до н.э.

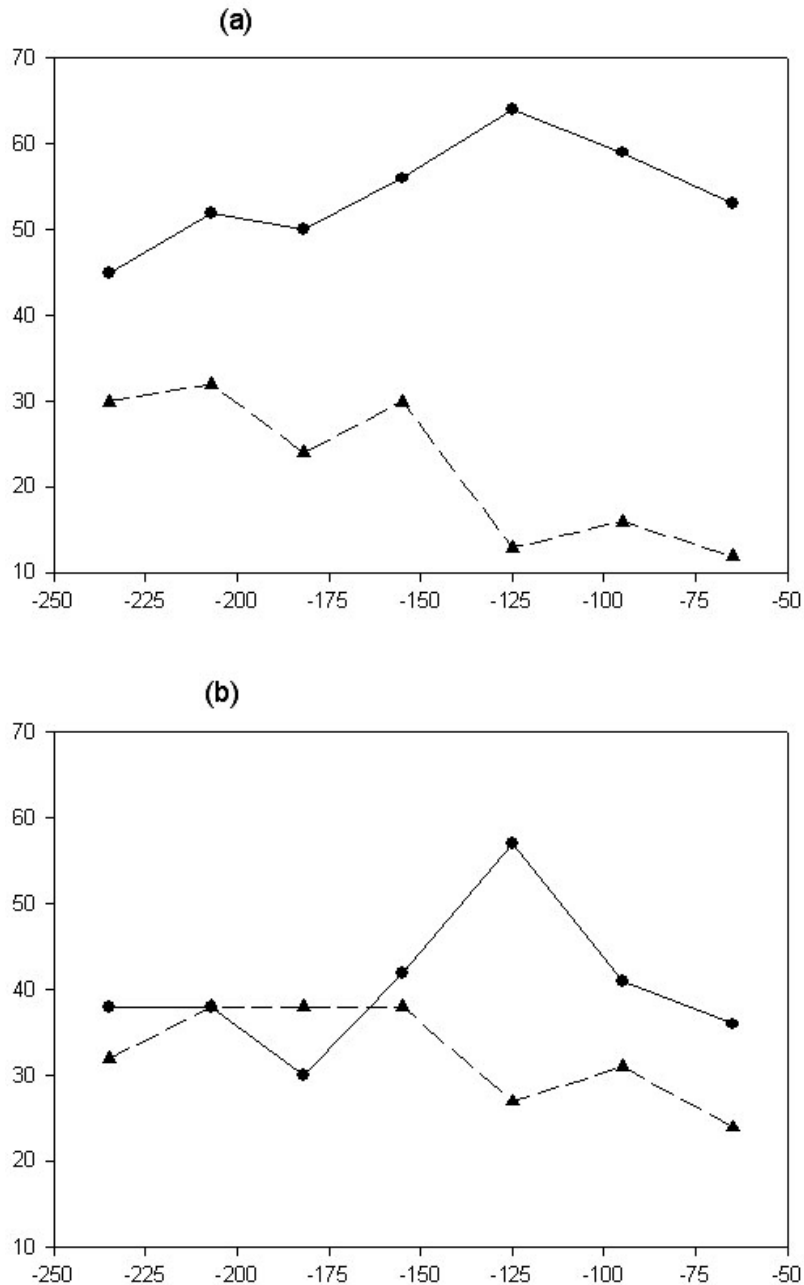

Рисунок 6.6. Наследование консульского статуса в 250-50 гг. до н.э. **(а)** Передача статуса в течение двух поколений: консулы с консулом-отцом и/или дедом (сплошная линия) и консулы – внуки консулов (пунктирная линия). **(б)** Передача статуса в течение одного поколения: консулы с отцами-консулами (сплошная линия) и консулы с сыновьями-консулами (пунктирная кривая). Данные в процентах из таблиц 2.2 и 2.4 Хопкинса и Бертон (Hopkins, 1983).

На рис. 6.6а мы отразили наследование консульского статуса в 250-50 гг. до н.э. Сплошная линия указывает на долю консулов, у которых консулами были отец или дед (это существенно, потому что элитным семьям часто приходилось пропускать поколение, так как их ресурсы были исчерпаны энергичной и дорогостоящей политической деятельностью, необходимой для достижения консульства). Мы видим, что доля таких консулов увеличилась с 45% в 249-220 гг. до н.э. до 64% в 139-110 гг. до н.э. Иными словами, к периоду Гракхов нобили усилили давление на консульскую власть. Та же динамика наблюдается для консулов с консулами-отцами: их доля увеличилась с 30-38% до 170 г. до н.э. до 58% 139-110 гг. до н.э. (рис. 6.6б, сплошная линия).

Вторая (пунктирная) кривая на рис. 6.6а показывает долю консулов, у которых был консул-внук. Эта кривая, в отличие от сплошной, не возрастает со временем: она колеблется около 30% до 169-140 гг. до н.э., а затем внезапно падает до 13% в течение 139-110 гг. до н.э. (рис. 6.6а). Другие показатели передачи статуса в этот период показывают аналогичное снижение. Доля консулов с консулами-сыновьями снизилась с 38 до 27% (рис. 6.6б, пунктирная кривая), в то время как доля консулов с консулами-внуками уменьшилась с 27 до 10%. Таким образом, как это ни парадоксально, в то же время, когда нобили упрочили свою власть над консульством, их способность передавать свой статус потомкам снизилась.

Единственное возможное объяснение этой динамики заключается в том, что пул претендентов на консульскую должность во II веке до н.э. неуклонно расширялся. Поскольку возросшее число нобилей боролось за те же 60 консульских постов в поколение, то внутриэлитная конкуренция росла и вероятность неудачи увеличивалась. Эта тенденция привела сначала к перекрытию вертикальной мобильности и растущему доминированию нобилей, а затем к усилению конкуренции среди их потомков.

Эту интерпретацию усиливает другой набор данных, приводимых Хопкинсом и Бертоном (Hopkins 1983:tab. 2.7). Исследователи анализировали способность «внутренней элиты» (то есть консулов с консулами-отцами и дедами) передавать наследникам статус консулов или преторов. Во второй половине III в. до н.э. каждый член внутренней элиты производил в среднем 1.25 сыновей в звании консула или претора. Так как это число больше единицы, то внутренняя элита количественно росла. Полвека спустя это значение уменьшилось до 0.83, а в период 139-80 гг. до н.э. упало до половины своего первоначального значения, 0.63.

В действительности средние числа скрывают довольно драматические колебания в возможности передачи статуса от отца к сыну. Сравнивая доли консулов-отцов и консулов-сыновей, мы замечаем, что до середины II в. до н.э. две кривые колеблются примерно на одном уровне (рис. 6.6б). В поколение 194-170 годов (после серьезного сокращения элит во время войны с Ганнибалом), доля консулов-сыновей опустилась до 30%, в то время

как доля консулов-отцов осталась на уровне 38%. Это говорит о том, что внутриэлитное соревнование за консульский статус в тот период было невелико. Напротив, в время Гракхов (139-110 гг. до н.э.) доля консулов-сыновей увеличилась до 57%, в то время как доля консулов-отцов упала до 27% (рис. 6.6b). Таким образом, уровень элитного перепроизводства достиг максимума непосредственно перед длительным периодом социополитической нестабильности. Пик внутриэлитной конкуренции пришелся на следующее поколение, на период между временем Гракхов и Союзнической войной.

Государственные финансы

В 146-91 гг. до н.э. римские финансы были относительно здоровыми. В 157 г. до н.э. казначейские запасы составляли 72 млн. сестерциев (Hart 1996:44), а в канун Союзнической войны – 80 млн. сестерциев (Hart 1996:50). Это финансовое равновесие, однако, оказалось хрупким, и запасы были быстро поглощены Союзнической войной, которая разрушила финансовое равновесие поздней Республики. Увеличение финансовых трудностей после 91 г. до н.э. было отмечено снижением содержания серебра в динарии до 95% (Hart 1996:50). Кроме того, государство перестало платить солдатам. В 89 г. до н.э., казна оказалась пуста; это случилось в первый раз с 213-212 гг., когда Рим переживал тяжелые дни войны с Ганнибалом (Crawford 1974:640). После окончания Союзнической войны финансовое положение было настолько отчаянным, что сенат в 88 г. до н.э. разрешил переплавку священных сокровищ в целях финансирования войны Суллы на Востоке. Переплавка дала около 9 тыс. фунтов золота (Hart 1996:50), что эквивалентно 43.2 млн. сестерциев (Crawford 1974:637). Во время гражданской войны 83-82 гг. до н.э. Сулла и его союзники неоднократно грабили храмовую казну. Однако когда Сулла упрочил свою власть и внутренняя стабильность была восстановлена, правительству удалось привести государственные финансы в порядок. Таким образом, в 81 г. до н.э. Сулла восстановил 98-процентное содержание серебра в динарии. Важным фактором в финансовом успехе Суллы были его победы на Востоке: он получил от Митридата контрибуцию в 2-3 тыс. талантов и заставил города Малой Азии уплатить налоги за пять лет, что дало еще 20 тыс. талантов (Hart 1996:51) или 480 млн. сестерциев. Удивительно, однако, что эти огромные сокровища были немедленно потрачены, и нехватка денег продолжалась на протяжении всех 70-х годов. Сулла ввел новые налоги и принял закон, разрешающий продажу *ager publicus* (Crawford 1974:638). В 70-х годах (на пике боевых действий в Испании против Сертория) динарий пережил еще одну девальвацию до 96-97% серебра (Hart 1996:54).

Основание для разрешения финансовых трудностей Рима было заложено Помпеем, который реорганизовал Испанию и восточные области так,

чтобы заменить хищническое разграбление правильным налогообложением (Harl 1996:54). В результате реорганизации Помпея доходы Рима увеличились в четыре раза (см. табл. 6.2). Дань из Галлии, завоеванной Цезарем, увеличила общие доходы до 380 млн. сестерциев. Эти средства позволили республике накопить большой казначейский запас, который включал 15 тыс. золотых слитков – хотя мы не знаем, сколько весил «слиток» (Crawford 1974:639). Однако в 49 г. до н.э. этот запас был захвачен и немедленно потрачен Цезарем. Через год из-за нехватки слитков Цезарь был вынужден снизить серебряное содержание динария до 95-96% (Harl 1996:55). То, что мы видим, является возвращающимися циклами «банкета с последующим голодом». Цикл повторяется еще раз после убийства Цезаря. В 44 г. до н.э. в казне был запас в 700 млн. сестерциев, который был немедленно растрочен преемниками Цезаря в своих междоусобных войнах (Harl 1996:56). В 44-42 гг. до н.э. триумвирам снова пришлось девальвировать динарий до 95-96% серебра, и к 31 г. до н.э. динарии, чеканившиеся Марком Антонием, содержали только 92% серебра (Harl 1996:59). Между тем Октавиан смог увеличить чистоту динариев, которые он чеканил. После 27 г. до н.э. содержание серебра в динарии было восстановлено (до 98%) и осталось постоянным в течение последующего столетия.

Повышение социального давления

Растущая нищета среди низших слоев римского общества сочеталась с растущим недовольством элиты (хотя, конечно, по очень разным причинам). В предыдущем разделе мы уже обсуждали результаты анализа верхнего слоя элиты, консуляриев. Данные, суммированные Хопкинсом и Бертоном, показывают, что внутриэлитная конкуренция за консульские должности к периоду Гракхов значительно усилилась. Увеличение числа претендентов на элитные позиции означало, что, даже если представитель знатного рода получал консульскую должность, большая часть его потомков оттеснялась вниз по социальной лестнице. Хотя у нас нет конкретных исследований, та же динамика, должно быть, была характерна и для сенаторского класса, так как размер сената (в 300 человек) оставался неизменным, пока в начале I в. до н.э. он не был удвоен Суллой, а затем снова удвоен Цезарем.

Рассматривая более низкие слои социальной иерархии, мы обнаруживаем, что несенаторская элита, сословие всадников (*ordo equestris*), находило все более трудным достижение сенаторского статуса и почти невозможным – вхождение в ряды консуляриев (Ward et al. 2003:137). Социальные механизмы Римской республики гарантировали, что «рыцари» (всадники) получают свою долю прибыли от средиземноморских завоеваний. Сенаторы были лишены возможности участвовать в государственных контрактах на производство общественных работ, управление рудниками,

сбор налогов и военные поставки. Эти контракты были переданы компаниями публиканов, которые происходили в основном из сословия всадников (Ward et al. 2003:134). В первой половине II в. до н.э. многие всадники чрезвычайно разбогатели в результате деятельности в качестве публиканов, вложили свои новые богатства в социально более престижные формы (в основном, в землю) и стремились войти в сенаторский класс. Таким образом, конкуренция за ограниченное количество сенаторских должностей усугублялась как увеличением числа знатных кандидатов (в результате роста численности знати), так и давлением со стороны разбогатевших всадников.

Элиты союзнических итальянских политий оказались в худшей ситуации, чем всадники, потому что они были в значительной степени отлучены от прибылей заграничных завоеваний. Поскольку Риму после поражения Ганнибала не угрожала опасность в Италии, то римляне все больше относились к своим итальянским союзникам как к подданным. Союзники, в свою очередь, начали требовать гражданских прав, но римские элиты упрямо отказывались исправить эту ощутимую несправедливость (Ward et al. 2003:138). Действительно, римский правящий класс, столкнувшись с растущей внутриэлитной конкуренцией, по понятным причинам не стремился обострить ее, допустив к гражданству итальянские элиты.

В то время как народная нищета и внутриэлитная конкуренция росли, доходы государства стагнировали (табл. 6.2). Что еще хуже, в середине II в. до н.э. римляне завоевали все богатые цивилизованные государства, которые они могли бы завоевать. После разрушения Карфагена и Коринфа в 146 г. до н.э. и до завоеваний Помпея и Цезаря столетие спустя войны не приносили выгоды. Вместо этого Рим имел дело с изнурительной и дорогостоящей войной против примитивных племен, как в Испании, с восстаниями рабов, с борьбой с пиратами и с внутренними войнами, о которых будет сказано ниже.

Так как все эти тенденции усилились в конце II в. до н.э., внутриэлитная конкуренция принимала более насильственные формы. Соединение внутриэлитной борьбы с мобилизованными элитой народными движениями и с региональными восстаниями в конечном итоге привело к полному краху государства.

6.4. Кризис поздней республики (130-30 до н.э.)

Первым симптомом начала дезинтегративной фазы были восстания рабов, которые начали вспыхивать на всем протяжении римского мира в 138 г. до н.э. «В Италии восстание было подавлено и более 4500 рабов были распяты в Риме и в близлежащих городах. Восстание на большом невольничьем рынке в Делосе было подавлено силой оружия, так же как и другое восстание на серебряных рудниках в Лаврионе, недалеко от Афин.

В Пергаме война Аристоника (незаконнорожденного сына Эвмена II) и его стоического “Государства Солнца” против Рима (132-129 до н.э.) была просто крупным восстанием рабов, пролетариев и солдат. Хуже всего было восстание рабов в Сицилии, где обычные разбойные выступления рабов вылились около 136 г. до н.э. в полномасштабную войну под руководством сирийского раба Евна. Изрыгая огонь и произнося пророчества, он смог убедить 70 тыс. (некоторые говорят, 250 тыс.) своих последователей, что он является Антиохом, царем Сирии. Только после нескольких лет упорной борьбы, гибели многих землевладельцев и разорения острова, римляне в 131 г. до н.э. подавили это восстание и погасили его последние искры» (Ward et al. 2003:136). За этой первой войной с рабами последовала вторая (104-101 гг. до н.э.), также на Сицилии, а затем третья (73-71 гг. до н.э.) под предводительством Спартака, а также менее значительные восстания в Кампании и Апулии (Bradley 1989).

Крестьянские восстания в аграрных обществах редко удавались, если им противостояли объединенные элиты, и восстания рабов в конце республиканского Рима не были исключением из этого правила. Гораздо более опасная угроза для государства возникала в том случае, когда элита раскалывалась на части, и некоторые фракции в своем стремлении к власти приступали к мобилизации народной поддержки. Тиберий Семпроний Гракх был политически амбициозным молодым человеком из очень известной семьи. Его отец достиг вершины политического успеха, дважды став консулом, а затем – цензором (Ward et al. 2003:156). В связи с обострившейся внутриэлитной конкуренцией поколение Тиберия Гракха столкнулось с гораздо более жестким соревнованием за высшие должности, чем это было во времена их отцов. В этих условиях было естественно использовать разгоравшееся народное недовольство как двигатель для достижения политического успеха. Кроме того, большая поляризация богатства, приводившая к появлению огромных состояний в то время как большинство граждан были безземельными, заключала в себе очевидную несправедливость. Наконец, разорение «среднего класса», ассидиев, который традиционно обеспечивал основную часть новобранцев в римских легионах, ставило под угрозу само существование Рима.

Когда в 133 г. до н.э. Тиберий Гракх был избран народным трибуном, он предложил закон, по которому крупные частные имения на общественной земле подлежали разделу между безземельными гражданами (Ward et al. 2003:154). В ходе ожесточенной борьбы за этот законопроект Тиберий и триста его сторонников были убиты толпой сенаторских клиентов на форуме. Тем не менее, аграрная комиссия, созданная для проведения в жизнь закона Гракха, продолжала функционировать и после его смерти. В течение следующих шести лет она отвела земельные наделы для более 75 тыс. неимущих граждан, что несколько облегчило аграрный кризис.

Смерть Тиберия Гракха обозначила раскол римской элиты на фракции популаров и оптиматов, борьба между которыми в конечном итоге погрузила Италию в ожесточенную гражданскую войну. Эти элитные группировки, однако, не были настоящими политическими партиями: хотя основная борьба развернулась между популарами и оптиматами, члены одной и той же фракции при случае воевали между собой. Следующим лидером фракции популаров был брат Тиберия, Гай Гракх, который был избран народным трибуном в 123 г. до н.э. и повторно в 122 г. до н.э. Гай продолжал проводить программу своего брата по распределению земли и ввел знаменитый закон («*lex frumentaria*»), который предоставлял гражданам Рима зерно по субсидированным ценам. Он способствовал проведению других популярных программ, таких, как проведение общественных работ и основание новых земледельческих колоний. Наконец, он попытался предоставить гражданские права итальянским союзникам – но безуспешно. Благодаря огромной популярности среди плебеев Гай Гракх доминировал в политической жизни Рима в течение двух лет своего трибуната. Однако это господство было недолгим; политические конкуренты Гая Гракха объединились и воспрепятствовали его третьей попытке стать трибуном. Вскоре после этого Гай был убит во время уличных боев между его последователями и противниками. Вместе с ним погибло три тысячи его сторонников (Le Glay et al. 1997:103). Насильственная смерть братьев Гракхов была еще одним признаком распада римских политических структур.

Таким образом, 130-120 гг. до н.э. были достаточно бурным периодом в истории Рима (восстания рабов, беспорядки, связанные с гибелью братьев Гракхов, восстание союзников во Фригеллах в 125 г. до н.э.), хотя уровень насилия еще не предвещал того накала, который был достигнут спустя два поколения (рис. 6.5). Как это обычно бывает во время дезинтегративной тенденции вековых циклов, социополитическая нестабильность изменялись по схеме сменяющихся поколений. За насилиями эпохи Гракхов последовали два десятилетия относительно свободные от конфликтов (по крайней мере, внутренних). Важными внешними конфликтами в этот период были Югуртинская война в Северной Африке (111-106 гг. до н.э.) и война с кимврами и тевтонами (105-101 гг. до н.э.). Одним из побочных эффектов этих войн стало возвышение Гая Мария, который стал одним из главных лидеров популаров в период гражданских войн.

Относительная политическая стабильность, однако, длилось недолго, потому что основная причина нестабильности, конкуренция за статус в результате перепроизводства элиты, ни в коей мере не смягчилась в результате событий периода Гракхов. Это объясняет события, произошедшие после 100 г. до н.э. Как отмечалось выше, вторая война с рабами бушевала на Сицилии от 104 до 101 г. до н.э. Но что более важно, внутриэлитный конфликт снова вспыхнул в Риме. В 100 г. до н.э. популярный политик Луций Аппулей Сатурнин был во второй раз избран в трибуны и приступил к

полной реформе социального законодательства. Когда обычные методы для срыва законодательной деятельности (право вето, «плохие предзнаменования» и насилие) не удались, сенат объявил Сатурнина и его последователей вне закона. Разъяренная толпа клиентов знати убила Сатурнина и его сторонников (в том числе консула Гая Сервилия Главцию). Марий, который в 100 г. до н.э. отбывал свой шестой консульский срок, пытался лавировать между требованиями, предъявляемыми оптиматами и популярами, но поляризация элиты зашла так далеко, что, по-видимому, компромисс был невозможен. В конечном счете, Марий не смог предотвратить убийства лидеров популяров. Он не получил никакой поддержки от оптиматов, но потерял доверие популяров, и был вынужден удалиться в своего рода добровольное изгнание, так и не выполнив обещания добиться земли для своих солдат.

В течение десятилетия, следовавшего за убийством Сатурнина и подавлением волнений, напряжение продолжало расти. Лидеры оптиматов, которые, господствуя в Сенате, управляли общественными делами, продолжали отказывать в предоставлении земли ветеранам Мария и отвечали на требование гражданства итальянскими союзниками высылкой италиков, проживавших в Риме (Ward et al. 2003:173). В 91 г. до н.э. имела место последняя неудачная попытка проведения реформ со стороны умеренных оптиматов во главе с Ливием Друзом Младшим, но и она окончилась ничем в результате смерти Друза от руки неизвестного убийцы. В следующем году большинство итальянских союзников восстали против Рима (Союзническая война, 90-88 гг. до н.э.).

Интенсивность войн, происходивших в Италии, может быть измерена частотой датированных монетных кладов (рис. 6.5). После спокойной первой половины II в. до н.э. кривая начинает подниматься, начиная с 130 г. до н.э. Мы не видим пика в период Гракхов, так как для этого времени характерны политическая борьба и городские бунты, а не полномасштабная война. Кривая достигает второго пика (после Ганнибаловой войны) в течение 80-90-х гг. до н.э. Это был период почти непрерывной гражданской войны: уже упомянутая Союзническая война, затем гражданская война и победа фракции Мария (87 г. до н.э.), марианский «террор» (87-86 гг. до н.э.), гражданская война и победа Суллы (83-82 гг. до н.э.), проскрипции Суллы (82-81 гг. до н.э.), восстание Лепида (78-77 гг. до н.э.) и восстание рабов под предводительством Спартака (73-71 гг. до н.э.). За пределами Италии лидер марианцев Серторий возглавил восстание в Испании (82-72 гг. до н.э.). Хрупкое равновесие было достигнуто в 70 г. до н.э. в консульство Гнея Помпея (Помпея Великого) и Марка Лициния Красса. Несмотря на то, что Помпей и Красс начали свою политическую карьеру в качестве оптиматов (в частности, они оба были офицерами у Суллы), их законодательная программа была умеренной (например, они восстановили полномочия трибунов, которые были ранее отняты Суллой). Консенсус между

соперничающими фракциями элиты был результатом усталости от двух десятилетий непрерывной борьбы, которая погубила сотни тысяч жизней (см. ниже).

Для 60-х и 50-х годов было характерно отсутствие гражданских войн (рис. 6.5). Этот был период относительного внутреннего мира, который был нарушен только заговором Катилины (63 г. до н.э.), восстанием, которое было легко подавлено консулом Цицероном, а также уличными боями между бандами популара Клодия и оптимата Милона (52 г. до н.э.). Военная мощь Рима была направлена вовне, и эти два десятилетия принесли первые значительные дополнения к римской территории, начиная с середины II в. до н.э. Помпей завоевал Малую Азию и Левант (66-62 гг. до н.э.), в то время как Цезарь завоевал Галлию (58-51 гг. до н.э.). Красс попытался сделать то же самое в Парфии, но потерял свою армию и свою жизнь (53 г. до н.э.). Кроме того, Помпей смог положить конец средиземноморскому пиратству (68 г. до н.э.). Однако, несмотря на относительный внутренний мир, финансовое здоровье государства оставалось неустойчивым, и политические кризисы 67 и 63 гг. до н.э. исчерпали казну (Hart 1996:49).

Заключительный период гражданской войны начался в 49 г. до н.э., когда Цезарь перешел Рубикон, и закончился после битвы при Акции в 31 г. до н.э. Хотя Цезарь начинал в качестве политика-популара, в то время как Помпей был оптиматом, идеологические различия становились все менее и менее важными, и конфликт превращался в более или менее неприкрытую борьбу за власть между различными фракциями элиты. Первый этап гражданской войны (49-45 гг. до н.э.) был борьбой Цезаря против Помпея Великого и его сторонников, продолжавших сопротивление после смерти Помпея в Египте (48 г. до н.э.). После гибели Цезаря борьба шла между его убийцами, Брутом и Кассием, и преемниками Цезаря, Марком Антонием, Лепидом и Октавианом (44-42 гг. до н.э.). Период 41-31 гг. до н.э. стал свидетелем сложного конфликта между Октавианом, Марком Антонием и Секстом Помпеем (сыном Помпея Великого) в различных сочетаниях. В конце концов, Секст Помпей потерпел поражение на Сицилии и бежал в Грецию, где был казнен (36 г. до н.э.), а Марк Антоний потерпел поражение в битве при Акции и покончил с собой в Египте (31 г. до н.э.). Установление принципата Октавиана, или Августа, как его теперь называли, в 27 г. до н.э. обозначило конец республиканского векового цикла.

6.5. Конец дезинтегративной тенденции

Таким образом, столетие после трибуната Тиберия Гракха можно интерпретировать как дезинтегративную фазу векового цикла Римской республики. Существовали три пика насилия: довольно умеренный в период Гракхов (133-121 гг. до н.э.) и затем два периода гражданских войн в 90-71

гг. до н.э и 50-31 гг. до н.э. Как отмечалось выше, наиболее важным фактором этого столетнего периода социополитической нестабильности было перепроизводство элиты. Другие демографически-структурные проблемы, лежащие в основе дестабилизации Римской республики, народная нищета и государственное банкротство, могли быть разрешены, если бы элиты смогли достичь консенсуса. Действительно, основа для решения этих двух проблем была заложена завоеваниями 60-х и 50-х гг. до н.э., но новые условия не могли быть использованы, пока консенсус среди элит не был восстановлен при Августе.

Такой консенсус мог быть достигнут, как только проблема перепроизводства элиты была «решена» в результате нескольких процессов, которые имели место в период социополитической нестабильности. Особое значение имеют два периода гражданской войны (90-71 и 50-31 гг. до н.э.). Прямым последствием социополитической нестабильности было физическое уничтожение части элиты. Когда марианцы одержали победу в 87 г. до н.э., последователи Мария убили многих своих врагов-оптиматов: «их изуродованные тела валялись на улицах и их головы, с которых капала кровь, украшали ростры» (Ward et al. 2003:178). Сулланский террор пять лет спустя привел к гораздо большим жертвам среди элиты: его жертвами стали 15 консуляриев, 90 сенаторов и 2600 всадников. Проскрипции Суллы, таким образом, оказали значительное влияние на численность элиты: 90 сенаторов составляли 30% сената (имевшего до реформы Суллы 300 членов). Проскрипции Второго триумvirата после смерти Цезаря (43 гг. до н.э.) привели к казни 300 сенаторов и 2000 всадников (Stearns, 2001). В боях погибло огромное количество претендентов на вхождение в элиту. Только война 91-82 гг. до н.э. унесла более 200 тыс. жизней, и, возможно, 100 тыс. человек погибло в 49-42 гг. до н.э. (Crawford 1993:1). В 82 г. до н.э., на заключительном этапе борьбы между Суллой и его противниками, потери обеих армий составляли от 50 тыс. до 70 тыс. убитыми. Когда Сулла взял Рим 1 ноября 82 г. до н.э., он казнил 3 тыс. из 12 тыс. пленных, которые были собраны на Марсовом поле (Le Glay et al. 1997:118). Около 40 тыс. римлян погибли в битве при Филиппах в 42 г. до н.э. (Stearns, 2001).

К этим числам мы должны добавить 100 тыс. погибших в первой войне с рабами (104-100 гг. до н.э.) (Ward et al. 2003:170). Но мы не знаем, как много людей погибло в уличных боях между различными фракциями. Каждый раз, когда погибал вождь популаров, такой, как Гракх или Клодий, вместе с ним гибли десятки и сотни его последователей. Например, в апреле 121 г. до н.э., когда был убит Гай Гракх, погибло 3 тыс. его сторонников (Le Glay et al. 1997:103). Чтобы дать сравнительную оценку потерям элиты во время гражданской войны, мы должны отметить, что к концу периода, во время правления Августа, имелось 600 сенаторов и, возможно, 5000 всадников (Jongman 1988:193). Суммируя все потери, упомянутые выше, мы неизбежно приходим к выводу, что гражданские войны уменьшили

численность претендентов на вступление в элиту, по крайней мере, наполовину.

Вторым результатом социополитической нестабильности было падение темпов воспроизводства (см. Brunt 1971:131-155). Римляне использовали различные семейные практики ограничения рождаемости, в том числе аборт и детоубийства. Хорошо знакомый с ситуацией в элитных семьях Дион отмечал, что в 18 г. до н.э. имелась нехватка женщин (Brunt 1971:151). Из этого наблюдения, вероятно, можно сделать вывод, что римляне практиковали убийство новорожденных девочек.

Третьим результатом гражданских войн была инфляция статуса знати, явление, которое часто наблюдается в дезинтегративной фазе, потому что лидеры различных элитных фракций считают дарование статуса дешевым методом вознаграждения последователей. Таким образом, Сулла удвоил численность римского Сената с 300 до 600 членов (81 г. до н.э.). Сулла расширил число квесторов до двадцати, а также увеличил число священников (Raaflaub 1986:167). Число преторов, которое был увеличено с двух до четырех в 277 г. до н.э., а затем до шести в 197 г. до н.э. (Crawford 1993:71), было увеличено Суллой до десяти (Crawford 1993:153). В 45 г. до н.э. Цезарь еще раз удвоил число квесторов, а также увеличил число преторов до шестнадцати. Он поднял численность сенаторов до 900, заполнив дополнительные места своими сторонниками (Ward et al. 2003:213). В долгосрочной перспективе следствием реформы Цезаря было увеличение числа сенаторов до 1200, так как каждый квестор автоматически становился сенатором. К моменту реформы Августа имелось более 1000 сенаторов (Ward et al. 2003:254). Удивительно, что после столетнего истребления элиты Марием, Суллой и преемниками Цезаря, не считая потерь в гражданских войнах и уличных беспорядках, претендентов оказалось достаточно, чтобы заполнить разросшийся в три раза Сенат. В течение этого периода элитный коэффициент воспроизводства был, вероятно, ниже общего уровня воспроизводства (см. выше); это означает, что проблема перепроизводства элиты во время братьев Гракхов была действительно тяжелой. Расширение Сената был средством «выпускания пара»: оно удовлетворяло среди претендентов спрос на элитный статус. Но как только претенденты достигали желаемой чести, они подвергались превратностям гражданской войны и становились жертвами массовых проскрипций при смене режима.

В дополнение к повышенной смертности элиты и подавленному воспроизводству имелся другая, трудно обнаруживаемая, тенденция к усилению нисходящей мобильности. Должно быть, имелось много претендентов на вхождение в элиту, которые видели, что вероятным последствием их стремления к более высокому статусу будет преждевременная смерть на поле боя или в проскрипциях. Поэтому они могли принять решение довольствоваться имеющимся скромным положением и держаться подальше от политики. Примером такого выбора был Марк Эмилий Лепид, консул в

46 г. до н.э. и член Второго триумvirата наряду с Марком Антонием и Октавианом. В 36 г. до н.э. Лепид и Октавиан поссорились. «Октавиан смело вошел в лагерь Лепида и убедил легионы перейти на свою сторону. Затем он отправил Лепида в отставку, разрешив ему поселиться в прекрасном приморском городе Цирцеи в Лацио. Лепид жил там мирно еще двадцать четыре года» (Ward et al. 2003:225). Трудно представить Помпея или Цезаря принимающим такую удобную отставку, но люди различаются в том, насколько ими движет честолюбие. Другим примером является Т. Помпоний Аттик, доверенное лицо Цицерона, издатель и банкир. Этот всадник был богаче многих сенаторов, но предпочел остаться в стороне от политики. Во время бурных 88-65 гг. до н.э. он переехал в Грецию, где находился в безопасности от политических бурь Рима. После возвращения в Рим он покровительствовал искусству и литературе и завязал много важных связей, которые со всех сторон обезопасили его во время последующих гражданских войн (Ward et al. 2003:234). На более низких уровнях римской социальной иерархии, должно быть, было много таких лепидов и аттиков, которые после свидания со смертью в гражданскую войну решили вернуться в свои имения. Их число должно было увеличиться, когда тщетность внутренней войны была продемонстрирована не один раз. Поэт Тибулл воскликнул (вероятно, в 32 г. до н.э.): «Я не хочу умереть молодым и ни за что!» (Le Glay et al. 1997:171) «Георгики» Вергилия наполнены тоской по миру: «Так много войны во всем мире... поля пропадают в отсутствие фермера» (цит. по: Wells 1992:15).

После последнего периода гражданской войны, двадцатилетнего «discordia, non mos, non ius»¹, который начался в 49 г. до н.э., Италия была измучена и готова приветствовать любой режим, который обеспечит мир (Brunt 1971:11). Столетие социополитической нестабильности разрешило проблему перепроизводства элиты и вызвало в римлянах сильную тоску по миру. В результате правление Августа опиралось на широкий народный консенсус. Когда Август в 23 г. до н.э. отказался от ежегодного консульства, которое он занимал с 31 г. до н.э., народ Рима, опасаясь уменьшения его власти, бунтовал и пытался вынудить его снова принять должность (Wells 1992:15). Вековая дезинтегративная тенденция исчерпала себя, и начался новый цикл эпохи принципата.

6.6. Заключение

Цикл римской республики во многом отличается от «типичного» векового цикла (если такой существует). Основными осложняющими факторами являются широкомасштабная территориальная экспансия Рима в 350-150 гг. до н.э. и новый период экспансии в интервале между двумя граж-

¹ «раздор, забвение обычаев и права». – Тацит. *Анналы*. 3.28.1

данскими войнами I в. до н.э. Сокращение численности населения в III в. до н.э., вызванное борьбой за господство в западной части Средиземного моря, является еще одним осложняющим обстоятельством.

Республиканский Рим отличался от тех государств, с которыми мы имели дело в главах 2-5. В отношении намерений и целей римская элита и государство – это было почти одно и то же: сенаторский класс *был* государством. Если государство не является независимым агентом, отличным от элиты, то стандартная демографически-структурная модель (см. гл. 1) должна быть скорректирована. В частности, финансовые трудности государства, достигающие кульминации в его банкротстве, перестают играть ключевую роль в вызревании кризиса. Действительно, хотя имеется достаточно число признаков финансовых затруднений во время гражданских войн в I в. до н.э., насколько нам известно, финансы не претерпевали кризиса перед 91 г. до н.э., когда вспыхнула Союзническая война.

Данные, которые мы рассмотрели в этой главе, свидетельствуют, что главной причиной государственного брейкдауна и гражданских войн в I в. до н.э. было перепроизводство элиты. Это подтверждается нашим анализом данных Хопкинса и Бертона о наследовании статуса консула. Дополнительными признаками перепроизводства элиты, которые параллельны тенденциям, наблюдаемым в других светских циклах, являются рост экономического неравенства (и особенно, безудержное умножение крупных состояний) и инфляция знатности (проявившаяся в удвоении Сената Суллой, а затем – Цезарем).

Что касается экономических показателей перенаселения, таких как цены и арендная плата, то наше знание экономической истории Рима слишком фрагментарно, чтобы реально проверить эти теоретические предсказания. Нужно признать, что наша реконструкция демографически-структурной динамики республиканского цикла является намного более гипотетической, чем для лучше документированных случаев, с которыми мы имели дело в главах 2-5. Тем не менее, мы утверждаем, что рассмотренные в этой главе эмпирические данные в целом согласуются с теорией вековых циклов.

Возможно, лучший способ использовать материал этой главы состоит не в том, чтобы проверить демографически-структурную теорию, но поставить вопрос о том, как теория могла бы помочь нам пролить новый свет на определенные аспекты римской истории – аспекты, которые до сих пор озадачивают историков и вызывают дискуссии. Хорошим примером является дискуссия между сторонниками «низкой» оценки и «высокой» оценки в интерпретация римских цензов.

Согласно Ло Кассио, у «низкой» оценки Белоха и Бранта есть два недопустимых следствия. Во-первых, она подразумевает, что свободное население уменьшилось в 70-28 гг. до н.э. На самом деле эта оценка также подразумевает сокращение численности населения в 125-70 гг. до н.э. (см.

п. 6.1). Однако с точки зрения демографически-структурной теории такое сокращение численности населения не только не удивительно, но и естественно. Длительные периоды интенсивной внутренней войны практически всегда приводят к уменьшению населения, иногда очень драматичному. Нет ничего экстраординарного в сокращении численности населения на 30% в течение столетия (в соответствии с нашей оценкой в п. 6.1). Литературные источники и число монетных кладов убедительно свидетельствуют об интенсивности гражданских войн периода поздней республики. Рассмотренные выше многочисленные (хотя и фрагментарные) данные показывают, что полуостровная Италия была перенаселена в конце II в. до н.э., а не в то время, когда Август учредил принципат.

Во-вторых, критика Ло Кассио указывает на расходящиеся тенденции между уменьшением сельского населения, подразумеваемого «низкой» оценкой, и растущим числом городских обитателей (главным образом, в Риме). Опять же, это не должно озадачивать: это картина, которую мы видим снова и снова в дезинтегративных фазах вековых циклов. Сельское население перемещается в города сначала в поисках работы, а затем и безопасности. Высокий показатель урбанизации полностью согласуется с сокращением общей численности населения, потому что города того времени поглощали население, не обеспечивая его воспроизводства.

Глава 7. Рим: цикл принципата (30 г. до н.э. - 285 н.э.)

7.1. Краткий обзор цикла

Цикл принципата охватывает три столетия между 27 г. до н.э. и 285 н.э. (от создания принципата Августа до правления Диоклетиана). Поскольку к концу правления Августа территориальная экспансия, в основном, завершилась, то дальнейшие изменения в территории империи были относительно небольшими и имели лишь незначительное воздействие на социальные, экономические и демографические переменные.

Столетнее правление Юлиев-Клавдиев и Флавиев было фазой расширения векового цикла. Это был период демографического и экономического роста, несколько омраченный политической нестабильностью, которая, однако, затрагивала преимущественно правящий класс. Хотя шесть из десяти преемников Августа (Калигула, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий и Домициан) были свергнуты и встретили насильственную смерть, это было результатом дворцовых переворотов, а не полномасштабных гражданских войн. Самый серьезный период политической нестабильности имел место после смерти Нерона и продлился меньше двух лет (с марта 68 г. до декабря 69 г.).

Фаза стагфляции началась с начала правления Нервы (96 г.) и закончилась приходом Антониновой чумы (165 г.). Это был период политической стабильности, когда империей управляли пять «хороших» императоров (Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий). Как обычно во время фазы стагфляции, элиты чувствовали себя очень неплохо, и их численность росла – поэтому этот период обычно рассматривают как «золотой век» Римской империи. Однако опять же, как обычно для фазы стагфляции, народная нищета увеличивалась из-за перенаселения и инфляции. Во время этой фазы был достигнут пик государственного могущества, территориального расширения и экономического процветания (по крайней мере, для элит). Многие социально-экономические показатели, такие как количество документов, строительная активность, производство мрамора и кирпича, достигли в 130-150 гг. своих максимальных значений (Greenberg 2003).

Фаза кризиса началась с первым появлением Антониновой чумы (165 г.). Консенсус среди элит распался, и к концу периода, когда был свергнут Коммод, ситуация вылилась в полномасштабную гражданскую войну (192-

197 гг.) В период с 211 г. (когда Каракалла сменил Септимия Севера) до 285 г. можно рассматривать как фазу депрессии, которая характеризовалась непрерывным внутриэлитным конфликтом, хронической гражданской войной и дальнейшим сокращением численности населения (в частности, в результате повторяющихся эпидемий 250-260-х гг.). Как обычно, в результате истощения противоборствующих сторон войны сменялись периодами мира. Дезинтегративная тенденция полностью исчерпала себя, когда Диоклетиан одержал верх над своими противниками и установил режим диктатуры.

Демографическая динамика

Сохранились три относящиеся к эпохе Августа и одна времен Клавдия переписи римских граждан (табл. 7.1). Эти числа исключают рабов, но включают в себя неизвестную пропорцию римских граждан, проживавших вне Италии. Они предполагают, что тенденция снижения, характеризующая итальянское население в I в. до н.э., с 30 г. до н.э. сменилась на противоположную, и население начало расти все более быстрыми темпами (0.2% в год в конце I в. до н.э. и 0.5-0.7% в I в. н.э.). Брант считает, что учитывая имевшийся недоучет и рабов, в конце периода Августа (14 г.) численность населения Италии составляла, возможно, 7 млн. человек, подразумевая при этом, что население в 28 г. до н.э. было меньше 6 млн. Следует отметить, что Брант полагает, что увеличение численности с 28 г. до н.э. до 14 н.э. было целиком обусловлено предоставлением гражданства рабам и провинциалам, но мы находим его аргументы неубедительными. Доля римских граждан, проживавших за пределами Италии, оставалась незначительной вплоть до второй половины I в. н.э., так что значительная часть увеличения зарегистрированного населения должна приходиться на рост населения в Италии. Это особенно важно, так как установление принципата положило конец разрушительной гражданской войне и стало началом длительного периода «Pax Romana».

Таблица 7.1. Ранние переписи населения периода принципата (Brunt 1971:113; Brunt 1987: postscript).

<i>Годы</i>	<i>Население, млн.</i>	<i>Темпы роста</i>
28 г. до н.э.	4.063	—
8 г. н.э.	4.233	0.2% p.a.
14 г. н.э.	4.937	0.7% p.a.
48 г. н.э.	5.894	0.5% p.a.

Мы не имеем данных переписей после 48 г., но вполне вероятно, что рост населения Италии продолжался в течение I в., а во II в. был медлен-

ным или стагнировал вплоть до прихода чумы. Считается, что самый большой прирост населения произошел в областях латинского Запада (исключая Италию). Фриер (Frier 2000), подтверждая предыдущую оценку МакЭведи и Джонса (McEvedy and Jones 1978), предположил, что общая численность населения латинского Запада в 14-164 гг. увеличилась с 25 до 42 млн. человек. Этот рост в пропорциональном выражении соответствует увеличению на 40%. Таким образом, за весь период с 29 г. до н.э. до 164 г. н.э. население латинского Запада должно было увеличиться по крайней мере на 50%, а скорее всего больше, потому что МакЭведи и Джонс склонны недооценивать колебания численности населения (как мы видели, например, в английской главе). На изначально более густонаселенном Востоке население увеличилось в меньшей степени, с 20 до 23 млн. Максимальная численность населения Римской империи оценивается по-разному, от 60 млн. Фриером до 100 млн. Белохом. Истина, вероятно, находится где-то посередине (Scheidel 2001b: 64).

Свидетельством того, что итальянское население стагнировало или даже немного уменьшилось во II в. является учреждение *alimenta*, общественного пособия для свободнорождённых детей, назначенного при Траяне (или, возможно, при Нерве) (Ward et al. 2003:337). Принятие этой программы было вызвано бедностью и уменьшением численности мелких фермеров, особенно в центральной Италии, следствием чего было сокращение числа итальянских новобранцев для легионов. Тем не менее, уменьшение численности «среднего класса» не обязательно означает, что общая численность населения сокращалась. Причиной этого уменьшения могло быть характерное для фазы стагфляции растущее экономическое неравенство: в то время как немногие из фермеров, разбогатеи, вступали в ряды элиты, большинство из них сползло в бедность (см., например, анализ подобных явлений во II в. до н.э. в предыдущей главе).

Археологические данные также подтверждают рост населения в Римской империи в течение первых двух веков н.э., но в то же время указывают на географические различия в демографической динамике. Имеющийся обзор археологических доказательств (Lewit 1991) рассматривает выборку из 201 раскопанного хозяйства и сельского поселения в семи регионах Западной Римской империи. Разделив общий период времени на восемь сегментов (100-0 гг. до н.э., 0-100 гг., 100-200 гг., 200-250 гг., 250-300 гг., 300-350 гг., 350-400 гг. и после 400 г.), Левит определяет доли раскопанных участков, занятых в течение каждого временного сегмента (рис. 7.1).

Мы видим, что в Италии кривая индекса оккупации начинается на высоком уровне уже в I в. до н.э., достигает пика в I в. н.э., а затем снижается во II в. н.э. В провинции, как правило, кривая достигает максимума в течение II в. н.э. (рис. 7.1). Исключением является Южная Галлия, где индекс оккупации в I и II вв. одинаков, и Южная Испания, где пик достигается в первой половине III в. Вторая половина III в. характеризуется упадком во

всех семи регионах. Тем не менее, степень упадка различна и коррелирует с тяжестью гражданской войны или варварских нашествий (Lewit 1991). Самый яркий контраст имеется между Англией, которая в III в. избежала варварских нашествий, и Бельгией, которая была полностью захвачена франками (см. рис. 7.1b).

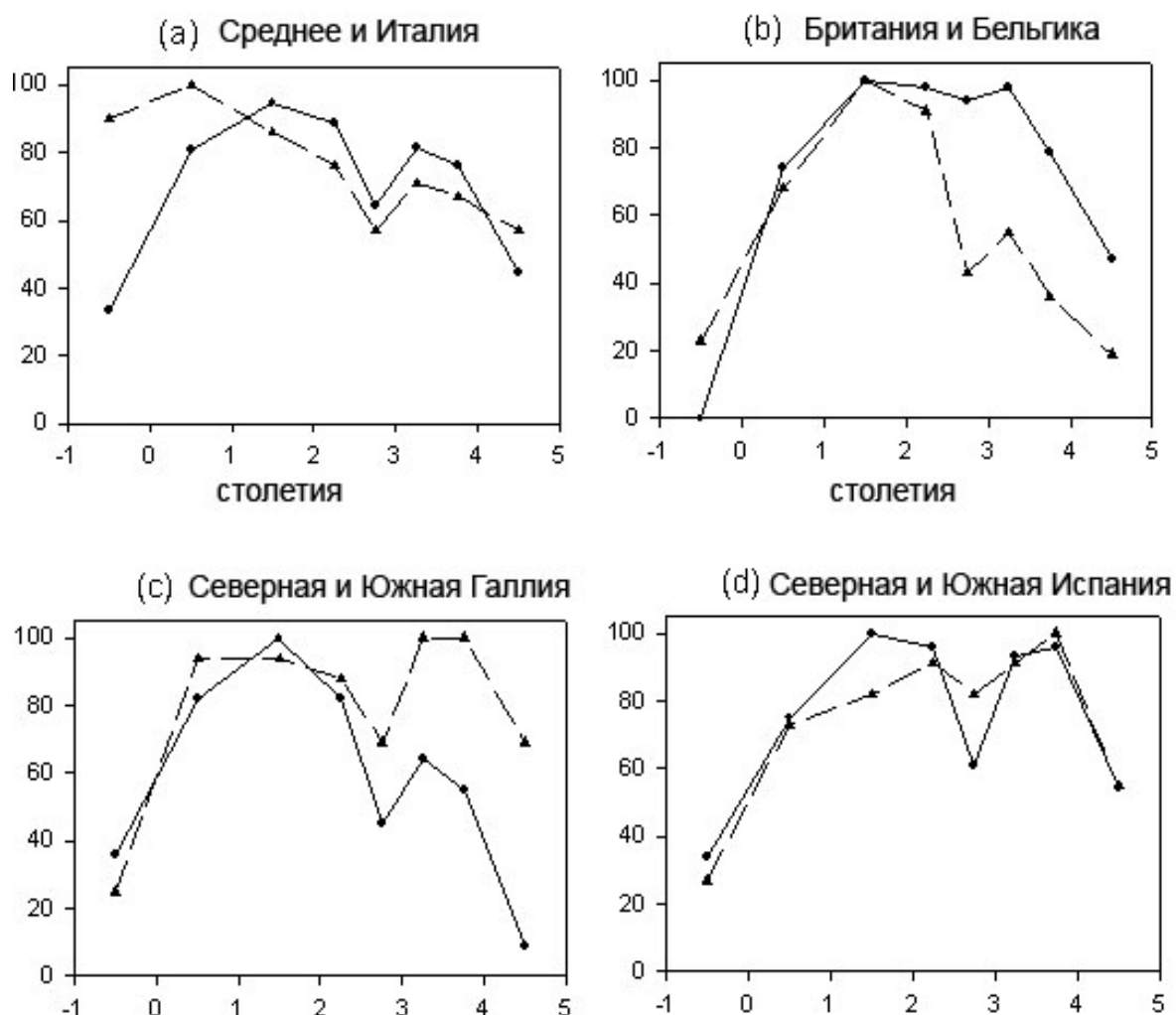

Рисунок 7.1. Доля занятой сельской площади (индекс оккупации) в Западной Римской империи (Lewit 1991). На каждом графике данные для первой области обозначены сплошной линией, для второй области – пунктирной линией. Полученные данные указывают на наличие двух вековых циклов, то есть циклов принципата и домината.

Усредняя региональные кривые, мы видим, что общий индекс оккупации на латинском Западе значительно возрос в течение I в. н.э. и медленно увеличивался во II в. (рис. 7.1a, сплошная линия). После максимума, достигнутого во II в., индекс стал снижаться в первой половине III в. и достиг минимума во второй половине III в. Далее имело место восстановление в IV в. (во время следующего цикла доминанта), и окончательный крах в V

в., когда Западная Римская империя была захвачена племенами германцев. Региональные обзоры подтверждают эту картину. Например, в Альбена Велли (Этрурия) при археологическом обследовании были найдены 23 фермы, виллы или села, существовавшие в I в. Это число сократилось до 14 во II в. и до 8 в III в. Затем оно увеличилось до 11 в IV в. и снова снизилось до 6 в V в. (Bintliff and Sbonias 1999:5). Эта динамика соответствует той, которую Левит приводит для Италии. Таким образом, представляется вероятным, что максимальная численность сельского населения в Италии была достигнута довольно рано, в I в. н.э., в то время как население остальной части империи продолжало расти вплоть до середины II в.

Тем не менее, мы не можем непосредственно связать индекс оккупации с численностью населения, потому что запустение не означает смерть всех людей, населявших заброшенные участки. Действительно, мы знаем, что во время фаз стагфляции и кризиса значительная часть сельского населения мигрирует в города. Но с другой стороны, индекс оккупации для сельских районов непосредственно связан с другим важным показателем, экологической емкостью, которая определяется как число ежегодных продовольственных пайков, которые производятся в пределах территории, контролируемой государством. Экологическая емкость может быть оценена путем умножения посевной площади на среднюю продуктивность единицы площади (пример расчета см. в приложении к гл. 3). Между максимумом II в. и концом III в. количество занятых сельских участков на латинском Западе снизилось на 32% (рис. 7.1a). Хотя теоретически возможно, что некоторые из заброшенных земель обрабатывали крестьяне, приходившие издалека, на практике в смутные времена это становится невозможным из соображений безопасности. Фактически культурная область вокруг мест, которые остаются занятыми, имеет тенденцию сжиматься: жители оставляют области, которые слишком далеки от убежищ, предоставляемых крепостными стенами или другими укреплениями (см. главу 5). Кроме того, в периоды высокой социополитической нестабильности люди имеют тенденцию концентрироваться в поселениях, которые имеют естественную защиту, в частности, на вершинах холмов. В результате лучшие сельскохозяйственные земли в низинах остаются невозделанными. В общем, вполне вероятно, что экологическая емкость в течение III в. сократилась по меньшей мере на треть от максимума. Как только экологическая емкость уменьшается, уменьшается и население, но с некоторой задержкой. Большинство крестьян, покинувших сельские поселения, возможно, переместились в города, включая Рим. При высокой смертности и низкой рождаемости в городах численность населения постепенно уменьшается до устойчивого уровня, определяемого пониженной экологической емкостью. Эта аргументация показывает, что связь между индексом оккупации и плотностью населения была косвенной и динамичной. Как только устанавливается дезинтегративная вековая тенденция, снижается экологическая

емкость, а затем с задержкой во времени уменьшается численность населения. Должно потребоваться, по крайней мере, поколение или больше, чтобы система пришла в какое-то равновесие (и возможно, на самом деле это не случится до тех пор, пока дезинтегративная тенденцию не исчерпает себя и экологическая емкость не начнет расти).

Некоторые экономические тенденции в империи могут быть прослежены с помощью археологических данных. Например, ввоз африканской красной керамики в Альбена Велли показывает увеличение во втором веке и достигает пика в 180 и 190 гг. (рис. 7.2). После краха III в., имеется и второй пик в течение последней четверти IV в., который отражает вековой цикл домината.

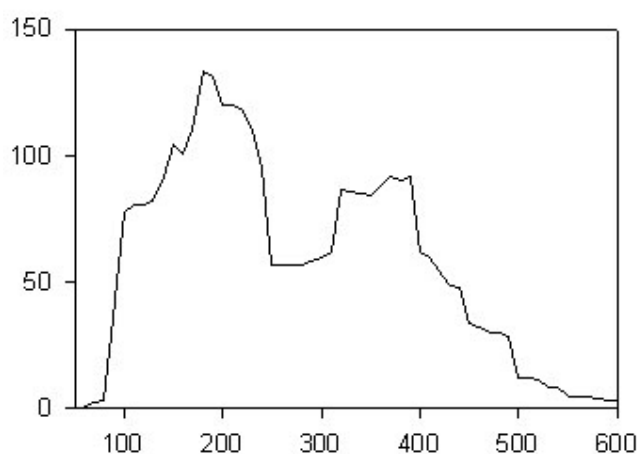

Рисунок 7.2. Ввоз африканской красной керамики в Альбена Велли (Этрурия) (Bintliff and Sbonias 1999:5).

Социальная структура и элита

Социальная структура Римской империи в общих чертах отображена в таблице 7.2. Эта таблица представляет собой статичное описание, но в течение принципата социальная структура империи развивалась. Одним из аспектов такого развития было формальное юридическое различие, которое возникло в течение II в. между *honestiores* и *humiliores* и породило в эпоху Северов «двойную систему штрафов» (Saller 2000:851). Сословие *honestiores* включало сенаторов, всадников, ветеранов легионов и членов их семей. В случае провинности они подлежали менее экстремальным и унижительным наказаниям, чем *humiliores*, и их показания считались более надежными.

Еще более важным аспектом стало увеличение расхождения между формальным статусом и положением во властной иерархии. В отличие от времен республики, сенаторский класс не монополизировал в своих руках главные административные должности. Императоры из династии Юлиев-Клавдиев назначали на ряд высших административных должностей (таких,

как начальник канцелярии) рабов или вольноотпущенников (Hopkins 1983). С середины I в. на административных должностях было много всадников. В конечном счете всадники, большинство из которых были военачальниками, стали губернаторами всех важных провинций. «К концу III в. н.э., сенат в целом и большинство сенаторов, взятые по отдельности, были отлучены от исполнения властных функций от имени государства» (Hopkins 1983:183).

Таблица 7.2. Социальная структура Римской империи в I в. н.э. Численность, годовой доход и оценка размеров собственности для различных слоев римского общества (Jongman 1988:193; Alston 1998:217). Оценка собственности подразумевает общую стоимость имущества. Все числа даны в тысячах сестерциев.

<i>Страта</i>	<i>Оценка размеров собственности</i>	<i>Доход</i>	<i>Количество</i>	<i>Замечания</i>
Крупнейшие собственники	400 000	24000*	2	Лентул, Нарцисс
Сенаторы	1000	60*	600	Ценз сенатора. Реальный минимум около 8 млн. сестерциев (Wells 1992: 187)
Всадники	400	24*	5000	Ценз всадника
Декурионы	100	6*	20000	
Легионарии	12 ¹	1.2 ²	180000 ³	¹ Разовая плата при выходе в отставку; ² ежегодная плата; ³ Harl 1996
Уровень «достойной жизни»	—	1		Оценка Алстона
Уровень, необходимый для существования	—	0.1		Стоимость 220 кг пшеницы по цене 3 сестерция за модий

*Оценка с использованием 6-процентной нормы дохода от имущества (Jongman 1988:195).

Государственные финансы

В табл. 7.3. собраны из различных источников данные о годовом бюджете Империи и состоянии ее казны.

Таблица 7.3. Годовые бюджеты Римской империи (Frank 1940; Duncan-Jones 1994).

<i>Период</i>	<i>Бюджет, млрд. сестерциев</i>	<i>Бюджет, тонн серебра</i>	<i>Профицит/дефицит, млрд. сестерциев</i>
Август (27 г. до н.э.-14 г. н.э.)	0.4–0.45	400	
Тиберий (14-37)	0.5	460	
Профицит в 37 г.			3*
Дефицит в 41 г.			“большой”
Дефицит в 70 г.			–4
Веспасиан (69-79)	1.2–1.5	1100	
Профицит в 96 г.			“значительный”
Антонин Пий (ок.150 г.)	0.8–1	670	
Профицит в 161 г.			2*–2.7
Наличность в казне в 193 г.			0.001
Каракалла (ок.215)	1.4–1.6	610	

* 2.7–3.3 млрд. сестерциев (Ward et al. 2003:308, 346)

Основываясь на данных о вознаграждении легионеров и о численности войск в империи, Харл (Harl 1996:220) оценил рост военных расходов в период принципата (рис. 7.3а). Общие управленческие расходы, вероятно, были того же порядка, что и военные расходы, и, возможно, увеличилась с 400 млн. до 1 млрд. сестерциев между правлениями Августа и Септимия Севера (Harl 1996:227).

Дункан-Джонс (Duncan-Jones 1994:11-16) выделил четыре фазы эволюции имперских финансов при принципате. Примечательно, что эти фазы почти точно совпадают с четырьмя фазами векового цикла, которые мы очертили в начале главы, основываясь на демографических и социально-политических показателях.

Для фазы расширения (27 г. до н.э. – 96 г.) были характерны спорадические финансовые трудности, которые в основном были решены к концу I в. н.э. При Августе и Тиберии трудности с выплатой легионерам увольнительных едва не привели к бунту (Duncan-Jones 1994:11). Тиберия критиковали за скупость, но к моменту его смерти он сумел накопить в казне 2.7 млрд. сестерциев. Накопленное Тиберием было растрчено Гаем Калигулой, который оставил дефицит после смерти. Казна восстановилась во

времена правления Клавдия (41-54), которому, должно быть, помогла конфискация имущества осужденных сенаторов и всадников. Правление Нерона (54-68), как и Калигулы, было свидетелем огромных расходов, которые были в определенной степени компенсированы крупными конфискациями собственности. Когда Веспасиан (69-79) стал императором, он получил в наследство огромный дефицит (4 млрд. сестерциев). Однако возможно, что расточительность Нерона была преувеличена более поздней традицией, которая обвиняла «плохих» императоров во всех грехах (то же самое относится и к сообщениям о дефиците, оставленном Калигулой).

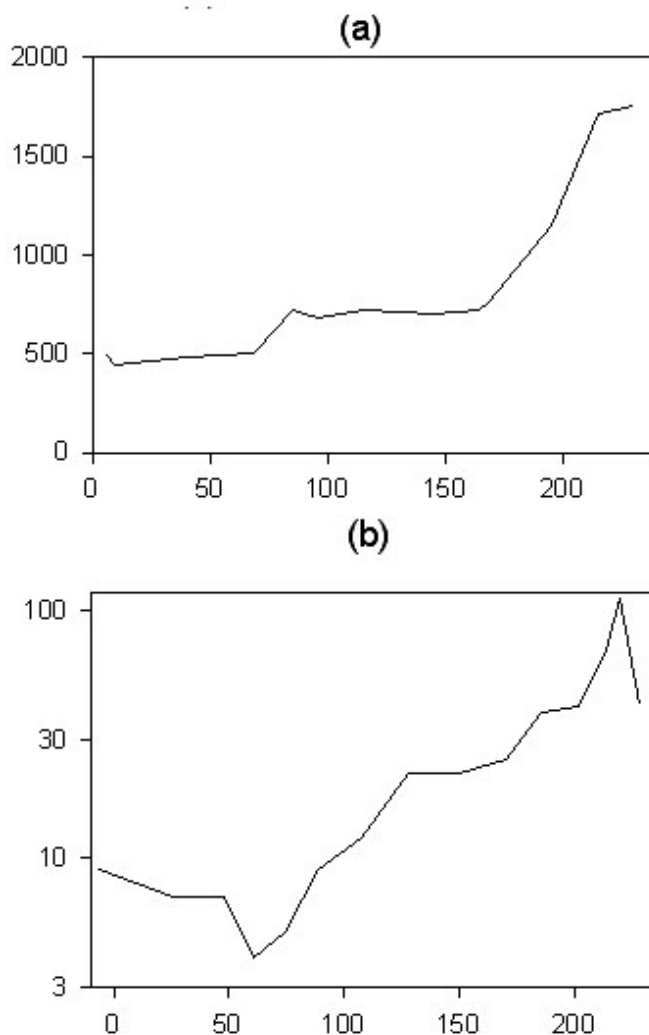

Рисунок 7.3. Государственные расходы в течение принципата: **(a)** военные расходы, млн. сестерциев (Harl 1996:220), **(b)** императорские раздачи (*congiaria*), млн. сестерциев (Duncan-Jones 1994:41).

Веспасиан увеличил некоторые налоги, восстановил сбор других, которые к тому времени вышли из употребления, и ввел новые. Франк (Frank 1940:53) оценивал годовой доход Веспасиана в 1.2-1.5 млрд. сестерциев. Иными словами, в течение первого столетия принципата доходы возросли втрое. В результате Веспасиан в значительной степени восстановил здоро-

вье государственных финансов, что позволило Домициану поднять выплаты легионерам. Небольшое снижение качества динария при Нероне было полностью устранено Флавиями.

Империя вступила в фазу стагфляции (96-165 гг.) с очень сильными финансами. Правление Траяна (98-117) и Адриана (117-138) характеризовались значительным увеличением расходов, которые, по-видимому легко возмещались доходами (Duncan-Jones 1994:13). Финансируемая государством строительная деятельность была весьма интенсивной при Траяне и Антонине Пие (138-161), а при Адриане она достигла максимума (Duncan-Jones 1990: fig. 10). Антонин Пий оставил своим преемникам наполненную казну (2.7 млрд. сестерциев). Это стало последним сообщением о профиците вплоть до V в. (Harl 1996:94).

Во время фазы кризиса (165-192 гг.) имперские финансы полностью развалились. Марк Аврелий для финансирования своей дунайской кампании 169 года был вынужден продать золотые сосуды и художественные сокровища императорского дворца (Ward et al. 2003:349). Коммод пытался купить популярность частыми и щедрыми денежными раздачами, *congiaria*. Он тратил на *congiaria* около 40 млн. сестерциев в год, что вдвое превышало соответствующую сумму при Адриане и Антонине Пие (рис. 7.3b). Коммод развлекал граждан состязаниями колесниц, гладиаторскими боями и травлей зверей на арене (Ward et al. 2003:381). Сами по себе расходы на *congiaria* не были столь велики, чтобы опустошить казну (возможно, в то время они составляли около 5% от доходов империи). Но рост денежных раздач гражданам, по-видимому, сопровождался ростом раздач легионерам (хотя нам не хватает данных, чтобы отследить эту тенденцию, см.: Duncan-Jones 1994). Военные расходы составляли основную часть имперского бюджета, и их рост приближал государство к банкротству. Финансовые трудности Коммода отразились в снижении качества денария (с 3 до 2 г серебра, см. ниже) и в тревожном увеличении числа казней богатых нобилей, которые сопровождалась конфискациями их имущества (Ward et al. 2003: 382). Следующий император, Пертинакс (193), также, как его предшественники, использовал продажу дворцовых сокровищ, чтобы получить наличные деньги.

После краткого относительно устойчивого периода при Севере (193-235), финансы окончательно разрушились во время гражданской войны 235-284 годов. Вероятно, лучшим показателем финансовых трудностей Римского государства является скорость, с которой императоры понижали качество основной серебряной монеты, денария (рис. 7.4).

Императорское казначейство чеканило монеты в основном для оплаты армии и бюрократии и экономило на других государственных расходах. Римские правители быстро осознали, что снижение качества монеты дает временное решение их финансовых трудностей. За счет увеличения доли недорогоценного металла Нерон снизил содержание серебра в денарии до

3.14 г (по сравнению с 3.72 г при Августе). Веспасиан сократил долю серебра до 3.07 г, но как только финансовое здоровье было восстановлено, Домициан увеличил содержание серебра до 3.28 г.

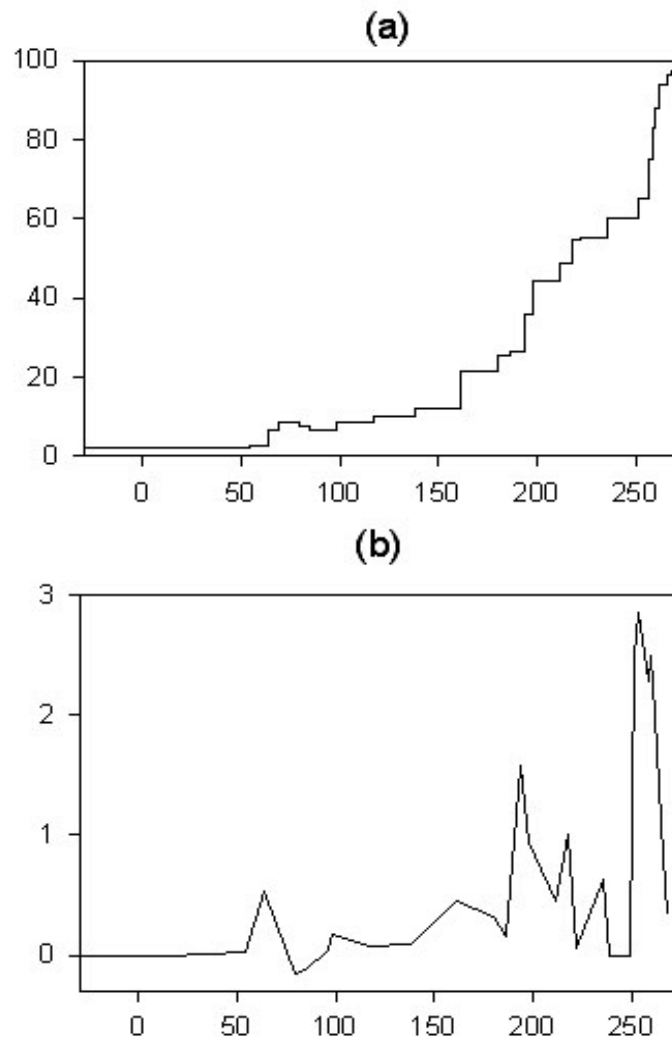

Рисунок 7.4. Падение содержания серебра в денарии (Duncan-Jones 1994: tab. 15.5). (a) Процент лигатуры в денарии. (b) Темпы уменьшения серебряного содержания.

При «хороших» императорах государственные финансы оставались здоровыми и содержание серебра в денарии сокращалось очень медленно; при Антонине Пие оно было чуть ниже 3 г. Тем не менее, к концу II в. серебряный эквивалент денария упал до 2 г, в основном, в результате увеличения на одну треть доли лигатуры. Рис. 7.4b показывает скорость, с которой денарий терял серебро. Первый пик произошел в конце II в., когда Септимий Север (193-211) стал императором и столкнулся с задачей стабилизации государственных финансов. Второй пик приходится на время гражданских войн 235-284 годов. К концу царствования Галлиена, в 272 г., в денарии осталось только 2.5% серебра.

Социополитическая нестабильность

С точки зрения социополитической стабильности и общественного порядка эпоху принципата можно разделить на три периода (см. табл. 7.4).

Таблица 7.4. Социополитическая нестабильность в Италии в 30 г. до н.э.-285 г. н.э. (данные Sorokin 1937 дополнены другими источниками).

<i>Годы</i>	<i>События</i>
-22	Восстание в Риме
15	Волнения в Риме
24	Восстание рабов в Южной Италии
41	Убийство Калигулы, провозглашение Клавдия
42	Заговор Скрибониана в Риме
59	Волнения в Помпеях
64	Пожар и волнения в Риме
65	Заговор Пизона в Риме
68	Восстание против Нерона
69	Правление трех императоров; гражданская война
95	Заговор в Риме
96	Убийство Домициана
182	Заговор в Риме
189	Восстание голодающих в Риме
192-197	Гражданская война, убийства Коммода, Нигера, Альбы
211	Убийство Геты Каракаллой
217	Убийство Каракаллы
218	Гражданская война, убийство Макрина
221	Мятеж армии близ Рима
222	Свержение Элигабала
228	Волнения в армии в Риме (и Месопотамии)
235-238	Свержение Александра Севера, гражданская война
244	Убийство Гордиана III
248-249	Восстания в Сирии, Египте, в Риме; Филипп убит в бою
249-253	Гражданская война; Галл убит своими солдатами
258-268	Гражданская война (правление «тридцати тиранов»)
269	Восстание в Болонье и других городах
270	Гражданская война
274	Восстание в Риме
275	Волнения в Риме после убийства Аврелиана
276	Свержение Тацита и Флориана
282-285	Гражданская война. Убийство Проба. Диоклетиан.

Политическая нестабильность в период от Августа до Домициана (30 г. до н.э.-96 н.э.) в первую очередь повлияла на верхний слой элиты, в том числе на императоров, многие из которых были свергнуты и убиты. Действительно, большинство из императоров династии Юлиев-Клавдиев умерло насильственной смертью. Сенаторское сословие также пострадало в результате преследования со стороны правящих императоров и/или после неудачных заговоров. Однако неустойчивость была в значительной степени ограничена изменческими заговорами и удачными переворотами, а полномасштабная гражданская война вспыхнула лишь однажды, в 68-69 гг.

Следующий период, от Нервы до Марка Аврелия (96-180), был замечателен высокой социополитической стабильностью. Третий период, начиная с царствования Коммода, характеризуется высокой нестабильностью, периодическим распадом государства и эндемичными гражданскими войнами. В 192-197 гг., а затем почти непрерывно с 235 по 285 г., гражданская война была многосторонней и за власть боролись несколько императоров.

Показатель количества монетных кладов (Christiansen 1985; Robertson 2000) дает аналогичную картину, но с вариациями в различных областях империи (ср. рис. 7.5, 7.6 и 7.7). Самый большой пик во всех провинциях имеет место во второй половине III в. Что касается других, вторичных, пиков, то они более разнообразны. В Александрии и в Британии имеется пик в 60-х гг., вероятно, связанный с гражданской войной 68-69 гг. Около 100 г. число кладов уменьшается, а затем возрастает при императорах из династии Антонинов. В Александрии второй пик наблюдается раньше, чем в Британии, около 160 г.; возможно, это связано с происходившими в этот период египетскими восстаниями.

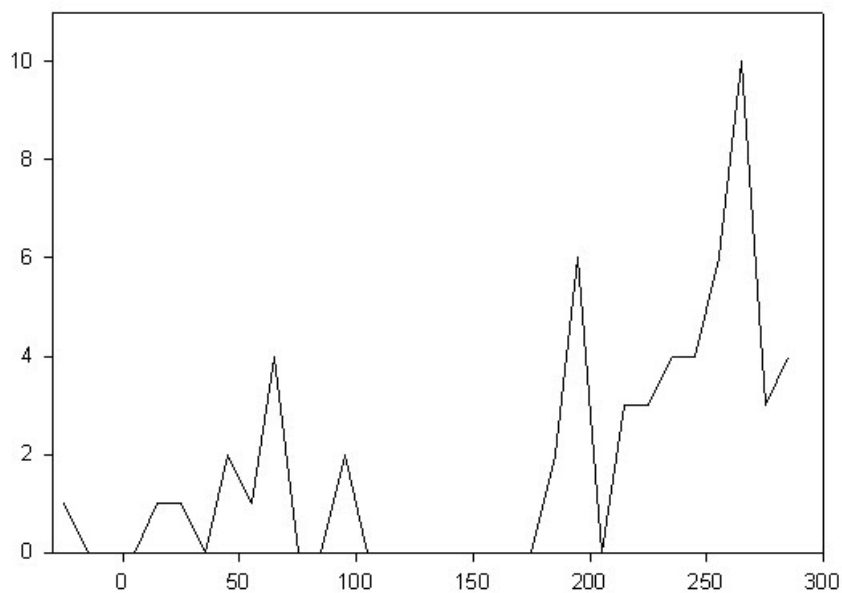

Рисунок 7.5. Индекс социополитической нестабильности в эпоху римского принципата (подсчитано на основе данных таблицы 7.4).

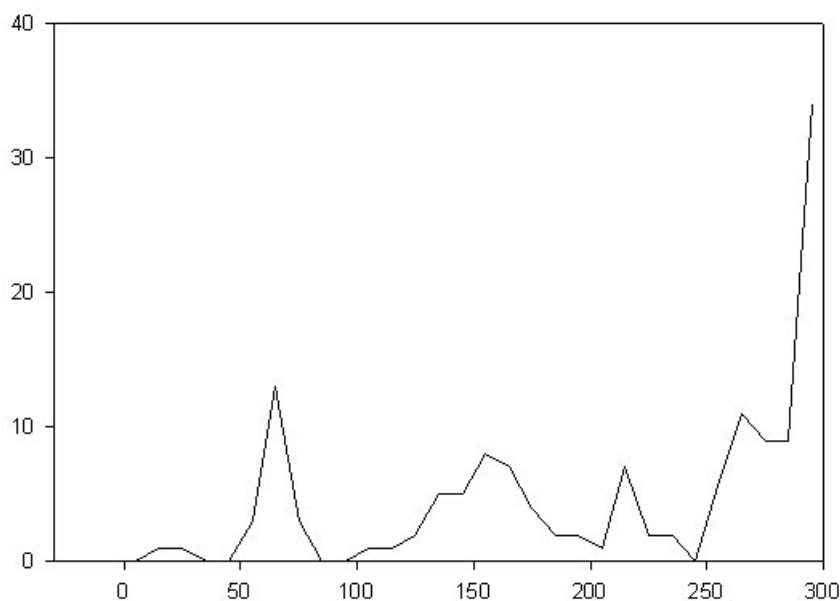

Рисунок 7.6. Распределение по времени монетных кладов в Александрии (Египет) в эпоху принципата – число кладов по десятилетиям (Christiansen 1985).

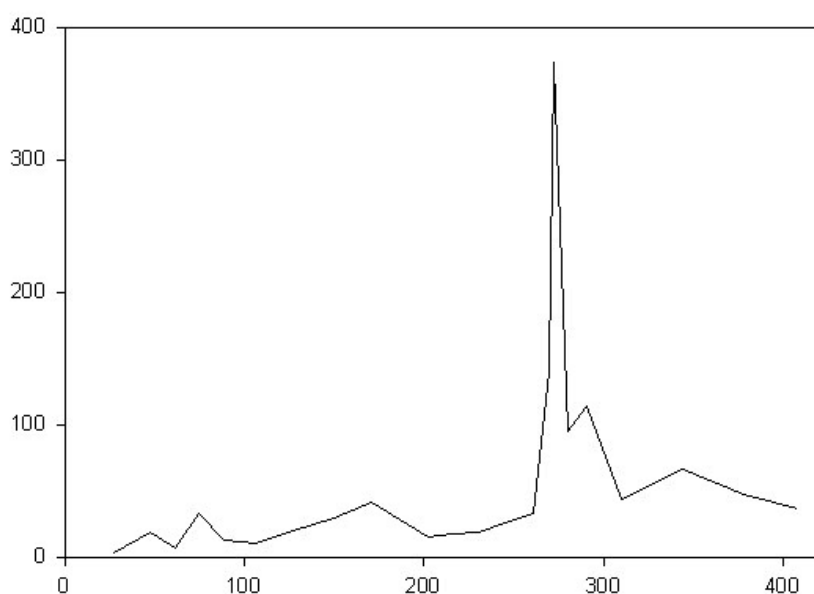

Рисунок 7.7. Распределение по времени романо-британских монетных кладов – число кладов по десятилетиям (Robertson 2000).

Временное распределение монетных кладов, опубликованное в «Corpus de Trésors Monétaires Antiques de la France» указывает на те же тенденции с доминирующим максимумом III века. Однако клады были датированы экспертами в очень широких временных промежутках («I век», «II век», или «Юлии-Клавдии», «Антонины»), которые к тому же не согласуются между различными объемами, так что в нынешнем виде эти данные не легко использовать.

7.2. Фаза расширения (27 г. до н.э. – 96 н.э.)

Простой народ

В предыдущей главе мы отмечали, что в эпоху поздней Республики выросло экономическое неравенство. Одним из важных последствий гражданской войны и первых лет принципата было значительное изменение этой тенденции. Основной предпосылкой сокращения неравенства было сокращение численности населения, которое имело место в I в. до н.э.; благодаря этому появились земли, где могли быть поселены неимущие крестьяне (в основном, ветераны). Например, в 36 г. до н.э. Капуя отказалась от больших участков незанятой земли для поселения ветеранов Октавиана, в свою очередь получив земли на Крите и деньги на строительство нового акведука (Wells 1992:21-22). Не все земли были получены путем покупки. После битвы при Филиппах (42 г. до н.э.) Октавиан попросту лишил 18 городов их земель, которые были разделены среди ветеранов. Одним из таких городов была Кремона, где трем или четырем тысячам ветеранам дали по 35 югеров (9 га) – весьма существенный земельный надел. Но после окончания гражданской войны подобные конфискации земли прекратились. В 30 и 14 гг. до н.э. Август потратил 860 млн. сестерциев на покупку земли для ветеранов (из них 600 млн. были потрачены в Италии и 260 млн. в провинциях). Большая эмиграция крестьян в провинции в дальнейшем уменьшила давление населения на ресурсы в Италии. Вальтер Шедель (Scheidel 2007) считает, что в период раннего принципата примерно десятая часть мужчин покинула Италию для службы в легионах. Большинство из них не вернулось, так как после службы ветераны были поселены в провинциях. Однако этот выход «демографического пара» постепенно терял свое значение, так как доля итальянцев в легионах в течение I в. снижалась.

Таким образом, в начале принципата – сравнительно с концом республики – имелось большое количество относительно преуспевавших мелких землевладельцев. Однако вполне вероятно, что это относительное благополучие в течение I в. быстро пришло к концу в результате роста численности населения. В Италии также имелось большое количество рабов (по оценке Бранта – 2 млн., но Шедель пересматривает эту оценку в сторону уменьшения). В течение первых двух веков нашей эры численность рабов, вероятно, сократилась (Saller 2000:851). Во-первых, после Августа произошло существенное уменьшение территориальных завоеваний, и таким образом, сократились поставки военнопленных. Считается, что рабское население не могло воспроизводить себя биологически вследствие низкого уровня рождаемости и в результате освобождений. Во-вторых, поскольку прирост населения возобновился, число безземельных крестьян стало увеличиваться. Таким образом, в то же время как цена на рабов увеличивалась в связи с их дефицитом, реальная заработная плата безземельных крестьян

падала ввиду их многочисленности, и стало выгоднее сдавать землю в аренду или же нанимать рабочих.

Динамика элиты

На противоположном конце социальной лестницы у нас имеются лишь отдельные цифры, указывающие на богатства сенаторского класса. Среди известных нам деятелей ранней империи самыми богатыми были Гней Корнелий Лентул, консул в 14 г. до н.э., и вольноотпущенник Клавдия, Нарцисс (Wells 1992:8). По общему мнению исследователей, имущество каждого из них составляло не менее 400 млн. сестерциев. Судя по всему, в течение I в. масштабы крупнейших состояний уменьшились, отчасти в результате преследований императорами самых богатых аристократов. Например, Нарцисс был отравлен Агриппиной, матерью Нерона, после смерти Клавдия. Клавдий (41-54) приговорил к смертной казни 35 сенаторов и много всадников, значительная часть состояния которых, должно быть, поступила в императорскую казну (Duncan-Jones 1994:11). Нерон, как говорят, казнил шесть крупнейших землевладельцев в Проконсульской Африке и таким образом овладел богатой долиной Брагады (Ward et al. 2003:322). Начиная с 65 г., когда были раскрыты несколько заговоров против Нерона, он заставил большое число сенаторов и всадников покончить жизнь самоубийством. Среди них были такие известные персонажи, как Сенека и поэт Лукиан (Ward et al. 2003:322).

В результате этих гонений и гражданской войны 68-69 гг. численность римских сенаторов уменьшилась до 200 человек (Ward et al. 2003:329-330). После чисток Нерона и Домициана исчезли самые древние и знатные роды республиканского Рима (Ward et al. 2003:372). От времен Траяна и Адриана известно только около тридцати сенаторов, которые принадлежали к старой республиканской знати (Wells 1992:171). Из 26 семей, которые Август (27 г. до н.э.-14 г. н.э.) и Клавдий (41-54) возвели в ранг патрициев, мы знаем только шесть, еще сохранившихся при Траяне (98-117) (Wells 1992:237). Это очень низкий уровень сохранения элитного статуса, 23% за столетие, что подразумевает темп вымирания более 30% за поколение в 25 лет. Вот некоторые дополнительные данные (Hammond 1957:75): доля патрициев республиканского происхождения, которые могут быть идентифицированы в сенате в пределах установленного срока, уменьшается от приблизительно 16% при Августе к 4.5% при Нероне (54-68), немногим более 2% в 69 г., только 1% в 96 г. и менее 1% в 117 г. Эти цифры означают 50-процентные темпы вымирания за 25 лет. Подобные факторы затрагивали и потомков императоров. Например, Юния Кальвина был единственным потомком Августа, жившим в 70-х годах (Wells 1992:67).

Динамика элиты в начале принципата, таким образом, очень напоминает крушение могущественных родов при Тюдорах (см. гл. 3). В то время

как некоторые крупные сенаторские роды пресеклись в результате императорских репрессий, другие роды присоединялись к императорскому роду – в тех случаях, когда богатые сенаторы становились императорами (например, Тит Аврелий Антонин стал императором Антонином Пием). Конечным результатом было то, что в течение I в. относительная сила самых богатых частных лиц существенно снизилась по отношению к мощи государства.

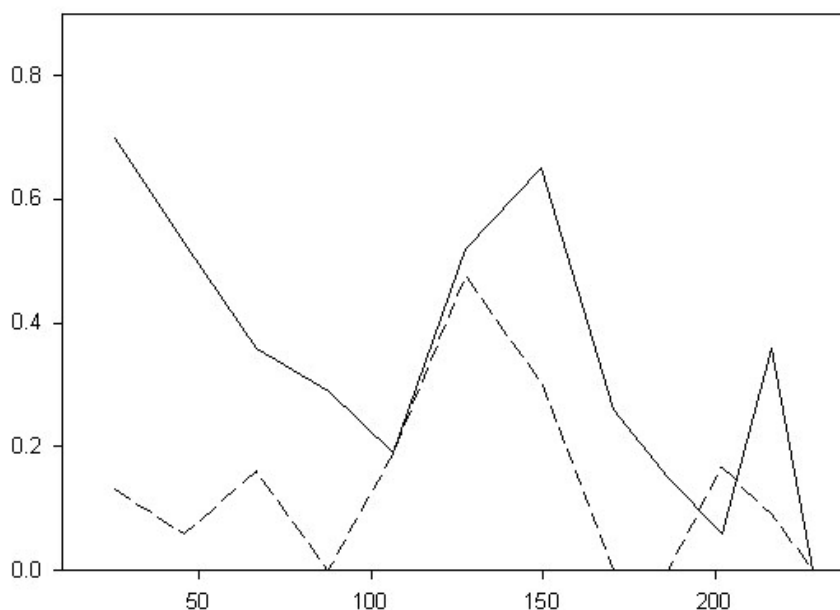

Рисунок 7.8. Распределение по времени датированных зданий в Италии: сплошная линия – постройки частных лиц, ломаная линия – постройки императоров (Duncan-Jones 1990:213).

В пользу этой гипотезы свидетельствуют данные о числе посвящений построек, возводимых частными лицами. Кривая показывает максимум в начале принципата и снижается в течение I в. Минимум достигается при Флавиях и при Адриане, после чего кривая поднимается и в Италии достигает второго максимума при Антонине Пие (рис. 7.8, сплошная линия). Необходимо отметить, что финансирование строительства целого здания было возможно только для богатых представителей элиты.

Таким образом, представляется, что состояния верхнего слоя элиты, магнатов, при принципате сначала уменьшились, достигнув минимума во времена Флавиев, затем увеличились при пяти «хороших» императорах и достигли максимума во второй половине II в. Характер магнатского слоя, однако, коренным образом изменился. В то время как аристократия I века была по-прежнему сенаторской, в течение II в. сенаторы потеряли власть и сохранились в основном как статусная группа (Hopkins 1983:171-176). Власть сконцентрировалась в руках губернаторов, предводителей легионов и командиров преторианской гвардии, которые обычно были всадниками. Таким образом, одной из важных тенденцией принципата была постепен-

ная утрата сенатом статуса сосредоточия властных элит. Центр тяжести сместился от Сената к имперской бюрократии, а точнее, в Императорский совет. Этот совет появился как *Consilium Principis*, неофициальное тайное совещание друзей и советников Августа, и был преобразован в более постоянную структуру при Адриане (Ward et al. 2003:344). Во II в. Сенат постепенно утратил реальное влияние на имперской администрацию. Императорский совет стал истинным преемником старого республиканского Сената после его реорганизации Септимием Севером (Ward et al. 2003:385).

Уровень урбанизации

Наконец, рассмотрим уровень урбанизации или, более определенно, численность населения столицы. Исследователи, как правило, согласны с тем, что население города Рима увеличилось вдвое с конца II в. до конца I в. до н.э. и достигло примерно 800 тыс.-1 млн. жителей (Hopkins 1978:96ff, Morley 1996:36ff). Эта оценка основана на зарегистрированном количестве получателей бесплатной пшеницы и денежных раздач (*congiaria*), которое колебалось между 150 и 320 тыс. Оценка в 0.8-1 млн. исходит из количества 200-250 тыс. получателей; чтобы найти общее свободное население, это число делится на предполагаемую долю мужчин старше 10 лет (которые имели право на получение пособия) и к результату добавляется предполагаемая численность элиты и рабов. Однако зарегистрированные колебания в числах получателей пособия имеют большое значение в свете демографически-структурной теории, и мы можем использовать их, чтобы уточнить динамику численности населения Рима.

Колебания в зарегистрированном количестве получателей зернового пособия были следующими (Hopkins 1978:96ff; Morley 1996:36ff). При трибуне Клодии из партии популаров (50 г. до н.э.) количество получателей выросло до 320 тыс. При Цезаре в 46 г. до н.э. оно сократилось до 150 тыс. в результате организации эмиграции в провинции и более строгой регистрации тех, кто остался. При Августе это число увеличилось до 250 тыс. и снова достигло максимума в 320 тыс. в 5 г. до н.э. Три года спустя число получателей пособий упало до чуть более 200 тыс., а в год смерти Августа их было 150 тыс. (по крайней мере, столько людей участвовало в раздачах, которые производились по его завещанию). Мы видим здесь определенную закономерность: городское население разбухает после затяжного периода гражданской войны, а затем постепенно уменьшается в периоды внутреннего мира (см. гл. 1, где обсуждается эта проблема). Этот аргумент предполагает, что мы можем доверять указанным числам и использовать их номинальные значения. Максимум в 320 тыс. получателей соответствует общему населению в 1.2 млн., в то время как минимум в 150 тыс. подразумевает 0.6 млн. жителей (в этих оценках можно предполагать примерно

10% погрешности). Таким образом, мы получим, что в конце республики и в первые годы правления Августа население Рима увеличилось до 1.2 млн. человек, а к концу правления оно снизилось до 600 тыс. Естественно, в периоды максимальной численности город был ужасно перенаселен, но когда население к 14 г. н.э. уменьшилось вдвое, качество жизни, должно быть, стало гораздо более терпимым даже для бедных слоев граждан.

Мы не знаем, как население города Рима менялось в течение I в. н.э., но вероятно, что оно возросло ненамного (для фазы роста типична тенденция к снижению доли городского населения). Во время фазы стагфляции (96-165 гг.) городское население должно было увеличиться. Известно, что число районов в городе увеличилось между правлением Адриана (117-138) и IV в. (Morley 1996:38). Почти наверняка это произошло во II в. Столь же вероятно, что к концу III в., с началом следующего цикла домината, население Рима уменьшилось. Расположение городской стены III в. указывает на сокращение площади застройки по сравнению с предшествующим периодом (Morley 1996:38). Таким образом, возможная динамика городского населения Рима предполагает увеличение с 0.6 млн. в первой половине I в. до 1 млн. (или даже больше) в конце II в., а затем снижение к концу III в.

7.3. Стагфляция (96-165 н.э.)

Перенаселение и экономические изменения

Данные о ценах и заработной плате для Римской империи (за исключением Египта) очень скудны. Фактически мы знаем только об оплате легионеров (табл. 7.5).

Таблица 7.5. Оплата легионеров. Номинальная заработная плата и серебряный эквивалент сестерция см.: Greene 1986:59; Harl 1996. Цены на пшеницу из табл. 7.6.

<i>Период</i>	<i>Годовая плата, сестерции</i>	<i>Серебряный эквивалент, г.</i>	<i>Эквивалент в пшенице, квинталы</i>
Август (27 г. до н.э -14 г. н.э.)	900	837	9.3
Домициан (81-96)	1200	984	8.9
Север (193-211)	1600	816	
Каракалла (211-217)	2400	984	

В течение I-II вв. номинальная оплата легионеров удвоилась, но выразив эту плату в граммах серебра, можно заметить, что она достигла максимума в конце I в. и уменьшилось во II в. Если же перевести оплату в зерно,

используя египетские цены (см. ниже), то можно заметить, что в течение I в. оплата солдат едва компенсировала инфляцию.

Единственной областью Римской империи, для которой имеются более подробные данные об экономической динамике, является Египет. Таблица 7.6 показывает изменение цен на пшеницу в течение первых трех веков нашей эры.

Таблица 7.6. Цены на пшеницу в Египте (в среднем по периодам, см.: Duncan-Jones 1990:151-155).

<i>Период</i>	<i>Драхм за артабу</i>	<i>Граммов серебра за квинтал</i>
<i>Частные покупки-продажи</i>		
18 г. до н.э.-47 г. н.э.	7.2	90
78-79 гг.	10.6	116
112-135 гг.	10.0	105
150-200 гг.	15.3	124
250-300 гг.	42.9	44
<i>Официальные цены</i>		
13 г. до н.э.-65 г. н.э.	3.3	42
99-162 гг.	9.0	94
246-294 гг.	146	73

Цены частных сделок и официальные цены рассказывают одну и ту же историю. К концу II в. номинальная цена на пшеницу удвоились. Эта тенденция объясняется не только порчей римской монеты во II в.: цена на пшеницу в граммах серебра также увеличивалась. В III в. номинальная цена на пшеницу продолжала расти, достигая в конце столетия 200-300 драхм за артабу (Duncan-Jones 1990), но теперь это увеличение было целиком обусловлено порчей монеты. При рассмотрении серебряного эквивалента мы видим, что цены на пшеницу в III в. фактически уменьшились.

Подробное описание экономических тенденций в Египте в II-III вв. можно найти в монографии Вальтера Шеделя (Scheidel 2002). Шедель приводит данные о ценах на землю, арендной плате, ценах на пшеницу и товары, сведения о заработной плате, как в номинальном, так и в реальном выражении. Особый интерес представляют реальные (с учетом инфляции) цены, потому что быстрая инфляция из-за порчи динария делает номинальные значения малоинформативными. Например, имеются некоторые данные о ценах на землю в Египте, но интерпретация этих данных противоречива. Дункан-Джонс (Duncan-Jones 1974) приводит следующую таблицу.

Таблица 7.7. Цены на землю в сестерциях за югер (Duncan-Jones 1974:366).

<i>Период</i>	<i>n</i>	<i>Медианная цена</i>	<i>Максимальная цена</i>	<i>Минимальная цена</i>
I в.	11	141	459	11
II в.	16	183	612	26
III в.	8	147	1101	58

Медианная цена сначала увеличивается, а затем уменьшается, что соответствует постулатам демографически-структурной теории. Снижение в III в. было, вероятно, еще более глубоким, учитывая порчу серебряной монеты. Тем не менее, Дункан-Джонс отметил, что как максимальные, так и минимальные цены в течение всего периода продолжали расти. Это ставит под сомнение достоверность тенденции, которая наблюдается в медианной цене. Алстон (Alston 1995) попытались проследить динамику цен отдельно для земель «низкого», «среднего» и «высокого» качества. Шедель (Scheidel 2002) вместо этого анализировал цены для двух категорий земель (стоимостью менее или более 600 драхм за аруру). Оба исследователя были подвергнуты резкой критике со стороны Багналла. По этой причине, мы будем ориентироваться на реальную арендную плату (имеются также некоторые сведения об изменении реальной заработной платы, которые мы рассмотрим в п. 7.4).

Таблица 7.8. Реальная земельная рента. Ежегодная арендная плата за пшеничные поля (артабы с аруры) (Scheidel 2002:tab. 1). Показаны только средние величины, медианы показывают ту же самую тенденцию. Основано на 133 частных значениях.

<i>Период</i>	<i>Арсиния</i>	<i>Оксиринх</i>	<i>Гермополь</i>	<i>Гераклеополь</i>	<i>Средние</i>
27 г до н.э.-99 г. н.э.	7.37	5.41			6.39
100-165 гг.	8.79	7.82	7.65		8.09
205-268 гг.	3.23	5.89	6.27	4.91	5.08

Изменения в реальной арендной плате синхронны для всех регионов и показывают рост к 165 г. (накануне чумы), а затем снижение в III в. После чумы арендная плата снижается в среднем на 37%, что указывает на существенное уменьшение населения в результате эпидемий и социально-политической нестабильности.

Перепроизводство элиты и внутриэлитная конкуренция

В предыдущей главе мы использовали статистику Хопкинса и Бертонна о наследуемости консульского статуса, чтобы показать рост внутриэлитной конкуренции к концу республиканского цикла. К счастью, эти авторы представляют аналогичную статистику и за период принципата. Тем не менее, имеются некоторые обстоятельства, которые мы должны принимать во внимание при рассмотрении этих данных. Во-первых, в то время как консулы республиканского периода были на вершине пирамиды статуса и власти, в период принципата они сохранили только статус, в то время как власть перешла в руки императоров и их главных администраторов, которые к концу периода набирались вне сенаторского сословия (в основном, из всадников). Во-вторых, данные сравнительно малочисленны, потому что Хопкинс и Бертон исследовали не каждое поколение консульской аристократии. Таким образом, вместо восьми поколений, которые охватывают период принципата, у нас есть данные только для четырех. В-третьих, в то время как в республике число консулов в любом поколении оставалось практически неизменным (на год избирались только два консула), в период принципата число избранных на год консулов постепенно увеличилось до 8 и даже до 10 при последних Антонинах. Это, очевидно, влияет на выводы, которые мы можем сделать из различия между пропорциями консулов с консульскими предками и потомками. В итоге, приводимые ниже выводы являются гораздо более предварительными, чем в предыдущей главе.

Таблица 7.9. Наследование консульского статуса при принципате (Hopkins, 1983).

Период	Консулы	С предками-консулами (%)		С потомками-консулами (%)		Индекс конкуренции*	
	Число в год	С консулами в трех поколениях	С отцами-консулами	С сыновьями-консулами	С консулами в трех поколениях	В одном поколении	В трех поколениях
18-54	6	54	46	32	40	14	14
70-96	8	24	18	25	32	-7	-8
131-160	9	32	27	29	36	-2	-4
193-235	9	37	32	19	26	13	11

*Индекс конкуренции – процент консулов с консулами-предками минус процент консулов с консулами-потомками

Данные Хопкинса и Бертонна (табл. 7.9) показывают, что в I в. доля консулов с отцами-консулами сократилось с 46 до 18 процентов. Доля консулов с предками-консулами (в трех поколениях) имеет ту же качествен-

ную динамику. Иными словами, власть наследственной знати была существенно ослаблена. Эта тенденция имеет особое значение в свете того, что мы знаем о динамике элиты. Старая знать была уничтожена во время правления Юлиев-Клавдиев. В то же время размер консульского сословия значительно расширился: при Августе в среднем назначались на год 2,6 консула. Хопкинс и Бертон считают, что к концу I в. назначались на каждый год 8 обычных и дополнительных консулов. Если предположить длительность среднего поколения в 30 лет, то размер консульского сословия увеличился в течение I в. в три раза, от 80 до 240 человек.

Во II в. наблюдалась обратная тенденция, и доля консулов с консулами-отцами поднялась с 18 до 27, а затем до 32 процентов. Наследственная аристократия, таким образом, снова утвердила свою власть над консулатом, хотя и не достигла того уровня контроля, который она имела в 18-54 гг. (или во II в. до н.э., как отмечалось в предыдущей главе).

Доля консулов с консулами-потомками колебался на примерно постоянном уровне до середины II в., а затем снизилась в 193-235 гг. (табл. 7.9). Особенно интересна разница между процентом консулов с консулами-предками и процентом консулов с консулами-потомками («индекс конкуренции» в табл. 7.9). В 70-96 и 131-160 гг. этот показатель был отрицательным, что свидетельствует об ослаблении внутриэлитной конкуренции. К концу II в. мы возвращаемся к картине повышенной конкуренции и вынужденной нисходящей мобильности, подобной той, которая наблюдалась в период Гракхов.

Пока пробелы не заполнены, любые выводы, основанные на этих данных, остаются предварительными. Но в целом эти данные, и особенно индекс конкуренции, согласуются с выводами пункта 7.2, в котором утверждается, что во время принципата состояния верхнего слоя элиты сначала уменьшились и достигли минимума в период Флавиев, затем увеличились при пяти «хороших» императорах и достигли максимума во второй половине II в. Начиная с Марка Аврелия, и особенно при Коммодe, мы наблюдаем признаки перепроизводства элиты и усиление конкуренции, что в конечном итоге способствовало государственному брейкдауну в конце II в.

Типичным признаком перепроизводства элиты является рост административных должностей. По Х. Г. Пфлауму (цит. по: Hopkins 1983:180) в провинциях в царствование Домициана (81-96) имелось 64 всаднических должности, а в правление Септимия Севера (193-211) их число достигло 173. Таким образом, хотя во II в. территория империя расширилась лишь в очень незначительной степени, количество административных должностей выросло почти в три раза. Возможно, это отражает увеличение потребности «излишней» элиты в получении государственных должностей.

7.4. Кризис (165 -197 гг.)

Население

Сокращение численности населения во время дезинтегративной фазы цикла принципата, как обычно, было результатом сложной комбинации причин. Вполне вероятно, что во II в. численность населения в Италии начала снижаться (на это указывает, в частности, «индекс оккупации», см. рис. 7.1a), но первый крупный общеимперский шок был вызван эпидемией, которая началась в 165 г., «Антониновой чумой». Антонинова чума была, вероятно, оспой или сочетанием кори и оспы (Scheidel 2002). По общему мнению исследователей, эпидемия была принесена из Восточного Средиземноморья римскими войсками, возвращавшимися после Парфянской войны (Duncan-Jones 1996). В 165 г. она поразила Нисибис и Смирну; в следующем году эпидемия достигла Рима. В 168 г. чума свирепствовала в Риме и многих провинциях; к 169 г. она вызвала уменьшение численности налогоплательщиков в Египте из-за смертности или бегства. Сообщения о посещении чумы, вызвавшей катастрофические потери, отмечаются в 172, 174, 175, 179, 182 и 189 гг. (Duncan-Jones 1996:115-117). Дион Кассий писал, что чума 189 года в Риме был худшей из того, что он видел: она уносила до двух тысяч человек в день (Duncan-Jones 1996:115). Новые катастрофические волны эпидемии отмечались в 250-х и 260-х годах (Scheidel 2002).

Демографические последствия Антониновой чумы лучше всего задокументированы в Египте. В Фаюмской области число налогоплательщиков снизилось на 33-47% (Duncan-Jones 1996:120). Меньшие по размеру деревни в Дельте пострадали еще больше: в 160-170 гг. их население сократилось на 70-93% (Duncan-Jones 1996:121). В некоторых случаях обезлюдение деревень было связано не со смертностью, а с бегством, но большинство населения не имело возможности бежать от чумы. Конечно, потери налогоплательщиков, которые сохранялись в течение четырех лет после окончания эпидемии, не могут быть объяснены бегством. Смертность продолжала оставаться значительной и во время более поздних вспышек эпидемии. Например, треть податного населения одного из сел в Арсиноитском номе погибла в январе-феврале 179 г.. В данном случае египетский папирус специально регистрировал смертность от чумы, а не результаты бегства (Duncan-Jones 1996:121). За пределами Египта оценка демографических потерь от эпидемий 165-189 гг. не представляется возможной. Литературные источники сообщают о высокой смертности в различных местах по всей империи, а также среди солдат (Duncan-Jones 1996). По оценке Фриера «целых 10 процентов общей численности населения империи, возможно, погибли от чумы, а в городах и военных лагерях процент, возможно, был вдвое выше» (Frier 2000:815-816). Однако эта

оценка кажется нам чрезмерно консервативной. Многие историки точно так же сомневались, что Черная Смерть XIV в. вызвала катастрофическую смертность до тех пор, пока современные исследования не продемонстрировали масштабы катастрофы (гл. 2). Мы предполагаем, что смертность от Антониновой чумы в течение 165-189 гг. была сопоставима с последствиями Черной Смерти в Западной Европе в 1347-1380 гг., так что оценка Фриера должна быть повышена вдвое или даже втрое. Гораздо более правдоподобную оценку дает Шедель: «Массовая смертность, возможно, составляла 25% в первые 10-15 лет после появления эпидемии» (Scheidel 2002, см. также Zelener 2003).

В то же время нет никакой необходимости переоценить значение чумы для дальнейшего хода римской истории. Чума поразила империю, когда общество уже находилось в состоянии огромного демографически-структурного напряжения. В отсутствие такого напряжения, потери, вызванные эпидемией, могли быть компенсированы в одно, максимум в два поколения. Но к 165 г. социальная система уже находилась вблизи критической черты, и эпидемия толкнула ее за черту. Рассуждая по аналогии с событиями после Черной Смерти (см. гл. 2), мы полагаем, что Антонинова чума поразила в большей степени производительные классы, чем элиту. К 165 г. проблема перепроизводства элиты была уже достаточно серьезной; дифференцированная смертность от эпидемии ускорила и усугубила назревавший политический кризис. Согласно нашей теории, причиной задержки демографического восстановления после эпидемии была социополитическая нестабильность III века. Более того, эта нестабильность, по видимому, вызвала дальнейшее сокращение численности населения.

Динамика реальной заработной платы (выраженной в пшеничном эквиваленте) отражает тенденцию, которая согласуется с предположением о сокращении численности населения в III в.

Таблица 7.10. Реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих в римском Египте; уровень оплаты во II в. принят за 1 (Scheidel 2002: tab. 10).

	<i>Дневная оплата</i>	<i>Месячная оплата</i>
II в.	1.00	1.00
250-260-е гг.	1.25	1.17

К 260-м гг. реальная заработная плата увеличилась примерно на 20% по сравнению с периодом до чумы. Другие, более эпизодические, данные подтверждают общие тенденции, которые упоминались выше. Например, в селе Филадельфия в Фаюме на 2500 жителей в 130 г. культивировалось 1600-1700 га пашни. В 216 г. неизвестное, но, очевидно, уменьшившееся число жителей возделывало 990 га пашни. Особенно характерно, что площадь виноградников и садов при этом увеличилась с 140 га в 158 г. до 415

га в 216 г. «Эти задокументированные изменения свидетельствуют о том, что после чумы нужно было кормить меньше людей, и что сельские жители имели более высокий уровень жизни, чем во II в. Поэтому они могли позволить себе потреблять больше вина и фруктов или получать прибыль от продажи этих продуктов в городах» (Scheidel 2002). Уменьшение значения зерновых в рационе простолюдинов после чумы в Египта подобно аналогичным явлениям в Англии после Черной Смерти.

Политический кризис

После убийства Домициана в 96 г. и с возведением на престол Нервы Римская империя вступила в период внутренней стабильности. «Пять хороших императоров» пользовались поддержкой senatorской элиты, благорасположением имущих классов и лояльностью солдат (Ward et al. 2003:335). Хотя, как отмечалось в предыдущих пунктах, социальное и экономическое давление повышалось, внутренний мир длился до 165 г., когда он был разрушен приходом чумы. Последующий период был метко назван Гринбергом «военным кризисом Антонинов»: «Германские вторжения в Паннонию в 167 г., вторжения маркоманнов в Италию, костобоков – в Грецию и на Балканы в 170 г., опустошительные набеги племен маури на Испанию и Северную Африку в 171 г., восстание буколов в 172 г., восстание Авидия Кассия в 175 г., последующие волны вторжений в Испанию и Северную Африку в 177 г., затяжные военные кампании против различных германских племен продолжались до смерти Марка Аврелия» (Greenberg 2003:424).

Несмотря на это давление, Марк Аврелий был в состоянии поддерживать единство правящего класса империи. Крушение произошло при его наследнике Коммоде (180-192). Оно стало следствием «распрей и зависти среди членов императорской семьи, военных и влиятельных сенаторов» (Ward et al. 2003:379). Первый заговор был задуман в 182 г., когда некоторые сенаторы вступили в сговор с сестрой Коммода Луцилией, чтобы убить его. За этим последовали казни изменников, а затем и ряда других сенаторов, которые были близки к Марку Аврелию. Недовольство распространилось также и на нижние сословия. Вероятно в результате снижения реальной заработной платы (см. выше) произошла серия мятежей в провинциальных армиях, часто называемая «войной дезертиров», которая вызвала еще одну попытку убийства императора (Ward et al. 2003:380).

Правление Коммода закончилось финансовым банкротством и классическим государственным брейкдауном (см. выше). Коммод был отравлен во время празднования Нового года, но выжил и был убит на следующий день, когда лечился в бане. Он был задушен своим партнером по борьбе, Нарциссом, который присоединился к заговору против Коммода (Ward et al. 2003:382). Правление следующих двух императоров, Пертинакса и

Юлиана, длилось соответственно 87 и 66 дней. Сенат пригласил на трон губернатора Сирии Писценция Нигера; одновременно британская и дунайская армии провозгласили императорами своих командиров, Клодия Альбина и Септимия Севера. Последний одержал победу в борьбе за Рим и стал следующим императором (193-211), однако гражданская война продолжалась до 197 г. Септимий сначала двинулся против Нигера, победил и убил его в 194 г. Затем он предпринял длительную осаду Византия, который пал только в 195 г. Между тем, в римскую гражданскую войну вмешались парфяне, и Септимий в 194-195 гг. был вынужден воевать в Парфии. Кроме того, в 195 г. Альбин по призыву многих сенаторов переправился в Галлию. После двух лет войны легионы Септимия разбили войско Альбина около Лугдунума (Лион). Септимий позволил своим войскам сжечь Лугдунум, а затем предпринял безжалостную кампанию истребления сторонников Альбина в провинциях и в сенате (Ward et al. 2003:384).

7.5. Депрессия (197-285 н.э.)

Правление Септимия Севера (после 197 г.) и его сына Каракаллы (211-217) было относительно мирным. Эти два десятилетия, по-видимому, соответствуют картине чередования поколений во время дезинтегративной фазы. Но равновесие было хрупким и, начиная с правления Каракаллы, оно постепенно расшатывалось. До 235 г. социополитическая нестабильность принимала форму дворцовых переворотов. Дворцовые распри начались в 211 г., когда Каракалла убил своего брата и соправителя Гету и провел чистку, направленную против сторонников Геты. После этого начался унылый перечень убитых и возведенных на престол императоров: в 217 г. был убит Каракалла и коронован Макрин, в 218 г. Макрин был убит и коронован Гелиогабал, в 222 г. Гелиогабал был убит, и коронован Александр Север. Александр правил до 235 г., когда был также убит. Со смертью Александра внутриэлитный конфликт принял характер гражданской войны, и в империи одновременно правили несколько императоров или претендентов (Stearns 2001). После убийства Александра рейнские легионы провозгласили императором Максимиана Фракийца. Максимиан отразил вторжения сарматов, даков и готов, но вступил в конфликт с сенатом. Африканские легионы провозгласили императорами 80-летнего проконсула Гордиана и его сына Гордиана II (238). Оба Гордиана погибли в войне с префектом Мавритании, который поддерживал Максимиана. В Риме сенат провозгласил императорами сенаторов Папиена и Бальбина. В конечном счете, Максимиан был убит своими собственными солдатами во время осады Аквилеи (июнь 238 г.). Воины преторианской гвардии убили Папиена и Бальбина и заставили сенат признать императором тринадцатилетнего внука Гордиана, Гордиана III (238-244). Гордиан III был убит своим префектом претория, Филиппом Аравитянином (244-249). Филипп был убит в Вероне (249)

в бою против командира дакийских легионов Деция. После гибели Деция в битве с готами в 251 г. армия провозгласила императором Галла (251-253). В правление Галла началась 15-летняя чума. Когда Галл выступил против наместника в Мезии, Эмилиана, он был убит своими солдатами, как и его преемник Эмилиан (253).

Правление Галлиена (253-268) стало свидетелем чумы и катастрофических внешних вторжений. От чумы погибли две трети населения Александрии, а в Риме каждый день умирало по пять тысяч человек (Ward et al. 2003:397). Внутренняя война достигла пика, империя распалась, и повсюду возникали новые претенденты на трон. Это была эпоха «тридцати тиранов» (Stearns 2001). Только во время правления Галлиена престол пытались захватить восемнадцать узурпаторов (Ward et al. 2003:397). Две трети территории империи отпали от Рима (в Галлии правил Постум, а в Пальмире – Оденат и Зенобия).

Перелом произошел в 268 г., когда офицеры штаба Галлиена (все они были иллирийцами) убили императора и взяли на себя управление империей. Эта военная клика выдвинула из своей среды ряд правителей, известных как «иллирийские» или «солдатские» императоры. Правление солдатских императоров было прервано лишь на короткое время в 275-276 гг., когда на троне находился сенатский кандидат. Иллирийцы взялись за восстановление империи, и в конечном счете эта задача была выполнена императором Диоклетианом (284-305).

7.6. Заключение

Хотя наши данные по экономической и социальной динамике Римской империи во время принципата не столь полны, как хотелось бы, эмпирические тенденции в целом согласуются с предсказаниями демографически-структурной теории. Тенденция к росту населения, наблюдавшаяся до середины II в., после Антониновой чумы сменилась спадом, усугубленным гражданскими войнами III века. Существовали, однако, значительные региональные различия. В частности, представляется, что население Италии достигло максимума раньше, чем население провинций, и, возможно, начало уменьшаться еще до Антониновой чумы.

Однако, нужно отметить, что экономические данные весьма малочисленны. Количественные серии данных доступны только для одной провинции (Египта), и даже в Египте эти данные фрагментарны. Однако имеющиеся данные говорят в пользу мальтузианской картины, рисующей обнищание народных масс в середине II в. и улучшение жизненных условий после сокращения численности населения.

Динамика элиты демонстрирует обычный временной сдвиг по отношению к динамике простого народа. В то время как население в целом во время фазы расширения (27 г. до н.э.-96 н.э.) возросло, элита (и особенно

ее верхний слой, сенаторская аристократия) численно уменьшилась и потеряла часть своих богатств и власти. Численность элиты и ее доходы снова увеличились во время фазы стагфляции (96-165 н.э.). Вследствие такой динамики один из индексов элитного потребления, расходы на монументальные здания, имеет «двугорбую» форму, с одним максимумом в начале I в. и вторым максимумом в середине II в. (рис. 7.8).

В течение интегративной фазы государственные финансы были здоровыми. В I в. имелись периоды финансового напряжения, но они были мимолетными. В любом случае, сообщения о большом дефиците бюджета при Калигуле и Нероне являются сомнительными из-за враждебности источников к этим «плохим» императорам. Но время дезинтегративной фазы финансовый кризис был вполне реальным, на что указывает резкое обесценивание римских монет в III в. (рис. 7.4).

Для интегративной фазы цикла принципата (особенно на ранних стадиях) были характерны внешние завоевания, а также успешная защита границ. Государственные расходы на общественные здания достигла максимума к концу интегративной фазы (рис. 7.8). Одна особенность, которая не вписывается в демографически-структурную модель, связана с периодически повторяющимися вспышками нестабильности в течение I в. Тем не менее, большинство вспышек нестабильности имело форму дворцовых переворотов, и единственная в этот период гражданская война (после свержения Нерона в 68 г.) длилась всего 18 месяцев. Фаза стагфляции (96-165 гг.), в целом, отличалась внутривластной стабильностью. Но для последующей дезинтегративной фазы были характерны периодически повторяющиеся гражданские войны, варварские нашествия и территориальные потери.

В целом, соответствие между теорией и данными исторических источников является достаточно удовлетворительным. Необходимо, конечно, сделать оговорку относительно скудности экономических данных, но с учетом этого обстоятельства цикл периода принципата представляется почти идеальным вековым циклом. Вероятной причиной хорошего соответствия теории и данных является то обстоятельство, что Римская империя была огромным государством, и следовательно, динамика его взлетов и падений регулировалась в основном эндогенными механизмами.

Глава 8. Россия: Московский цикл (1460-1620 гг.)

8.1. Кризис XV века

Отправной точкой нашего исследования является вторая половина XV в., потому что только с этого времени мы имеем доступ к достаточно подробным источникам по аграрной истории России, Новгородским писцовым книгам. Это не означает, что структурно-демографический анализ предыдущих периодов истории России невозможен: такая попытка была сделана в одной из наших предыдущих работ (Нефедов 2002). Несмотря на то, что фрагментарный характер источников позволяет лишь гипотетическую реконструкцию социально-экономической динамики, мы полагаем, что до середины XV в. Россия пережила два вековых цикла.

Первый, или Киевский, цикл начался с восточнославянской колонизации территорий, которые в конечном итоге стали Россией, и закончился на Северо-Западе (в Новгородской и Псковской землях) демографически-структурным кризисом 1220-1250-х гг. В других русских княжествах этот цикл был прерван монгольскими нашествиями 1230-1240-х гг. После этой демографической катастрофы, в XIV в., наблюдался устойчивый рост населения, и к концу этого столетия мы снова фиксируем многочисленные признаки перенаселения в Новгородской земле. Суровый климат и бедные почвы Северо-Запада могли поддерживать существование лишь относительно редкого населения, поэтому растущее население довольно быстро достигало пределов экологической емкости территории. В Центральной России, в отличие от Северо-Запада, было еще достаточно земли, чтобы прокормить увеличивающееся население. Тем не менее, во второй четверти XV в. рост Московского княжества был приостановлен длительным периодом гражданской войны, которая усугублялась татарскими набегами. Таким образом, причины кризиса XV века в различных регионах России были различными. На Северо-Западе кризис был вызван голодом и эпидемиями, в то время как в Центральном регионе основной причиной кризиса была гражданская война и внешние нашествия, а голод и эпидемии были вторичными последствиями социополитической нестабильности (Нефедов 2002).

Каковы были масштабы этой катастрофы? Что стоит за словами летописи «мало людей во всей Русской земле останея»? Согласно археологическим данным, количество находок кожаной обуви и берестяных грамот в Новгороде в течение первой половины XV в. уменьшилось примерно вдвое

(Изюмова 1959; Коновалов 1966) – поэтому можно предположить, что население уменьшилось примерно в два раза. Как мы видели в предыдущих главах, касающихся экономических последствий Черной Смерти, одним из показателей демографической катастрофы является резкое снижение цен на зерно и рост реальной заработной платы. После «Великого мора» в Северо-Западном регионе цены уменьшились вдвое, и труд стал очень дорогим. Дневная заработная плата увеличилась приблизительно до 24 кг ржи (Нефедов 2002).

Согласно археологическим данным в период кризиса в Московской области опустела пятая часть деревень (Юшко 1991:52-53). Потери населения, несомненно, были еще более тяжелыми, потому что уцелевшие деревни также понесли потери от голода и эпидемий. В Москве и в Твери, резко, в 2.5-3 раза, сократились масштабы каменного строительства (Miller 1989). Как во времена монгольского нашествия, пресеклись многие летописи, и в русском летописании образовался разрыв, продолжавшийся до середины XV в. (Лурье 1994).

Социально-политический кризис в Московском регионе длился почти полвека, от разрушительного нашествия татар в 1408 г. и первой эпидемии чумы 1418 года до окончания междоусобной войны в 1453 г. Причиной большой продолжительности кризиса стал финансовый крах Московского княжества. Казна была пуста, и государство было вынуждено девальвировать валюту; в первой половине XV в. рубль потерял 60% своей стоимости. В соответствии с демографически-структурной теорией, тяжелый финансовый кризис должен было привести к потере административного контроля со стороны государства. Ситуация стала настолько тяжелой, что в 1445 г. великий князь Василий II смог собрать для отражения татарского набега лишь полторы тысячи воинов – он был разбит в битве на Нерли и попал в плен. Снова разгорелась княжеская междоусобица; татарские отряды постоянно прорывались за Оку, почти беспрепятственно грабили Русь и уводили полоны «без счета». Причины кризиса были связаны между собой и порождали друг друга. Экономический коллапс и уменьшение собираемости налогов приводили к военной слабости, которая, в свою очередь, открывала дорогу гражданской войне и внешним нашествиям. Высокая социополитическая нестабильность, в свою очередь, углубляла экономический спад, вызвала голод и депопуляцию. «...А землю русскую остаток истратиша, межю собой бранячися», писал новгородский летописец, подводя итоги княжеских распрей (Лурье 1994:56).

8.2. Фаза расширения (1460-1530 гг.)

Кризис XV века привел к значительному уменьшению численности населения, и в России создалась ситуация, характерная для начальной фазы нового векового цикла: малая плотность населения, изобилие свобод-

ных земель, высокая реальная заработная плата, относительно низкая рента. Приезжавшие в «Московию» иностранцы писали о больших лесах, об изобилии хлеба и скота (Барбаро и Контарини 1873).

Как отмечалось выше, реальная заработная плата в период после катастрофы была очень высокой (в пересчете на зерно поденная плата составляла более 20 кг ржи). К началу XVI в. заработная плата снизилась, но все же оставалась на высоком уровне. В 1520-х гг. неквалифицированный рабочий в Москве получал 1.5 деньга в день (1 деньга = 0.395 г серебра). Мы должны перевести эту номинальную заработную плату в реальную. Крестьяне сеяли на своих полях обычно рожь и овес; четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2.7 пуда) составляли «юфть» – 6.7 пуда «хлеба». В переводе на зерно по тогдашним ценам зарплата рабочего составляла 11 кг хлеба – это примерно соответствует уровню оплаты работников в Германии в 1490-1510 гг., во время фазы расширения цикла Нового времени (Abel 1980; Нефедов 2003).

Относительно размеров ренты известно, что нормой крестьянского участка в центральных областях в начале столетия считалась выть – 15 десятин (16.4 га). Крестьяне были обязаны платить оброк или выполнять барщину. Барщинные обязанности обычно предусматривали обработку для землевладельца трех дополнительных десятин (две из них находились под посевом и одна – под паром). Таким образом, крестьянская семья обрабатывала 18 десятин (19.6 га); при этом шестая часть урожая составляла долю землевладельца. 18 десятин – это был большой надел, в Новгородской земле такие наделы обрабатывали неразделенные семьи в 7-8 человек с двумя взрослыми мужчинами и с 2-3 лошадьми (АИСЗР 1971:180). Вполне вероятно, что большие семьи были характерны и для Центрального района. При урожайности ржи сам-3.3 и овса сам-3.1 (Индова 1965:145) выть давала 200-210 пудов хлеба; в семье из 8 человек получалось около 26 пудов хлеба на человека. Считается, что душевой минимум потребления зерна в пищу составляет примерно 15 пудов, если зерно расходуется так же на корм скоту, то потребление увеличивается до 18 пудов, но в те времена крестьяне не испытывали недостатка в пастбищах и в сене (АИСЗР 1971: 48-50). Если учесть, что крестьянское хозяйство имело доходы не только от земледелия, но так же от животноводства и лесных промыслов, то следует сделать вывод, что уровень потребления крестьян в начале XVI в. был достаточно высоким.

С. М. Соловьев отмечал, что для московских земель правление Ивана III (1462-1505) «было самым спокойным, самым счастливым временем» (Соловьев 1989:III:169). В актах, оставшихся от этого периода, встречаются многочисленные указания на распашку пустошей, на рост площадей под земледельческими культурами (Черепнин 1960:166). При Иване III в Новгородской земле были проведены две переписи, одна в 1480-х гг., другая – около 1500 г. За время, прошедшее между этими переписями, население

увеличилось на 14%, то есть рост был довольно быстрым – порядка 1% в год (АИЗСР 1971:48-50). Для Центрального района нет статистических данных о росте населения, но имеются примеры, указывающие на рост числа дворов в отдельных волостках или имениях в 1.5, в 2, в 3 раза. Обобщая эти и другие материалы, А. И. Копанев пришел к выводу, что за первую половину XVI в. население России в целом увеличилось в 1.5 раза и достигло 9-10 млн. (Копанев 1959).

Наиболее плотно заселенные районы располагались в северо-западной России вокруг Новгорода и Пскова. Население Новгородской земли росло быстрее, чем площадь обрабатываемых земель. Например, население Деревской пятины в период между двумя переписями увеличилось на 16%, в то время как количество обрабатываемых земель увеличилось лишь на 6%. В этом районе на крестьянское хозяйство приходилось в среднем лишь 7 дес. пашни, вдвое меньше, чем в соседней Шелонской пятине. Археологические исследования показывают, что плотность поселений в Деревской пятине в этот период (1480-1500 гг.) была выше, чем когда-либо в прошлом (Конецкий 1992:43). Стали распаиваться никогда ранее не использовавшиеся тяжелые глинистые почвы. Об интенсификации сельского хозяйства свидетельствует также увеличение использования удобрений (Шапиро 1987:6, 14).

8.3. Стагфляция (1530-1565 гг.)

Население и экономика

Первым исследователем, использовавшим демографически-структурную теорию при анализе истории России XVI в., был Честер Даннинг (Dunning 1997, 1998, 2001). Даннинг, в частности, обратил внимание на то обстоятельство, что рост численности населения в XVI в. привел к росту цен. До 1530-х гг. цены на рожь оставались, в общем, стабильными – 10 денег за 4-пудовую четверть (6 г серебра за центнер) (АИЗСР 1971:21-22). Но затем цены начали расти. Например, в 1532 г. цена ржи в Иосифо-Волоколамском монастыре составляла 22 деньги за четверть. В 1543-1544 гг. в результате неурожая цена увеличилась до 35-40 денег (Маньков 1951:104).

Однако связь между перенаселением и ростом цен осложнялась неравномерным региональным развитием. Первые признаки стагфляции появились на Северо-Западе значительно раньше, чем в Центральном районе. До присоединения к Москве в Новгородской земле доминировали крупные землевладельцы, которые требовали от своих зависимых крестьян тяжелую ренту (до половины урожая). После присоединения натуральная рента для государственных крестьян была конвертирована в деньги, что значительно облегчило их нагрузку. Однако на землях, отведенных помещикам, повин-

ности крестьян почти не изменились, а иногда даже увеличились (АИСЗР 1971:173, 373). Таким образом, крестьяне, обрабатывавшие земли, принадлежавшие дворянству, должны были платить тяжелую арендную плату – в пересчете на зерно 10-12 пудов зерна с человека. По подсчетам историков, производство зерна на землях помещиков в Водской и Деревской пятинах в первой половине XVI в. за вычетом арендной платы было не в состоянии обеспечить минимальный уровень душевого потребления в 15 пудов (АИСЗР 1978:178). Низкий уровень личного потребления обусловил большую смертность во время периодических неурожаев. Кроме того, летописцы отмечали, что в Северо-Западном регионе эпидемии были особенно тяжелыми (АИСЗР 1974:33; Соловьев 1989: III: 312). Наконец, многие крестьяне отвечали на увеличение поборов дворянства бегством из поместий. В результате в 1500-1540 гг. население Водской пятины сократилось на 17% процентов, а Деревской пятины – на 13% (АИСЗР 1974: 290).

Таким образом в отдельных, наиболее густонаселенных районах стагфляция началась уже в начале XVI в., и этот процесс был существенно ускорен высоким уровнем изъятия ресурсов, практикуемым государством и помещиками. В то же время даже в пределах Северо-Запада имелись существенные порайонные различия. В Бежецкой и Шелонской пятинах положение было более благоприятным, чем в Деревской и Водской. В 1500-1540 гг. здесь отмечался значительный рост населения – в некоторых уездах население возросло на 27-45% (АИСЗР 1974:32-33, 42, 235, 290-291). Стагфляция была неравномерной и проявлялось в одних районах сильнее, а в других – слабее.

Исследование вопроса о положении крестьян в Центральном районе затрудняется недостатком источников. Однако и здесь рост населения привел к уменьшению крестьянских наделов; в середине XVI в. появляются упоминания о случаях, когда на вытном наделе сидели два или даже три крестьянских двора (Колычева 1987:64). В этот период в Борисовской волости на владимирщине на двор приходилось 7.5 дес. – меньше, чем в перенаселенной Деревской пятине (Колычева 1987:64). Отмечалась нехватка земли в Белозерском крае – здесь у крестьян было лишь по 6 дес. на двор и зерна не хватало до следующего урожая (Прокопьева 1967:102).

Перенаселение привело к хронической задолженности крестьян. Крестьяне брали в долг у монастырей, которые в то время были главными ростовщиками, и, будучи не в состоянии погасить долг, теряли свои земли. В результате владения церкви резко возросли, и к середине XVI в., по некоторым оценкам, церковь владела третьей частью всех обрабатываемых земель в России (Зимин 1960:80).

В середине XVI в. после долгого перерыва в Россию вновь пришел голод. В 1548-1549 гг. голод охватил северные районы страны (Маньков 1951:31). В 1552 г. Новгород и Псков пережили страшную эпидемию; в Пскове погибло 30 тысяч человек. В 1556-1557 гг. голод свирепствовал в

Заволжье и на Севере; в результате голода и бегства крестьян на юг в северных областях началось запустение. В конце 1550-х гг. на Двине пустовало 40% пашни (Колычева 1987:172-174). Е. И. Колычева описывает положение как «крайне неустойчивое равновесие с наметившимися признаками запустения посевных площадей и убылью населения из-за неурожаев, эпидемий» (Колычева 1987:172). Как утверждает демографическая структурная теория, для периода стагфляции характерно именно такое неустойчивое экологическое равновесие.

Таким образом, первые симптомы надвигающегося кризиса появились задолго до Ливонской войны (1557-1582 гг.), которую историки часто называют главной причиной последовавшего экономического спада. Россия не представляла собой экономического единства, в ней были относительно богатые и относительно бедные, перенаселенные области. Север и новгородчина издавна относились к бедным областям. В Центральном районе положение было более благоприятным, в Замосковном крае до 1560 г. еще продолжался рост населения, но все удобные земли к этому времени были уже распаханы (Ивина 1985:233). В 1560-1561 гг. в Замосковский край пришел голод, цены на хлеб поднялись до 50-60 денег за четверть. Характерно, что в качестве причины этого бедствия старцы Иосифо-Волоколамского монастыря указали на недостаток угодий и на рост государевых повинностей (Ивина 1985:166).

Около 1520 г. поденщик в Москве мог купить на дневную плату около 11 кг хлеба. В 1568 г. поденщик на Белоозере получал 1 деньгу в день, а четверть ржи стоила 20 денег; на дневную зарплату можно было купить 3.6 кг хлеба. Таким образом, реальная заработная плата за полвека уменьшилась втрое, что свидетельствует о росте населения и нехватке продовольственных ресурсов. Дневная плата в 3.6 кг кажется довольно большой, но нужно учесть, что поденщиков брали на короткие сроки, что большую часть года они не имели работы (в конце XIX в. оплата при поденном найме летом в 3 раза превосходила дневную оплату при годовом найме). В действительности уровень дневной оплаты в порядка 4 кг – это был уровень, характерный для времен кризиса и голода, именно таким был уровень оплаты в Европе в фазе стагфляции цикла Нового времени (Нефедов, 2003).

Правда, в нашем распоряжении имеются лишь единичные данные о поденном найме; гораздо больше информации имеется об условиях годового найма монастырских работников. Монастыри привлекали для обработки своей пашни наемных рабочих, «казаков» или «детенышей»; эти работники получали от монастыря продукты (4 четверти хлеба в год) и денежное содержание, «оброк». В 1550-х гг. оброк в Иосифо-Волоколамском монастыре составлял 80 денег в год, и дневная зарплата в деньгах и продуктах была эквивалентна 1.2 кг хлеба. Впоследствии мы видим столь низкий уровень зарплаты лишь один раз, во время сильного голода 1588-1589 гг. – однако тогда этот голодный уровень держался лишь один год, а в

1550-х гг. это была обычная плата. Таким образом уровень жизни в 1550-х гг. был примерно таким же, как в голодные годы (Нефедов 2003).

Другим показателем аграрного перенаселения является развитие деревенского ремесла, расширение торговли, переселение крестьян в города и рост городов. Крестьяне густонаселенных Деревской и Водской пятин Новгородской земли не могли обеспечить себя хлебом, и многие крестьяне пытались заработать на жизнь ремеслом и торговлей; здесь было много торгово-ремесленных поселений, «рядков» (Бернадский 1961:108, АИСЗР 1974:117-118). В начале XVI в. в Новгороде было 5.5 тыс. дворов и примерно 30 тыс. жителей, из них около 6 тыс. ремесленников – практически все взрослое мужское население состояло из ремесленников (Тихомиров 1962:303-307). По некоторым данным, Псков по размерам не уступал Новгороду, в нем насчитывалось более 6 тыс. дворов и 30 тыс. жителей. В 1516-1533 гг. в Пскове было построено 17 церквей – немногим меньше, чем в Москве (Зимин 1972:123), в которой имелось 41.5 тыс. дворов (Герберштейн 1988: 132). В то же время нужно отметить, что население Новгорода (и возможно, Пскова) в первой половине XVI в. не увеличилось; в городах новгородчины уже тогда проживало 10% населения – для аграрного общества это цифра, близкая к максимальной; окрестные области не могли прокормить такой большой город. Как центры перенаселенного района, Новгород и Псков были часто подвержены эпидемиям – при Василии III летописи по крайней мере четыре раза отмечают здесь мор, в то время как в центральных районах эпидемии не упоминаются (АИСЗР 1971:326; АИСЗР 1974:33; Соловьев 1989:III:312).

Динамика элиты

Верхний уровень российской социальной иерархии занимали удельные князья, которые были близкими родственниками московских государей. Василий II, Иван III, Василий III прилагали много сил, чтобы ликвидировать уделы, но перед смертью они раздавали новые уделы своим младшим сыновьям – и удельная система вновь возрождалась. После побед Ивана III над Литвой в число удельных князей вошли бывшие литовские князья, перешедшие на московскую службу и сохранившие свои владения: князья Воротынские, Одоевские, Трубецкие. Второе место в иерархии знатности занимали служилые князья, в их числе было много потомков владими́ро-суздальских великих князей. В свое время эти князья добровольно подчинились Москве, и многие из них остались в своих городах на положении наместников. Третью ступень по знатности занимали «старомосковские» бояре, такие как Морозовы, Захарьины и Челядины. Предки этих бояр были ближайшими помощниками московских князей еще в те времена, когда Москва была одним из мелких княжений во Владимиро-

Суздальской земле. Старые московские бояре традиционно занимали самые важные посты в правительстве.

Князья и бояре составляли «сословие магнатов» Московской Руси. Ниже располагалось сословие дворян («дворяне и дети боярские»), которые служили в армии в качестве конных воинов. Дворяне делились на тех, которые были приписаны к Москве (средний ранг элиты), и провинциальных дворян. Многие провинциальные дворяне были довольно бедны; часто они имели поместья с 4-5 крестьянскими дворами, и их стиль жизни мало чем отличалась от крестьянского. Общую численность элиты оценить достаточно трудно, но мы знаем, что число дворян, которые каждый год выходили на оборонительную линию по Оке в 1520-х гг. составляло около 20 тыс. (табл. 8.1). Таким образом, число дворянских семей не могло быть менее этой цифры.

Таблица 8. 1. Некоторые численные данные, касающиеся элитной динамики.

<i>Период</i>	<i>Численность</i>	<i>Контингент</i>	<i>Источник</i>
1520-е гг.	20 тыс.	Дворянское ополчение на южной границе	(Герберштейн 1988:113)
1560-е гг.	100-120 тыс.	Все дворянское ополчение	(Скрынников 1988)
1580-е гг.	65 тыс.	Дворянское ополчение на южной границе	(Флетчер 2003:77-78)
1580-е гг.	80 тыс.	Все дворянское ополчение	(Флетчер 2003:77-78)
1630	15 тыс.	Дворянское ополчение на южной границе	(Чернов 1954:125)
1630	27 тыс.	Все дворянское ополчение	(Чернов 1954:125)
1651	39 тыс.	Все дворянское ополчение	(Чернов 1954:125)
1700	23 тыс.	Дворяне, имеющие крестьян	(Водарский 1977:49, 64,73)
1737	46 тыс.	Дворяне, имеющие крестьян	(Водарский 1977)

В первой половине XVI в. московские государи стремились увеличить численность дворянской кавалерии, которая составляла основную часть армии. В результате эта численность очень возросла, хотя у нас нет надежных данных для количественной оценки этого роста. К середине столетия уже не осталось свободной земли (с крестьянами), которая могла быть предоставлена новым помещикам. В 1500 г. в Шелонской пятине поместные земли занимали 58% пашни, а в 1540 г. – 98%; в Бежецкой пятне в 1544 г. под поместья было занято 99% пригодных земель (Чернов 1954:25). Вместе с ростом численности дворянской элиты уменьшался средний размер ее земельных владений. Если в 1500 г. только 22% новгородских помещиков имели

земли меньше 150 дес., то в 1540 г. – 39%; доля владельцев поместий свыше 300 дес. уменьшилась с 48% до 22% (Скрынников 1988: 19) .

Социополитическая нестабильность

Мы можем проследить динамику социополитической нестабильности в Центральной России, анализируя временное распределение монетных кладов, найденных в Московской области (рис. 8.1). Небольшой пик в первой половине XV в. вероятно, отражает кризисную фазу предыдущего векового цикла, однако экономика России в то время была слабо монетизирована, а общее количество кладов является слишком низким, чтобы сделать определенные выводы. В 1450-1530-х гг. количество кладов очень невелико, затем оно возрастет в 1540-х гг., и этот рост продолжается до конца XVI в. В Смутное время в начале XVII в. наблюдается огромный скачок числа кладов, а потом следует постепенное снижение до минимума в середине XVIII в.

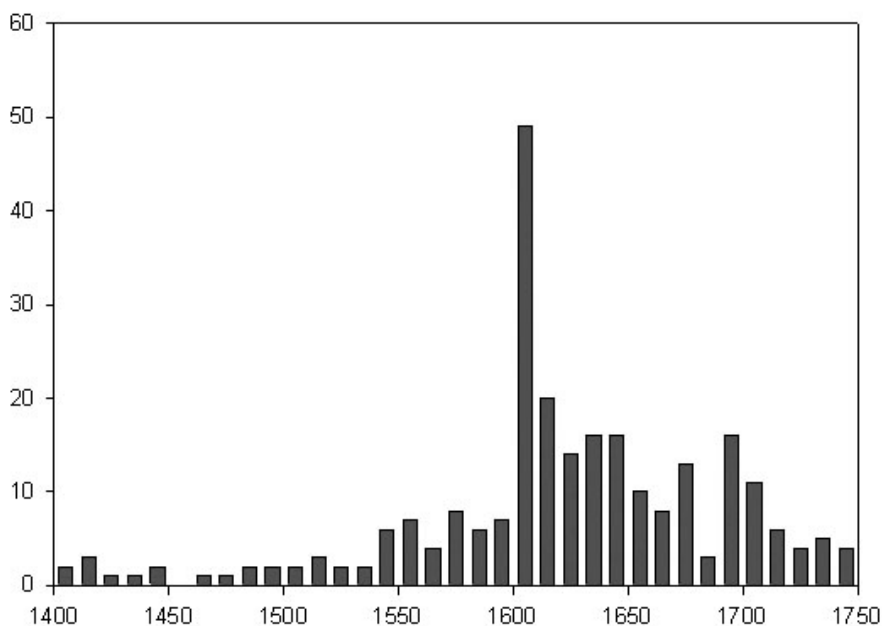

Рисунок 8.1. Временное распределения монетных кладов найденных в Московской области – количество кладов по десятилетиям в 1400-1750 гг..

Исторические свидетельства в значительной степени согласуются с динамикой монетных кладов. Для периодов правления Ивана III (1462-1505) и Василия III (1505-1533) были характерны внутреннее единство и успешная территориальная экспансия. Когда Василий III в 1533 г. умер, его сыну Ивану IV было всего три года. В малолетство Ивана IV государственными делами сначала управляла его мать, Елена Глинская, а после ее смерти в 1538 г. – Боярская дума. Период боярского правления (1538-1547

гг.) был временем непрерывной борьбы между двумя знатными кланами, Шуйскими и Бельскими. Власть несколько раз переходила из рук в руки, и дворцовые перевороты сопровождалась ссылками, казнями и убийствами (Riazanovsky 2000:145). Победившие боярские кланы поделили между собой наместничества и стали требовать у населения «корма» сверх всяких норм (Соловьев 1989: III: 436, 440). В наделении воинов поместьями воцарился беспорядок; документы свидетельствуют, что при поместных раздачах князя и бояре присваивали большие массивы земель, обделяя простых воинов (Кобрин 1980:172). В 1540-х гг. начинает чувствоваться недовольство дворян, направленное прежде всего против правящей боярской верхушки и монастырей. Земельные споры помещиков с монастырями стали обычным явлением (Зимин, 1960:76, 81).

Об усилении внутриэлитной конкуренции говорит также увеличение числа местнических тяжб. До 1540 г. на десятилетие приходилось от трех до пяти судебных дел, но в течение 1540-х гг. число тяжб подскочило до 30. Другой огромный скачок, более чем до 200, произошел в 1580-х гг. (Kollmann 1999).

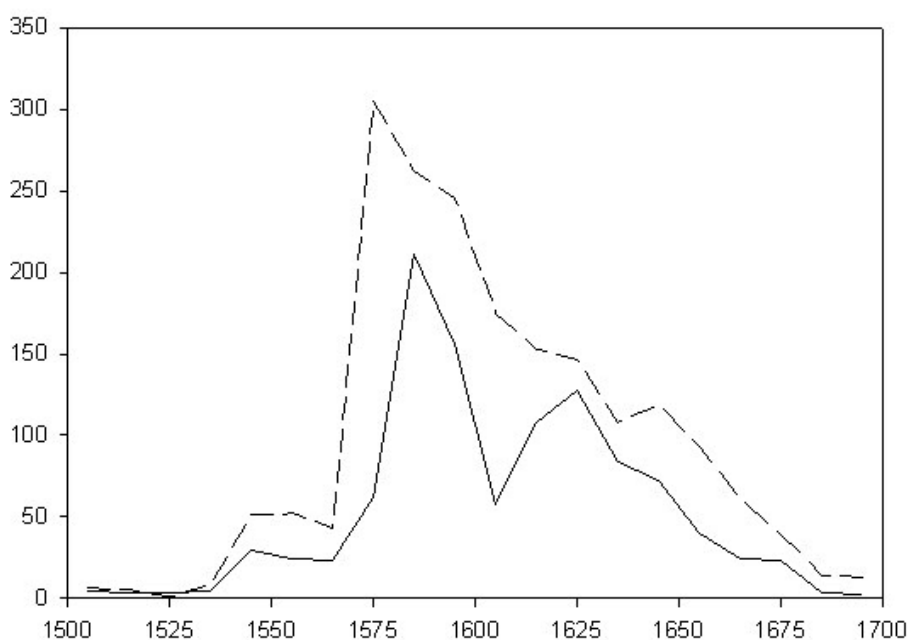

Рисунок 8.2. Динамика местнических споров в России в 1500-1700 гг. (по десятилетиям). Сплошная линия показывает динамику по данным Коллман, ломаная линия – динамику по данным Эскина (Kollmann 1999:138).

Неурожай в 1546 г. привел к голоду весной следующего года. В июне 1547 г. Москву охватил большой пожар; вместе с голодом это вызвало народное восстание, первое с момента основания Московского княжества. Бунтовщики разрушили усадьбы многих бояр и убили одного из правящих магнатов, Юрий Глинского. Молодой царь Иван IV взял дела управления в свои руки; он публично покался на Красной площади и обещал править в интересах народа. В 1549 г. он созвал первый Земский собор, что способ-

ствовало нормализации ситуации. Первые два десятилетия царствования Ивана IV известны как «хорошая» половина царствования. Правительство Ивана IV провело реформу военного и местного управления и приняло новый свод законов (Riazanovsky 2000:145).

Рост налогообложения

«Хорошая» половина царствования Ивана IV стала свидетелем успешных внешних войн. На востоке Москва овладела Казанью и Астраханью (1552-1556 гг.). На западе Ливонская война (1557-1582 гг.) поначалу была успешной, но в конечном счете закончилась поражением. Помимо геополитических целей этих войн, их целью было предоставить беднеющему дворянству работу и добычу. Эти войны были чрезвычайно дорогими и привели к резкому увеличению налогового давления на крестьян (рис. 8.3). Как отмечалось выше, потребление крестьян в некоторых пятинах Новгородской земли еще до Ливонской войны находилось на уровне минимальной нормы (15 пудов, или 250 кг в год). Налоговое извлечение дополнительных 3-4 пудов зерна должно было привести к голоду и эпидемиям, что и действительно случилось, например, в Деревской пятине (АИСЗР 1974: табл. 36).

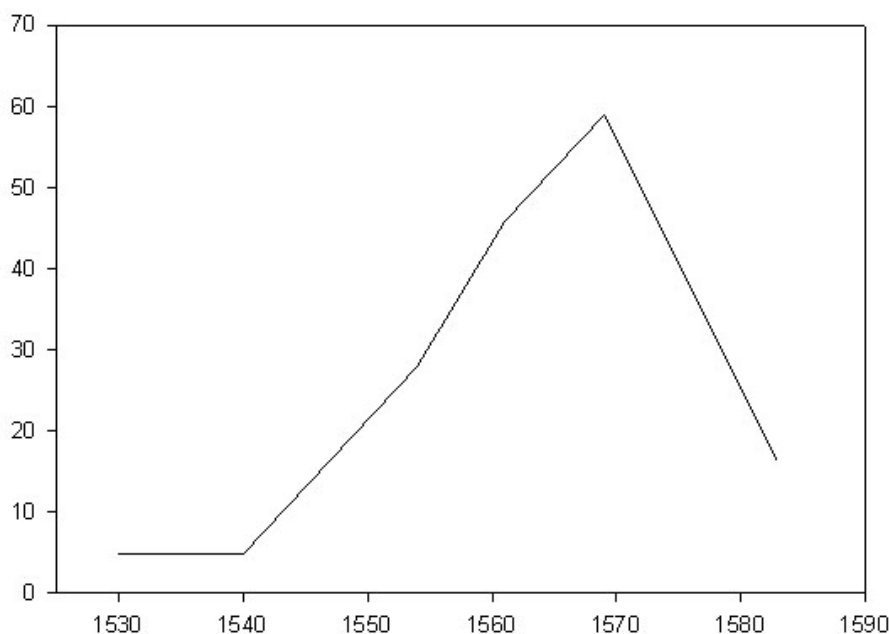

Рисунок 8.3. Динамика государственных налогов в Бежецкой пятине (в кг зерна на человека) (Нефедов 2003).

8.4. Кризис (1565-1615 гг.)

В 1565 г. Иван IV ввел опричнину, которая разделила государство на две части. Царь создал отдельные административные структуры для оп-

ричнины и остальной части государства, земщины, которая по-прежнему управлялась Боярской думой. Многие вотчины на территории, вошедшей в опричнину, были конфискованы, а их земли были розданы в поместья мелким дворянам. Р. Г. Скрынников установил, что свыше 150 представителей высшей знати были «выведены» в Казанскую землю; едва ли не большинство этих ссыльных имело княжеские титулы (Скрынников 1996). Был создан корпус опричников, игравший роль личной гвардии царя; поначалу насчитывалась тысяча опричников, но со временем их число выросло до шести тысяч. С помощью опричников Иван IV развязал террор против бояр, их слуг и сторонников. В сущности, опричнина была государственным переворотом, в котором Иван IV использовал подконтрольные ему низшие слои элиты против высших.

Именно в этот период интенсивных внешних и внутренних конфликтов (Ливонская война и опричнина) Россия пережила крупномасштабную демографическую катастрофу. Кризис начался с катастрофического неурожая в 1567 г. Сам по себе неурожай не был редким явлением: он случался в средневековой России в среднем каждые 6-7 лет. Обычно плохие урожаи не приводили к голоду, потому что крестьяне в качестве меры предосторожности держали большие запасы зерна. Но увеличение налогового давления (рис. 8.3) в сочетании с перенаселением в некоторых районах привело к тому, что крестьяне не могли откладывать достаточные запасы на случай неурожая. В результате зимой 1567-1568 гг. в Центральном районе разразился голод; цены на зерно увеличились в 8-10 раз. Следующий год снова был неурожайным, цены держались на том же уровне, и голод продолжался (Скрынников 1975:162; Колычева 1987:177). В 1570 г. следом за голодом пришла чума. «Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдившие города и деревни», – писала Е. И. Колычева (1987:178). «Великий голод» продолжался и во время эпидемии, причем отмечались многочисленные случаи каннибализма (Штаден 1925:92).

Голод, чума и внутриэлитные конфликты ослабили способность государства к отражению внешних вторжений. В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей собрал огромное войско и вторгся в Московию. В мае 1571 г. крымцы окружили в Москве русскую армию и сожгли осажденный город, в огне погибли сотни тысяч людей. Татары подвергли страшному разорению весь Московский уезд и уезды, лежавшие южнее столицы (Скрынников 1975:163; Колычева 1987:182). Кочевники угнали с собой 100 тыс. пленных, которые были проданы на рабском рынке в Кафе. В конце 1570-х гг. Ливонская война вступила в завершающую фазу, результатом которой стала потеря всех территорий, завоеванных Москвой. Война закончилась в 1583 г. после подписания мирных договоров с Польшей и Швецией (Riazanovsky 2000:152).

Каковы были масштабы демографической катастрофы? Наиболее подробные данные по этому вопросу предоставляют новгородские материалы. В Деревской пятине 1/3 крестьянских наделов («обеж») была заброшена из-за голода и мора – то есть хозяева погибли; остальные бежали от царевых податей и правей. В Водской пятине запустело 3/5 всех обеж, но неизвестно, сколько крестьян погибло, а сколько ушло в другие места. В одной из волостей Бежецкой пятины от мора и голода погибло 40% населения. Для Центрального района статистических данных гораздо меньше; имеется, в частности, информация о запустении в расположенных в различных уездах вотчинах Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей. В опустошенном татарами Московском уезде в этих вотчинах было заброшено 90% пашни, в Суздальском уезде – 60%, в Муромском уезде – 36%, в Юрьев-Польском уезде – 18%. Масштабы запустения были велики, часть крестьян погибла, но некоторые, вероятно, переселились в другие места. Однако массовое переселение во время эпидемии было невозможно: во избежание распространения болезни дороги были перекрыты заставами. Бежать на окраины не имело смысла: 1570-е гг. были временем больших восстаний в Поволжье, а южные области в этот период трижды подвергались опустошению кочевниками. Таким образом, крестьянам было некуда уходить, и приведенные выше цифры говорят об огромных масштабах гибели населения (Нефедов 2003).

Как обычно, сокращение численности населения повлекло за собой улучшение экономических условий для простого народа. В течение 1570-х гг. дневная заработная плата резко увеличилась. Поденщики на вологодчине получали по 3 деньги в день, а четверть зерна стоила 23 деньги, таким образом дневная плата составляла 9.3 кг хлеба; она возросла в 2.5 раза. Данные об оброках «детенышей» Иосифо-Волоколамского монастыря свидетельствуют, что реальная (и номинальная) заработная плата после катастрофы 1570-1571 годов возросла примерно в 2.5 раза. Оплата квалифицированных работников, например, плотников, портных возросла в 2 раза. Подобное увеличение оплаты имело место и в других церковных учреждениях (Нефедов 2003).

Еще одним признаком снижения демографического давления было падение земельной ренты. Оброки на поместных землях упали примерно в 3 раза (в пересчете на зерно с 10-12 пудов до 3-4 пудов на душу), на дворцовых землях – в примерно в 2 раза. Барщина также сократилась вдвое или втрое (Нефедов 2003).

Таким образом, демографическая катастрофа 1570-х гг. привела не к повышению уровня эксплуатации крестьян, как утверждают некоторые историки, но напротив, значительно облегчила их положение. Но катастрофа означала также уменьшение способности государства и элиты извлекать ресурсы из крестьянских хозяйств. В реальном выражении налоги, уплачиваемые каждым крестьянским двором, сократились в три, в четыре или

даже в пять раз, как это было в Шелонской пятине близ Новгорода. Сбор налогов с новгородских земель к 1576 г. уменьшился вдвое, а к 1583 г. – в 12 раз (Воробьев и Дегтярев 1986:168).

Сильно пострадали и дворянские хозяйства. Во многих поместьях землю было некому обрабатывать; в Московском уезде обрабатывалось только 7% помещичьей пашни, в Коломенском уезде – 25%. В Деревской пятине больше трети помещиков не имели ни пашни, ни крестьян (АИСЗР 1974:71; Колычева 1987:184). Не имея денег для снаряжения в поход, многие дворяне бросали свои опустевшие поместья. Московское войско, основная часть которого состояла из служилых дворян, уменьшилось более чем вдвое (Штаден 1925:99; Скрынников 1988:13).

В 1584 г. Иван IV умер. Царствование его сына Федора (1584-1598) было относительно мирным периодом, но Федор был «слаб умом», и правительство вновь оказалась в руках бояр. По-видимому, основной причиной временного ослабления политической нестабильности было исчерпание потенциала враждующих фракций. Однако основное противоречие между перепроизводством элиты и уменьшением численности простого народа сохранялось.

Основной причиной продолжавшейся нестабильности, которая в конечном итоге привела к брейкдауну и гражданской войне Смутного времени, был острый дефицит рабочей силы, экономический кризис элиты и финансовый кризис государства. Ситуация была близка к ситуации в Западной Европе после Черной Смерти (см. главы 2 и 4), когда уменьшение предложения труда вынудило дворянство использовать неэкономические, силовые методы в попытке сохранить свои доходы. В Англии и Франции эти попытки не увенчались успехом, в то время как в Польше и Пруссии элита сумела осуществить закрепощение крестьян (см. обсуждение в п. 1.1). Два столетия спустя в России в аналогичных условиях элита также попыталась навязать крестьянам крепостное право.

При царе Федоре московское войско насчитывало 80 тыс. всадников, получавших ежегодное жалование (в придачу к поместьям), причем 65 тыс. из них ежегодно выходили нести сторожевую службу на южной границе. Из этих воинов не все были дворянами, но, с другой стороны, были также и дворяне, не получавшие жалования. Как бы то ни было, по сравнению с временами Василия III, когда службу на южной границе несли 20 тыс. всадников, количество конницы увеличилось в 3-4 раза. Можно предположить, что и численность дворян увеличилась в такой же пропорции, в то время как население страны после пережитой демографической катастрофы, по-видимому, не превосходило той численности, которая была при Василии III. Иными словами, социальная пирамида в конце XVI в. стала чрезвычайно перегруженной. Понятно, что русские крестьяне не могли содержать такое большое количество дворян, даже если они были бы лишены всех имевшихся у них сельскохозяйственных излишков. Это противосто-

речие могло быть решена только путем ликвидации перепроизводства элиты, как это и случилось в первой половине XVII в.

Закрепощение было не отдельным событием, а скорее процессом, который растянулся на многие десятилетия. В конце царствования Федора и в царствование Бориса Годунова (1598-1605) правительство под давлением дворянства издало несколько законодательных актов, которые ограничивали передвижение крестьян и определяли период, в течение которого бежавший крестьянин мог быть принудительно возвращен своему помещику. Закрепощение дало землевладельцу возможность увеличивать ренту, и попытка такого рода имела место в Иосифо-Волоколамском монастыре. Увеличение барщины в полтора раза вызвало крестьянский волнения, и в конечном счете руководство монастыря было вынуждено вернуться к старым порядкам. Однако наступление на крестьян продолжалось и принимало централизованные формы: в 1601-1603 гг. во многих монастырях царскими указами барщина была увеличена вдвое (Корецкий 1970:283-284; История крестьянства 1990:257)

Недостаток данных не позволяет судить о положении во владениях помещиков. Тем не менее, мы знаем, что мелкие дворяне имели очень мало крестьян. Например, средний помещик в Тульском уезде имел лишь четыре крестьянских хозяйств (Корецкий 1975:86), но он должен был каждый год выступать в поход. В результате большинство помещиков были вынуждены отнимать у крестьян все продовольственные излишки, не оставляя им никаких запасов на случай неурожая.

Смутное время

Социально-экономическая ситуация в первом десятилетии XVII в. в определенном смысле была аналогична ситуации 1560-х гг. – только тогда средства существования у народа отнимало государство, а теперь это делали дворяне с позволения государства. Началом кризиса снова стал катастрофический неурожай вследствие холодной и влажной погоды в 1601 г. Цены на зерно начали расти почти сразу: весной 1601 г. четверть ржи в Центральном районе стоила 30-32 деньги, а осенью – уже 60-70 денег. В феврале 1602 г. цена достигла одного рубля (то есть 200 денег) (Корецкий 1975:118-119). Весной 1602 г. у многих крестьян не оказалось запасов семенного зерна, и сев производился подмороженными семенами урожая 1601 г. Минимальный посевной запас семян старых урожаев мог бы спасти крестьян – теперь же наступила катастрофа. Подмороженные семена не взошли, разразился страшный голод. Осенью 1602 г. цена ржи достигла 3 руб. за четверть, и у многих крестьян попросту не было зерна для посева озимых. В 1603 г. погода была хорошая – но поля стояли пустыми и голод продолжался (Скрынников 1988:38). Таким образом, катастрофа не была следствием «трехлетних проливных дождей», как полагают некоторые ав-

торы – в действительности дожди шли лишь один год и вызвали один неурожай (1601 года). Но поскольку у закрепощенных крестьян не было минимальных хлебных запасов, то один неурожай породил страшный трехлетний голод. Причина катастрофы была не только в погодных условиях: катастрофа была в значительной степени следствием введения крепостного права.

«Великий голод» 1601-1603 гг. имел далеко идущие последствия для населения, государства и элиты. Во-первых, он привел к огромным страданиям и огромной голодной смертности среди простого народа. Авраамий Палицын сообщает, что 127 тыс. человек были похоронены в одной только Москве (Палицын 1955). Другой свидетель писал, что «вымерла треть царства Московского голодной смертью» (Корецкий 1975:131). Голодающие крестьяне нападали на дома богатых крестьян и на усадьбы помещиков. Начиная с осени 1602 г. вспышки бандитизма во многих регионах стали эндемичными (Корецкий 1975:208).

Во-вторых, «Великий голод» привел к краху государственных финансов. Правительство Бориса Годунова предпринимало чрезвычайные усилия, чтобы облегчить страдания простых людей (Dunning 2004:69-70). Оно тратило огромные суммы, раздавая деньги и хлеб беднякам в Москве, Смоленске, Новгороде, Пскове. В Москве, например, правительственные агенты каждый день раздавали продовольствие и деньги для 70 тыс. человек (большинство которых были беженцами из голодающих деревень). В конце концов, эти раздачи были прекращены из-за отсутствия денег в казне (Dunning 2004:70).

В-третьих, голод создал огромный резервуар недовольных и отчаявшихся контр-элит. Мелкие дворяне страдали от голода так же, как и крестьяне. Многие из них были вынуждены продавать себя в рабство, чтобы выжить. В 1602 г. продаж рабов было в девять раз больше, чем в обычные годы (Dunning 2004:69). Дворян, которые продавали себя в рабство, не отправляли на сельскохозяйственные работы, их включали в вооруженные свиты магнатов как «боевых холопов». Так как голод продолжался, то магнаты оказались не в состоянии поддерживать свои большие свиты, и многие прогоняли своих «боевых холопов». Эти отчаявшиеся люди были «вооружены и опасны», и их было очень много. По некоторым оценкам, 20 тыс. бывших «боевых холопов» ушли на южную границу, где они пополнили ряды недовольных казаков и пограничных дворян (Dunning 2004:72).

Безработные «боевые холопы», беспоместные дворяне, беглые крепостные и пограничные казаки составляли огромный резервуар кадров для последующих восстаний и гражданских войн. Первая вспышка восстаний, так называемое «восстание Хлопка», произошла в Московском уезде осенью 1603 г. Прежде, чем повстанцы были разбиты, им удалось нанести поражение посланным против них правительственным войскам и убить их командующего.

Следующее восстание (в 1604 г.) было более серьезной и в конечном счете успешной попыткой свержения правительства. Оно было возглавлено самозванцем, который называл себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана IV. Лжедмитрий начал свое вторжение в Россию при поддержке польских магнатов, но вполне вероятно, что заговор был инициирован и тайно поддерживался определенными фракциями бояр (Буссов 1961:100). Претендент сформировал свое войско на южной границе, и к нему присоединилось большое количество казаков, «боевых холопов» и беглых крепостных. В апреле 1605 г. царь Борис внезапно умер и коалиция магнатов, которую ему до сих пор удавалось поддерживать, распалась. Большая часть элиты перешла на сторону Лжедмитрия, и он с триумфом вступил в Москву в июне 1605 г.

Здесь не место для детального описания последующей гражданской войны. Достаточно сказать, что в 1606 г. Лжедмитрий был убит по время мятежа, организованного группировкой бояр во главе с Василием Шуйским. Шуйский стал царем, но был свергнут в 1610 г. Появился еще один претендент, который называл себя Дмитрием и утверждал, что он чудом избежал смерти от рук бояр. На юге вспыхнуло народное восстание под предводительством Ивана Болотникова, а затем началась интервенция со стороны поляков и шведов. В 1611 г. бесконечные внутренние распри и внешние вторжения вызвали мощную национальную реакцию со стороны объединившихся элит и простого народа. В 1613 г. Земский собор избрал на престол Михаила Романов, потомка видного боярского рода, и Смутное время подошло к концу.

Голод закончился еще в правление Лжедмитрия: 1604 г. был в сельскохозяйственном отношении хорошим годом. Демографическая катастрофа оказала обычное положительное влияние на реальную заработную плату: оплата работников в монастырях возросла по сравнению с временами до голода в полтора раза. Цена на рожь в 1606 г. составляла 32 деньги за четверть, то есть была примерно той же, что и до голода (Никольский 1910). Таким образом, можно предполагать, что реальная заработная плата возросла после катастрофы в полтора раза. Как отмечалось выше, после голода и чумы 1568-1571 гг. реальная плата возросла в 2.5 раза.

В итоге, годы голода и гражданской войны привели к новому сокращению численности населения. Положение крестьян стало лучше, и процесс закрепощения был де-факто приостановлен. Законы, прикреплявшие крестьян к земле, формально не были отменены, но на практике они не соблюдались. На Юге крестьяне официально могли уходить от помещиков; в других районах они уходили, не обращая внимания на законы. Найти и вернуть беглецов было очень трудно, практически невозможно: никаких государственных органов для сыска беглых не существовало, так как после крестьянской войны правительство делало все, чтобы избежать новых волнений (Шапиро 1965:67; Тихонов 1966:302).

Долгая война привела к уменьшению численности дворянства. В 1580-х гг. численность дворянского ополчения, ежегодно выходившего на южную границу, составляла 65 тыс. всадников; в 1630 году полевую службу могли нести лишь 15 тыс. дворян (табл. 8.1).

8.5. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что окончание междоусобных войн около 1450 г. создало благоприятные условия для устойчивого роста населения. Для второй половины XV в. мы можем уверенно фиксировать характерные признаки фазы расширения: наличие свободных земель, относительно высокий уровень потребления крестьян, низкие цены на зерно, высокую реальную заработную плату, а также низкий уровень развития ремесла и урбанизации. Преобладали внутренний мир и порядок, в то время как внешние границы расширились вследствие успешных войн.

Первые признаки стагфляции наблюдаются в Новгородской земле в начале XVI в., но в Центральном районе они появляются только в середине столетия. Ресурсы свободной земли для внутренней колонизации были истощены и нарастающее крестьянское малоземелье приводило к росту цен на зерно и к падению реальной заработной платы. Становятся частыми сообщения о голоде и эпидемиях. Миграция крестьян из деревни привела к росту городов, торговли и ремесел.

В середине XVI в. отмечается усиление внутриэлитной конкуренции и фрагментации. Рост социальной напряженности проявлялся в московском восстании 1547 г., в попытках социальных реформ и в опричнине Ивана IV (1565-1572 гг.). Тяготы Ливонской войны привели к резкому увеличению налогового бремени. Извлечение не только прибавочного, но и части необходимого продукта привело к распаду крестьянской экономики. Окончательным толчком стал двухлетний неурожай 1567-1568 гг. Так как предыдущие изъятия оставили крестьян без необходимых продовольственных запасов, то это стихийное бедствие привело к страшному голоду. Голод сопровождался эпидемией и вторжением крымских татар; комбинация этих факторов привела к демографической катастрофе 1568-1572 годов.

Как обычно, резкое сокращение численности населения имело следствием улучшение условий жизни простого народа. Однако численность элиты оставались высокой. Повышение реальной заработной платы и уменьшение ренты привело к резкому снижению доходов элиты. Поместное дворянство составляло основу русской армии, но в данной ситуации большинство дворян оказалось не в состоянии исполнять службу. Таким образом, правительство было вынуждено прикрепить крестьян к земле, чтобы дать помещикам возможность повысить арендную плату. Закрепощение привело к значительному увеличению изъятия ресурсов у крестьян,

особенно в мелких поместьях, владельцы которых имели лишь несколько крестьянских дворов.

За социополитической нестабильностью 1560-1570-х гг. последовала относительно мирная интерлюдия 1580-1590-х гг. В этот период население, вероятно, увеличилось, но оно было все еще значительно ниже докризисного уровня. Таким образом, основное противоречие между перепроизводством элиты и относительно малой численностью населения оставалось неразрешенным. Давление помещиков на крестьян привело к тому, что последние существовали на грани голода, не имея запасов на случай неурожая. Неурожай 1601 г. вызвал новый массовый голод и новую демографическую катастрофу. Голод привел к крестьянским восстаниям; различные фракции элиты вступили в борьбу за сократившиеся ресурсы и началась долгая гражданская война, известная как Смутное время.

Гражданская война привела к сокращению численности элиты, но социальное равновесие не было полностью восстановлено. Новая демографическая катастрофа привела к уменьшению численности населения и к повышению уровня жизни крестьян, в то время как доходы элиты снова снизились. Таким образом, экономическое положение элиты после Смутного времени оставалось сложным.

Глава 9. Россия: цикл Романовых (1620-1922 гг.)

9.1. Фаза расширения (1620-1800 гг.)

Население и экономика

Смутное время нанесло страшный удар России. Судя по данным переписей, в Новгородской земле численность населения в 1620 г. была вдвое меньше, чем в 1582 г. и в 10 раз меньше, чем в 1500 г. В вотчинах Троице-Сергиева монастыря, разбросанных по всему Центральному району, площадь пашни сократилась более чем в 10 раз. В Московском уезде по данным переписи 1626-1629 гг. регулярно обрабатывалось только 1/8 прежней пашни, остальная часть заросла лесом или использовалась под перелог (Готье 1937:115-116; Дегтярев 1980:170; Водарский 1988:54; АИСЗР 1989:11).

В целом, по переписи 1646 г. население страны составляло 551 тыс. крестьянских и 31 тыс. посадских дворов. Если принять среднюю населенность двора в 6 человек, то получится 3.5 млн., а с поправкой на недоучет (который Я. Е. Водарский оценивает в 25%) – 4.5-5 млн. (Водарский 1973:26). По оценке Копанева (Копанев 1959) в 1550-х гг. население России составляло 9-10 млн., таким образом, кризис привел к сокращению населения примерно вдвое.

В 1620-х гг. постепенно возобновился экономический рост. В большой степени это стало возможным благодаря строительству 800-километровой Белгородской засечной черты, которая защищала южные границы от татарских набегов. Колонизация более южных районов плодородного Черноземья началась в середине XVII в. Открытие для крестьянской колонизации новых плодородных земель на юге было фактором огромного значения для всей последующей истории России, потому что на долгое время устранило угрозу перенаселения (и обусловило аномально продолжительную фазу расширения).

В 1646-1678 гг. численность населения (без учета территориальных приращений) возросла с 4.5-5 до 8.6 млн. На новгородчине в этот период население увеличилось более, чем в два раза (но все еще оставалось на треть меньше, чем в 1500 г.) (Водарский 1973:26-28; АИСЗР 1989: табл. 4). Особенно быстрым был рост населения на Юге. В 1678 г. в Черноземном центре проживало уже 1.8 млн. человек, в то время как в старом Нечерноземном центре – 3.5 млн. Юг стал поставщиком хлеба для центральных

районов; в конце 1670-х годов эти поставки достигали 1 млн. пудов и правительство не раз с удовлетворением отмечало рост «хлебного пополнения», приводившего к снижению цен (Важинский 1963:9).

Начиная с 1719 г. мы располагаем подробными данными о численности населения, которые были получены в результате так называемых «ревизий», переписей населения, облагаемого налогом. При рассмотрении этих цифр важно принимать во внимание существенный рост территории Российского государства. Чтобы получить более адекватное представление о демографической динамике, мы ограничимся областью, которая была охвачена ревизией 1719 г., без учета присоединенных позже территорий Польши, Украины и Прибалтики.

Население Центрального района (который включал в себя Московскую, Владимирскую, Ярославльскую, Костромскую, Нижегородскую, Тверскую, Калужскую губернии) росло намного медленнее, чем население Черноземного района (Тульская, Рязанская, Курская, Орловская, Воронежская, Тамбовская и Пензенская губернии) (рис. 9.1).

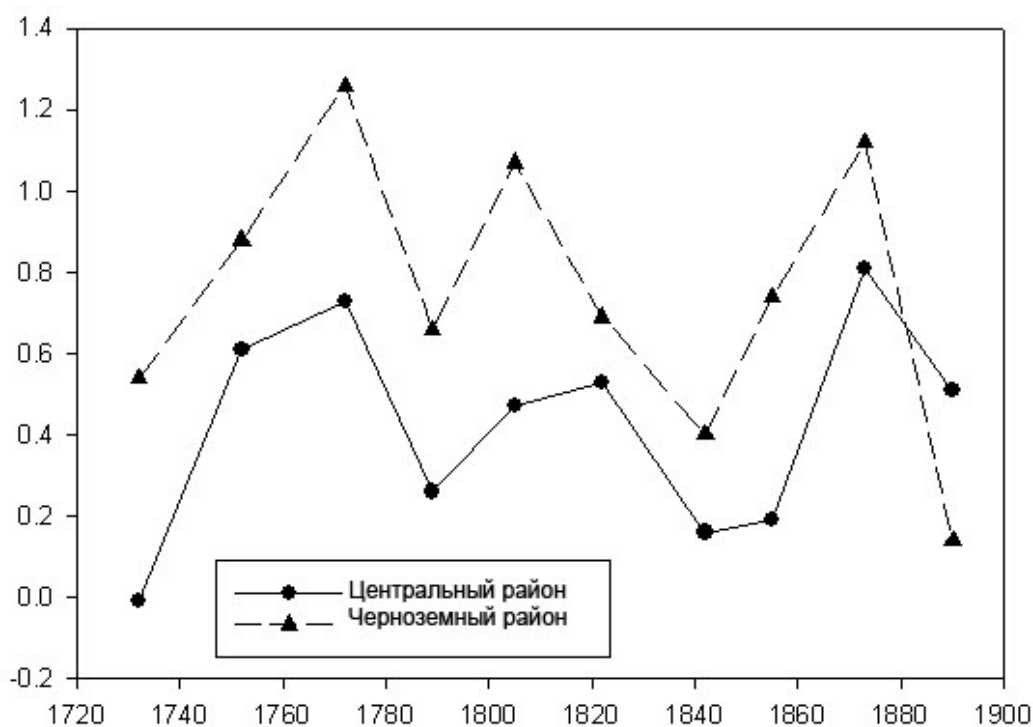

Рисунок 9.1. Темпы прироста населения в Центральном и Черноземном районах в 1719-1897 гг., в процентах (Рашин 1956:44-45, табл. 19; Кабузан 1971: прил. I).

Темпы роста населения колебались, и общая картина быстрого роста осложнялась присутствием периодов медленного роста. Как мы увидим ниже, замедление роста населения было результатом не перенаселения, а перераспределения ресурсов от простого народа в пользу государства и элиты. Например, кризис 1720-30-х гг. стал результатом резкого увеличе-

ния налогового давления при Петре I, которое вызвало голод 1723-1725 гг. Было подсчитано, что во время этого голода погибло около 300 тыс. человек, или 3% от общей численности населения. Структурный кризис 1780-х гг. был вызван резким увеличением ренты, что привело к голоду 1787-1788 гг. (Нефедов 2005:151, 182-183).

Обилие пригодных для земледелия свободных земель означало, что крестьяне не имели стимула к занятию ремеслами или к переселению в города. По этой причине в течение XVII в. города росли очень медленно. Города России в этот период выполняли в первую очередь оборонительные и административные функции и не были экономическими центрами. Численность «служилых людей» (дворян, стрельцов, казаков) в городах превосходила численность торгово-ремесленного населения («посадских людей»). По оценке Водарского в 1652 г. городское население составляло 247 тыс. человек мужского пола, в том числе 139 тыс. служилых и 108 тыс. посадских людей, а в 1678 г. – 329 тыс. человек, в том числе 149 тыс. служилых и 134 тыс. посадских людей (Водарский 1966:279-289)

Медленный рост городов сохранялся и в XVIII в., причем военные по-прежнему оставались существенным компонентом городского населения. В 1719-1796 гг. городское население (в границах 1719 г.) выросло лишь на 34%. В Центральном районе рост городов был более существенным – 61%. По расчетам Миронова (Миронов 1990:65, 71), темпы роста городского населения в 1743-1783 гг. составляли 0.84% процента в год. Темпы роста за счет миграции из сельской местности составляли лишь 0.04%, а основная часть роста (0.8%) объяснялась естественным приростом городского населения. Сельское население росло гораздо быстрее, и, как следствие, доля городского населения сократилась с 11.5% в 1740 г. до 7.1% в 1830-х гг.

Источники того времени отмечают, что в течение XVII в. крестьяне жили весьма зажиточно. Юрий Крижанич (Крижанич 1997:261, 286) писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес...» Адам Олеарий (Олеарий 1980:329) свидетельствует о «громадном избытии хлеба и пастбищ», о больших пространствах свободных плодородных земель, о том, что в России редко приходится слышать о дороговизне.

Статистические данные из нескольких районов согласуются с впечатлениями западных путешественников. Горфункель (Горфункель 1962:117) изучавший хозяйственную жизнь Кирилло-Белозерского монастыря, назвал время после Смуты «золотым веком» монастырского крестьянства. По подсчетам Колесникова (Колесников 1976:301) средний сбор на душу населения в 1620-х гг. в Тотемском уезде составлял 28-32 пуда (460-520 кг). По некоторым данным, в 1680-90-х гг. в монастырских селах центральных уездов обычное хозяйство имело от 2 до 5 лошадей, у помещичьих крестьян в среднем было 2.2-2.6 лошади, 1-2 коровы (История крестьянства

1990:17). В Старорусском уезде в 1660-х гг. на двор приходилось 2-3 лошади, 4-5 коров (АИСЗР 1989:126, 134). В вотчинах Псково-Печерского монастыря в 1639 г. средний двор при населенности 5-6 человек имел 3-4 лошади, 4 коровы (История крестьянства 1994:117). Даже крестьяне, бежавшие в 1660-х гг. из центральных районов на Юг, отнюдь не были бедняками: они имели на двор в среднем по 3 лошади и 2 коровы (Новосельский 1945:60).

Наши суждения об уровне жизни населения становятся на более твердую почву при рассмотрении данных о реальной заработной плате сельских тружеников. В 1640-1647 гг. подневная плата неквалифицированных работников составляла в пересчете на зерно 9 кг. В 1660-70-х гг. инфляция вызвала падение оплаты до 6 кг, но к концу века цены на зерно упали и реальная заработная плата выросла до 14 кг (Нефедов 2005:115). Это был весьма высокий уровень потребления, который был сопоставим с уровнем потребления европейских крестьян в конце XV в. (Abel 1973: 189-192). Как отмечалось выше, этот благоприятный уровень потребления не был превышен в Европе вплоть до XIX в.

В XVIII в. уровень потребления постепенно снижался. Эта тенденция подтверждается собранными Мироновым (Миронов 2004) антропометрическими данными, согласно которым средний рост призывников в течение столетия снизился на 4 см (рис. 9.2). Однако тенденция к снижению не была монотонной: имелось очевидное снижение уровня жизни в 1710-1730 гг., но в последующие десятилетия ситуация улучшилась, вероятно, из-за увеличения темпов колонизации Черноземья. Во второй половине века уровень жизни снова падает, и особенно резкое падение приходится на время кризиса 1780-х гг.

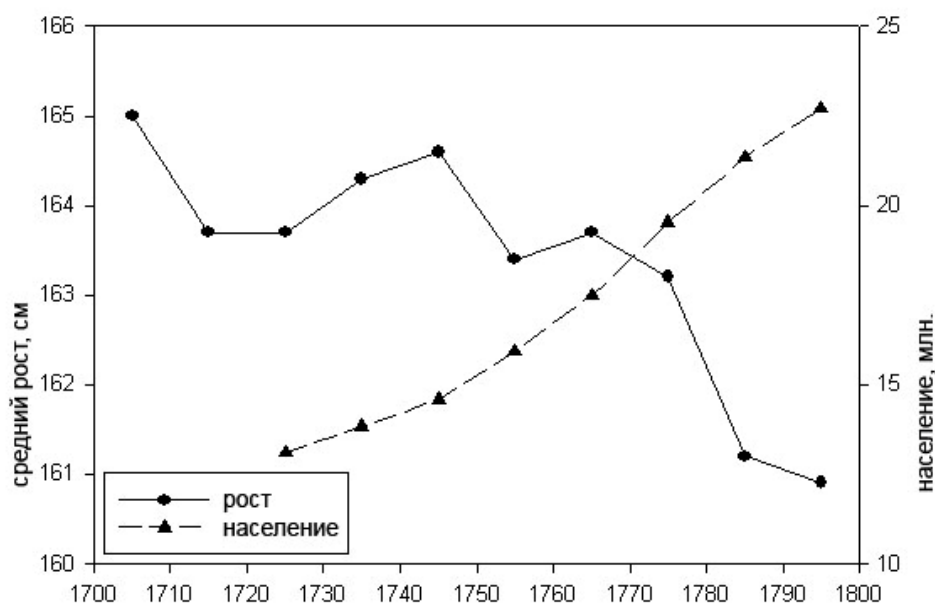

Рисунок 9.2. Средний рост новобранцев и численность населения на территории первой ревизии (Миронов 2004: табл. 4; Кабузан 1971).

Еще одним важным показателем уровня жизни населения является цена на зерно (рис 9.3). Во время царствования Петра I цены возросли в три раза. 1723-1725 гг. стали свидетелями голода и структурного кризиса. Затем цены снизились и общие условия стали более благоприятными, хотя имел место еще один голод в 1733-1735 гг. В 1740-1750-х гг. цены стабилизировались на низком уровне в результате регулярного ввоза зерна из Черноземного района. Новый период роста цен начался в 1760-х гг., что вместе с ростом ренты привело к голоду 1766-1768 гг. Рост ренты в царствование Екатерины II не позволял крестьянам создавать запасы зерна на случай голода. Результатом такого положения был голод и структурный кризис 1787-1788 гг.

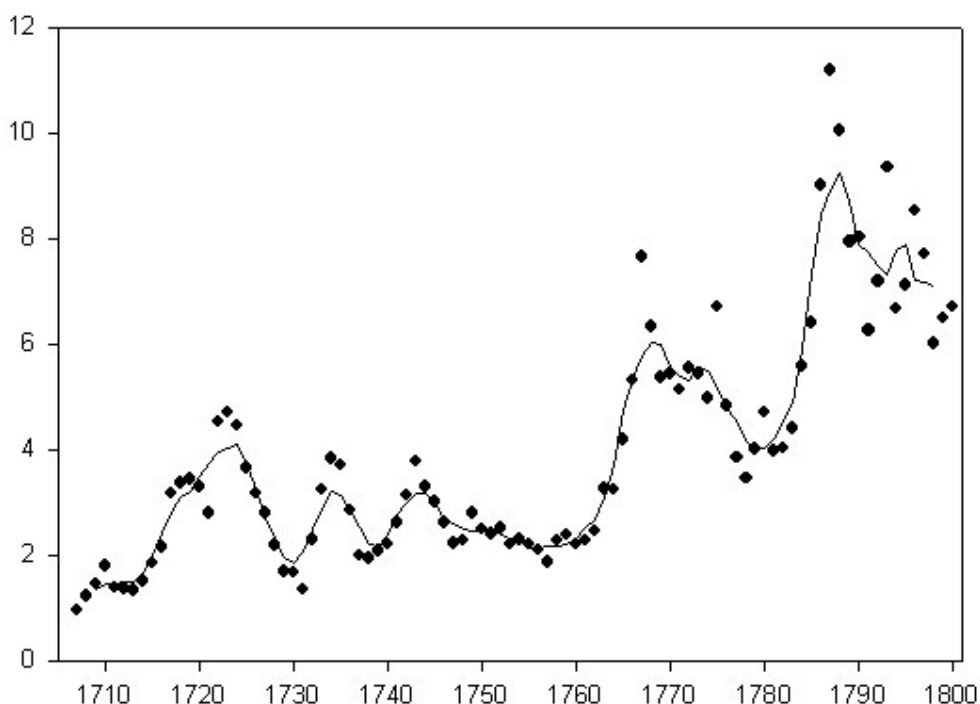

Рисунок 9.3. Стоимость одного пуда ржи в Центральном районе в граммах серебра (Миронов 1985:36).

Общая тенденция изменения цен в течение XVIII в., таким образом, соответствует предсказаниям демографически-структурной теории. Тем не менее, цены росли немонотонно, так как на этот процесс влиял не только рост населения, но и колонизация Черноземного района и валютные манипуляции правительства, которое вводило медные и бумажные деньги. Влияние роста денежной массы было очень существенным, потому что количество денег, циркулирующих на душу населения, увеличилось в течение XVIII в. в несколько раз. Мы можем учесть этот рост денежной массы путем деления номинального индекса цен на показатель денежного обращения на душу населения (рис. 9.4).

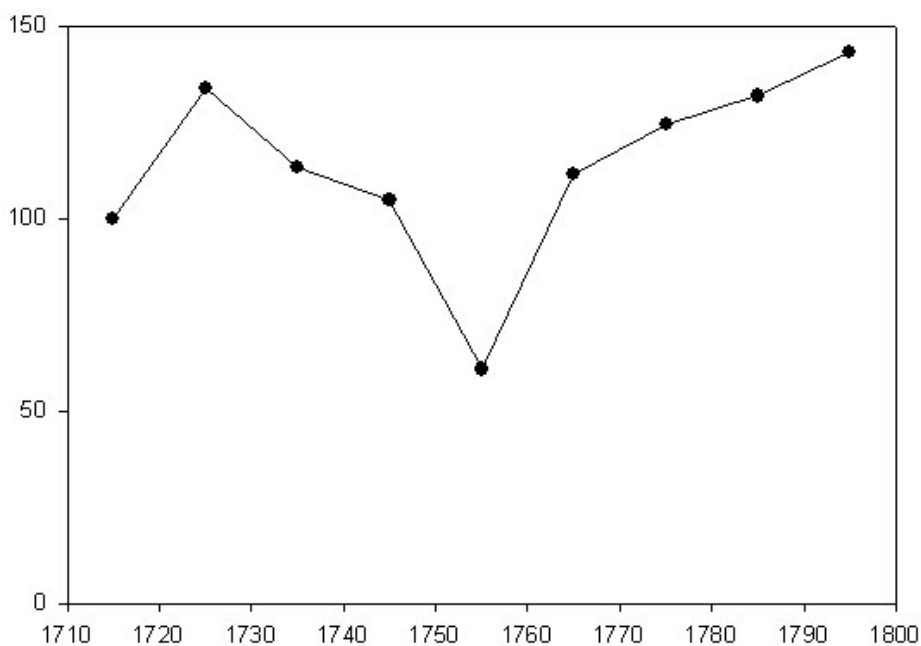

Рисунок 9.4. Нормированный индекс цен на зерно в Центральном районе, полученной путем деления номинального индекса цен на показатель денежного обращения на душу населения.

Нормированный индекс цен (рис. 9.4) показывает, что реальное падение цен в 1750-х гг. была намного большим, чем показано на рис. 9.3. Иными словами, организация транспортировки зерна из Черноземного района оказала чрезвычайно сильное влияние на цены в Центральном районе. Этот эффект, однако, был временным, и к концу XVII в. продолжавшийся рост численности населения подтолкнул цены к новому росту.

Динамика элиты

Конфискации Ивана Грозного и Смутное время нанесли тяжелый удар по боярским родовым вотчинам и по вотчинному землевладению в целом. В Тверском уезде, например, в 1548 г. было 318 вотчин средним размером 370 дес. пашни, а в 1620-х гг. осталось 197 вотчин, имевших в среднем 137 дес.; общая площадь вотчинного землевладения сократилась в 4.3 раза. Обширные когда-то владения так измельчали, что в центральных уездах в среднем на одного вотчинника приходилось 4.2 крестьянских двора (Шватченко 1990: 29, 189).

Поместное землевладение также испытывало кризис – но не из-за недостатка земли, а из-за недостатка обрабатывавших ее крестьян. Самое богатое, московское, дворянство, в 1632 г. имело на одно поместье (или вотчину) в среднем 24 крестьянина, включая бобылей. В других районах положение было гораздо хуже, помещики Шелонской пятины в 1626-1627 гг. имели в среднем по 3.8 двора и по 6.2 душ мужского пола на владение,

35% владений стояли пустыми (Воробьев и Дегтярев 1986:47, 48, 138). Учитывая, что оброки сократились в 2-3 раза, доходы помещиков уменьшились примерно в 10 раз. Шведский дипломат Петр Петрей де Ерзелунда отмечал, что первое время после Смуты многие дворяне ходили в лаптях – так же и крестьяне (Ключевский 1991:86). Численность дворянства уменьшилась. Как отмечалось выше, в 1580-х гг. в списках имелось 80 тыс. воинов, из них 65 тыс. ежегодно выходили на южную границу. По сметному списку 1630 г. числилось 27 тыс. служилых дворян, из них лишь 15 тыс. воинов могли нести полевую службу; остальные сидели в гарнизонах по своим городам (Чернов 1954:125).

Таким образом, хотя численность дворянства резко сократилась, социально-экономическое равновесие между сословиями не было восстановлено в полной мере. Доходы дворянства оставались крайне низкими и дворянство требовало улучшения своего положения путем более строгого прикрепления крестьян к земле – реального введения крепостного права. В 1640-х гг. дворянство добилось утверждения крепостного права по Уложению 1649 года.

Тихонов (Тихонов 1974:202) утверждал, что введение крепостного права сразу же привело к росту барщины, что было одной из главных причин восстания во главе со Степаном Разиным (1670-1671 гг.). Восстание, в свою очередь, вынудило дворянство уменьшить барщину. Можно отметить интересную параллель между событиями, которые последовали за введением крепостного права в 1590-х и 1650-х гг. В обоих случаях повышение давления со стороны дворянства на крестьян вызвало народные восстания. Тем не менее, результат крестьянских восстаний был различным. В отличие от периода Смутного времени в 1670-х гг. элиты не были разделены и государство было относительно сильным. В результате восстание казаков и крестьян было подавлено правительственными войсками. Тем не менее в обоих случаях крестьянское сопротивление воспрепятствовало попыткам элиты увеличить ренту и барщину.

Экономические условия также являются важным фактором, определяющим динамику извлечения прибавочного продукта. Во время долгой и трудной войны с Польшей в 1654-1667 гг. правительство пыталось решить свои финансовые проблемы путем чеканки большого количества медных денег, результатом чего был быстрый рост цен на зерно. Нарушение торговли, падение из-за инфляции реальной стоимости оброков и увеличение расходов заставили дворян увеличивать барщину. Послевоенная нормализация экономических условий, однако, позволила элите уменьшить барщину и заменить ее оброком (Нефедов 2005:110).

В конечном счете, введение крепостного права не привело к увеличению барщины. Оброк в номинальном выражении также не увеличился, хотя снижение цен на зерно привело к его увеличению в реальном выражении до 3.5-4 пудов на душу. Реальный прирост доходов элиты был обу-

словлен не повышением ренты, а увеличением численности крестьян в поместьях в результате введения новых законов, препятствующих крестьянскому выходу. В Новгородской земле, например, среднее число крестьян мужского пола в дворянских владениях увеличилось с 15 в 1646 г. до 26 в 1678 г.

Как отмечалось выше, в середине XVII в. значительная часть дворянства не имела крестьян (таких дворян называли «однодворцами»). Доля однодворцев среди дворян была особенно высокой в южных пограничных районах, где правительство, начиная с конца XVI в., активно принимало на службу крестьян и казаков. В 1670-80-х гг. на юге были проведены переписи служилых людей, в ходе которых всех детей боярских, не имевших крестьян, определили в солдаты. Позже, при Петре I, было указано считать однодворцев государственными крестьянами – в итоге, они лишились дворянского статуса (Водарский 1977: 62; Важинский 1983: 44).

Таким образом, переформирование дворянского сословия привело к значительному уменьшению численности дворянства: если в 1651 г. численность служилых дворян составляла 39 тыс., то в 1700 г. количество дворян-помещиков равнялось 22-23 тыс. В среднем на одного помещика приходилось 19 крестьянских дворов и 70 крепостных мужского пола. Однако средние цифры скрывают за собой наличие большой группы мелкопоместных дворян и концентрацию огромных владений у земельной аристократии. Дворяне, владевшие от одного до пяти дворов, составляли около половины (47%) всех помещиков и в среднем у них было всего лишь по 2.4 крестьянских двора и по 8.8 крестьянина мужского пола. С другой стороны, 464 богатейших помещика (и вотчинника) владели 42% всех крепостных, на каждого из них приходилось в среднем 355 дворов, то есть примерно по 1300 душ мужского пола (Водарский 1977: 49, 64, 73).

По оценке Водарского в 1700 г. насчитывалось 22-23 тыс. дворян, владевших поместьями; к 1737 г. их число увеличилось примерно до 46 тыс.; число владений возросло с 29 тыс. до 63 тыс. (некоторые помещики имели несколько владений). Между тем, вследствие резкого увеличения налогов и падения уровня жизни рост населения в указанный период был медленным. Таким образом, численность элиты увеличивалась быстрее, чем население в целом, и средний размер дворянского владения уменьшился с 60 до 40 душ мужского пола (Водарский 1977: 77, табл. 8).

Во второй половине XVIII в. доля дворянства в населении продолжала расти. На территории первой ревизии доля дворян увеличилась с 0.5% в 1744 г. до 0.59% в 1762 г. и до 0.68% в 1795 г. (Кабузан 1963:154). Число крепостных крестьян, приходившихся на одного дворянина, постоянно уменьшалось, а число обедневших дворян – росло.

В то же время с ростом численности элиты росли ее потребности. Многие историки объясняют стремление к более роскошной жизни распространением европейского влияния, «европеизацией» (Данилова

1970:138; Каменский 1999:290). Общее потребление элиты, таким образом, должно было расти либо за счет крестьян, либо за счет государства. Борьба за ресурсы между элитами и государством продолжалась в период правления Анны (1730-1740) и Елизаветы (1741-1762). В 1762 г. дворянство добилось победы: Петр III отменил обязанность дворян служить государству.

«Дворянская революция» 1762 года привела к значительному перераспределению ресурсов от государства в пользу элиты. Этот процесс принял форму снижения реальных налогов. Чеканка огромного количества медных денег во время Семилетней войны (1756-1763 гг.) привела к удвоению цен на зерно. Поскольку правительство было не в состоянии увеличить ставку налога, которая в номинальном выражении осталась прежней, то реальные налоги уменьшились в два раза. Облегчение налоговой нагрузки на крестьян дало помещиками увеличить оброки (рис. 9.5).

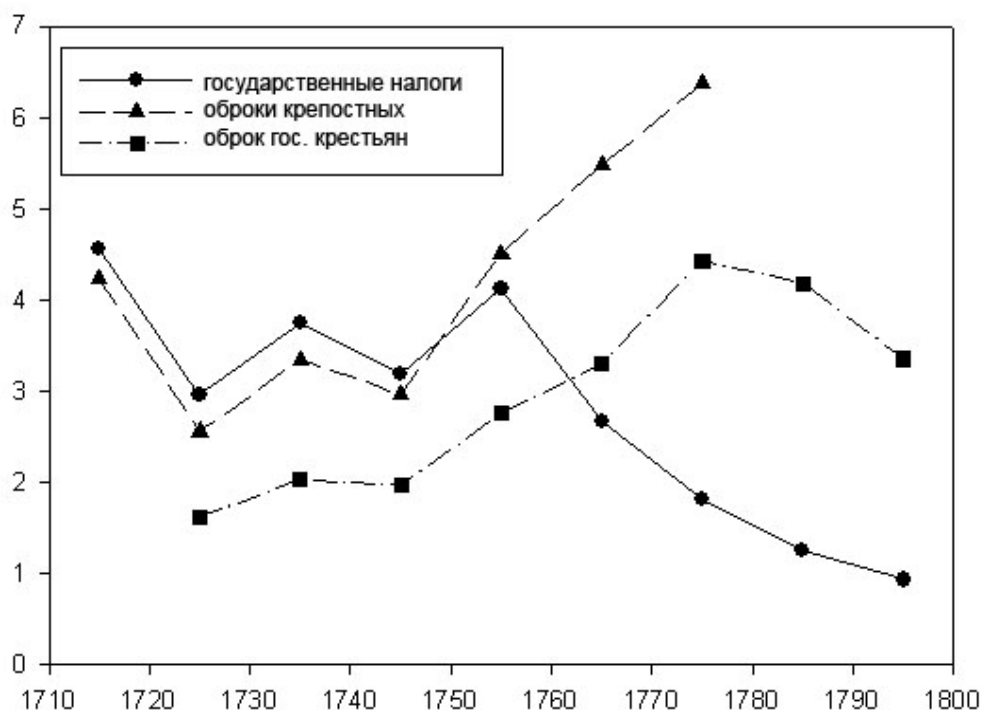

Рисунок 9.5. Динамика государственных налогов и оброков на душу населения в Центральном районе в песчете на пуды хлеба на душу населения (Нефедов 2005: 185).

К 1794 г. инфляция уменьшила реальные налоги на помещичьих крестьян до одной четверти от уровня первой половины XVIII в. (рис. 9.5). За уменьшением государственных налогов сразу же следовало повышение помещичьих оброков. Данные о динамике оброка и барщины имеются лишь для нескольких поместий, одно из которых – огромная Юхотская волость Шереметевых. Другим свидетельством роста ренты в частных владения является рост оброка, налагаемого на государственных крестьян. Го-

сударственный оброк, вероятно, увеличивался параллельно с оброком помещичьих крестьян, хотя и оставался на более низком уровне (Чечулин 1906:121). Таким образом, вполне вероятно, что данные по Юхотской волости отражают типичную картину увеличения оброка в дворянских имениях.

Данные, приведенные на рис. 9.5, показывают, что до 1750-х гг. кривые государственных налогов и помещичьих оброков были параллельными. Во второй половине XVIII в. кривые расходятся. Доля изымаемого государством крестьянского прибавочного продукта уменьшилась, но выгоду от этого уменьшения получили не крестьяне, а помещики.

В действительности экономические и правовые условия существования крестьян в этот период ухудшились. Указ 1762 г. была заключительным актом, который превратил крестьянина в собственность дворянина (Беляев 1903:283). Конечным результатом этого процесса был голод 1787-1788 гг., который вынудил помещиков согласиться на уменьшение оброка (в реальном выражении) (рис. 4). Павел I (1796-1801) отреагировал на ухудшение условий крестьянского существования, ограничив барщину тремя днями в неделю. Он попытался также вновь обязать дворянство военной службой. Эти инициативы вызвали очередной конфликт между государством и элитой, который закончился государственным переворотом и гибелью Павла I.

Динамика государства

Кризис начала XVII в. ослабил государственную власть и привел к краху налоговой системы. Восстановление государственного контроля было одной из самых важных задач новой династии. Тем не менее, попытки увеличить налоги в течение 1620-х гг. столкнулись с сопротивлением как крестьян, так и дворян, потому что повышение государственных налогов должно было происходить за счет ренты. Дворяне засыпали правительство коллективными челобитными, и оно было вынуждено отступить (Веселовский 1916:488-493).

Налоги были повышены лишь на «черных» землях, которые обрабатывали государственные крестьяне и которые были расположены в основном на Севере и в Вятском крае. Однако общий уровень налогообложения определялся преимущественно ставкой налога на помещичьих крепостных. В 1670-х гг. этот уровень был довольно низким (рис. 9.6). Во второй половине столетия ставка налогообложения выросла до 0.8 пудов на душу, но это было все еще намного ниже бремени, которое крестьяне несли во времена Ивана IV (1.7 пуда на душу населения). Другими словами, в течение XVII в. государство было не в состоянии восстановить уровень налогообложения, существовавший до 1570-х гг.

Решительное перераспределение ресурсов в пользу государства было достигнуто только в результате реформ Петра I (1682-1725). Подушная подать, введенная Петром I, заменила все прежние прямые сборы. После стабилизации цен в 1730-х гг. подушная подать и соляная пошлина составляли в пересчете на хлеб 3.9 пуда на душу. По сравнению с допетровским периодом налоги на помещичьих крестьян увеличились в 5-6 раз (рис. 6), в то время как военные расходы увеличились в 2.5 раза (Нефедов 2005:141-142).

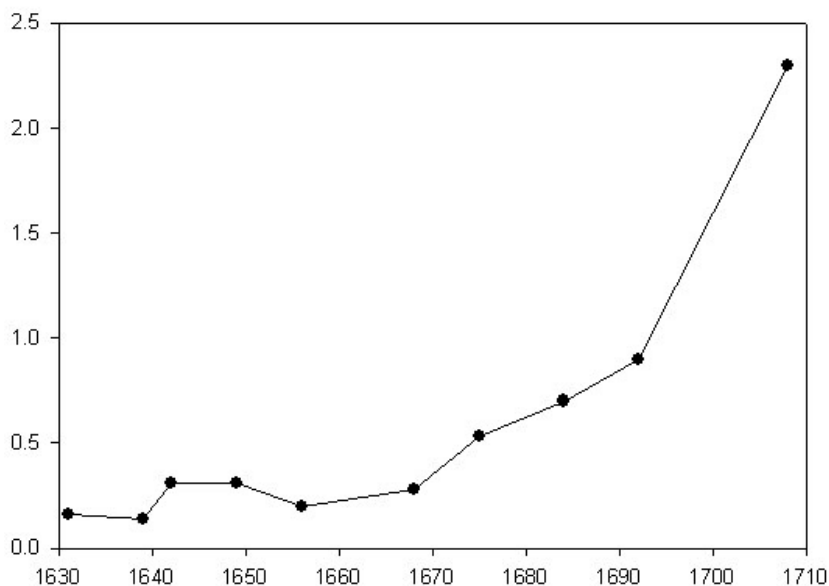

Рисунок 9.6. Государственные налоги на крестьян в пудах зерна на душу населения (Нефедов 2005:104).

Высокий уровень государственных налогов сохранялся в правление Анны (1730-1740) и Елизаветы (1741-1762). Однако, как отмечалось выше, «дворянская революция» 1762 года привела к перераспределению ресурсов в пользу элиты. Будучи не в состоянии компенсировать вызванные инфляцией налоговые потери, Екатерина II (1762-1796) поддерживала государственные финансы на плаву, печатая большое количество бумажных денег («ассигнаций»). В результате галопирующей инфляции во время царствования Екатерины II цены выросли в три раза (по сравнению с ценовой стабильностью при Анне и Елизавете). Инфляция уменьшала реальные доходы государственного бюджета, что заставляло правительство печатать еще больше денег. Этот порочный круг сохранялся до царствования Николая I (1825-1855).

Реальный налоговый доход на душу населения в правление Екатерины II сократился в два раза (рис. 9.7). Это падение было отчасти компенсировано ростом численности населения, которое в этот период увеличилось на 70%. Тем не менее, реальные доходы государства в конце царствования Екатерины II были меньше, чем в его начале.

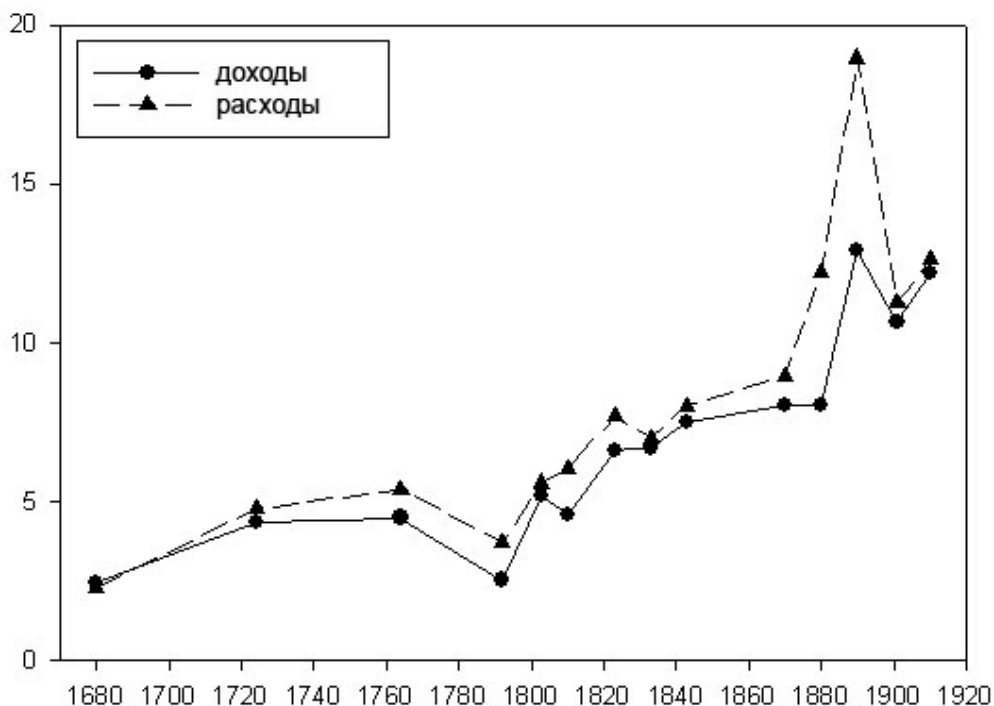

Рисунок 9.7. Реальные доходы и расходы государственного бюджета на душу населения (в пересчете на пуды зерна). Доходы включают в себя прямые и косвенные налоги, но не государственные заимствования. Таким образом, объем государственных заимствований можно увидеть на графике в виде разницы между расходами и доходами, так как расходы включают выплату процентов по кредитам (Погребинский 1954: 93, 95; Белоусов, 2000:40, 42; Нефедов 2005:169).

Финансовые меры при Павле I (1796-1801) сводились к попыткам компенсировать произошедшую при Екатерине II девальвацию подушной подати. Ставка подати была увеличена на 26%; в Центральном районе в хлебном исчислении она увеличилась с 0.9 до 1.2 пуда на душу – но и после повышения не превосходила третьей части реальной ставки при Елизавете. Император, однако, увеличил оброки государственных крестьян на 33-66% – в зависимости от экономического развития губерний. После этого повышения государственные крестьяне платили в Центральном районе в пересчете на хлеб примерно 4.2 пуда с души, а в Черноземном районе – 6.7 пуда. В целом государственные крестьяне Центрального и Черноземного районов платили казне 5 рублей оброка и 1 р. 26 коп. подушной подати с ревизской души, а помещичьи крестьяне только 1 р. 26 коп., то есть в пять раз меньше. В итоге, при Павле I реальные доходы государства в пересчете на хлеб возросли с 2.6 до 5 пудов на душу населения (Нефедов 2005:190).

Региональные различия

Различные части огромной Российской империи неизбежно развивались различными темпами. Центральный район первым вошел в фазу стагфляции, которая началась здесь в 1730-40-х гг. Минимальное количество пашни, необходимое для поддержания крестьянской семьи, в этот период составляло 1-1.2 дес. на душу населения (Ковальченко 1967:264). Между тем, материалы дворцового хозяйства свидетельствуют, что в Хатунской, Селинской и Гжельской волостях Московской губернии в 1730-40-х годах на душу приходилось лишь 0.5-0.9 дес. (Волков 1959:22). Управляющий дворцовыми волостями барон Розен писал, что крестьянам Московской губернии не хватало хлеба из-за недостатка земли и бедных почв (Волков 1959:22). Неурожай 1733 года вызвал большой голод и массовое бегство крестьян; в 1732-1735 гг. из дворцовых сел Московской губернии бежала почти десятая часть населения. В 1742-1743 гг. снова пришел большой голод. Дворцовое ведомство пыталось решить проблему, переселяя крестьян в Воронежскую губернию: в 1745 г. было переселено 14 тыс. человек. Тем не менее, земли не хватало; седьмая часть дворцовых крестьян Подмосковья не имела ни лошадей, ни коров (Алефиренко 1958:38; Волков 1959:23, 40; Индова 1964:100-101).

Регулярно повторяющиеся голодовки, а также массовое бегство привели к тому, что население Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний в 1719-1744 гг. уменьшилось, а население Центрального района в целом осталось на прежнем уровне (4.5 млн. человек). Нехватка земли, голод, остановка роста населения – это были свидетельства наступившей фазы стагфляции, и очевидно, что стагфляция была ускорена повышением налогов при Петре I. Если в прежние времена крестьянин-бедняк еще мог как-то прокормиться на душевом наделе в 1 десятину, то петровские налоги обрекали его на голод (Нефедов 2005:157).

Условия стагфляции привели к существенным экономическим переменам в Центральном районе. Во-первых, нехватка земли вынудила помещиков заменять барщину оброком. К 1780-х гг. большинство крестьян в Центральном районе (62%) были переведены с барщины на оброк (Рубинштейн 1957:101). Переход к денежному оброку дал крестьянам стимул к занятию ремеслами и промыслами. В Московском уезде до двух третей крестьян дополняли сельскохозяйственные занятия промыслами (Нефедов 2005:158).

Так как крепостные были привязаны к земле и не могли мигрировать в города, то ремесла и промыслы развивались в «промышленных деревнях». Чтобы прокормить свои семьи, сельские ремесленники должны были покупать зерно. Таким образом, экономическая система, получившая развитие в Центральном районе в XVIII в., зависела от межрегиональной тор-

говли зерном. Иными словами, дальнейшее существование населения в Центре было невозможно без роста хлебных плантаций в недавно колонизированном Черноземном районе. Черноземный район стал житницей России, в то время как Центр получил промысловую специализацию. В то время как население Центрального района стагнировало, население Черноземного района продолжало расти и к концу XVIII в. превысило население Центра (Кабузан 1971: прил. II).

Южные помещики призывали переселенцев из Центрального района, предлагая им различные льготы. Князь А. Д. Меншиков в своих трех огромных вотчинах требовал с крестьян лишь небольшой оброк: в переводе на хлеб 2-3 пуда с души (Троицкий 1968:125). Такой низкий уровень оброков сохранялся в южной части Черноземного района (в Воронежской и Курской губерниях) до 1760-х гг. Крестьяне там обрабатывали большие пахотные надель, около 2.5 дес. на душу населения, и нанимали батраков из Центрального района (Рубинштейн 1957:252; Милов 1998:205, 213)

В 1720-х гг., до промышленной специализации Центра, общий объем торговли зерновыми составлял примерно 2.5 млн. пудов в год (Рубинштейн 1957:407). В 1780-х годах реализация товарного хлеба лишь по двум черноземным губерниям, Орловской и Курской, оценивается в 24 млн. пуд. (Рубинштейн 1957:258, 404; Ковальченко и Милов 1974:211-213). Как отмечают Ковальченко и Милов, в 1740-1750-х годах происходит формирование Московско-Черноземного регионального хлебного рынка и товарный оборот хлеба стремительно растет. Основными транспортными артериями были реки, текущие на север (Ковальченко и Милов 1974:211-213). Очевидно, именно поставками с Юга объясняется наблюдавшееся в это время падение цен на рожь в Центральном районе: в 1740-50-х гг. цены упали на 20% (Миронов 1985).

9.2. Период стагфляции (1800-1905 гг.)

Население и экономика

Как отмечалось выше, стагфляция началось в центральных губерниях России в середине XVIII в., в то время как в Черноземном районе перенаселение наступило значительно позже. Таким образом, предлагаемая здесь временная точка отсчета, 1800 г., является весьма приблизительной.

Экономическая динамика России в первой половине XIX в. может быть восстановлена по данным губернаторских отчетов (Ковальченко 1959). Полные данные доступны лишь для 36 из 50 губерний Европейской России (табл. 9.1a). Эти данные позволяют оценить средний уровень потребления населения России путем деления чистого сбора зерновых на количество людей. Этот подход можно применять до 1850 г., потому что

экспорт зерна до этой даты была незначительным по сравнению с валовым сбором (27 млн. пудов в год в 1841-1845 гг., или около 2% от валового сбора).

Таблица 9.1. Динамика численности населения, урожайности, чистого сбора и потребления на душу населения в фазе стагфляции. Для периода до 1850 г. данные имеются только по 36 из 50 европейских губерний России. Потребление на душу населения (последняя колонка) в период после 1850 г. рассчитывается путем вычитания экспорта из чистого сбора зерна.

(а) Данные для 36 из 50 губерний Европейской России (Ковальченко, 1959).

<i>Годы</i>	<i>Население (млн.)</i>	<i>Урожайность в самах</i>	<i>Чистый сбор (млн. пуд.)</i>	<i>Чистый сбор на душу населения (пуд.)</i>
1802-1811	28.8	3.5	696	24.2
1841-1850	38.9	3.5	818	21.0
1851-1860	42.7	3.4	806	18.9

(б) Данные для 50 губерний Европейской России (Нефедов 2005: 253)

<i>Годы</i>	<i>Насе- ление (млн.)</i>	<i>Уро- жай- ность в са- мах</i>	<i>Чис- тый сбор (млн. пуд.)</i>	<i>Чистый сбор на душу населения (пуд.)</i>	<i>Экспорт на душу наसे- ления (пуд.)</i>	<i>Потребле- ние на ду- шу населения (пуд.)</i>
1851-1860	58.4	3.4	1107	19.0	1.0	18.0
1861-1870	62.1	3.5	1190	19.2	1.6	17.6
1871-1880	69.6	3.9	1399	20.1	3.4	16.7
1881-1890	79.8	4.3	1690	21.2	4.8	16.4
1891-1900	91.8	5.0	2084	22.7	4.8	17.9
1900–1910	108.1	5.4	2612	24.2	5.6	18.6

Поскольку в течение первой половины XIX в. население росло (табл. 9.1а), то потребление снизилось с 24 пудов до менее 19 пудов на душу населения. Иными словами, мы видим классический мальтузианской механизм в действии: рост населения обгоняет рост производства и в результате потребление на душу населения уменьшается. Темпы прироста населения также снизились с 0.91% в год в 1795-1833 гг. до 0.8% в 1834-1850 гг. и 0.49% в 1851-1857 гг. (подсчитано по: Кабузан 1963: табл. 17).

В течение первых двух десятилетий после освобождения крестьян в 1861 г. экономика России вступила в период глубокой реструктуризации.

Одним из важных факторов экономических перемен было строительство железных дорог, которые связали внутренние губернии с морскими портами и открыли новые возможности для вывоза зерна. Средний экспорт зерна в начале 1840-х гг. составлял 27 млн. пуд. в год, а в конце 1880-х гг. он равнялся 257 млн. пуд., что составляло 23% от чистого сбора зерна в России (Покровский 1947: 251, 317-318).

Второй важной тенденцией стал рост продуктивности сельского хозяйства: в 1850-1910 гг. урожайность (в самах) увеличилась с 3.4 до 5.4 (табл. 9.1b). Третья тенденция – это продолжающийся рост численности населения (табл. 9.1b). С точки зрения уровня потребления эти три тенденции по существу нейтрализовали друг друга. Как мы видим в табл. 9.1b, уровень потребления несколько снизился к 1880 г., а затем увеличился. К началу XX в. он был примерно на том же уровне, что и в середине XIX в. Иными словами, прирост повышения производительности сельского хозяйства был «съеден» совокупным воздействием роста численности населения и экспорта зерна (Нифонтов 1973: табл. 23, 28, 40, 47; Нефедов 2005: 253-254).

Статистико-экономический отдел Министерства продовольствия в 1917 г. подсчитал, что минимальный уровень потребления зерна, необходимый для пропитания населения и прокорма скота, составлял 18.3 пуда в год (Лосицкий 1918:29). В середине XIX в. имелось больше пастбищ и сенокосов, поэтому на фураж расходовалось меньше зерна, чем в 1917 г., поэтому кажется разумным заключить, что во второй половине XIX в. уровень личного потребления упал до минимально приемлемого уровня или даже ниже его (табл. 9.1b). Кроме того, цифры в табл. 9.1b представляют собой средние, которые скрывают растущее неравенство в земельном обеспечении крестьян и участвовавшие неурожаи. Даже Б.Н. Миронов, который приводит доводы в пользу более оптимистического представления условий жизни крестьян на рубеже XIX-XX вв., чем большинство российских историков, признавал, что 30% крестьян хронически недоедали. (Миронов 2002:37). Эта доля резко возростала в годы неурожая.

Эффект освобождения крестьян

Освобождение крестьян в 1861 г. резко уменьшило требования, которые предъявляли крестьянам помещики, так как оброк был заменен гораздо меньшими выкупными платежами. С другой стороны, бывшие крепостные потеряли часть земли, которой они пользовались до реформы. На Черномоземье средний крестьянский надел сократился с 1.54 до 1.28 дес. на душу населения. Помимо пашни, этот участок включал также пастбища, сенокосы и т.д. Пашня составляла около 1 дес. на душу населения, что давало в то время 14 пудов чистого сбора – количество, недостаточное для лич-

ного потребления, не говоря уже об оплате выкупных платежей и налогов (Нефедов 2005:238, 240).

Однако экономическое положение государственных крестьян было намного лучше, чем у бывших крепостных. На Черноземье бывшие государственные крестьяне имели в среднем 2.4 дес. земли на душу населения. Тем не менее, продолжавшийся рост численности населения привел к тому, что в 1877-1905 гг. среднее количество земли на двор уменьшилось с 15.1 до 12.5 дес. Бывшие крепостные жили значительно хуже: их среднее землевладение уменьшилось с 8.9 до 6.7 дес.

Таким образом, после реформы русское крестьянство было разделено на две группы, которые были сопоставимы по размеру. Бывшие государственные крестьяне имели относительно высокий уровень благосостояния, в то время как бывшие крепостные испытывали серьезную нехватку земли, и большинство из них скатывалось к нищете. Кроме того, быстрый рост населения в условиях стагфляции был мощной движущей силой усиления экономического неравенства (табл. 9.2). Таким образом, хотя средний уровень потребления во второй половине XIX в., возможно, оставался примерно на одном уровне, доля крестьян-бедняков постепенно увеличивалась.

Таблица 9.2. Социальная структура русского крестьянства в 1600-1900 гг. Богатство оценивается по количеству домов, бедняки имели не более одного дома, середняки – два, и богатые крестьяне – больше 2 домов. В таблице показан процент бедняков, середняков и зажиточных крестьян (Миронов 1985: табл. 6).

<i>Годы</i>	<i>Зажиточные</i>	<i>Середняки</i>	<i>Бедняки</i>
1600–1750	15	53	32
1751–1800	10	48	42
1801–1860	16	56	30
1896–1900	18	23	59

Еще более опасным фактором были колебания урожайности, особенно в тех случаях, когда неурожай несколько лет следовали один за другим (Wheatcroft 1991). В 1870-1914 гг. в России имелись два таких периода: в 1889-1892 гг. и 1905-1907 гг. (рис. 9.8). Голод 1891 года наступил после ряда неурожайных лет, которые исчерпали запасы зерна, и привел к 400 тыс. голодных смертей (Robbins 1975:171). Плохие урожаи в течение 1905-1907 гг. были одним из спусковых механизмов революции.

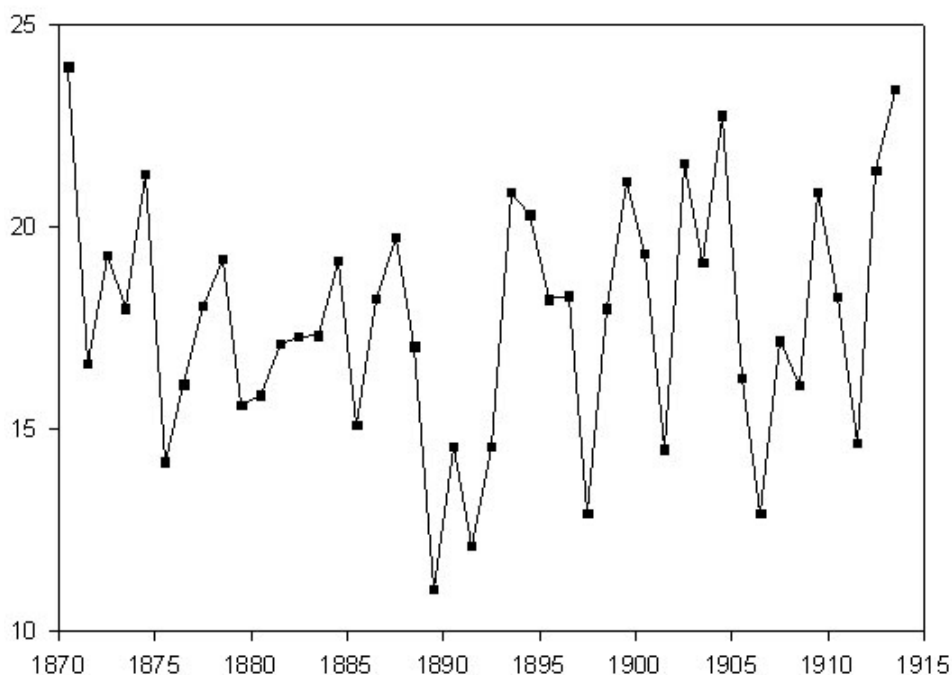

Рисунок 9.8. Потребление зерна на душу населения в Европейской части России, в пудах (Нефедов 2005: 258).

Урбанизация

В 1863-1914 гг. доля населения, живущего в городах, увеличилась с 9.9% до 14.4% (табл. 9.3). Однако «промышленные» губернии, расположенные в Центральном и Северо-Западном районах, урбанизовались гораздо более быстрыми темпами, чем аграрные губернии Черноземья.

Таблица 9.3. Урбанизация в России в 1863-1914 гг.

	1863	1897	1914
Промышленные губернии	14.1	21.5	25.0
Аграрные губернии	8.3	10.0	10.3
Вся Европейская Россия	9.9	12.9	14.4

Динамика элиты

Как отмечалось ранее, доля дворянства в общей численности населения в XVIII в. увеличивалась. Этот процесс продолжался и в течение следующего столетия (табл. 9.4). Большинство знати составляли мелкие дворяне, у которых было мало (или вообще не было) крестьян. Правительство было обеспокоено ростом «дворянского пролетариата», и по указу Николая I была проведена «чистка» дворянства. Был организован перевод разорившихся дворян в однодворцы и в государственные крестьяне, поэтому

число беспоместных и мелкопоместных дворян в 1838-1858 гг. существенно уменьшилось.

Таблица 9.4. (а) Численность дворян мужского пола в 1782-1858 гг. в Европейской России (в границах 1772 г.) (Кабузан 1971: табл. 1-3).

<i>Год:</i>	1782	1795	1816	1834	1850	1858
Дворян (тыс.)	84	112	156	166	190	218
в т.ч. личных дворян (тыс.)			66			94
% дворян ко всему населению	0.64	0.77	0.92	0.80	0.82	0.84
Крепостных на одного дворянина	76	64	48	52	45	39

(б) Число потомственных дворян в России в 1858-1897 гг. (Корелин 1979:40, 292-293). Цифры приведены для 41 губерний Европейской России (с исключением девяти западных губерний, расположенных вне границ 1772 г.).

<i>Год:</i>	1858	1870	1897
Дворян (тыс.)	234	305	478
Средний размер поместий в Черноземном районе (дес.)		176	104

Социальная структура на территориях, находившихся ранее в составе Речи Посполитой была иной: здесь имелось огромное количество малоземельной шляхты. Если в 1795 г. собственно в России имелось 112 тыс. дворян мужского пола, то на присоединенных территориях их было 251 тыс.; на одного дворянина (включая детей и женщин) здесь приходилось только 14 крестьян, в то время как собственно в России – 64. Мелкая шляхта в массовых масштабах отнимала у крестьян землю и переводила их на «месячину» – голодные месячные пайки. «Нищета помещичьих крестьян превосходит всякое вероятие... – говорилось в докладе Министерства внутренних дел от 7 февраля 1853 года. – Крестьяне, особенно у мелкопоместных владельцев, находятся в бедственном и угнетенном положении...» (цит. по Шепукова 1959: 132).

Численный рост благородного сословия не был единственной причиной повышения требований к крестьянам. Следование русских дворян европейской моде способствовало росту показного потребления. Контент-анализ нескольких десятков мемуаров выявил, что для быта почти 80% крупных помещиков характерны такие определения, как «показная роскошь», «буйная, безудержная роскошь», «нарочитое великолепие», «роскошество». Роскоши состоятельных дворян часто старались подражать менее обеспеченные помещики, что приводило к разорению их хозяйств (Смахтина 2003:58, 60-61).

Как отмечалось выше, освобождение крестьян в 1861 г. привело к резкому перераспределению ресурсов от дворян к крестьянам. Оброк и барщина были заменены выкупными платежами и государственными налогами. Хотя многие крестьяне не имели достаточных наделов и были вынуждены арендовать землю у дворян, в конечном счете доходы землевладельцев уменьшились.

Освобождение крестьян породило тяжелый кризис дворянской элиты. Лишенные дарового труда крепостных барщинные экономии были вынуждены перестраивать свое хозяйство, и многие мелкие помещики разорились. В 1862-1877 гг. число помещичьих имений в Европейской России сократилось на 11 тыс. (8.4 %), 12% дворянской земли перешло в руки других сословий. В Центральном районе дворяне продали 21% своих земель, на Черноземье – 12%. Поместья разоренных дворян скупались торговцами и мещанами (Корелин 1979:56-7)

Дворянство понимало, что оно не может отменить реформу, и ему остается лишь требовать компенсации – такой компенсацией могла быть аристократическая конституция, которая отняла бы часть власти у монархии и передала ее дворянству (Сладкевич 1962:76; Христофоров 2002:47). Министр внутренних дел П. А. Валуев в докладной записке, поданной Александру II в июне 1862 г., писал, что дворянство стремится «иметь некоторое участие в управлении. До тех пор, пока эти стремления не будут в известной мере удовлетворены, не будет ни мира, ни перемирия» (Валуев 1958:143). В конечном счете, правительству пришлось пойти на частичные уступки и создать земское самоуправление в губерниях и уездах. Валуев свидетельствует, что императорское окружение видело в земских учреждениях «средство откупиться от “конституции”» (Валуев 1961:241). Земства были выборными органами, члены которых выбирались отдельно от трех сословий: от землевладельцев, горожан и крестьян, но в которых преобладали дворяне. В 1865-1867 гг. дворяне и купцы составляли 85% членов губернских земских собраний. Земства назначали и собирали местные налоги, однако земское самоуправление было ограниченным и касалось в основном хозяйственных вопросов; вопросы охраны порядка оставались в ведении губернаторов.

Другой способ, которым разорявшиеся дворяне могли компенсировать падение доходов от земли, заключался в поступлении на государственную службу. Образование обеспечивало преимущество при получении чиновничьих должностей, поэтому дворянская молодежь стремилась поступить в гимназии и университеты (Лейкина-Свирская 1971:56-57; Корелин 1979:96). Около половины студентов в средних школах и университетах составляли дети дворян и чиновников. Большинство студентов были очень бедны. Сочетание крайней нищеты и воздействия новых социальных европейских идеологий, таких как марксизм, приводило к радикализации студентов (Лейкина-Свирская 1971; Brower 1975:230).

За 1860-1880 гг. число учащихся средних школ увеличилось более чем в 4 раза, с 17.8 до 69.2 тыс.; число студентов высших учебных заведений возросло с 4.1 до 14.1 тыс. (Лейкина-Свирская 1971:51-57). В этот период происходило формирование нового социального слоя, интеллигенции, которая росла вместе с расширением образования. Перепроизводство элиты было самым важным процессом, лежавшим в основе формирования интеллигенции: половина интеллигентов имела дворянское происхождение.

В то время как численность учащихся возросла в 4 раза, число чиновничьих мест увеличилось в 1857-1880 гг. только на 8%, с 119 до 129 тыс. Если даже добавить к этому 52 тыс. мест в земствах, то очевидно, что канцелярии были неспособны вместить резко возросший поток претендентов. При слабости промышленного развития ни канцелярии, ни земства не могли обеспечить занятость многим выпускникам из мелких дворян, чьи семьи испытывали трудности в связи с отменой крепостного права, поэтому революционная деятельность становилась для них все более привлекательной (Bergman 1983:11). 61% революционеров 1860-х гг., «нигилистов», составляли студенты или недавние выпускники, и даже больший процент (70%) составляли дети дворян и чиновников (Лейкина-Свирская 1971:298, 302). Десять лет спустя революционеры по-прежнему происходили из элитных слоев. Из числа 1665 революционеров, арестованных полицией в 1873-1879 гг., дворян было 28.2%, духовных лиц – 16.6%, военных – 13.4%; дети крестьян и мещан составляли по 13.5%. 87% «народников» 1870-х годов были моложе 30 лет. Руководящее звено организации «Народная Воля» (154 человека) на 38% происходило из дворян, на 10% – из духовенства, на 7% – из купеческого сословия. Две трети этих профессиональных революционеров учились в вузах, но половина из учившихся была исключена по причине нехватки средств или противозаконной деятельности (Итенберг 1965:374).

В пореформенный период процесс разорения дворянства продолжался быстрыми темпами. Правительство пыталось замедлить этот процесс, предоставляя дворянам льготные кредиты. Несмотря на эту помощь, количество земли, принадлежавшей дворянству, продолжало сокращаться (табл. 9.5). В то же время численность дворян возросла вдвое (табл. 9.4b).

Таблица 9.5. Общее количество земель, принадлежавших дворянству в России в 1861-1905 гг. (Соловьев 1979:200).

Год	1861	1877	1892	1905
Млн. дес.	77.8	73.1	57.7	53.2

За 1877-1905 гг. численность мелкого дворянства заметно возросла, и его удельный вес в общей численности дворян увеличился с 50 до 59%. Имея поместья в среднем около 30 дес., эти дворяне по уровню доходов немногим отличались от зажиточных крестьян. Как отмечала Особая комиссия 1892 го-

да, такие владения «едва ли могут служить достаточным обеспечением развитых в этом сословии потребностей» (Соловьев 1979:205).

Динамика государства

Важной тенденцией первой половины XIX в. было ослабление влияния дворянства на государство. Николай I (1825-1855) реанимировал политику Павла I и попытался восстановить централизованный бюрократический аппарат. Отражением растущей мощи государства стал рост доходов короны (рис. 9.7). В реальном выражении доходы государства на душу населения увеличились с 5.2 до 7.6 пуда хлеба. Правительство было не в состоянии увеличить прямые налоги на крепостных и вместо этого увеличивало косвенные налоги и оброки государственных крестьян.

Рост доходов позволил государству поддерживать высокий уровень военных расходов. В 1833 г. Россия была самым мощным европейским государством с армией в 860 тыс. солдат, что составляло 1.43% от общей численности населения (по сравнению с 0.83% при Екатерине II). Однако промышленная революция резко изменила баланс сил в Европе, и поражение в Крымской войне (1853-1856 гг.) вынудило Россию проводить социально-экономические реформы.

Наиболее важной задачей было освобождение крестьян, потому что война возродила опасения элиты относительно возможности крестьянского восстания. «Если мы не произведем собственными руками мирной и полной революции – она неизбежно произойдет без нас и против нас», – говорил великий князь Константин, ссылаясь на книгу Токвиля о французской революции (Дружинин 1946:536). Об этом же говорил и Александр II в его первом обращении к московскому дворянству: «Мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мной: следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (Голос 1916: 393). В конце концов, Великая реформа 1861 года способствовала снижению социальной напряженности и перераспределению ресурсов от дворянства к крестьянству и к государству.

Освобождение крестьян позволило государству увеличить налоги, в том числе подушную подать на бывших крепостных, чего правительство не могло сделать ранее из-за сопротивления дворянства. В 1861-1867 гг. подушный налог увеличился почти в два раза. В 1863 г. правительство ввело налог на городскую недвижимость. В 1872 г. впервые были обложены налогом земли дворянства. Хотя этот налог был поначалу невелик, его введение имело принципиальное значение: дворянство лишилось своего старинного податного иммунитета. Однако, несмотря на увеличение налогов, из-за высокой инфляции государственные доходы в реальном выражении остались практически на прежнем уровне (рис. 9.7).

Изменение геополитической обстановки требовало перевооружения армии и огромных инвестиций в строительство железных дорог. Однако в условиях стагнации у государства хронически не хватало финансовых ресурсов, и оно было вынуждено заключать внешние займы. В 1861-1880 гг. сумма зарубежных кредитов, направленных главным образом на железнодорожное строительство, составила 2 млрд. руб. В 1881 г. платежи по займам достигли 240 млн. руб., что составляло 34% доходов бюджета (Степанов 1998: 110).

Усиление геополитической конкуренции заставило правительство принять дополнительные меры по увеличению доходов. В 1887-1890 гг. произведенное по инициативе министра финансов И. А. Вышнеградского повышение таможенных пошлин и косвенных налогов позволило вывести налоговую нагрузку на новый уровень (рис. 9.7). В 1897 г. была введена казенная винная монополия, которая в 1900-1903 гг. дала примерно четверть доходов бюджета. После 1890 г. реальные налоги в пересчете на хлеб превысили 10 пудов на душу населения (рис. 9.7), что позволило правительству увеличить военные расходы более чем в два раза, с 210 млн. в 1880-х гг. до 490 млн. руб. в 1900-1903 гг. (Нефедов 2005:300).

Социополитическая нестабильность

Растущая эксплуатация крепостных в течение первой половины XIX в. наталкивалась на рост крестьянского сопротивления (рис. 9.9). Подавляющее большинство крестьянских выступлений происходило в дворянских имениях, что отражало растущую разницу в социально-экономическом положении крепостных и государственных крестьян. По данным В.А. Федорова в Центральном районе 59% всех волнений были обусловлены ухудшением положения крестьян – увеличением оброка и барщины, переводом на смешанную повинность, отобранием земли, недостатком продовольствия, жестокими наказаниями, стеснением в промыслах, самоуправством властей. Причиной 20% волнений была смена владельца, которая также часто вела к ухудшению положения крестьян, но иногда порождала и надежды на освобождение по завещанию умершего помещика. 15% волнений было вызвано слухами о «воле», дарованной царем (Федоров 1990:50).

В среднем за год в волнениях принимали участие лишь 0.3% крестьян Центрального района (Литвак 1967:46). Тем не менее, массовые волнения, происходившие в 1797, 1812, 1826 и 1848 гг. (рис. 9.9) вызвали большое беспокойство среди государственных чиновников, которые боялись, что накопившееся социальное напряжение может найти выход во всеобщем восстании. Поводом для волнения 1796-1797 гг. были надежды крестьян на освобождение, вызванные реформами Павла I. Волнения 1826 г. были связаны с ожиданием перемен при воцарении императора Николая I; эти надежды совместились с реакцией крестьян на повышение ренты. В этом го-

ду волнениями были охвачены некоторые большие имения, насчитывавшие тысячи крепостных «душ», и помещики одно время говорили о «второй пугачевщине» (Литвак 1967:46; Рахматуллин 1990:169-170). Следующий всплеск крестьянских бунтов произошел в 1848 г., когда в обстановке голода и холерной эпидемии снова распространились слухи об освобождении; эти слухи были связаны с появлением указа 1847 г. о возможности выкупа крестьян при продаже имения за долги. Одновременно под влиянием галицийского восстания 1846 г. и европейской революции произошла мощная вспышка волнений на Украине; сложившись, эти движения породили пик волнений 1848 г. (Рахматуллин 1990:58, 19, 198).

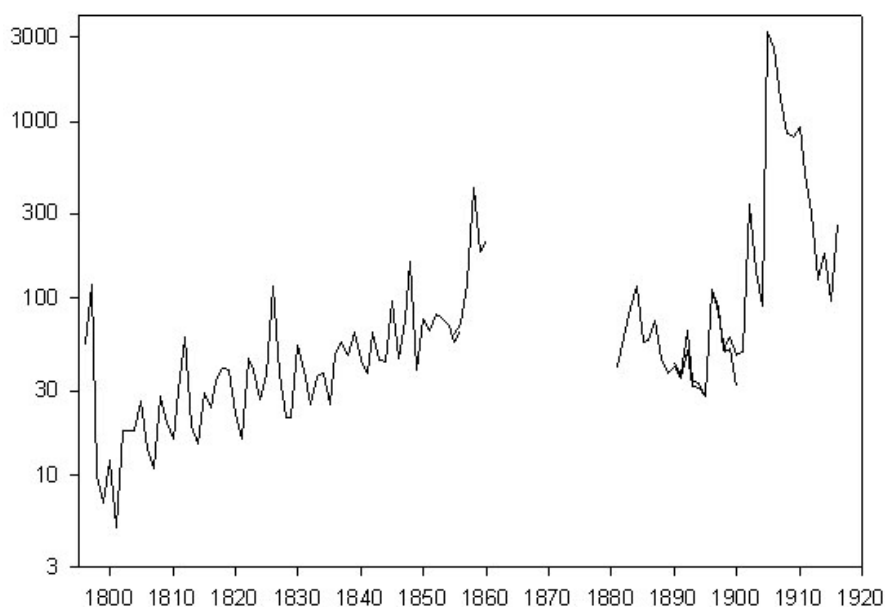

Рисунок 9.9. Динамика крестьянских волнений – число волнений в год (Литвак 1967: табл. 1,14; Дубровский 1963:518).

Продолжавшиеся выступления крестьян сыграли большую роль в решении Александра II о проведении Великой реформы. В отчете III отделения за 1857 г. указывалось, что слухи о приближающемся освобождении привели крестьян «в напряженное состояние», что возможны массовые волнения. Именно это и произошло в следующем году (рис. 9.9). В пореформенный период число крестьянских волнений уменьшилось, и всплески беспорядков, как правило, были связаны с коронацией нового императора, что вызывало надежды на земельную реформу.

Циклы «отцов-и-детей»

Хотя демографическое давление в течение XIX в. постоянно росло, социополитическая нестабильность увеличивалась немонотонно, колеблясь с периодом примерно в два поколения (40-60 лет). Нестабильность

возрастала в «либеральные» царствования Александра I (1801-1825) и Александра II (1855-1881) и снижалась в «консервативные» царствования Николая I (1825-1855) и Александра III (1881-1894). Это можно наблюдать, например, анализируя статистику преступности (рис. 9.10).

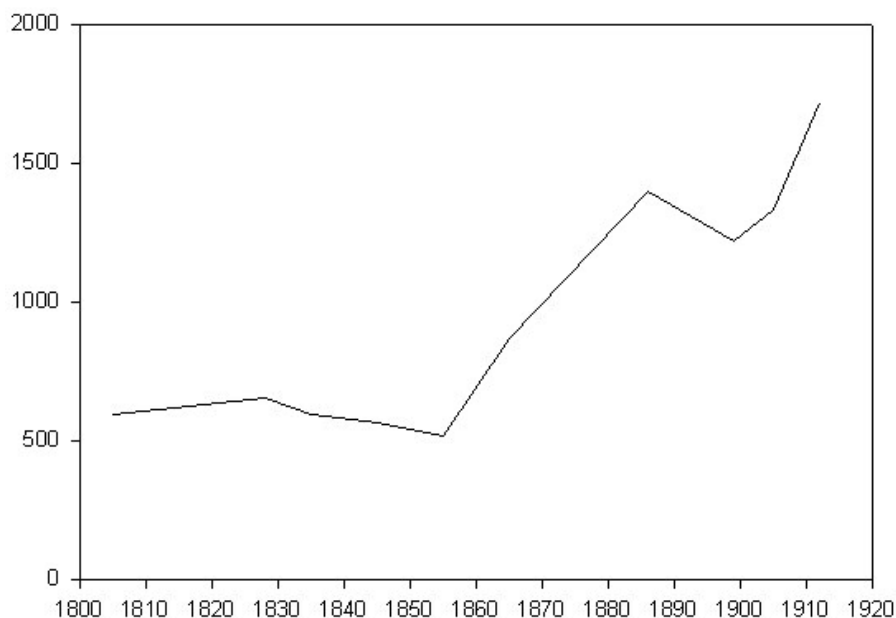

Рисунок 9.10. Динамика преступности в России: количество преступлений на 100 тыс. человек. (Mironov 2000: II: tab. 5.6).

У нас нет прямых количественных оценок революционной деятельности в течение XIX в. Но следует обратить внимание на то обстоятельство, что смертная казнь в царской России применялась лишь в случаях самых серьезных политических преступлений. Таким образом, число казней в год является полезным индикатором революционной деятельности (точнее, число казней должно быть пропорционально революционной активности и интенсивности усилий правительства по ее подавлению). Табл. 9.6 показывает временное распределение «именных казней», то есть казней лиц, чьи имена были известны составителям списков казней. Эта статистика является заниженной по сравнению с общим числом казней, но она, во всяком случае, показывает относительную динамику этого показателя.

Судя по динамике смертных казней, интенсивность революционной борьбы имела два максимума в XIX в. и еще один максимум в начале XX в. (табл. 9.6). Первые потрясения относятся к 1820-м гг.: восстание декабристов в 1825 г. представляло собой элитный военный мятеж, который был подавлен в течение одного дня и завершился пятью казнями. Шесть других случаев смертной казни – это отражение крестьянского восстания в Киевской области и попытки государственного переворота в Сибири в 1826 г. Следующий и гораздо более серьезный период нестабильности датируется 1860-1880-ми гг. Он начался анархистской кампанией взрывов и убийств и закончился убийством Александра II в 1881 г. Нужно отметить, что к 1878-

1879 гг. относятся первые значительные промышленные забастовки в Санкт-Петербурге.

Таблица 9.6. Число «именных казней»

(а) число казней за десятилетие (Гернет 1907)		(б) Число казней в год (Ушеревич 1933)	
<i>Годы</i>	<i>Число казней</i>	<i>Год</i>	<i>Число казней</i>
1811-1820	0	1905	175
1821-1830	11	1906	1116
1831-1840	1	1907	631
1841-1850	3	1908	712
1851-1860	0	1909	243
1861-1870	17	1910	72
1871-1880	22	1911-1917	8.1*
1881-1890	30		
1891-1900	0		
1901-1904*	0		

*Среднее в год

1890-е гг. были относительно спокойным периодом, но в начале XX в. нестабильность снова возрастает. В частности, возрос уровень преступности, которая снизилась в конце XIX в. (рис. 10). С 1898 г. студенческие протесты и беспорядки стали почти непрерывными. Эсеры возобновили кампанию террора и убийств должностных лиц: в 1902-1904 гг. были убиты два министра внутренних дел (Riazanovsky 2000:406). В 1905 г. началась Первая русская революция.

9.3. Фаза кризиса (1905-1922 гг.)

Фрагментация элиты в предреволюционные десятилетия

Фрагментация элиты стала очевидной в 1870-х гг., когда часть обедневшего дворянства была вовлечена в движение «народников». Программа народников пропагандировала «хождение в народ». Около двух тысяч активистов отправились в деревню, чтобы с помощью пропаганды разжечь крестьянскую революцию, которая, как они надеялись, свергнет старый порядок и установит справедливые общественные отношения. «Хождение в народ» не имело значительного отклика среди крестьянских масс и в 1877 г. было подавлено полицией. 1600 «народников» были арестованы, около двухсот активистов были приговорены к различным мерам наказаний (Гинев 1986:33-34).

После этой неудачи народники обратилась к революционному заговору, убийствам и террору. В 1878 г. Вера Засулич (происходившая из обедневшей дворянской семьи) ранила военного губернатора Санкт-Петербурга в отместку за его приказ выпороть политического заключенного. Суд над Засулич получил большой резонанс среди образованных классов и симпатии присяжных привели к ее оправданию. Этот случай показал, что существует огромный разрыв в легитимности между правительством и широкими слоями элиты. Начиная с 1879 г. члены террористической организации «Народная воля» совершили семь покушений на Александра II, последнее из которых (в 1881 г.) было успешным. «Народная воля» имела 80 местных организаций в 67 городах с общим числом членов около полутысячи. Организацией руководил Исполнительный комитет, большинство членов которого были очень молоды, преимущественно в возрасте 25-27 лет. Почти половина членов Исполнительного комитета (13 человек) происходила из дворянской среды (Гинев 1989:25-26).

Другая часть дворянства выражала свое недовольство менее радикальными способами. Эта часть элиты объединилась в движение «земцев-конституционалистов», которое имело поддержку со стороны органов местного самоуправления (земств). Земцы-конституционалисты ставили целью замену самодержавия конституционной монархией, которая управляла бы страной с помощью избранных представителей элитарной «общественности». В 1904 г. конституционалисты вместе с представителями либеральной интеллигенции основали «Союз освобождения». Программа либералов не предлагала никаких мер для решения аграрного вопроса или улучшения положения рабочих. Она была полностью посвящена борьбе против самодержавия, за конституцию и политические свободы (Шацилло 1976:75; Милюков 1990:274). Очевидно, что в начальный период своего существования либеральные политики не искали поддержки народа.

Наследники народников, с другой стороны, базировали свою стратегию антиправительственной борьбы на мобилизации народных масс. В 1901 г. несколько мелких оппозиционных групп объединились в партию социалистов-революционеров. Социальный состав партии был следующим: 45% составляли крестьяне, 43% – рабочие и 11.2% – интеллигенция. Однако в верхних эшелонах партии 77% составляли интеллигенты, причем в большинстве дворянского происхождения – так же, как в народнических организациях 1870-х годов (Леонов 1987:52, 64, 57).

Другой оппозиционной группой были социал-демократы, которые организационно оформились в партию в 1903 г. «Программа-минимум» социал-демократов в общих чертах совпадала с программой либералов, но – с целью привлечения рабочих – она включала требование 8-часового рабочего дня. Среди социал-демократов изначально преобладала интеллигенция, но они смогли быстро расширить партию за счет привлечения рабо-

чих. В 1905 г. в партии было 9 тыс. членов, из которых 62% составляли рабочие, 5% – крестьяне, 33% – интеллигенты (Уткина 1987:12, 17, 22).

Революция 1905 года

Событием, инициировавшим революцию 1905 года, было поражение России в войне с Японией (1904-1905 гг.), которое подорвало легитимность правительства и консолидировало силы оппозиции. В сентябре 1904 г. лидеры либеральных и социалистических групп встретились в Париже и договорились координировать действия, направленные на свержение правительства (Шацилло 1982:55-57). В ноябре «Союз освобождения» организовал Земский съезд в Санкт-Петербурге, который потребовал создания законодательного выборного представительства. «Вначале это была идиллия либеральных предводителей дворянства... – отмечал П. Н. Милюков, – они хотели представительства “имущественных классов”» (Милюков 1990: 408).

В поддержку требований Земского съезда в 34 городах было организовано 120 собраний, в которых приняли участие представители дворянства и интеллигенции. Оппозиция пыталась организовать также и народные демонстрации. В январе 1905 г. в Санкт-Петербурге было спровоцировано массовое шествие рабочих, которые должны были передать царю петицию с требованием Учредительного собрания (Нефедов 2006). Во время демонстрации полиция открыла огонь по толпе; погибло более ста человек, в результате чего инцидент стал известен как «Кровавое воскресенье». Эта расправа еще более подорвала авторитет государства и привела к волне забастовок (хотя в основном в польских провинциях империи). В Москве забастовка длилась около недели, в ней участвовало 20 тыс. рабочих, но столкновений удалось избежать. В промышленной Владимирской губернии, где насчитывалось 140 тыс. фабричных рабочих, бастовало только 8 тыс. человек. (Начало 1955:668-683).

Признавая масштабы волнений, С. Ю. Витте все-таки довольно оптимистически оценивал ситуацию: он говорил, что 80% народа еще не затронуто революционной пропагандой, и советовал царю опереться на народ и на армию. Тем не менее, министр А. С. Ермолов предупредил царя, что правительство не может рассчитывать на поддержку дворянства (Ганелин 1991:80). Необходимо учитывать и давление извне: французские банкиры рекомендовали царю пойти на уступки либеральной оппозиции, предупредив, что в противном случае было бы трудно обеспечить дальнейшие кредиты (Коковцов 1992:69-71). В результате, Николай II в марте 1905 г. согласился на создание выборного представительства.

Правое крыло либерального движения приветствовало эти уступки, и давление на правительство со стороны оппозиции на время уменьшилось. Рабочие протесты также шли на спад; по сравнению с январем в марте число участников политических забастовок уменьшилось более чем в десять

раз (Рабочий 1981: 95). П. Н. Милюков писал, что в то время «революционное движение далеко не успело проникнуть в массы, его роль заменяла “симуляция революции” интеллигентами...» (Милюков 1990:272). Либералы на левом фланге, однако, пытались усилить давление на царя. Во время съезда «Союза освобождения», который состоялся 25-28 марта, они добавили к своей программе новое требование передачи государственных земель безземельным крестьянам. В случаях, если государственных земель не хватало, предлагалось разделить между крестьянами частные земли, с соответствующей компенсацией для бывших владельцев. Другим требованием было ограничение рабочего дня восемью часами. Что касается представительного собрания, которое было обещано царем, то левые либералы настаивали, чтобы оно избиралось на основе всеобщего и равного избирательного права (Шаховский 2001:589).

Однако опубликованный в августе 1905 г. императорский манифест указывал, что Дума будет избираться через многоступенчатую систему выборов и иметь совещательный характер. Либеральная оппозиция сразу же направила все свои усилия на мобилизацию масс к активному противодействию планам правительства. Главную роль в организации октябрьской всеобщей стачки сыграл «Всероссийский железнодорожный союз» (ВЖС) – профсоюз железнодорожных служащих. Это был профсоюз инженеров, техников, управленцев; он насчитывал около 6 тыс. человек, что составляло примерно 15% железнодорожных служащих. Что касается рабочих (которых на железных дорогах насчитывалось 700 тысяч), то в ВЖС их практически не было. Хотя члены ВЖС составляли лишь 1% всех железнодорожных рабочих и служащих, с началом забастовки остановились практически все железные дороги. Условия функционирования дорог были таковы, что для остановки движения достаточно было сбоя в работе какой-нибудь из технических служб, например диспетчерской, телеграфной и т.д. (Пушкарева 1975:44, 119, 127, 148, 152, 154).

Остановка железных дорог послужила мощным импульсом к разрыванию забастовочной борьбы. На одних фабриках рабочие использовали ситуацию, чтобы предъявить свои требования; другие фабрики останавливались просто в результате прекращения подвоза сырья. Толпы забастовщиков врываются на еще работавшие предприятия и принуждали рабочих присоединиться к стачке. По данным фабричной инспекции в октябре бастовало 519 тыс. рабочих – около трети всех фабричных рабочих России. Таким образом, всеобщая стачка была инициирована либеральной интеллигенцией из ВЖС, но в дальнейшем развивалась стихийно (Кеер 1963: 219, 222; Бовыкин 1981:156, 161). В Петербурге представители бастующих предприятий для координации усилий создали Совет рабочих депутатов, затем такие советы были созданы и в некоторых других городах. Впоследствии Советы стали одной из самых важных форм организации и руководства революционными действиями.

Николай II и его правительство были вынуждены капитулировать. Царь подписал «Манифест 17 октября», который по существу превращал самодержавие в конституционную монархию. Манифест гарантировал гражданские свободы и предусматривал избрание законодательной Государственной Думы. Таким образом, манифест соответствовал чаяниям либеральной элиты, но ничего не давал рабочим, которые требовали восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы. Также ничего не было сделано, чтобы остановить нараставшие крестьянские восстания.

Всеобщая железнодорожная стачка привела в движение огромные массы рабочих – и она оказала такое же воздействие на крестьян. В. М. Гохленер, изучавший крестьянское движение в Саратовской губернии, установил, что оно начиналось в селах, расположенных близ железных дорог и затем распространялось в глубинные районы (Гохленер 1955:200). Дополнительным фактором, поднявшим крестьян на восстания, был неурожай 1905 года. В семи губерниях Черноземного района чистый сбор был вдвое меньше среднего уровня предыдущего пятилетия. Тяжелое положение сложилось также в Поволжье (Обухов 1927:78-79, 103-107). В этих условиях хранившиеся в дворянских экономиях запасы предназначенного на экспорт зерна представляли непреодолимое искушение для миллионов крестьян, которые не имели продовольствия, чтобы пережить зиму.

Таким образом, долгосрочный фактор нараставшего крестьянского малоземелья в сочетании с временным ослаблением государственной власти и неурожаем инициировал почти повсеместные крестьянские восстания. По данным МВД, в октябре-декабре 1905 г. было разгромлено в общей сложности около 2 тыс. помещичьих имений (1/15 всего их числа). В некоторых районах, например, в Балашовском уезде Саратовской губернии, были уничтожены буквально все помещичьи усадьбы (Прокопович 1907:26; Гохленер 1955:233).

Волнения и беспорядки в городах нарастали одновременно с восстаниями на селе и завершились декабрьским восстанием рабочих в Москве. Союз железнодорожников (ВЖС) принял участие в забастовке, и движение было вновь парализовано, что затруднило действия правительственных войск. Однако через несколько дней военные сумели наладить работу Николаевской железной дороги, по которой из Петербурга в Москву был перебросен гвардейский Семеновский полк. Через десять дней после начала восстание в Москве было подавлено. Интенсивность выступлений в сельских районах также стала снижаться после максимума, достигнутого в ноябре (табл. 9.7).

Крестьянских и рабочие восстания наглядно продемонстрировали опасность, которую представляет для элиты дальнейшее развитие революции, поэтому большинство дворян перестало поддерживать либералов. Либералы были изгнаны из земских собраний, и дворянство консолидиро-

валось на платформе сохранения частного землевладения, выступая против земельной реформы и наделения крестьян землей.

Таблица 9.7. Революционные выступления крестьянских масс в 1905-1906 гг. (Дубровский 1956:42).

<i>Месяц</i>	<i>Количество выступлений</i>
Октябрь 1905 г.	219
Ноябрь 1905 г.	796
Декабрь 1905 г.	575
Январь 1906 г.	179
Февраль 1906 г.	27

В январе 1906 г. рабочие и крестьянские восстания были подавлены, и активная фаза революции закончилась. Последующие политические конфликты разыгрывались в рамках борьбы Думы с правительством. Попытки либералов инициировать аграрную реформу были блокированы правительством, которое встало на сторону помещиков и отказалось рассматривать отчуждение частной земли даже при условии компенсации. Конфликт между Думой и правительством привел к роспуску Первой, а затем Второй Думы. В 1907 г. правительство изменило закон о выборах, предоставив непропорциональное представительство дворянству, и заручилось поддержкой дворянского большинства Третьей Думы. Это событие знаменовало окончание Первой русской революции.

Таким образом, революция 1905-1907 годов развивалась, в основном, по траектории, постулированной демографически-структурной теорией. В период стагнации элита фрагментировалась, результатом чего было образование оппозиционных фракций. Обнищание народа позволило этим контрэлитам мобилизовать массы на борьбу против государства. Тем не менее, интересы контрэлиты и простого народа не совпадали. Когда лидеры контрэлиты достигли своих целей, они отказались от дальнейшего развития революции и присоединились к правительству в подавлении народного восстания. Кроме того, революционный опыт 1905-1907 гг. показал оппозиции всю опасность неконтролируемого народного восстания. Хотя радикалы продолжали надеяться на социальную революцию, большинство из них погибли или удалились в изгнание. С другой стороны, либеральная оппозиция после 1905-1907 гг. отвергала революционные методы борьбы с правительством.

Социополитическая нестабильность между революциями

Революция 1905-1907 годов вынудила правительство начать реформы, целью которых было разрешить аграрную проблему. Но эти запоздалые

усилия оказались неэффективными (Данилов 1992:60). Подавление революции не означало возврата к дореволюционным условиям. Крестьянские волнения утихали медленно, и их уровень в течение 1908-1910 гг. был на порядок больше, чем до революции (рис. 9.11). Когда в 1912-1913 гг. сельские волнения уменьшились, нестабильность переместилась в города, где началась новая волна забастовок, продолжавшаяся вплоть до начала Первой мировой войны. Примечательно, что волна преступности не спала после окончания революции (табл. 9.8).

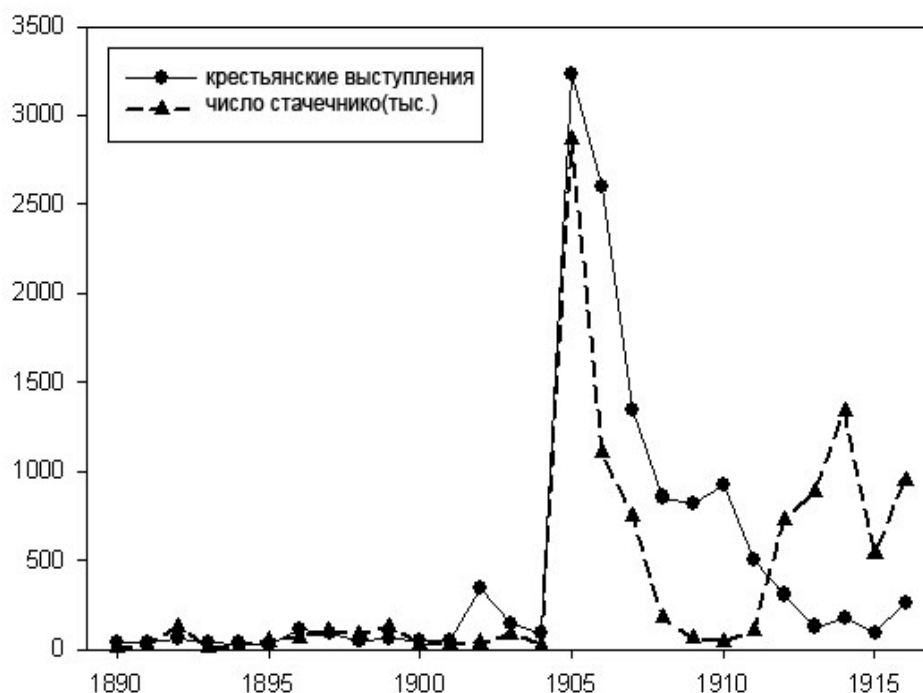

Рисунок 9.11. Динамика крестьянских и рабочих протестов в 1890-1916 гг. (Дубровский 1956:42).

Таблица 9.8. Динамика тяжких преступлений (среднегодовое число преступлений, в тыс.) (Мигонov 2000: II: tab. 8.9).

<i>Вид преступлений</i>	<i>1874-1883</i>	<i>1884-1893</i>	<i>1899-1905</i>	<i>1906-1908</i>	<i>1909-1913</i>
Против общественного и государственного порядка	13.2	16.6	23.3	56.2	55.4
в т. ч. религиозные	1.0	1.6	1.4	1.5	5.2
государственные	—	—	2.0	2.9	2.3
<i>против порядка управления</i>	3.3	3.8	9.9	13.1	22.1
Против личности	22.4	32.3	153.8	134.3	149.2
Против собственности частных лиц	57.5	40.8	136.0	208.7	245.5

Период 1906-1908 гг. включает в себя два революционных года, и средний уровень преступности был, соответственно, высоким (обратите внимание на большой скачок в преступлениях против частных лиц и частной собственности после 1900 г.). После революции, однако, преступность не снижается, а по отдельным видам преступлений даже увеличивается. Например, число преступлений «против порядка управления» в 1909-1913 гг. было больше, чем в 1906-1908 гг. Этот рост показывает, что революция не закончилась в 1907 г., но продолжалась в виде хронических и многочисленных (хотя и небольших по масштабам) протестных акций. Население, чьи устремления были подавлены во время революции, не смирилось с сохранившимися порядками. Обратите внимание, что преступления против частной собственности включают совершенные крестьянами поджоги помещичьих имений. В 1910-1911 гг. число поджогов и малых протестных акции было больше, чем в 1907 г., в последний год революции.

Правительству было известно о напряженности социальных отношений и о том, как это может повлиять на способность России вести войну, которую большинство считало неизбежной. Однако Николай II решил вступить в войну, хотя многие его современники считали, что это решение обрекало царизм. Наиболее пессимистичный прогноз сделал член Государственного Совета П. Н. Дурново, который по должности был хорошо знаком с внутренним состоянием страны. Если война окажется для России победоносной, то все будет хорошо, писал Дурново. «Но в случае неудачи социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и всеобщий раздел всех ценностей и имущества. Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению» (Дурново 1922).

Логика «предсказания Дурново» достаточно проста: в случае неудачи в войне с Германией должно повториться в более сильной степени то, что уже происходило после неудачной войны с Японией, то есть в революцию 1905 года. Дурново предсказывал, что недовольные фракции элиты снова начнут агитационную кампанию и революционеры поднимут на восстание крестьянство, пообещав ему землю. В действительности, как мы увидим

ниже, это предсказание оказалось неточным: в феврале 1917 года произошла «революция без революционеров».

Большинство историков считает, что Россия могла бы избежать революции, если бы не Первая мировая война (Хобсбаум 1962). Социолог Теда Скочпол (Skocpol 1979) выдвигала аналогичный аргумент при анализе социальных революций во Франции, России и Китае. Джек Голдстоун, однако, отмечал, что государства Нового времени почти постоянно находились в состоянии войны. «С 1550 по 1815 год было лишь несколько десятилетий, когда Европа была свободна от крупных войн. Кроме того, масштабы и стоимость войны постоянно росли. Тем не менее, в эти столетия государственные брейкдауны определенно подчинялись циклическому ритму, включавшему пик в относительно мирное (в плане межгосударственных конфликтов) время середины XIX в.» (Goldstone 1991:20).

Война была проверкой надежности, которую социальные системы того времени должны были проходить почти постоянно. Во время фазы стагфляции, когда социальные структуры становились хрупкими, многие государства не выдерживали испытаний войны. Поражения, которые испытала Россия в Крымской войне, в русско-японской войне и в Первой мировой войне, были симптомом этой внутренней хрупкости.

Анализ войн, которые вела Россия в XIX в., выявил три механизма, которые переводят военные условия в социальный кризис (Нефедов 2005:387). Первая проблема, с которой сталкивалась страна, заключалась в недостаточности вооружений, что приводило к военным поражениям, которые подрывали легитимность государства. Вторая проблема состояла в том, что в фазе стагфляции правительство может финансировать войну только печатая бумажные деньги, что приводило к гиперинфляции, развалу рынка и нарушению снабжения. Третья и самая важная проблема заключалась в том, что характерное для периода стагфляции высокое демографическое давление фрагментировало общество. Крестьянское малоземелье и народная нищета вызывали глубокий социальный раскол общества, что в условиях налагаемых войной тягот было чревато восстаниями крестьян-ополченцев и восстаниями в тылу, в то время как широкие слои элиты не оказывали поддержки государству.

Кризис, порожденный Первой мировой войной, разворачивался в соответствии с описанным сценарием. Русская армия значительно уступала германской в артиллерии и в других видах вооружений. Запасы оружия и боеприпасов быстро пришли к концу, и в начале 1915 г. до четверти новобранцев прибывали на фронт без винтовок. Летом 1915 г. русская армия потерпела тяжелое поражение в Галиции (Уткин 1976:258-259; Riazanovsky 2000:418).

Военные неудачи 1915 г. серьезно подорвали авторитет правительства и, в соответствии с предсказанием Дурново, вызвали бурю антиправительственных обвинений в Думе. Однако, помня об уроке 1905 года, оппозиция

не пыталась вовлечь народные массы в свой конфликт с правительством. Таким образом, вопреки предсказанию Дурново, антиправительственная кампания не привела к народной революции (Нефедов 2005:391-394).

Для армии последствия военных поражений были гораздо более серьезными. В 1915 г. потери составили 2.4 млн. солдат, в том числе 1 млн. пленными. Потери убитыми и ранеными во время летней кампании 1916 г. были не намного меньше, чем в 1915 г., а число пленных увеличилось до 1.5 млн. человек. Статистика показывает, что соотношение числа убитых к числу пленных составляло в русской армии 1:3, в то время как в немецкой, французской и английской армиях это соотношение колебалось от 1:0.2 до 1:0.26. Готовность, с которой русские солдаты сдавались в плен, говорила о низком моральном духе и о нежелании попасть в кровавую мясорубку войны. Другой формой протеста было дезертирство: к началу 1917 г. по некоторым оценкам насчитывалось 1-1.5 млн. дезертиров. Отмечались случаи отказа частей идти в наступление («забастовки солдат»). В октябре 1916 г. произошли восстания нескольких тысяч солдат на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге; возможность большого солдатского мятежа становилась все более реальной. Таким образом, к началу 1917 г. государство отчасти утратило способность контролировать армию (Нефедов 2005:391-394).

Еще одним фактором, в дополнение к потере авторитета власти и неуправляемости армии, было ухудшение экономических условий. В начале войны никто не ожидал нехватки хлеба (Кондратьев 1991). Экспорт зерна был запрещен; запрещено было также использование зерна для производства спирта. Таким образом, сельскохозяйственное производство в России было более чем достаточным для снабжения армии и гражданских нужд населения. Проблема, однако, состояла не в производстве продовольствия, а в его распределении, нарушение которого было следствием фискальной политики правительства.

В 1914 г. налоговые поступления составляли 2.9 млрд. рублей, и увеличить доходы за счет налогов с населения было практически невозможно. Между тем военные расходы за вторую половину 1914 г. составили 2.5 млрд. руб., за 1915 г. – 9.4 млрд., за 1916 г. – 15.3 млрд. За время войны военные расходы царского правительства составили 30.5 млрд. руб. Правительство разместило на 7.5 млрд. руб. внутренних займов и получило 6.3 млрд. руб. в виде займов от союзников (Сидоров 1960:151, 441). Но эти кредиты покрывали менее половины расходов. Огромные военные расходы не могли быть профинансированы с помощью обычных бюджетных механизмов, и правительство было вынуждено для покрытия дефицита печатать бумажные деньги. Это неизбежно вело к безудержной инфляции цен (рис. 9.12).

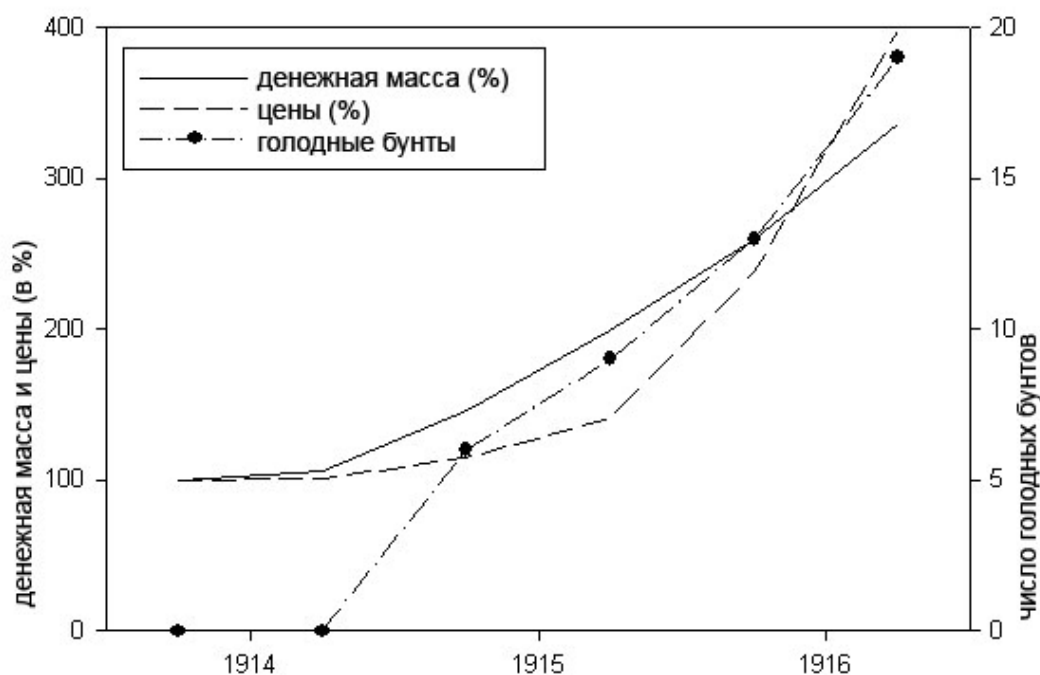

Рисунок 9.12. Количество денег в обращении, индекс цен и число голодных бунтов в городах (без Сибири, Закавказья, Кавказа и Донской области) по полугодиям (Кондратьев 1991; Кирьянов 1993).

Поначалу цены росли медленнее, чем объем денежной массы, но в первом полугодии 1916 г. рост ускорился, а во втором полугодии цены сделали резкий скачок и обогнали рост денежной массы. Это означало, что сократилось количество поступавших на рынок товаров, в том числе главного товара – хлеба. Механизм, лежащий в основе этой динамики, прост. Когда поставщики товара (в данном случае, сельские производители зерна) наблюдают быстрое увеличение цен, у них есть стимул придерживать поставки на рынок, чтобы позже получить лучшую цену. На рынке появляется дефицит хлеба, от которого в первую очередь страдают горожане. Нехватка хлеба и высокие цены становятся причиной массового недовольства. Очереди, которые образуются у продовольственных магазинов, становятся сосредоточением недовольных, и любое незначительное событие способно спровоцировать вспышку беспорядков, которая может превратиться в полномасштабное восстание. Хорошо известным примером такого развития событий являются продовольственные беспорядки во время Французской революции.

График на рис. 9.12 показывает, что число крупных продовольственных беспорядков (в которых тысячи людей противостояли полиции и войскам) увеличивалось вместе с ростом цен. С точки зрения правительства наименее благоприятным обстоятельством было то, что войска начали сочувствовать бунтовщикам. Первый случай отказа казаков разгонять толпу был зафиксирован во

время продовольственного бунта в Оренбурге в мае 1916 г. Позднее в том же году было еще девять таких случаев (Кирьянов 1993: 3-18).

Еще одним признаком надвигающейся катастрофы было сокращение запасов зерна на элеваторах и в портовых складах (Кондратьев 1991:187). В ноябре 1915 г. запасы составляли до 65 млн. пудов, а в течение весны и лета следующего года они, как обычно, сократились. Но осенью 1916 г. запасы не были пополнены и продолжали снижаться, пока не упали до 10 млн. пудов в декабре. Урожай в 1916 г. был хуже, чем в 1915 гг., и производители не поставляли зерно из рынок в ожидании повышения цен (Кирьянов 1993).

Правительство было вынуждено использовать угрозы конфискации, чтобы обеспечить снабжение армии, но для гражданского населения почти ничего не оставалось (Нефедов 2005:394-402). В январе и феврале 1917 г. города получили соответственно 20% и 30% от плановых поставок зерна. Зимой 1916-1917 гг. кризис снабжения достиг катастрофических размеров. Многочисленные мемуары тех лет описывают нехватку хлеба и огромные очереди в продуктовые магазины (Нефедов 2005:394-402).

Февральская революция

Экономические проблемы, описанные в предыдущем пункте, постепенно обострялись, и к концу 1916 г. финансовый кризис привел к распаду системы распределения. За экономическим коллапсом вскоре последовал политической крах.

Осенью 1916 г. рост цен на хлеб вызвал новую волну голодных бунтов и рабочих забастовок в промышленных регионах. Первый крупный голодный бунт в Петрограде произошел в октябре 1916 г. К протестующим присоединились многие солдаты, и бунтовщики были рассеяны только благодаря решительным мерам гвардейских частей. В течение следующих зимних месяцев кризис еще более обострился. В начале 1917 г. Московский городской голова М. В. Челноков послал председателю Совета министров четыре телеграммы, предупреждая о том, что нехватка продовольствия приведет к голоду, который будет сопровождаться протестами жителей столицы (Сидоров 1960: 497).

Армия также находилась на грани голода. На заседании Генерального штаба в декабре 1916 г. выяснилось, что снабжение войск в ближайшем будущем должно резко ухудшиться. «Нам не объясняли причин расстройств народного хозяйства, но нам говорили, что этому бедственному положению помочь нельзя», – писал А. А. Брусилов (2001:199). Рацион питания на фронте был уменьшен с 3 до 2 фунтов хлеба в день, а войска в тылу получали только 1.5 фунта. Из-за отсутствия овса лошади голодали, и, как следствие, артиллерия потеряла свою подвижность. Армия уже не могла

наступать, а в случае отступления была неизбежна потеря артиллерии и обозов (Брусилов 2001:204).

Декабрь 1916 г. был отмечен беспрецедентно массовыми протестами среди солдат. В ходе Митавской операции отказался идти в атаку 17-й пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат. Командование все же смогло справиться с ситуацией; около ста наиболее активных участников выступления были расстреляны, несколько сот были осуждены на каторгу (Зайончковский 1938:108). Наиболее опасным для властей было то обстоятельство, что на фронте заканчивались запасы продовольствия. В начале февраля на Северном фронте продовольствия оставалось на два дня; на Западном фронте запасы муки закончились и части перешли на консервы и сухарный паек. Армия была на грани мятежа, 22-23 февраля 1917 г. восстали два пехотных полка на Кавказском фронте (Гаврилов 1991:60).

Обострялась продовольственная ситуация в городах. В течение первых двух месяцев 1917 г. Москва и Петроград получили лишь 25% необходимого количества зерна. С середины февраля в прессе появились сообщения о том, что в Петрограде неизбежно введение карточной системы и что взрослые будут получать лишь один фунт хлеба в день (дети должны были получать полфунта). Эта новость заставила людей запастись продуктами и вызвала продовольственную панику. 14 февраля одна из газет сообщала, что несмотря на морозную погоду, тысячи жителей стояли в очередях в надежде купить буханку хлеба (Лейберов 1990:60). 23 февраля в Петрограде начались спонтанные голодные бунты и демонстрации. К вечеру бастовали 60 тыс. рабочих, и произошло несколько столкновений между демонстрантами и полицией (Лейберов 1990:71-77).

24 февраля число бастующих рабочих увеличилось до 200 тыс. Полиция разгоняла демонстрантов, но вскоре они собирались в других местах. 25 февраля демонстрации стали полулегальными. Военные находились в нерешительности, а многие казаки братались с протестующими (Старцев 1984:10, 117; Лейберов 1990:87). Вечером военный комендант Петрограда генерал Хабалов получил от царя телеграмму с требованием положить конец беспорядкам. Хотя власти не желали использовать силу для подавления протестов, они были вынуждены отдать роковой приказ.

Как впоследствии стало ясным, отдать такой приказ ненадежным войскам означало подтолкнуть их к почти неизбежному бунту. Большинство солдат в Петрограде – это были крестьяне, которые были призваны в начале 1917 г. и ждали отправки на фронт. Эти крестьяне имели свои претензии к власти и не желали умирать за нее. Ветераны рассказывали им об ураганном огне противника и о страшных потерях на фронте. «Солдатские массы были проникнуты одним страстным желанием – чуда, которое избавило бы их от необходимости “идти на убой”» (Ольденбург 1992:618).

26 февраля войска получили приказ стрелять по демонстрантам, и в тот же день взбунтовались солдаты Павловского полка. Этот мятеж был подавлен, но на следующее утро взбунтовался Волынский полк, и восстание быстро распространилось на другие полки. Колонна мятежников двигалась по городу от одной казармы к другой, и полки один за другим присоединялись к восстанию с криками «ура» и стрельбой в воздух. Утром 27 февраля насчитывалось 10 тыс. мятежников, к полудню их число увеличилось до 26 тыс., а вечером – до 66 тыс. На следующий день число восставших достигло 127 тыс. солдат, а 1 марта – 170 тыс. то есть восстание охватило весь петроградский гарнизон (Нефедов 2005: 414).

Дальнейшие события хорошо известны: отречение Николая II, создание Временного правительства и его дальнейшее свержение большевиками (Октябрьская революция). Большевистский переворот вызвал гражданскую войну, которая продолжалась до 1921 г., но в конечном итоге коммунистическая партия сумела восстановить централизованный контроль и отвоевать большую часть территории Российской империи. В 1922 г. был создан Союз Советских Социалистических Республик, и положение стабилизировалось повсюду, за исключением среднеазиатского региона, где до 1926 г. действовали отряды «басмачей».

Итоги кризиса

За фазой кризиса во многих случаях следует фаза депрессии, которая характеризуется социополитической нестабильностью и повторными вспышками гражданской войны. Имелся ли в российском цикле Романовых период депрессии? Внутреннее положение в СССР после 1922 г. отличалось относительной стабильностью, фракционная борьба отмечалась лишь на высшем уровне новой элиты и не затрагивала народных масс. Исключения составляли лишь события, связанные с коллективизацией. Коллективизация была непосредственно связана с индустриализацией страны, а необходимость индустриализации диктовалась внешней угрозой, то есть воздействием внешних факторов. Воздействием внешнего фактора была вызвана и демографическая катастрофа, постигшая СССР в 1941-1945 гг. Таким образом, причина катастроф 1930-1940-х гг. заключалась, в основном, в деформирующем влиянии внешних сил.

В итоге, можно констатировать, что в цикле Романовых отсутствовала имеющаяся во многих других циклах фаза депрессии, и мы можем подвести итоги кризиса, сравнивая положение до революции с положением в 1920-х гг. По оценке Ю. А. Полякова население на территории СССР к 1922 году уменьшилось на 8,6% (Поляков 1986:94). В аграрно-перенаселенном Черноземном районе население сократилось более значительно – на 14% (Нефедов 2009: 44). Однако быстрый рост населения привел к тому, что в целом по СССР оно уже в 1926 г. превысило довоенный

уровень. Поскольку после кризиса посевные площади не увеличились, то душевое производство по сравнению с довоенным периодом не только не увеличилось, но даже сократилось. Эта ситуация непохожа на обычную картину кризиса в традиционном обществе: в классическом случае имеет место резкое сокращение численности населения, более существенное, чем то, которое имело место в России, и за счет этого сокращения увеличивается посев, приходящийся на душу населения – что, в свою очередь, влечет увеличение потребления. В России, напротив, численность населения очень быстро восстановилась и душевой посев даже сократился. Но потребление зерна и картофеля (в пищу и на фураж) все же увеличилось – и даже довольно существенно: по сравнению с 1909-1913 гг. на 20%, а по сравнению с 1908-1911 гг. даже на 40%. В Черноземном районе рост потребления составил по сравнению с 1909-1913 гг. 30%, а по сравнению с 1908-1911 гг. 50% (Нефедов 2009: 112, 119). Главной причиной увеличения потребления был переход всей земли в руки крестьян, что привело, в частности, к исчезновению земельной ренты, и к почти полному прекращению экспорта, который прежде составлял 20-25% чистого сбора. До революции зерно, производившееся на помещичьих землях в значительной части вывозилось за границу – также как и то зерно, которое крестьяне были вынуждены продавать, чтобы оплатить ренту. После раздела поместий производившиеся в них зерно стало принадлежать крестьянам, и они предпочитали не продавать, а потреблять его – в результате их потребление существенно увеличилось, а вывоз почти прекратился. Таким образом, рост потребления стал следствием прогнозируемого демографически-структурной теорией перераспределения ресурсов в структуре «государство-элита-народ».

Это перераспределение ресурсов сопровождалось массовым истреблением или изгнанием старой элиты. В отличие от большинства рассмотренных ранее случаев российская элита в 1917-1922 годах не имела военного преимущества перед простым народом. Поэтому ее судьба была трагичной. Но с другой стороны, именно сохранение старой элиты после кризисов в других циклах обуславливало наличие (часто весьма длительного) периода депрессии. В российском случае устранение элиты устранило и период депрессии.

9.4. Заключение

Демографически-структурная теория была сформулирована для аграрных обществ, и возникает вопрос, является ли она применимой к развивающимся странам, таким, как Россия в 1900 г. Мы считаем, что теория, как правило, применима, так как в этот период подавляющее большинство населения России (более 80%) по-прежнему состояло из крестьян. Тем не менее, индустриализация влияла на экономическую и социальную динамику

ку России, и это должно быть принято во внимание. Во второй половине XIX в. в России наблюдался значительный рост производительности сельского хозяйства, что было одной из важнейших предпосылок промышленного развития (Rostow 1990). Повышение урожайности после 1870 г. (табл. 9.1) существенно расширило экологическую емкость и смягчило негативные последствия быстрого роста населения.

Другим фактором, оказавшим большое влияние на динамику цикла Романовых, была территориальная экспансия и крестьянская колонизация завоеванных земель. Как отмечалось в пункте 9.1, в Центральном районе признаки стагфляции появились уже в 1730-40-х гг. Стагфляция была ускорена высокими налогами, которые были введены при Петре I, но даже после снижения реальных налогов при Екатерине II положение крестьян не изменилось к лучшему из-за увеличения помещичьей ренты. Если бы не колонизация Черноземья, то вполне вероятно, что Россия пришла бы к кризису примерно в то же время, что и Франция, то есть в конце XVIII в. (Турчин 2003b). В России, однако, кризис был отложен на века. Формирование межрегионального рынка зерна между Черноземным и Центральным районами позволили первому району специализироваться на производстве хлеба, а второму – на промыслах и ремеслах.

Таким образом, период 1620-1800 гг., который мы классифицируем как фазу расширения, не вполне соответствует описанию этой фазы в рамках демографически-структурной теории. Вместо этого, вероятно, было бы лучше рассматривать период между 1620 и 1905 гг., как две следующих друг за другом интегративных тенденции. Сначала идет Расширение I до 1730 г., и дальнейшая Стагфляция I в Центральном районе. В то же время в Черноземном районе Расширение II продолжается до 1840-х гг., после чего начинается общая стагфляция (Стагфляция II). Такая двойная интегративная тенденция на самом деле не является редким случаем, особенно в больших странах. Например, в Китае экологическая емкость в эпоху Сун удвоилась, от 50-60 млн. (что было типичным потолком населения в течение I тысячелетия) до 110-120 млн. Это было результатом внедрения высокоурожайных сортов риса и колонизации на юге Китая (Коротаев 2005:186-188).

Фаза кризиса цикла Романовых также имела несколько особенностей, хотя поначалу кризис развивался по классическому демографически-структурному сценарию. В конце фазы стагфляции, в 1905 г., большинство крестьян не имело достаточно земли, чтобы прокормить свои семьи, в то время как перепроизводство элиты привело к глубокому фракционированию правящего класса. В этих условиях для начала революции было достаточно поражения царизма в русско-японской войне. Когда требования оппозиции по осуществлению либеральных реформ были отвергнуты царем, оппозиционная элита обратилась за поддержкой к народным массам, и результат превзошел ее самые смелые ожидания. Железнодорожная за-

бастовка, инициированная либеральным профсоюзом служащих, привела к всеобщей стачке, а затем – к крестьянским восстаниям. Крестьяне, основной мотивацией которых был земельный передел, в первую очередь атаковали не государство, а землевладельческую элиту. Частично удовлетворенная уступками царя и, что более важно, испуганная масштабами народного восстания, основная часть элиты отказалась от борьбы против государства и даже присоединилась к государству в его усилиях по подавлению революции.

В период между двумя революциями уровень социополитической нестабильности оставался намного более высоким, чем до 1905 г. (рис. 9.10). Таким образом, мы полагаем, что весь период 1905-1922 гг. следует рассматривать как непрерывный период кризиса. Революции 1905 г. не удалось решить ни проблему крестьянского малоземелья, ни проблему элитного перепроизводства. Государство смогло подавить активные выступления с помощью войск и либеральной части элиты. Но, как показывает сохранявшийся высокий уровень крестьянских и рабочих выступлений, спокойствие было более видимым, чем реальным. Любое временное ослабление государственной власти могло вызвать новое обострение социального кризиса. Тяготы Первой мировой войны послужили искрой для нового взрыва.

Механизм, приведший к следующему кризису, включал в себя три взаимосвязанных процесса: падение авторитета власти в результате военных поражений, галопирующую инфляцию, которая привела к нарушению снабжения и к голодным бунтам, и возрастающую ненадежность войск. То обстоятельство, что революция была вызвана голодным бунтом в Петрограде 23 февраля было до некоторой степени случайностью. Но это должно было случиться рано или поздно, потому что голодные бунты начались предыдущей осенью и продолжались при Временном правительстве, которое также оказалось не в состоянии решить задачу снабжения городов.

Февральские продовольственные беспорядки в Петрограде были бы, несомненно, подавлены, если бы правительство сохранило контроль над войсками. Но в отличие от 1905 г., этот контроль был потерян. Армия была подкошена военными поражениями, и правительство не могло даже накормить ее. Солдаты, которые подняли мятеж в феврале 1917 г., были по большей части крестьянами, которых призвали несколько месяцев назад. Это были те крестьяне, которые требовали землю в 1905 г. и не получили ее; многие из них ненавидели своих помещиков и государство, которое поддерживало помещиков в конфликте вокруг земли. Теперь они столкнулись с выбором: либо идти в мясорубку войны и умирать, или присоединиться к восставшим рабочим. Не удивительно, что они выбрали последнее. Симптоматично и то, что в то время как рабочие демонстрировали с лозунгом «Хлеба!», лозунг крестьян был: «Земля и воля!»

В 1917 г. элита была по-прежнему фрагментирована, однако главная оппозиционная сила, либералы, не желала революции (Нефедов 2005:404-405). Уцелевшие после поражения революции 1905-1907 гг. радикалы, социалисты-революционеры и социал-демократы, находились в изгнании. В 1917 г. радикалы совершенно не ориентировались в революционной ситуации, которая складывалась в России. В. И. Ленин в лекции, прочитанной в Цюрихе в январе 1917 г., говорил, что ему и его сверстникам, очевидно, не суждено при жизни увидеть революцию (Катков 1997:18). В начале февральской революции эсеры и меньшевики называли ее «желудочно-стихийной». Очевидно, они не сознавали того, насколько близкой была эта характеристика к мальтузианскому истолкованию событий.

Глава 10. Общие выводы

Основная цель этой книги состояла в том, чтобы определить, насколько хорошо предсказания демографически-структурной теории соответствуют эмпирически наблюдаемым закономерностям в исследуемых исторических обществах. Мы сосредоточили свое внимание на четырех основных переменных: численности населения, социальной структуре, государственной мощи и социополитической нестабильности. В нашем эмпирическом исследовании мы попытались по возможности оценить динамику этих переменных. Вековые циклы влияют также на многие другие аспекты исторического развития, и в случае, если такие данные были доступны, мы включали их в анализ. В итоге мы рассмотрели восемь вековых циклов в четырех странах. В этой заключительной главе мы попытаемся обобщить полученные результаты и наметить перспективные направления будущих исследований.

10.1. Численность населения

Соответствие между теоретическими предсказаниями о динамике численности населения и данными эмпирических исследований оказалось вполне удовлетворительным. Изученные интегративные фазы характеризовались устойчивым ростом населения, хотя этот восходящий тренд мог быть прерван в случае вмешательства факторов, не учитываемых теорией. Наиболее ярким примером такого рода является уменьшение населения в республиканском Риме во время Первой и Второй Пунических войн. В случаях, когда имеются более подробные данные, как и в случае Англии Нового времени, мы наблюдаем гораздо меньшие колебания, например, в цикле Тюдоров около 1560 г. (см. рис. 3.1а). Однако по общему правилу эффект таких колебаний в фазе расширения является временным, и любые потери быстро компенсируются.

Дезинтегративные фазы, как правило, характеризовались уменьшением или стагнацией населения. Драматическое падение численности населения имело место во время фазы кризиса в цикле Пантагенетов, цикле Капетингов, римском цикле принципата и в Московском цикле. Мы полагаем, что римский республиканский цикл также закончился сокращением численности населения в Италии, но этот вопрос остается спорным. В двух циклах, цикле Тюдоров и цикле Валуа, численность населения сократилась

менее резко, и общей тенденцией скорее была стагнация, а не коллапс. Тем не менее, мы показали, что в случае цикла Тюдоров демографическое давление (отношение населения к экологической емкости) весьма существенно снизилось (на 35% в 1650-1750 гг.). Возможно, сопоставимое снижение демографического давления имело место и в цикле Валуа. И наконец, наше исследование российского цикла Романовых остановилось на этапе кризиса, и поэтому мы не анализировали возможность снижения демографического давления в последующей дезинтегративной фазе (мы рассмотрим этот вопрос в будущей работе).

Среди различных экономических показателей, которые могут служить индикаторами динамики народонаселения, самым полезным, без сомнения, является реальная заработная плата. В тех случаях, когда мы имеем достаточно подробные данные, обратная связь между демографическим давлением и реальной заработной платой вполне очевидна (см., например, рис. 3.10). Тем не менее, эта связь имеет место только до промышленной революции, и после 1800 г. в Англии связь между численностью населения и реальной заработной платой изменила свой характер.

Вероятно, наиболее полезным неэкономическим замещающим показателем для демографического давления является средний рост населения (Komlos 1990; Steckel 2004; Коерке and Baten 2005). Основная идея антропометрического подхода заключается в том, что демографическое давление приводит к снижению уровня питания. Недостаточное питание детей и подростков приводит к низкорослости взрослых. Таким образом, имеется возможность оценивать динамику демографического давления путем измерения среднего роста в различные периоды (рис. 10.1).

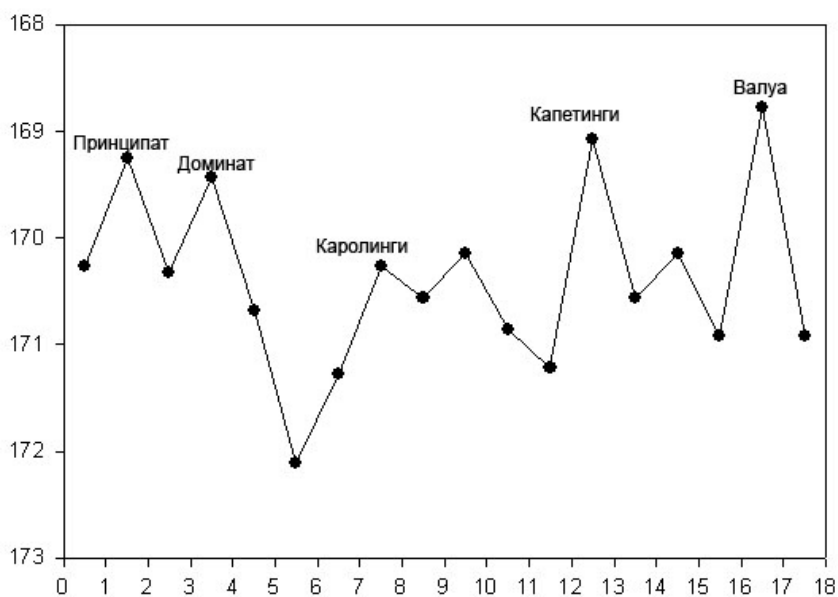

Рисунок 10.1. Средний рост европейцев в течение двух тысячелетий нашей эры (Коерке and Baten 2005). Обратите внимание, что рост нанесен на обратную шкалу, так что пики на графике соответствуют максимумам чис-

ленности населения (поскольку периоды высокого демографического давления соответствуют периодам низкорослости).

Таблица 10.1. Резюме хронологической последовательности вековых циклов в Западной Европе.

<i>Вековой цикл</i>	<i>Интегративная фаза</i>	<i>Дезинтегративная фаза</i>
Республиканский Рим	350-130 до н.э.	130-30 до н.э.
Принципат	30 до н.э.-165 н.э.	165-285
Доминат/Меровинги	285-540	540-700
Каролинги	700-820	820-920
Средневековая Германия	920-1050	1050-1150
Капетинги	1150-1315	1315-1450
Валуа	1450-1560	1560-1660
Бурбоны	1660-1780	1780-1870

В наших предыдущих работах (Нефедов 1999; Turchin 2003b) была предложена предварительная хронология вековых циклов в странах Западной Европы (табл. 10.1). Существует значительная степень соответствия между этой хронологией и колебаниями среднего роста европейского населения (отметим, что отображенные на рис. 10.1 антропометрические данные не использовались при построении хронологии вековых циклов). Интересно, что относительная высота пиков на графике приблизительно соответствует тому, что мы знаем о величине максимальной численности населения, достигнутой в различных вековых циклах. Таким образом, максимальное население в римский период было значительно больше, чем в средние века. Резкий коллапс населения в VI в., в частности, очень хорошо отразился в значительном увеличении среднего роста. С другой стороны, максимальное население в циклах Капетингов и Валуа, по-видимому, превысило численность населения во времена Римской империи.

10.2. Динамика элиты

Данные о динамике элиты было сложнее получить, чем общие данные о населении, и мы часто были вынуждены полагаться на оценочные суждения специалистов. Однако количественные оценки соотношения численности элиты и простого народа все же имелись в циклах Плантагенетов, Тюдоров, Капетингов и в российских циклах. В других случаях менее обоснованные оценки, тем не менее, согласовались с предсказаниями теории о перепроизводстве элиты к началу фазы кризиса и о его дальнейшем снижении. Мы обнаружили, что различные показатели престижного потребления дают полезные замещающие переменные для оценки увеличения и уменьшения численности элиты. Одной из таких часто используе-

мых переменных является масштаб строительства храмов и церквей (см., например, рис. 2.5 и 6.1). Размеры потребления таких предметов роскоши, как вино в Англии (где простолюдины пили пиво), могут с предельной ясностью продемонстрировать, как с течением времени менялось положение элиты (в 1300-1460 гг. потребление вина в Англии уменьшилось в четыре раза).

Очевидное и повсеместное следствие перепроизводства элиты – это растущее экономическое неравенство. Мы смогли исследовать динамику неравенства (рассматривая соотношение доходов высших и низших слоев населения) для циклов Плантагенетов, Валуа и римского республиканского цикла. Некоторые показатели внутриэлитной конкуренции оказались полезными и в других исследованных случаях: число судебных тяжб (в Московском цикле), численность студентов (в цикле Романовых), число дуэлей (в цикле Валуа).

10.3. Динамика государства

Данные о финансовом состоянии имелись для каждого изучаемого цикла, хотя их качество варьировалось от случая к случаю. Тем не менее, данные были достаточно подробными, чтобы преподнести несколько сюрпризов. Конечно, во всех примерах имелись, по крайней мере, некоторые доказательства финансовых трудностей в кризисных фазах. Однако оказалось, что доиндустриальные государства в условиях войн постоянно перенапрягали себя, и финансовые трудности или даже банкротство не обязательно приводило к государственному брейкдауну. В случае республиканского Рима нет никаких доказательств серьезных финансовых трудностей до начала гражданской войны. Республиканский Рим дает также нетипичный пример, когда государство почти полностью зависело от элиты, сенаторского класса. Как мы отметили в пункте 6.6, теория должна была бы принять такие случаи во внимание.

Кроме того, хотя в некоторых случаях мы наблюдали снижение реальных доходов в течение фазы стагфляции (в циклах Плантагенетов и Тюдоров), в других случаях (например, в цикле Романовых) государство было в состоянии увеличивать реальные налоги на душу населения вплоть до момента кризиса (и в московском цикле такие поборы были важным фактором, инициировавшим кризис). Однако важно не сокращение доходов в абсолютном выражении, а их снижение по сравнению с расходами. Например, исследование Голдстоуна (Goldstone 1991, 2008) о цикле Бурбонов показало, что реальные доходы и налогообложение на душу населения росло до кануна Великой французской революции. Тем не менее, финансовый крах государства был одним из наиболее ярких проявлений французского кризиса конца XVIII в. Проблема была в том, что государственные

расходы росли быстрее доходов вследствие расширения элиты и роста военных расходов.

Изучение финансовой динамики в дезинтегративной фазе, однако, принесло некоторые сюрпризы. Наши первоначальные ожидания говорили о том, что в эти периоды государство неспособно собрать достаточные для своего функционирования доходы. Вместо этого мы обнаружили, что типичная динамика доходов государства напоминает настоящие «американские горки». Периодически правителям удавалось убедить население и элиты в необходимости повышения налогов, но такие эпизоды внутреннего согласия длились не долго. В результате мы наблюдали резкие колебания в доходах в течение дезинтегративной фазы циклов Плантагенетов (рис. 2.6), Тюдоров (рис. 3.3), Валуа (рис. 5.2), в московском цикле (рис. 8.3) и в цикле Романовых (рис. 7.7). Эти колебания доходов по-видимому, связаны с динамикой «отцов-и-сыновей». Гражданские войны не только вызывали стремление к социальному миру, но и побуждали элиты к соглашению с государством о необходимости налогообложения. Следующее поколение (которое не испытывало тягот гражданской войны) гораздо менее охотно уступало налоговым требованиям государства. Растущий антагонизм между государством и элитой являлся одним из факторов, которые вызывали очередной виток гражданской войны.

10.4. Социополитическая нестабильность

Социополитическая нестабильность является ключевой переменной демографически-структурной теории, и отрадно, что мы смогли получить количественные оценки ее динамики для всех изученных циклов. Самый простой метод количественной оценки социополитической нестабильности состоит в подсчете (в единицу времени) «событий неустойчивости», таких как крестьянские восстания, региональные восстания, государственные перевороты, гражданские войны. В получении этих оценок нам очень помогли исследования таких авторов, как Питирим Сорокин (Sorokin 1937) и Чарльз Тилли (Charles 1993). В текстах соответствующих глав мы приводим графики социополитической нестабильности для циклов Плантагенетов (рис. 2.7), Капетингов и Валуа (рис. 5.3), римского республиканского цикла (рис. 6.5) и цикла принципата (рис. 7.5).

Индексы нестабильности, полученные на основе анализа письменных источников, имеют то преимущество, что они могут быть разработаны для любого достаточно хорошо документированного периода. Недостатком этого подхода, однако, является то, что по своей сути эти индексы субъективны. Актуальные проявления нестабильности сначала фильтруются через восприятие современников, затем составителями исторических хроник, и, наконец, современными исследователями, которые решают, является ли какое-либо конкретное нарушение стабильности достойным включения в

соответствующий список. Мы нуждаемся в лучшем, более объективном методе для того, чтобы определить индекс нестабильности, и представляется, что подходящей замещающей переменной может быть динамика монетных кладов. Используя эту переменную, мы смогли проанализировать динамику нестабильности в циклах Пантагенетов (рис. 2.7), Тюдоров (рис. 3.4), Капетингов (рис. 4.2), в римском республиканском цикле (рис. 6.5), в цикле принципата (рис. 7.6 и 7.7) и в московском цикле (рис. 8.1). Отрадно, что индекс нестабильности на основе письменных источников и индекс монетных кладов показывали сходную динамику. Когда два набора чисел, полученных независимым образом, показывают аналогичное поведение, это придает уверенность в объективности полученных результатов.

В одном случае, в цикле Романовых, мы разложили общую нестабильность на три составные части: крестьянские волнения (рис. 9.9), рабочие забастовки (рис. 9.11) и революционную деятельность, учтенную через динамику казней (табл. 9.6). Для ряда случаев (см. рис. 2.9, 2.10, 3.6, 9.10 и табл. 4.4) мы также смогли найти данные о динамике насильственных преступлений. Следует отметить, однако, что уровень преступности, будучи обычным выражением динамики насилия среди индивидуумов, отличается от индекса социополитической нестабильности (межгруппового насилия), и эти две переменные не должны синхронно колебаться.

Таким образом, мы имеем обширную базу данных о динамике социополитической нестабильности. Эти данные показывают, что динамика нестабильности является сложной и развивается, по крайней мере, в двух различных временных масштабах. В масштабе столетий была выявлена тенденция нарастания в отдельные периоды числа событий нестабильности, которые при этом оказывались взаимосвязанными. Эти волны нестабильности повторяются с периодом около двух (иногда трех) веков, так что за веком высокой нестабильности следовали века относительной стабильности. Тенденция становится ясной при обращении к долгосрочным данным. Например, между 1150 и 1700 гг., во Франции было три волны нестабильности, приходивших примерно через двести лет (рис. 5.3, см. также рис. 4.2). Кроме того, существует компиляция, показывающая многовековую динамику монетных кладов для двух европейских регионов, которая демонстрирует очень похожую картину (рис. 10.2 и 10.3). На графиках ясно видны волны неустойчивости в период позднего средневековья и в XVII в.

Как было показано в главах, посвященных конкретным случаям, волны нестабильности непосредственно связаны с демографической динамикой. Фаза стагнации, когда численность населения достигала максимума, была относительно мирной, и нестабильность, в свою очередь, достигала максимума в следующих фазах кризиса и депрессии. Этот эмпирический вывод полностью совпадает с предсказанием демографически-структурной теории.

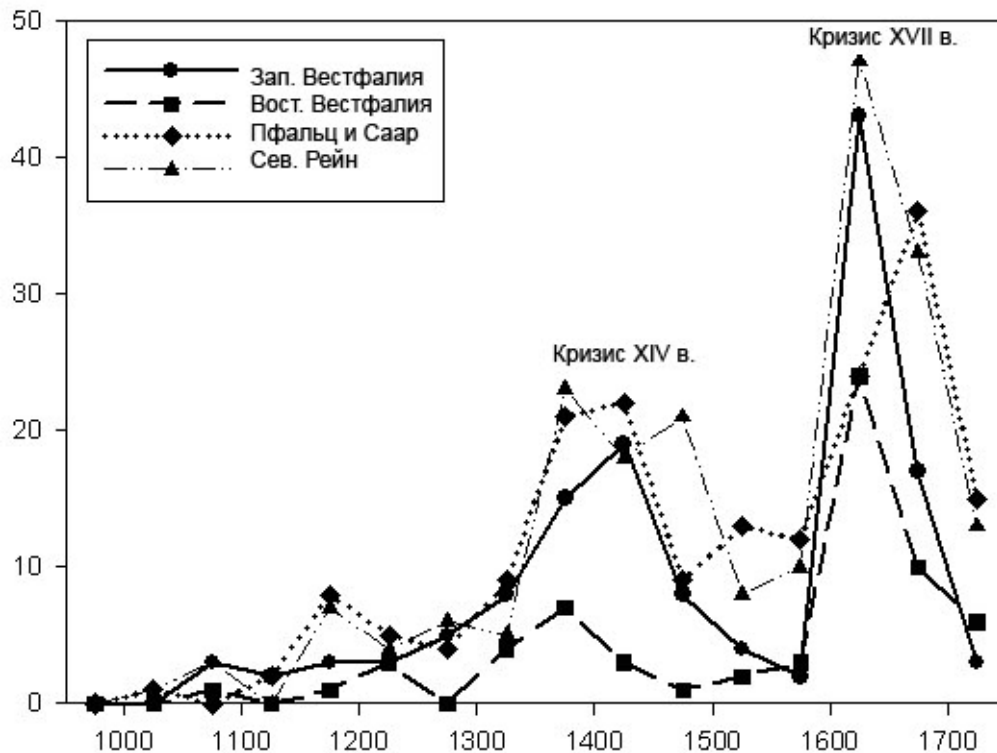

Рисунок 10.2. Временное распределение монетных кладов, найденных на северо-западе Германии (Ilisch 1980: tab. 6). Четыре кривые показывают количество кладов найденных в четырех регионах: в Восточной Вестфалии, Западной Вестфалии, Пфальце и Сааре, на Северном Рейне (по 50-летиям).

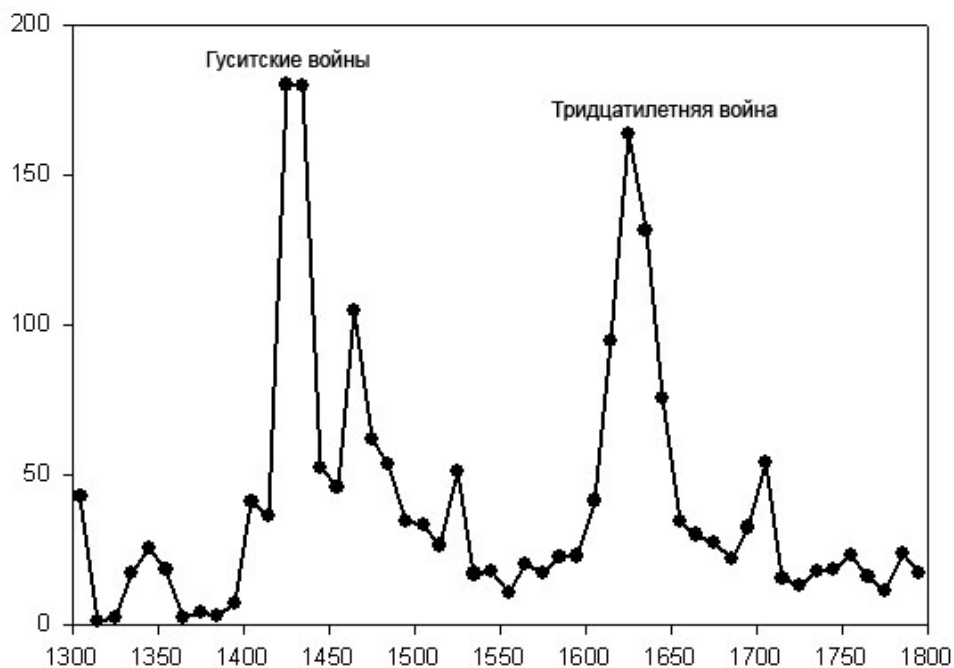

Рисунок 10.3. Временное распределение монетных кладов, найденных в Чехии (Богемии, Моравии и Силезии) по десятилетиям (Nohejlova-Pratova 1955).

Можем ли мы сделать приведенное выше утверждение более точным и количественным? Учитывая ограниченность исторических данных и сложность динамической картины, мы должны использовать крупный временной масштаб. Тогда к решению этой проблемы можно подойти следующим образом. Во-первых, мы идентифицируем фазы уменьшения и роста населения. Хотя детали демографической динамики для исторических обществ редко известны в подробностях, как правило, между историками имеется согласие о том, когда произошло качественное изменение картины долгосрочного экономического роста. Во-вторых, мы рассчитаем индекс нестабильности для этих периодов на основании имеющихся письменных источников (это можно сделать и на основании частоты монетных кладов). Наконец, мы сравним индексы нестабильности (в среднем за десятилетие) в фазах роста и в фазах сокращения численности населения. Результаты применения этой процедуры для семи циклов (опуская цикл Романовых) приведены в таблице 10.2. Эмпирическая закономерность проявляется очень сильно: во всех случаях нестабильность оказывается больше во время сокращения численности населения, чем во время фазы роста (t-тест: $P \ll 0.001$).

Таблица 10.2. Индекс нестабильности (в среднем за десятилетие) в фазах роста и фазах снижения численности населения.

<i>Вековой цикл</i>	<i>Фаза роста</i>		<i>Фаза снижения</i>	
	<i>годы</i>	<i>индекс нестабильности</i>	<i>годы</i>	<i>индекс нестабильности</i>
Плантагенеты	1151-1315	0.78	1316-1485	2.53
Тюдоры	1486-1640	0.47	1641-1730	2.44
Капетинги	1216-1315	0.80	1316-1450	3.26
Валуа	1451-1570	0.75	1571-1660	6.67
Республиканский Рим	350-130 до н.э.	0.41	130-30 до н.э.	4.40
Рим времен принцепата	30 до н.э.-165	0.61	165-285	3.83
Московский цикл	1465-1565	0.60	1565-1615	3.80
Средние (\pmSE)		0.6 (\pm0.06)		3.8 (\pm0.5)

Этот поразительный результат не ограничивается вековыми циклами, изучаемыми в этой книге. Например, мы можем применить ту же процедуру для более чем двух тысячелетий китайской истории. Мы берем данные о населении из работы Чжао и Се (Zhao and Xie 1988) и данные о неста-

бильности из монографии Ли (Lee 1931) (подробнее см.: Turchin 2003b). Рассматривая периоды, когда Китай был объединен под властью одной династии, мы получим результаты, показанные в таблице 10.3. Получается картина, аналогичная предыдущей.

Таблица 10.3. Индекс нестабильности (в среднем за десятилетие) в фазах роста и фазах снижения численности населения китайских династических циклов.

<i>Династия</i>	<i>Фаза роста</i>		<i>Фаза снижения</i>	
	<i>годы</i>	<i>индекс не-стабильности</i>	<i>годы</i>	<i>индекс не-стабильности</i>
Западная Хань	200 до н.э.-10	1.5	10-40	10.8
Восточная Хань	40-180	1.6	180-220	13.4
Суй	550-610	5.1	610-630	10.5
Тан	630-750	1.1	750-770	7.6
Северная Сун	960-1120	3.7	1120-1160	10.6
Юань	1250-1350	6.7	1350-1410	13.5
Мин	1410-1620	2.8	1620-1650	13.1
Цин	1650-1850	5.0	1850-1880	10.8
Среднее (\pmSE)		3.4		11.3

Таким образом, когда нестабильность рассматривается в временном масштабе столетий, мы имеем хорошее соответствие между теоретическими предсказаниями и наблюдаемыми эмпирическими данными. Тем не менее, осложняющим фактором является то, что индекс нестабильности колеблется также и во временном масштабе человеческих поколений. Эта закономерность особенно проявляется во время дезинтегративной фазы вековых циклов, когда всплески интенсивной внутренней войны повторяются с интервалом в 50 ± 10 лет, перемежаясь с периодами хрупкого мира между ними. Такая динамика «отцов-и-сыновей» в большей или меньшей степени отмечалась во время дезинтегративной фазы всех восьми исследованных циклов. Кроме того, циклы «отцов-и-сыновей» были заметны во время интегративной фазы в средневековой Англии, где баронские мятежи как правило, происходили каждые 60 лет между 1100 и 1500 гг. (рис. 2.7), и в России XIX в. (рис. 9.9, 9.10 и табл. 9.6).

Наконец, существуют проявления нестабильности, которые не вписываются ни в вековые циклы, ни в циклы «отцов-и-сыновей». Примерами таких событий являются кризисы I в. н. э. в римском принцепате (прежде всего, кризис 68-69 гг. н.э.), кризис середины тюдоровского правления (1539-1563 гг.) и пугачевский бунт в России (1773-1775 гг.). Эти кризисы не были предсказаны демографически-структурной теорией, и их возник-

новение показывает, что теория не описывает историческую динамику во всей ее сложности. Очевидно, существуют и другие механизмы, помимо перенаселения и перепроизводства элиты, которые могут привести к политическим кризисам, восстаниям и вспышкам гражданской войны. С другой стороны, эти «демографически-структурные» кризисы были более мягкими и менее длительными, по сравнению с кризисами демографически-структурного характера. Таким образом, хотя теория не объясняет все случаи нестабильности, ее предсказание чередования вековых тенденций стабильности и нестабильности оправдывается во всех восьми эмпирических исследованиях.

10.5. Существуют ли общие закономерности исторической динамики?

Мы заканчиваем краткий обзор эмпирических результатов на спекулятивной, даже провокационной ноте (в том смысле, что мы хотели бы вызвать возражения). Существует давний спор между учеными и философами о том, имеет ли история общие законы. В XIX в. некоторые мыслители, ободренные впечатляющими успехами физики и биологии, утверждали, что научное исследование исторических процессов и поиск их общих закономерностей вполне возможны. Например, Лев Толстой в эпилоге романа «Война и мир» предположил, что законы истории могут быть обнаружены путем применения методов, аналогичных тем, которые используются в статистической физике или эволюционной биологии – и это мнение разделяли многие историки XIX в. (Beard 2002). В XX в. консенсус среди философов и историков качнулся в противоположную сторону. Например, философ Карл Поппер (Popper 1957) считал, что исторические процессы слишком сложны и история слишком отличается от естественных наук, чтобы иметь общие законы, подобные законам физики или биологии.

Общий подход нашей исследовательской программы противоречит этому консенсусу. Основной предпосылкой нашего исследования является предположение, что исторические общества могут быть изучены теми же методами, которые физики и биологи используют для изучения природных систем. Мы начали с общей теории, которая была формализована в нашей предыдущей работе (например, Turchin 2003b). В результате этой формализации у нас имеется набор конкретных и количественных прогнозов о поведении демографических, экономических, социальных и политических переменных (см. гл. 1, табл. 1.1). Как отмечалось в этой главе, не все предсказания теории были подтверждены данными. Такой результат был ожидаем, поскольку теории в области естественных наук также совершенствуются со временем. Для большинства переменных соответствие между предсказаниями модели и эмпирическими данными получилось весьма впечатляющим. Кроме того, если какие-то предсказания теории не сбылись (как это случилось с прогнозом динамики доходов во время дезинтегра-

тивной фазы), то, тем не менее, мы получили при этом новые интересные данные. Вместо теоретически предсказанной картины мы увидели другую, в которой имеется повторяющаяся динамика, говорящая о каких-то закономерностях, лежащих в ее основе. Иными словами, наблюдаемые данные наталкивают на вывод о том, каким образом теория может быть улучшена. Такой итеративный подход, в котором теоретические предсказания поначалу контрастируют с данными, а затем теория изменяется в свете полученных результатов и вновь проверяется на эмпирических данных – такой подход лежит в основе научного прогресса в естественных и общественных науках, и, как мы полагаем, он реализуем и в исторических исследованиях.

Общий результат наших исследований показывает, что какие-то общие закономерности исторического процесса, по всей видимости, существуют. В настоящее время мы не можем сформулировать их в такой же точной форме, как формулируются законы физики, то есть в виде математических формул. Возможно, «законы истории» никогда не достигнут того же уровня точности, что и законы физики (будущее покажет). Но в качественной форме можно сформулировать некоторые общие положения теории, которая получила достаточно широкую эмпирическую поддержку. Попытаемся сделать это с пониманием того, что предлагаемые обобщения являются предварительными и будут, вероятно, усовершенствованы в последующих эмпирических и теоретических исследованиях.

Первое обобщение можно назвать неомальтузианским принципом: в периоды длительного роста населения, если аграрное производство не соответствует этому росту, будут наблюдаться определенные ценовые тенденции. Первая тенденция – рост цен на продовольствие, топливо и на землю. Другая тенденция – падение реальной заработной платы работников. Эти тенденции являются простым следствием закона спроса и предложения. Вследствие роста населения увеличивается предложение рабочей силы, и если спрос на нее (в рамках аграрной экономики) ограничен, то цена труда неизбежно снижается. Мы видели эту картину во всех эмпирических исследованиях с большей или меньшей степенью ясности, в зависимости от качества данных. Наиболее яркой иллюстрацией этого принципа является рис. 3.10b, показывающий очень тесную связь между демографическим давлением и реальной заработной платой в Англии в 1150-1800 гг.

Другое обобщение касается динамики элиты и также является следствием закона спроса и предложения. Основным видом богатства в аграрных обществах является земля. Землевладельческая элита получает выгоду от перенаселения двумя способами. Во-первых, элита является потребителем рабочей силы: она нуждается в крестьянах, которые обрабатывают ее землю, и в ремесленниках, которые производят престижные товары. Во-вторых, собственность элиты, земля, производит хлеб и другие предметы потребления, такие как топливо и сырье, спрос на которые увеличивается

вместе с ростом населения. Поскольку товары, которые потребляет элита, становятся более дешевыми, в то время как земля и хлеб дорожают, то элита получает значительную прибыль от перенаселения. Этот процесс, однако, является динамическим, и благоприятная экономическая конъюнктура для элиты означает, что, во-первых, ее численность увеличивается в результате биологического воспроизводства и восходящей социальной мобильности, и, во-вторых, элита привыкает к более высокому уровню потребления. В конце концов, численность элиты и ее аппетиты превосходят свою «экологическую емкость» (основанную на труде простых людей). В то время как перенаселение приводит к обнищанию простого народа, перепроизводство элиты ведет к обеднению ее значительной части (относительно норм потребления, необходимых для поддержания элитного статуса). Это обобщение, таким образом, можно назвать принципом перепроизводства элиты. Одним из следствий этого принципа является запаздывание перепроизводства элиты сравнительно с общим перенаселением. Случаи, рассмотренные в этой книге, эмпирически подтверждают этот теоретический прогноз: в то время как темпы роста населения достигают максимума в фазе расширения, перепроизводство элиты развивается в фазе стагфляции.

Третье возможное обобщение касается причин социополитической нестабильности. Демографически-структурная теория предлагает три основных причины начала дезинтегративной тенденции (то есть длительного периода нестабильности): перенаселение, элитное перепроизводство и финансовый кризис государства. Однако, как отмечалось выше, некоторые причинные факторы являются относительно более важными, чем другие. В частности, фактором, который, как кажется, всегда связан с высокой нестабильностью, является перепроизводство элиты. Напротив, перенаселение приводит к народному обнищанию и недовольству, но пока элита остается единой, крестьянские восстания, восстания рабов или рабочих имеют мало шансов на успех. Кроме того, если население уменьшается во время дезинтегративной фазы, то часто имеется временной лаг между достижением минимума численности населения и временем восстановления внутреннего мира и порядка. Третья причина, финансовый кризис государства, как правило, присутствует, но часто не является фактором, непосредственно ведущим к гражданской войне (см. п. 10.4). Таким образом, перенаселение и финансовый кризис являются важными факторами, но доминирующую роль во внутренней войне, как представляется, играет перепроизводство элиты, ведущее к внутриэлитной конкуренции и к росту контрэлиты, которая мобилизует народные массы в борьбе против существующего порядка.

Три обобщения, которые мы только что сформулировали, являются лишь примерами возможных обобщений, вытекающих из проведенного исследования. Например, можно сформулировать общий принцип, лежащий в основе сдвигов в социальном настроении от желания перемен до

стремления к стабильности (то, что мы назвали циклами «отцов-и-сыновей»). Этот принцип играет важную роль в исчерпании дезинтегративной тенденции и в инициировании нового векового цикла. Вполне возможно, что этот принцип может быть описан количественно с помощью контент-анализа речей, публицистики и газетных статей, но это является делом будущего.

Наши заключительные мысли таковы. Мы полагаем, что показали возможность получения количественных эмпирических оценок для многих переменных, которые необходимы для проверки теории исторической динамики. Кроме того, наши модели, и в частности, демографически-структурная теория, разработаны до состояния, в котором они могут делать количественные и проверяемые предсказания. Многие из этих предсказаний подтверждаются эмпирическими данными, другие не удалось подтвердить, но это лишь предполагает возможность дальнейшего развития теории. Исторический процесс очень сложен, и мы должны мириться с серьезными ограничениями данных, но тем не менее, имеется возможность применения стандартного научного подхода к исследованию истории. Мы с оптимизмом смотрим на перспективы истории как науки.

Литература

- Abel, W. 1973. *Crises agraires en Europe (XIIIe –XXe siècle)*. Flammarion, Paris.
- Abel, W. 1980. *Agricultural fluctuations in Europe: from the thirteenth to the twentieth centuries*. St. Martin's Press, New York.
- Alexander, M. A. 2002. *The Kondratiev Cycle: A Generational Interpretation*. Writers Club Press, San Jose.
- Allen, R. C. 1992. *Enclosure and the yeoman*. Clarendon Press, Oxford, UK.
- Allen, R. C. 2001. The great divergence in European wages and prices from the Middle Ages to the First World War. *Explorations in Economic History* 38:411-447.
- Alston, R. 1995. *Soldier and society in Roman Egypt: a social history*. Routledge, London.
- Alston, R. 1998. *Aspects of Roman history: AD 14-117*. Routledge, London.
- Armstrong, S. 1998. Carolingian Coin Hoards and the Impact of the Viking Raids in the Ninth Century. *Numismatic Chronicle* 158:131-164.
- Aston, T. H., and C. H. E. Philpin, editors. 1985. *The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Baratier, E. 1971. *La démographie provençale du XIIe et XIVe siècle*. S.E.V.P.E.N., Paris.
- Barbaro, I., and A. Contarini. 1873. *Travels to Tana and Persia by Iosafa Barbaro and Ambrogio Contarini*. Translated from the Italian by William Thomas and S. A. Roy, edited, with an introduction, by Lord Stanley of Alderley, London.
- Barbiche, B. 1978. *Sully*. A. Michel, Paris.
- Barker, G., and T. Rasmussen. 1998. *The Etruscans*. Blackwell, Oxford.
- Bartlett, R. 2000. *England under the Norman and Angevin kings: 1075-1225*. Clarendon Press, Oxford, UK.
- Bean, J. M. W. 1991. Landlords. Pages 526-586 in E. Miller, editor. *The agrarian history of England and Wales. Volume III: 1348-1500*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Beard, C. A. 2002. *The Economic Basis of Politics*. Transaction Publishers, New Brunswick .
- Beckett, J. V. 1986. *The aristocracy in England: 1660-1914*. Blackwell, Oxford.
- Beik, W. 1985. *Absolutism and society in seventeenth-century France: State power and provincial aristocracy in Languedoc*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Beik, W. 2005. The absolutism of Louis XIV as social collaboration. *Past and Present* 188:195-224.
- Beloch, J. 1886. *Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*, Leipzig.
- Beloch, J. 1964. *Der Italische bund unter Roms hegemonie*. L'Erma di Bretschneider, Rome.
- Benedict, P. 1975. Catholics and Huguenots in sixteenth-century Rouen: the demographic effects of the religious wars. *French Historical Studies* 9:209-234.
- Benedict, P. 1985. Civil war and natural disaster in Northern France. Pages 84-105 in P. Clark, editor. *The European crisis of the 1590s*. George Allen and Unwin, London.
- Beresford, M. 1967. *New towns of the Middle Ages: Town plantation in England, Wales, and Gascony*. Praeger, New York.
- Berger, R. M. 1993. *The most necessary luxuries: the mercers' company of Coventry, 1550-1680*. Pennsylvania State University Press, University Park. PA.
- Bergman, J. 1983. *Vera Zasulich: A Biography*. Stanford University Press, Stanford.
- Berry, B. J. L. 1991. *Long-Wave Rhythms in Economic Development and Political Behavior*. Johns Hopkins University Press, Baltimore.
- Berthe, M. 1976. *Le Comté de Bigorre: Un Milieu Rural au Bas Moyen Âge*. S.E.V.P.E.N., Paris.

- Betzig, L. L. 1986. *Despotism and Differential Reproduction: A Darwinian View of History*. Aldine, Chicago.
- Bintliff, J., and K. Sbonias, editors. 1999. *Reconstructing past population trends in Mediterranean Europe (3000 BC - AD 1800)*. Oxbow, Oxford.
- Biraben, J.-N. 1975. *Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. Tome I*. Mouton, Paris.
- Bitton, D. 1969. *The French nobility in crisis: 1560-1640*. Stanford University Press, Stanford.
- Blum, J. 1956. Prices in Russia in the Sixteenth Century. *Journal of Economic History* 16: 182-199.
- Bohna, M. L. 2000. Political and criminal violence in fifteenth-century England. Pages 91-104 in R. W. Kaeuper, editor. *Violence in medieval society*. Boydell Press, Woodbridge, Suffolk, UK.
- Bois, G. 1984. *The Crisis of feudalism*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Bois, G. 2000. *La grande dépression médiévale: XIVe-XVe siècles*. Presses Universitaires de France, Paris.
- Bolton, J. L. 1980. *The medieval English economy: 1150-1500*. Rowman & Littlefield, Totowa, NJ.
- Bonney, R. 1999. France, 1494-1815. Pages 123-176 in R. Bonney, editor. *The rise of the fiscal state in Europe, c. 1200-1815*. Oxford University Press, Oxford.
- Borsch, S. J. 2005. *The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study*. University of Texas Press, Austin.
- Boserup, E. 1966. *The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure*. Aldine, Chicago, IL.
- Boserup, E. 1981. *Population and Technological Change: A Study of Long-term Trends*. University of Chicago Press, Chicago.
- Bradley, K. R. 1989. *Slavery and Rebellion in the Roman World, 140 B.C. - 70 B.C.* Indiana University Press, Bloomington, IN.
- Braudel, F. 1988. *The Identity of France. Volume II. People and Production*. Harper Collins, New York.
- Braudel, F., and E. Labrousse. 1977. *Histoire économique et sociale de la France*. Presses Universitaires de France, Paris.
- Brenner, R. 1985a. Agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe. Pages 10-63 in T. H. Aston and C. H. E. Philpin, editors. *The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Brenner, R. 1985b. The agrarian roots of European capitalism. Pages 213-327 in T. H. Aston and C. H. E. Philpin, editors. *The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Briggs, R. 1998. *Early Modern France: 1560-1715*. 2nd edition. Oxford University Press, Oxford, UK.
- Britnell, R. 1997. *The closing of the Middle Ages? England, 1471-1529*. Blackwell, Oxford.
- Britnell, R. H. 1995. Commercialization and economic development in England: 1000-1300. Pages 7-26 in R. H. Britnell and B. M. S. Campbell, editors. *A commercialising economy: England 1086 to c. 1300*. Manchester University Press, Manchester, UK.
- Brooks, C. W. 1989. Interpersonal conflict and social tensions: civil litigation in England, 1640-1830. Pages 357-399 in A. L. Beier, D. Cannadine, and J. M. Rosenheim, editors. *The first modern society*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Brower, I. 1975. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Cornell University Press, Ithaca, NY.

- Brown, I. D. 1971. *A bibliography of coin hoards of Great Britain and Ireland, 1500-1967*. Royal Numismatic Society. Special publication no. 6.
- Brunt, P. A. 1971. *Italian Manpower: 225 BC - AD 14*. Clarendon Press, Oxford, UK.
- Cameron, R. 1989. *A concise economic history of the world: from paleolithic times to the present*. Oxford University Press, New York.
- Campbell, B. M. S. 1981. The population of early Tudor England: a re-evaluation of the 1522 Muster Returns and 1524 and 1525 Lay Subsidies. *Journal of Historical Geography* 7:145-154.
- Campbell, B. M. S. 2005. The agrarian problem in the early fourteenth century. *Past and Present* 188:3-70.
- Carpentier, È., and M. Le Mené. 1996. *La France du XIe au XVe siècle: population, société, économie*. Presses Universitaires de France, Paris.
- Chandler, T. 1987. *Four thousand years of urban growth: an historical census*. St. Gavid's, Lewiston.
- Christiansen, E. 1985. The Roman coins of Alexandria (30 B.C. to A.D. 296). *Coin Hoards* 7:77-140.
- Chu, C. Y. C., and R. D. Lee. 1994. Famine, revolt, and dynastic cycle: population dynamics in historic China. *Journal of Population Economics* 7:351-378.
- CIA. 2002. *The world factbook*. CIA, Washington, DC. URL: <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/docs/history.html>.
- Clark, G. 2007a. *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. Princeton University Press, Princeton.
- Clark, G. 2007b. The long march of history: Farm wages, population, and economic growth, England 1209-1869. *Economic History Review* 60:97-135.
- Clay, C. G. A. 1984a. Economic expansion and social change: England 1500-1700. Volume I. People, land and towns. Cambridge University Press, Cambridge.
- Clay, C. G. A. 1984b. *Economic expansion and social change: England 1500-1700. Volume II. Industry, trade and government*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Cohen, J. E. 1995. *How many people can the Earth support?* W. W. Norton, New York.
- Collins, J. B. 1995. *The state in early modern France*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Collins, R. 1979. *The credential society: an historical sociology of education and stratification*. Academic Press, New York.
- Collins, R. 1993. Maturation of the state-centered theory of revolution and ideology. *Sociological Theory* 11:117-128.
- Contamine, P. 1972. *Guerre, état et société à la fin du Moyen Age. Études sur les armées des rois de France 1337-1494*. Mouton, Paris.
- Contamine, P. 1984. *War in the Middle Ages*. Blackwell, Oxford.
- Contamine, P. 1997. *La noblesse au royaume de France de Philippe le Bel à Louis XII*. Presses Universitaires de France, Paris.
- Cornell, T. J. 1995. *The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c.1000-264 BC)*. Routledge, London.
- Cornwall, J. 1970. English population in the early sixteenth century. *Economic History Review* 23:32-44.
- Coulton, G. G. 1907. *Priests and people before the reformation*. A. Strahan, London.
- Crawford, M. 1993. *The Roman Republic*, 2nd edition. Harvard University Press, Cambridge.
- Crawford, M. H. 1974. *Roman Republican Coinage. Volume II*. Cambridge University Press, Cambridge.
- de Ligt, L. 2004. Poverty and demography: The case of the Gracchan land reforms. *Mnemosyne* 57:725-757.

- Dean, T. 2001. *Crime in Medieval Europe: 1200-1550*. Longman, Harlow, England.
- Denholm-Young, N. 1969. *The country gentry in the fourteenth century*. Clarendon, Oxford.
- Dewald, J. 1980. *The formation of provincial nobility: the magistrates of the Parlement of Rouen, 1499-1610*. Princeton University Press, Princeton.
- Dewald, J. 1987. *Pont-St-Pierre, 1398-1789: Lordship, community, and capitalism in early modern France*. University of California Press, Berkeley.
- Dobb, M. 1963. *Studies in the development of capitalism*. International Publishers, New York.
- Dobson, B. 2001. General survey: 1300-1540. Pages 273-290 in D. M. Pallister, editor. *The Cambridge urban history of Britain. Volume I: 600-1540*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Doyle, W. 1996. *Venality: The sale of offices in eighteenth-century France*. Clarendon, Oxford.
- Duncan-Jones, R. 1974. *The economy of the Roman empire*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Duncan-Jones, R. 1990. *Structure and scale in the Roman economy*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Duncan-Jones, R. 1994. *Money and government in the Roman empire*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Duncan-Jones, R. P. 1996. The impact of the Antonine plague. *Journal of Roman Archaeology* 9:108-136.
- Dunning, C. 1997. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? *Comparative Studies in Society and History* 39:572-592.
- Dunning, C. 1998. The preconditions of modern Russia's first civil war. *Russian History* 25:119-131.
- Dunning, C. S. L. 2001. *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Roman Dynasty*. Pennsylvania State University Press, University Park, PA.
- Dunning, C. S. L. 2004. *A Short History of Russia's First Civil War*. Pennsylvania State University Press, University Park, PA.
- Dupâquier, J., J.-N. Biraben, R. Étienne, C. Pietri, P. Luce, H. Bautier, H. Dubois, A. Higounet-Nadal, C. Klapisch-Zuber, A. Sauvy, and E. Le Roy Ladurie. 1988a. *Histoire de la population française. Volume I. Des origines à la Renaissance*. Presses universitaires de France, Paris.
- Dupâquier, J., J.-N. Biraben, R. Étienne, C. Pietri, P. Luce, H. Bautier, H. Dubois, A. Higounet-Nadal, C. Klapisch-Zuber, A. Sauvy, and E. Le Roy Ladurie. 1988b. *Histoire de la population française. Volume II*. Presses universitaires de France, Paris.
- Duplessy, J. 1985. *Les Trésors Monétaires Médiévaux et Modernes Découverts en France, Vol. I & II*. Bibliothèque Nationale, Paris.
- Dyer, C. 1980. *Lords and peasants in a changing society: The estates of the Bishopric of Worcester, 680-1540*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Dyer, C. 1989. *Standards of living in the later Middle Ages*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Dyer, C. 2000. *Everyday life in Medieval England*. Hambledon and London, London, UK.
- Dyer, C. 2002. *Making a living in the Middle Ages: the people of Britain 850-1520*. Yale University Press, New Haven, CT.
- Earle, T. 1997. *How chiefs came to power: the political economy of prehistory*. Stanford University Press, Stanford, CA.
- Easterlin, R. 1980. *Birth and Fortune*. Basic Books, New York.
- Easterlin, R. A. 1996. *Growth triumphant: the twenty-first century in historical perspective*. University of Michigan Press, Ann Arbor.

- Eisner, M. 2003. Secular trends of violent crime: evidence and theoretical interpretations. *Crime and Justice: an Annual Review* 31.
- ESFDB. 1995. European State Finance Database. Compiled by Richard Bonney., <http://www.le.ac.uk/hi/bon/ESFDB/>.
- Everitt, A. 1967. Farm labourers. Pages 396-465 in J. Thirsk, editor. *The agrarian History of England and Wales. Volume 4: 1500-1640*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Farmer, D. L. 1988. Prices and wages. Pages 716-817 in H. E. Hallam, editor. *The Agrarian History of England and Wales*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Finch, A. J. 1997. The nature of violence in the Middle Ages: an alternative perspective. *Historical Research* 70:249-268.
- Fischer, D. H. 1996. *The great wave: price revolutions and the rhythm of history*. Oxford University Press, New York.
- Fossier, R. 1968. *La terre et les hommes en Picardie jusqu'a la fin du XIIIe siècle*. Béatrice-Nauwelaerts, Paris.
- Fourquin, G. 1964. *Les campagnes de la région parisienne a la fin du Moyen Age*. Presses Universitaires de France, Paris.
- Fourquin, G. 1978. *The anatomy of popular rebellion in the Middle Ages*. North Holland Publishing Company, Amsterdam.
- Frank, T. 1933. *An economic survey of ancient Rome. Volume I: Rome and Italy of the Republic*. John Hopkins University Press, Baltimore.
- Frank, T. 1940. *An economic survey of ancient Rome. Volume V: Rome and Italy of the Empire*. John Hopkins University Press, Baltimore.
- Frier, B. W. 2000. Demography. Pages 787-816 in A. K. Bowman, P. Garnsey, and D. Rathbone, editors. *The Cambridge Ancient History* (2nd edition). *Volume XI: The high empire, A.D. 70-192*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Fryde, E. B. 1991. Peasant rebellion and peasant discontents. Pages 744-819 in E. Miller, editor. *The agrarian history of England and Wales. Volume III: 1348-1500*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Fryde, E. B. 1996. *Peasants and landlords in later Medieval England*. St. Martin's Press, New York.
- Given-Wilson, C. 1987. *The English nobility in the late Middle Ages: the fourteenth-century political community*. Routledge & Kegan Paul, London.
- Goldstein, J. 1988. *Long cycles*. Yale University Press, New Haven, CT.
- Goldstone, J. A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. University of California Press, Berkeley, CA.
- Goldstone, J. A., editor. 1998. *The encyclopedia of political revolutions*. Congressional Quarterly, Washington.
- Goldstone, J. A. 2002a. Population and security: how demographic change can lead to violent conflict. *Journal of International Affairs* 56:3-21.
- Goldstone, J. A. 2002b. *Revolution: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*, 3rd ed. Wadsworth, Fort Worth.
- Goldstone, J. A. 2008. *The Social Origins of the French Revolution Revisited*. Rutgers. NJ.
- Gray, H. L. 1934. Incomes from land in England in 1436. *English History Review* 49:607-631.
- Greenberg, J. 2003. Plagued by doubt: reconsidering the impact of a mortality crisis in the 2nd c. A.D. *Journal of Roman Archaeology* 16:413-425.
- Greene, K. 1986. *The archaeology of the Roman economy*. University of California Press, Berkeley, CA.
- Greengrass, M. 1985. The later wars of religion in the French Midi. Pages 106-134 in P. Clark, editor. *The European crisis of the 1590s*. George Allen and Unwin, London.

- Grigg, D. 1980. *Population growth and agrarian change*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Grigg, D. 1989. *English agriculture: an historical perspective*. Blackwell, Oxford, UK.
- Griziotti-Kretschmann, J. 1935. *Il problema del trend secolare nelle fluttuazioni dei prezzi*. Universita di Pavia, Pavia.
- Guérin, I. 1960. *La vie rurale en Sologne aux XIVe et XVe siècles*. Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris.
- Gurr, T. R. 1980. *Handbook of political conflict*. Free Press, New York.
- Hallam, E. M., and J. Everard. 2001. *Capetian France: 987-1328*. 2nd edition. Longman, Harlow, England.
- Hallam, H. E. 1988a. The life of people. Pages 818-853 in J. Thirsk, editor. *The Agrarian History of England and Wales. Volume II: 1042-1350*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hallam, H. E. 1988b. Population movements in England, 1086-1350. Pages 508-593 in J. Thirsk, editor. *The agrarian hisotry of England and Wales. Volume II: 1042-1350*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hammond, M. 1957. Composition of the senate, A.D. 68-235. *Journal of Roman Studies* 47:75-81.
- Hanawalt, B. A. 1976. Violent death in fourteenth and early fifteenth century England. *Journal of Comparative Studies in Society and History* 18:297-320.
- Hanawalt, B. A. 1979. *Crime and conflict in English communities: 1300-1348*. Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Harding, R. R. 1978. *Anatomy of a power elite: the provincial governors of early modern France*. Yale University Press, New Haven.
- Harl, K. W. 1996. *Coinage in the Roman economy, 300 B.C. to A.D. 700*. Johns Hopkins University Press, Baltimore.
- Harvey, P. D. A. 1973. The English inflation of 1180-1220. *Past and Present* 61:3-30.
- Harvey, S. 1976. The knight and knight's fee in England. Pages 133-173 in R. H. Hilton, editor. *Peasants, knights, and heretics: studies in medieval English social history*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Harvey, S. 1988. Domesday England. Pages 45-136 in J. Thirsk, editor. *The agrarian history of England and Wales. Volume II: 1042-1350*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Hatcher, J. 1977. *Plague, population and the English economy: 1348-1530*. Macmillan, London, UK.
- Hatcher, J. 1996. The great slump of the mid-fifteenth century. Pages 237-272 in R. Britnell and J. Hatcher, editors. *Progress and problems in medieval England: Essays in honour of Edward Miller*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Hatcher, J., and M. Bailey. 2001. *Modelling the Middle Ages: The History and Theory of England's Economic Development*. Oxford University Press, Oxford.
- Heal, F., and C. Holmes. 1994. *The gentry of England and Wales*. Stanford University Press, Stanford, CA.
- Henneman, J. B. 1996. *Olivier de Clisson and political society of France under Charles V and Charles VI*. University of Pennsylvania, Philadelphia.
- Henneman, J. B. 1999. France in the Middle Ages. Pages 101-122 in R. Bonney, editor. *The rise of the fiscal state in Europe, c. 1200-1815*. Oxford University Press, Oxford.
- Hill, C. 1982. *The century of revolution: 1603-1714*. W. W. Norton, New York.
- Hilton, R. H. 1966. *A medieval society: the West Midlands at the end of the thirteenth century*. Weidenfeld and Nicolson, London.

- Hilton, R. H. 1985. Introduction. Pages 1-9 in T. H. Aston and C. H. E. Philpin, editors. *The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Hobsbawm, E. J. 1962. *The Age of Revolution, 1789-1848*. New American Library, New York.
- Hollingsworth, T. H. 1964. The demography of the British peerage. *Population Studies*, Supplement no. 2 18.
- Hollingsworth, T. H. 1969. *Historical demography*. Cornell University Press, Ithaca, NY.
- Hopkins, K. 1978. *Conquerors and slaves: Sociological studies in Roman history*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Hopkins, K. 1983. *Death and renewal: Sociological studies in Roman history*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hoskins, W. G. 1976. *The age of plunder: King Henry's England: 1500-1547*. Longman, London.
- Hughes, A. 1991. *The causes of the English civil war*. St. Martin's Press, New York.
- Ibn Khaldun. 1958. *The Muqaddimah: An Introduction to History*. Translated from the Arabic by Franz Rosenthal. Pantheon Books, New York.
- Ilisch, P. 1980. *Münzfunde und Geldumlauf in Westfalen in Mittelalter und Neuzeit*. Aschen-dorff, Münster.
- Inayatullah, S. 1997. Ibn Khaldun: The strengthening and weakening of asabiya. Pages 25-32 in J. Galtung and S. Inayatullah, editors. *Macrohistory and macrohistorians*. Praeger, Westport, CT.
- Jessopp, A. 1892. *The coming of the friars*. Putnam, New York.
- Johnson, A. W., and T. Earle. 2000. *The evolution of human societies: from foraging group to agrarian state*, 2nd edition. Stanford University Press, Stanford, CA.
- Jones, W. R. D. 1973. *The mid-Tudor Crisis (1539-1563)*. Barnes & Noble, NY.
- Jongman, W. 1988. *The economy and society of Pompeii*. Gieben, Amsterdam.
- Jongman, W. 2003. Slavery and the growth of Rome: the transformation of Italy in the second and first centuries B C E. Pages 100-122 in C. Edwards and G. Woolf, editors. *Rome the cosmopolis*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Kaeuper, R. W. 1988. *War, justice, and public order: England and France in the later Middle Ages*. Clarendon Press, Oxford.
- Kamen, H. 1971. *The iron century: social change in Europe in 1550-1660*. Weidenfeld and Nicholson, London.
- Kanzaka, J. 2002. Villein rents in thirteenth-century England: an analysis of the Hundred Rolls of 1279-1280. *Economic History Review* 55:593-618.
- Keene, D. 2001. London from the post-Roman period to 1300. Pages 187-216 in D. M. Pallister, editor. *The Cambridge urban history of Britain. Volume I: 600-1540*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Keep, J. L. H. 1963. *The rise of social democracy in Russia*. Clarendon Press, Oxford.
- Kerridge, E. 1953. The movement of rent: 1540-1640. *Economic History Review* 6:16-34.
- King, E. 1979. *England: 1175-1425*. Charles Scribner's Sons, New York.
- King, P. 1971. *The development of the English economy to 1750*. MacDonald and Evans, London.
- Kiser, E., and A. Linton. 2001. Determinants of the Growth of the State: War and Taxation in Early Modern France and England. *Social Forces* 80:411-448.
- Kishlansky, M. 1997. *A Monarchy Transformed: Britain, 1603-1714*. Penguin, New York.
- Knecht, R. J. 2001. *The rise and fall of renaissance France: 1483-1610*. 2nd edition. Blackwell, Oxford.

- Koepke, N., and J. Baten. 2005. The biological standard of living in Europe during the last two millennia. *European Review of Economic History* 9:61-95.
- Kollmann, N. S. 1999. *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. Cornell University Press, Ithaca.
- Komlos, J. 1990. Nutrition, Population Growth, and the Industrial Revolution in England. *Social Science History* 14:69-91.
- Kondratieff, N. 1984. *The long wave cycle*. Richardson & Snyder, New York.
- Kosminsky, E. A. 1956. *Studies in the agrarian history of England in the thirteenth century*. Oxford University Press, Oxford.
- Labatut, J.-P. 1972. *Les Ducs et Paires de France au XVIIe Siècle*. Presses Universitaires de France, Paris.
- Lander, J. R. 1976. *Crown and nobility: 1450-1509*. McGill-Queen's University Press, Montreal, CA.
- Langdon, J., and J. Masschaele. 2006. Commercial activity and population growth in Medieval England. *Past and Present* 190:35-81.
- Le Glay, M., J.-L. Voisin, Y. Le Bohec, and D. Cherry. 1997. *A history of Rome*. Blackwell, Oxford, UK.
- Le Roy Ladurie, E. 1974. *The Peasants of Languedoc*. University of Illinois Press, Urbana.
- Le Roy Ladurie, E. 1987. *The French peasantry: 1450-1660*. University of California Press, Berkeley, CA.
- Le Roy Ladurie, E. 1994. *The royal French state: 1460-1610*. Blackwell, Oxford.
- Le Roy Ladurie, E., and J. Goy. 1982. *Tithe and agrarian history from the fourteenth to the nineteenth centuries: an essay in comparative history*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Lee, J. S. 1931. The periodic recurrence of intracine wars in China. *The China Journal* (1931: March-April):111-163.
- Lee, R. D. 1986. Malthus and Boserup: a dynamic synthesis. in D. Coleman and R. S. Schofield, editors. *The state of population theory: forward from Malthus*. Blackwell, Oxford, UK.
- Lewit, T. 1991. *Agricultural productivity in the Roman economy A.D. 200-400*. Tempus Reparaturm, Oxford, UK.
- Li, R. S. K. 2002. Alternative routes to state breakdown: towards an integrated model of territorial disintegration. *Sociological Theory* 20:1-23.
- Lindert, P. H., and J. G. Williamson. 1982. Revising England's social tables 1688-1812. *Explorations in Economic History* 19:385-408.
- Lo Cascio, E. 1994. The size of the Roman population: Beloch and the meaning of Augustan census figures. *Journal of Roman Studies* 84:23-40.
- Loades, D. M. 1999. *Politics and the nation: England 1450-1660*. Blackwell, Oxford.
- Lorcin, M.-T. 1974. *Les Campagnes de la région lyonnaise aux XIVe et XVe siècles*. Imprimerie BOSCO, Lyon.
- Lorcin, M.-T. 1981. *Vivre et mourir en Lyonnais à la fin du Moyen Age*. Editions du CNRS, Paris.
- Macunovich, D. J. 2002. *Birth Quake: The Baby Boom and Its Aftershocks*. University of Chicago Press, Chicago.
- Madge, S. J. 1938. *The Domesday of crown lands: a study of the legislation, surveys, and sales of royal estates under the Commonwealth*. Routledge, London.
- Major, J. R. 1981. Noble income, inflation, and the Wars of Religion in France. *American historical review* 86:21-48.
- Major, J. R. 1993. *From Renaissance Monarchy to Absolute Monarchy*. Johns Hopkins University Press, Baltimore.

- Malthus, T. R. 1798. *An essay on the principle of population*. J. Johnson, London.
- Matusiak, J. 2005. Mid-Tudor England: Years of Trauma and Survival. *History Review* 52:31-36.
- McFarlane, K. B. 1973. *The nobility of later medieval England*. Clarendon Press, Oxford.
- Mertes, K. 1988. *The English noble household: 1250-1600*. Blackwell, Oxford, UK.
- Merton, R. K. 1968. The Matthew Effect in science. *Science* 159:56-63.
- Meskill, J., editor. 1965. *The pattern of Chinese history: cycles, development, or stagnation?* D. C. Heath, Lexington, MA.
- Miller, D. 1989. Monumental building as indicator of economic trends in Northern Rus' in the later Kievan and Mongol periods, 1138-1462. *American historical review* 9.
- Miller, E., and J. Hatcher. 1978. *Medieval England: Rural society and economic change, 1086-1348*. Longman, London.
- Mingay, G. E. 1976. *The gentry: the rise and fall of a ruling class*. Longman, London.
- Mironov, B. N. 1985. In search of hidden information. *Social Science History* 9:339-359.
- Mironov, B. N. 1992. Consequences of the price revolution in eighteenth-century Russia. *Economic History Review* 45:457-478.
- Mironov, B. N. 2000. *A social history of Imperial Russia, 1700-1917*. Westview Press, Boulder, CO.
- Mitchell, R. E. 1990. *Patricians and plebeians: the origin of the Roman state*. Cornell University Press, Ithaca.
- Moorman, J. R. H. 1946. *Church life in England in the thirteenth century*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Morley, N. 1996. *Metropolis and hinterland: The city of Rome and the Italian economy, 200 B.C.-A.D. 200*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Morley, N. 2001. The transformation of Italy, 225-28 B.C. *Journal of Roman Studies* 91:50-62.
- Morris, I. 2005. *The collapse and regeneration of complex society in Greece, 1500-500 BC*. Princeton/Stanford Working Papers in Classics. Working Paper 120510 (Version 1.0, December 2005), Princeton University.
- Morris, R. 1979. *Cathedrals and abbeys of England and Wales: the building church, 600-1540*. 1st American edition. W.W. Norton, New York.
- Mortimer, R. 1994. *Angevin England: 1154-1258*. Blackwell, Oxford, UK.
- Mougel, F. 1971. La Fortune des Princes de Bourbon-Conty, revenus et gestion (1655-1791). *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 18:30-49.
- Nohejllova-Pratova, E. 1955. *Nalezy Minci v Cechach, na Morave a ve Slezsku*. Ceskoslovenska Akademie Ved, Praha.
- Orlea, M. 1980. *La Noblesse aux États Généraux de 1576 et de 1588*. Presses Universitaires de France, Paris.
- Ormrod, W. M. 1990. *The reign of Edward III: Crown and political society in England 1327-1377*. Yale University Press, New Haven, CT.
- Ormrod, W. M. 1999. England in the Middle Ages. Pages 19-52 in R. Bonney, editor. *The rise of the fiscal state in Europe, c.1200-1815*. Oxford University Press, Oxford, UK.
- Overton, M. 1996. *Agricultural revolution in England*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Painter, S. 1943. *Studies in the history of the English feudal barony*. Johns Hopkins Press, Baltimore.
- Parsons, J. 2005. Population control and politics. *Population and Environment* 12:355-377.
- Pearl, R., and L. J. Reed. 1920. On the rate of growth of the population of the United States since 1790 and its mathematical representation. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 6:275-288.

- Perroy, E. 1962. Social mobility among the French *noblesse* in the later Middle Ages. *Past and Present* 21:25-38.
- Perroy, E. 1965. *The Hundred Years War*. Capricorn, New York.
- Phelps-Brown, E. H., and S. Hopkins. 1955. Seven centuries of building wages. *Economica* 22.
- Phythian-Adams, C. 1979. *Desolation of a city: Coventry and the urban crisis of the late Middle Ages*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Pollard, A. J. 2000. *Late Medieval England: 1399-1509*. Longman, Harlow, UK.
- Poos, L. 2004. *Rural Society after the Black Death: Essex 1350-1525*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Poos, L. R. 1985. The rural population of Essex in the later middle ages. *Economic History Review* 38:515-530.
- Popper, K. R. 1957. *The poverty of historicism*. Routledge and Kegan Paul, London.
- Postan, M. M. 1966. Medieval agrarian society in its prime: England. in M. M. Postan, editor. *Cambridge Economic History. Vol. I*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Postan, M. M. 1973. *Essays on medieval agriculture and general problems of the medieval economy*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Postan, M. M., and J. Hatcher. 1985. Population and class relations in feudal society. Pages 64-78 in T. H. Aston and C. H. E. Philpin, editors. *The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Powicke, M. R. 1962. *Military Obligation in Medieval England*. Oxford University Press, Oxford.
- Pugh, T. B. 1972. The magnates, knights and gentry. Pages 86-128 in S. B. Chrimes, C. D. Ross, and R. A. Griffiths, editors. *Fifteenth-century England: 1399-1509*. Manchester University Press, Manchester, UK.
- Raaflaub, K. A., editor. 1986. *Social struggles in Archaic Rome: New perspectives on the conflict of orders*. University of California Press, Berkeley.
- Raban, S. 2000. *England under Edward I and Edward II: 1259-1327*. Blackwell, Oxford, UK.
- Ramsay, J. H. 1925. *A History of the Revenues of the Kings of England, 1066-1399*. Oxford University Press, Oxford.
- Reed, F. E. 1996. *CENTENNIA for Windows*. Clockwork Software Inc., Chicago, IL.
- Reinhard, M. R., A. Armengaud, and J. Dupaquier. 1968. *Histoire Générale de la Population Mondiale*. Editions Montchrestien, Paris.
- Reischauer, E. O. 1960. The dynastic cycle. Pages 114-118 in E. O. Reischauer and J. K. Fairbank, editors. *East Asia: the great tradition*. Houghton Mifflin, Boston.
- Riazanovsky, N. V. 2000. *A history of Russia*. 6th edition. Oxford University Press, New York, NY.
- Ricardo, D. 1817. *On the principles of political economy and taxation*. John Murray, London.
- Richardson, L. 1992. *A new topographical dictionary of ancient Rome*. Johns Hopkins University Press, Baltimore.
- Robbins, R. G. 1975. *Famine in Russia: 1891-1892*. Columbia University Press, New York.
- Robertson, A. S. 2000. *An Inventory of Romano-British Coin Hoards*. Royal Numismatic Society Special Publication 20, London.
- Roche, D. 1967. Aperçus sur la fortune et les revenus des princes de Condé à l'aube du XVIIIe siècle. *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 14:216-243.
- Romano, R. 1967. *I prezzi in Europa dal XIII secolo a oggi*. Giulio Einaudi, Torino.
- Rosenstein, N. 2002. Marriage and manpower in the Hannibalic War: Assidui, proletarii and Livy 24.18.7-8. *Historia* 51:163-191.

- Rosenstein, N. 2004. *Rome at War: Farms, Families, and Death in the Middle Republic*. University of North Carolina Press, Chapel Hill.
- Rostow, W. W. 1990. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Roth, R. 2001. Homicide in early modern England 1549-1800: the need for a quantitative synthesis. *Crime, History and Societies* 5:33-67.
- Russell, C. 1990. *The Causes of the English Civil War*. Oxford University Press, Oxford.
- Russell, J. C. 1948. *British Medieval population*. University of New Mexico Press, Albuquerque, NM.
- Saller, R. 2000. Status and Patronage. Pages 817-854 in A. K. Bowman, P. Garnsey, and D. Rathbone, editors. *The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. XI*. Cambridge University Press, New York.
- Salmon, J. H. M. 1976. *Society in crisis: France in the sixteenth century*. St. Martin's Press, New York.
- Saul, N. 1981. *Knights and esquires: the Gloucestershire gentry in the fourteenth century*. Clarendon Press, Oxford, UK.
- Schalk, E. 1982. Ennoblement in France from 1350 to 1660. *Journal of Social History* 16:101-110.
- Scheidel, W., editor. 2001a. *Debating Roman demography*. Brill, Leiden, Netherlands.
- Scheidel, W. 2001b. Progress and problems in Roman demography. Pages 1-81 in W. Scheidel, editor. *Debating Roman demography*. Brill, Leiden, Netherlands.
- Scheidel, W. 2002. A model of demographic and economic change in Roman Egypt after the Antonine plague. *Journal of Roman Archaeology* 15:97-114.
- Scheidel, W. 2004. Human Mobility in Roman Italy, I: The Free Population. *Journal of Roman Studies* 94:1-26.
- Scheidel, W. 2005. Human Mobility in Roman Italy, II: The Slave Population. *Journal of Roman Studies* 95:64-79.
- Scheidel, W. 2007. A model of real income growth in Roman Italy. *Historia* 56:322-346.
- Schlesinger, A. M. J. 1986. *The cycles of American history*. Houghton Mifflin, Boston.
- Scott, S., and C. Duncan, J. 2001. *Biology of plagues: evidence from historical populations*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Seward, D. 1978. *The Hundred Years War: the English in France, 1337-1453*. Atheneum, New York.
- Shatzman, I. 1975. *Senatorial wealth and Roman politics*. Latomus, Brussels.
- Simiand, F. 1932. *Les fluctuations économiques à longue période et la crise mondiale*. Félix Alcan, Paris.
- Skocpol, T. 1979. *States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Sorokin, P. A. 1937. *Social and cultural dynamics. Vol. III. Fluctuations of social relationships, war, and revolution*. American Book Company, New York.
- Stearns, P. N. 2001. *The encyclopedia of world history, 6th edition*. Houghton Mifflin, Boston.
- Steckel, R. H. 2004. New light on the "Dark Ages": The remarkably tall stature of northern European men during the Medieval era. *Social Science History* 28:211-229.
- Stone, L. 1965. *The crisis of aristocracy: 1558-1641*. Clarendon Press, Oxford.
- Stone, L. 1972. *The Causes of the English Revolution: 1529-1642*. Harper and Row, New York.
- Stone, L. 1976. Social mobility in England, 1500-1700. Pages 26-71 in P. S. Seaver, editor. *Seventeenth-century England: society in an age of revolution*. New Viewpoints, New York.

- Stone, L., and J. C. F. Stone. 1984. *An open elite? England 1540-1880*. Clarendon Press, Oxford.
- Storey, R. L. 1966. *The end of the house of Lancaster*. Stein and Day, New York.
- Sumption, J. 1991. *The Hundred Years War: Trial by Battle*. University of Pennsylvania Press, Philadelphia.
- Sweezy, P., M. Dobb, K. Takahashi, R. Hilton, C. Hill, G. Lefebvre, G. Procacci, E. Hobsbawm, and J. Merrington. 1976. *The transition from feudalism to capitalism*. NLB, London.
- Taagepera, R. 1979. Size and duration of empires: growth-decline curves, 600 B.C. to 600 A.D. *Social Science History* 3:115-138.
- Thirsk, J., editor. 1967. *The agrarian history of England and Wales*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Thompson, J. D. A. 1956. *Inventory of British Coin Hoards: A.D. 600-1500*. Royal Numismatic Society, Oxford.
- Thomson, J. A. F. 1983. *The transformation of Medieval England*. Longman, London.
- Thorold Rogers, J. E. 1862. *A History of Agriculture and Prices in England, 7 vols*. Clarendon Press, Oxford.
- Tignor, R., J. Adelman, S. Aron, S. Kotkin, S. Marchand, G. Prakash, and M. Tsin. 2002. *Worlds Together, Worlds Apart: A History of the Modern World from the Mongol Empire to the Present*. W. W. Norton, New York.
- Tihomirov, M. N. 1962. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. Изд. АН СССР, М.
- Tilly, C. 1993. *European revolutions: 1492-1992*. Blackwell, Oxford, UK.
- Titow, J. Z. 1961. Some evidence of the thirteenth century population increase. *Economic History Review* 14:218-224.
- Toynbee, A. J. 1965. *Hannibal's legacy: The Hannibalic War's effects on Roman life*. Oxford University Press, London.
- Tuchman, B. W. 1978. *A distant mirror: the calamitous fourteenth century*. 1st edition. Knopf, New York.
- Turchin, P. 2003a. *Complex Population Dynamics: A Theoretical/Empirical Synthesis*. Princeton University Press, Princeton, NJ.
- Turchin, P. 2003b. *Historical dynamics: why states rise and fall*. Princeton University Press, Princeton, NJ.
- Turchin, P. 2005. Dynamical feedbacks between population growth and sociopolitical instability in agrarian states. *Structure and Dynamics* 1(1):Article 3.
- Turchin, P. 2006. *War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations*. Pi Press, NY.
- Turchin, P. 2008. Modeling periodic waves of integration in the Afro-Eurasian world-system. Pages 163-191 in G. Modelski, T. Devezas, and W. R. Thompson, editors. *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*. Routledge, London.
- Turchin, P., and T. D. Hall. 2003. Spatial synchrony among and within world-systems: insights from theoretical ecology. *Journal of World Systems Research* 9:37-64.
- Usher, D. 1989. The dynastic cycle and the stationary state. *American Economic Review* 79:1031-1044.
- Vale, M. G. A. 1986. Seigneurial fortification and private war in later medieval Gascony. Pages 133-149 in M. Jones, editor. *Gentry and lesser nobility in late medieval Europe*. St. Martin's Press, New York.
- Von Ungern-Sternberg, J. 1986. The end of the Conflict of the Orders. Pages 353-377 in K. A. Raaflaub, editor. *Social struggles in archaic Rome: New perspectives on the Conflict of the Orders*. University of California Press, Berkeley.

- Ward, A. M., F. M. Heichelheim, and C. A. Yeo. 2003. *A history of the Roman people*. 4th edition. Prentice Hall, Upper Saddle River, NJ.
- Warmington, A. R. 1997. *Civil War, Interregnum and Restoration in Gloucestershire*. Boydell Press, Woodbridge, Suffolk.
- Weary, W. A. 1977. The house of La Tremoille fifteenth through eighteenth centuries: change and adaptation in a French noble family. *Journal of Modern History* 46:D1001-D1038.
- Wells, C. M. 1992. *The Roman Empire*. 2nd edition. Harvard University Press, Cambridge.
- Wheatcroft, S. 1991. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia. Pages 128-172 in E. Kingston-Mann and T. Mixer, editors. *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia*. Princeton University Press, Princeton.
- White, G. J. 2000. *Restoration and reform, 1153-1165: recovery from civil war in England*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wickham-Crowley, T. P. 1997. Structural theories of revolution. Pages 38-72 in J. Foran, editor. *Theorizing revolutions*. Routledge, London.
- Wickham, C. 1981. *Early medieval Italy: Central power and local society, 400-1000*. Macmillan, London.
- Williams, P. 1995. *The later Tudors: England, 1547-1603*. Clarendon Press, Oxford.
- Wood, J. B. 1980. *The nobility of the élection of Bayeux, 1463-1666*. Princeton University Press, Princeton, NJ.
- Wood, J. W. 1998. A theory of preindustrial population dynamics (with discussion). *Current Anthropology* 39:99-135.
- Wright, N. 1998. *Knights and peasants: The Hundred Years war in the French countryside*. Boydell Press, Rochester, NY.
- Wrigley, E. A., R. S. Davis, J. E. Oeppen, and R. S. Schofield. 1997. *English population history from family reconstruction: 1580-1837*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wrigley, E. A., and R. S. Schofield. 1981. *The Population History of England: 1541-1871: a Reconstruction*. Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Юшко, А. А. 1991. Московская земля IX-XIV вв. Наука, М.
- Zelener, Y. 2003. *Smallpox and the disintegration of the Roman economy after 165 AD (Roman Empire)*. Ph.D. dissertation, Columbia University.
- Zhao, W., and S. Z. Xie. 1988. *Zhongguo ren kou shi: China Population History (in Chinese)*. People's Publisher, Peking.
- АИСЗР. 1971. *Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV-начало XVI века*. Наука, Л.
- АИСЗР. 1974. *Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины*. Наука, Л.
- АИСЗР. 1978. *Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада*. Наука, Л.
- АИСЗР. 1989. *Аграрная история Северо-Запада России XVII века*. Наука, Л.
- Алефиренко, П. К. 1958. *Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50-х годах XVIII века*. Изд. АН СССР, М.
- Беляев, И. Д. 1903. *Крестьяне на Руси*. Изд. ГПЕБ, М., 1903.
- Белоусов, Р. А. 2000. Государственный бюджет дореволюционной России. С 357-399 в А. Виноградов, ред. *Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд*. РОССПЭН, М., 2000.
- Бернадский, В. Н. 1961. *Новгород и Новгородская земля в XV веке*. Изд. АН СССР, М.-Л.

- Бовыкин, В. И., ред. 1981. *Рабочий класс в первой российской революции 1905-1907 гг.* Наука, М.
- Брусиллов, А. 2001. *Мои воспоминания.* РОССПЭН, М.
- Буссов, К. 1961. *Московская хроника. 1584-1615.* Изд. АН СССР, М.- Л., 1961.
- Данилов, В. П. 1992. О характере аграрной эволюции России после 1861. С. 53-63 в М. А. Безнин, ред. *Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1.* Изд. Вологодского пединститута, Вологда.
- Данилова, Л. В. 1970. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России. С. 130-140 в *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965.* Изд. МГУ, М.
- Дегтярев, А. Я. 1980. *Русская деревня в XV-XVII веках. Очерки истории сельского расселения.* Изд. ЛГУ. Л.
- Дружинин Н. М. *Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1.* Изд. АН СССР, М.
- Дубровский, С. М. 1956. *Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг.* Изд. АН СССР, М.
- Дубровский, С. М. 1963. *Сталинская аграрная реформа.* Изд. АН СССР, М.
- Дурново П. Н. 1922. Записка. *Красная новь*. 6: 195-197.
- Гаврилов, Л. М. 1991. Русская армия накануне Февральской революции. *Исторические записки* 114:48-72.
- Ганелин, Р. Ш. 1991. *Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция.* Наука, СПб.
- Герберштейн, С. 1988. *Записки о Московии.* Изд. МГУ, М.
- Гернет, М.Н. Гольдовский, О.Б. Сахаров, И.Н. 1907. *Против смертной казни.* Изд. Сытина, М.
- Гинев, В. М. 1986. Блестящая плеяда. С.5-53 в С. С. Волк, ред. *Революционеры 1870-х годов.* Лениздат, Л.
- Гинев, В. Н. и Цамутали, А. Н. 1989. В борьбе за свободу. С. 4-43 в С. С. Волк, ред. *«Народная воля» и « Черный передел».* Лениздат, Л.
- Гохленер, В.М. 1955. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции. *Исторические записки* 52: 186-233.
- Голос. 1916. *Голос минувшего* 5-6: 5.
- Горфункель, А. Х 1962.. К вопросу об историческом значении Крестьянской войны начала XVII века. *История СССР* 4: 112-118.
- Готье, Ю. А. 1937. *Замосковский край в XVI веке.* Соцегиз, М.
- Валуев, А. П. 1958. О внутреннем состоянии России. *Исторический архив* 1: 141-143.
- Валуев, А. П. 1961. *Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел (1861-1864).* Изд. АН СССР. М.
- Важинский, В. М. 1963. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века. *Ученые записки Московского областного педагогического института* 127: 3-30.
- Важинский, В. М. 1983. *Сельское хозяйство в черноземном центре России в XVII веке.* Изд. ВГПИ, Воронеж.
- Веселовский, С. 1916. *Сошное письмо. Т. 2.* М.
- Водарский, Я. Е. 1966. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. С. 271-296 в В. И. Шунков, ред. *Города феодальной России.* Наука, М.
- Водарский Я. Е. 1973. *Население России за 400 лет (XVI - начало XX вв).* Просвещение, М.
- Водарский Я. Е. 1977. *Население России в конце XVII-начале XVIII века.* Наука, М.

- Водарский Я. Е. 1988. *Дворянское землевладение в России в XVII - первой половине XIX в.* Наука, М.
- Волков С. И. 1959. *Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30-70-е годы).* Изд. АН СССР, М.
- Воробьев, В. М., Дегтярев, А. Я. 1986. *Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца петровских реформ.* Изд. ЛГУ, Л.
- Зайончковский, А. 1938. *Мировая война 1914-1918 гг. Т. II.* Госполитиздат, М.
- Зайончковский П. А. 1963. *Отмена крепостного права в России.* Госполитиздат, М.
- Зимин А. А. 1960. *Реформы Ивана Грозного.* Изд. социально-экономической литературы, М.
- Зимин А. А. 1972. *Россия на пороге Нового Времени.* Наука, М.
- Ивина, Л. И. 1985. *Внутреннее освоение земель в России в XVI в.* Наука, Л.
- Изюмова, С. А. 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. *Материалы и исследования по археологии СССР* 65 :192-199.
- Индова, Е. И. 1964. *Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века.* Наука, М.
- История крестьянства, 1990. *История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2.* Наука, М., 1990.
- История крестьянства, 1994. *История крестьянства Северо-Запада России.* Наука, СПб.
- Итенберг, Б. С. 1965. *Движение революционного народничества.* Наука, М.
- Кабузан, В. М. 1963. *Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX в.* Изд АН СССР, М.
- Кабузан, В. М. 1971. *Изменения в размещении населения России в XVIII- первой половине XIX в.* Наука, М.
- Кабузан, В. М., Троицкий С. М. 1971. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1851 гг. *История СССР* 4: 153-159.
- Каменский, А. Б. 1999. *От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века.* Рос. гос. гум. ун-т., М.
- Катков, Г. М. 1997. *Февральская революция. Русский путь,* М.
- Кириянов, Ю. В. 1993. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914-февраль 1917 г.). *Отечественная история* 3: 3-18.
- Ключевский, В. О. 1991. *Сказания иностранцев о Московском государстве.* Прометей, М.
- Кобрин, В. Б. 1980. Становление поместной системы. *Исторические записки* 105: 150-195.
- Ковальченко, И. Д. 1959. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX века. *История СССР* 1: 53-86.
- Ковальченко, И. Д. 1967. *Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.* Изд. МГУ, М.
- Ковальченко И. Д., Милов Л. В. 1974. *Всероссийский аграрный рынок. XVIII-начало XX века.* Наука, М., 1974.
- Коковцов, В. Н. 1992. *Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн.1.* Наука, М.
- Колесников, С. П. 1976. *Северная деревня в XV- второй половине XIX века.* Северо-западное изд., Вологда.
- Колычева, Е. И. 1987. *Аграрный строй России XVI века.* Наука, М.
- Кондратьев Н. Д. 1991. *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции.* Наука, М.
- Конецкий, В. Я. 1992. К истории сельского расселения и хозяйства в долине реки Ловать в эпоху средневековья. *Новгород и новгородская земля:* 6: 38-44.

- Коновалов, А. А. 1966 . Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания. *Советская археология* 2: 61-74.
- Копанев, А. И. 1959. Население Русского государства в XVI в. *Исторические записки* 64: 237-244.
- Корелин, А. П. 1979. *Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг.* Наука, М.
- Корецкий, В. И. 1970. *Закрепощение крестьян и классовая борьба в России.* Наука, М.
- Корецкий, В. И. 1975. *Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России.* Наука, М.
- Коротчаев, А. В. Малков, А. С. Халтурина, Д. А.. 2005. *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны.* КомКнига, М.
- Крижанич, Ю. 1997. *Политика.* Новый свет, М.
- Лейкина-Свирская, В. Р. 1971. *Интеллигенция в России во второй половине XIX века.* Мысль, М.
- Леонов, М. И. 1987. Численность и состав партии эсеров в 1905 и 1907 гг. С. 49-95 в П. П. Корелин, ред. *Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ.* Изд. АН СССР, М.
- Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. 1990. *Революция и хлеб.* Мысль, М.
- Литвак, Б. Г. 1967. *Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в.* Наука, М.
- Лосицкий, А. Е., ред. 1918. *Урожай хлебов в России в 1917 г.* Изд. Моск. обл. прод. комитета, М.
- Лурье, Ю. С. 1994. *Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства.* Дмитрий Буланин, СПб.
- Маньков, А. Г. 1951. *Цены и их движение в Русском государстве XVI века.* Изд. АН СССР, М.-Л.
- Милоков, П. Н. 1990. *Воспоминания. Т. I.* Современник, М.
- Милов, Л. В. 1998. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.* РОССПЭН, М.
- Миронов, Б. Н. 1985. *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.).* Наука, Л.
- Миронов, Б. Н. 1990. *Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие.* Наука, Л.
- Миронов, Б. Н. 2002. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века. *Отечественная история.* 2: 30-43.
- Миронов Б. Н. 2004. Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII веке *Отечественная история* 6:17-30.
- Начало, 1955. *Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года.* Изд. АН СССР, М.
- Нефедов, С. А. 2006. 1905 год: революция в контексте вестернизации. *Уральский исторический вестник* 15:35-46.
- Нефедов, С. А. 1999. *Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории доиндустриального общества.* Дисс... канд. ист. н. Екатеринбург.
- Нефедов, С. А. 2002. О демографических циклах в истории средневековой Руси. *Клио* 3:193-203.
- Нефедов, С. А. 2003. О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века. *Отечественная история* 5: 63-72.

- Нефедов, С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Изд. УГГУ, Екатеринбург.
- Нефедов, С. А. 2009. *Аграрные и демографические итоги русской революции*. УГГУ, Екатеринбург.
- Нифонтов, А. 1973. *Зерновое производство в России во второй половине XIX века*. Наука, М.
- Никольский, Р. 1910. *Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века. Т. I. Вып. 2*. СПб.
- Новосельский А. Л. 1945. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. *Исторические записки* 16: 40-49.
- Обухов, В. М. 1927. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг. С. 1-160 в В. Г. Громан, ред. *Влияние неурожая на народное хозяйство России*. Институт экономики, М., 1927.
- Ольденбург, С. С. 1992. *Царствование императора Николая II*. Тарра, М.
- Олеарий, А. 1980. Описание путешествия в Московию. С. 287-470 в Я. А. Лимонов, ред. *Россия глазами иностранцев*. Лениздат, Л.
- Палицын, А. 1955. *Сказание Авраамия Палицына*. Изд. АН СССР, М.-Л.
- Погребинский, А. П. 1953. *Очерки истории финансов дореволюционной России*. Госиздат, М.
- Покровский, С. А. 1947. *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России*. Международная книга, М.
- Поляков, Ю. А. 1986. *Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население*. Наука, М.
- Прокопьева, Л. С. 1967. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в. С. 99-110 в Р. Е. Носов, ред. *Крестьянство и классовая борьба в феодальной России*. Наука, Л.
- Пушкарева, И. М. 1975. *Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях*. Наука, М.
- Прокопович, С. Н. 1907. *Аграрный вопрос в цифрах*. Общественная польза, СПб, 1907.
- Рабочий, 1981. *Рабочий класс в первой российской революции 1905-1907 гг.* Наука, М., 1981.
- Рахматуллин, М. А. 1990. *Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826-1857 гг.* Наука, М.
- Рашин, А. Г. 1956. *Население России за 100 лет*. Госстатиздат, М.
- Ростунов, И. И. 1976. *Русский фронт первой мировой войны*. Наука, М.
- Рубинштейн, Н. Л. 1957. *Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века*. Госполитиздат, М.
- Сидоров, А. Л. 1960. *Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917)*. Изд. АН СССР, М.
- Скрынников, Р. Г. 1975. *Россия после опричнины*. Изд. ЛГУ, Л.
- Скрынников, Р. Г. 1988. *Россия в начале XVII века. Смута*. Мысль, М.
- Скрынников, Р. Г. 1996. *Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I-II*. Русич, Смоленск.
- Сладкевич, Г. Н. 1962. Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации. С. 70-88 в М. В. Нечкина. *Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.* Изд. АН СССР, М.
- Смахтина, М. В. 2003. Система ценностей великорусского и малороссийского помещичьего дворянства в первой половине XIX в. (до 1861г.). С. 55-72 в *Конференции, дискуссии, материалы. 2002*. Изд. РУДН, М., 2003.

- Соловьев, Ю. Б. 1979. *Самодержавие и дворянство в конце XIX века*. Наука, Л.
- Соловьев С. М. 1989. *Сочинения*. Т. I-XV. Мысль, М.
- Старцев, В. И. 1984. *27 февраля 1917 года*. Молодая гвардия, М.
- Тихонов, Ю. А. 1966. Россия в первой половине XVII века. С. 297-321 в Б. Н. Пономарев, ред. *История СССР. Т. II*. Наука, М.
- Тихонов, Ю. А. 1974. *Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в.* Наука, М..
- Троицкий С. М. 1968. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в.(по архиву князя А. Д. Меншикова). С. 116-126 в *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г.* Наука, Л.
- Уткин, А. И. 2000. *Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне*. Русич, Смоленск.
- Уткин, А. И. 1987. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905-1907 гг. С. 8-26 в А. Р. Корелин, ред. *Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ*. Институт истории СССР, М.
- Ушеревич, С. 1933. *Смертные казни в царской России: К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год*. Общество политкаторжан, Харьков.
- Фаизова, И. В. 1999. *«Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии*. Наука, М.
- Федоров, В. А. 1990. *Крестьянское движение в Центральной России*. Изд. МГУ, М.
- Христофоров, И. А. 2002. *«Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг.* Рууское слово, М., 2002.
- Черепнин, Л. В. 1960. *Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках*. Соцгиз, М.
- Чернов, А. В. 1954. *Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв.* Воениздат, М.
- Чечулин, Н. Д. 1906. *Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II*. Изд. Сената. СПб.
- Штаден, Г. 1925. *О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника*. Изд. Сабашникова, М., 1925.
- Шаховский, Д. И. 2001. «Союз освобождения». С. 526-602 в Д. В. Павлов, ред. *Либеральное движение в России. 1902-1905 гг.* РОССПЭН, М.
- Шапиро, А. Л. 1965. Об исторической роли крестьянских войн XVII-XVIII вв. в России. *История СССР* 5:61-80.
- Шапиро, А. Л. 1987. *Русское крестьянство перед закрепощением: XIV-XVI вв.* Изд. ЛГУ, Л.
- Шацилло, К. Ф. 1976. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901-1904 гг.) *Исторические записки* 97: 70-98.
- Шацило, К. Ф. 1982. Из истории освободительного движения в России в начале XX века (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре – октябре 1904 года). *История СССР* 4: 55-57.
- Шватченко, О. А. 1990. *Светская феодальная вотчина России в первой трети XVII века*. Изд. АН СССР, М.
- Шепукова, Н. М. 1959. Изменение удельного веса частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России (XVIII - первая половина XIX в.). *Вопросы истории* 12: 123-136.

